

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

А. Строев

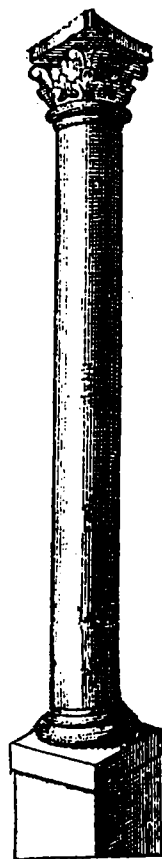

АВАНТЮРИСТЫ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

«ТЕ, КТО ПОПРАВЛЯЕТ ФОРТУНУ»

Памяти папы

«Глазами разума прозревается сердце»

Pernetti J. Lettres philosophiques sur les physionomies. La Haie, 1746

Александр Строев

«Т Е ,
КТО ПОПРАВЛЯЕТ
ФОРТУНУ»

Авантюристы Просвещения

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
Научное приложение. Вып. XIV

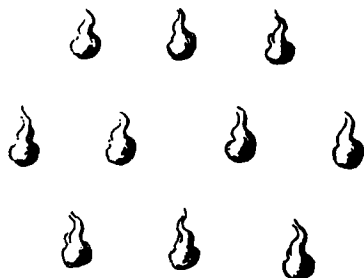
*Утверждено к печати Институтом мировой литературы
им. А. М. Горького РАН*

Строев А.
«ТЕ, КТО ПОПРАВЛЯЕТ ФОРТУНУ».
Авантюристы Просвещения. —

М.: Новое литературное обозрение, 1998. — 400 с.

Книга, подготовленная в Отделе классических литератур Запады и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН, посвящена знаменитым авантюристам и литераторам, побывавшим в XVIII в. в России: Казанове, Калиостро, д'Эону, Бернардену де Сен-Пьеру, Чуди, Фужере де Монброну, братьям Занновичам и др. Поскольку искатели приключений сознательно превращают свою жизнь в произведение искусства, их биографии рассматриваются как единый текст и сопоставляются с повествовательными моделями эпохи (роман, комедия, литературный миф, алхимия, игра). Путешествуя в социальном, литературном и географическом пространстве, авантюрист соблазняет общество и преобразует мир, предлагая планы утопических государств.

ВВЕДЕНИЕ

«Если хотите проведать обо всех авантюристах на свете, наших современниках, обращайтесь ко мне, ибо я знал всех их *funditus et in cute*¹», — писал Джакомо Казанова в конце жизни своему другу графу Ламбергу². В мемуарах он поминает до полусотни искателей приключений: итальянцев, французов, далматинцев и даже одного русского, некоего Карла Иванова, сына часовщика из Нарвы, выдававшего себя за принца Карла Курляндского. Их было много больше в этом столетии.

Век Просвещения намеревался открыть человечеству дорогу к лучшему будущему, построить разумное общество на основах добра и справедливости. Но чем логичней стремились быть писатели и философы, тем иррациональней становились жизнь, творчество, теории. Великая утопия породила великий террор, вершиной романа воспитания стали творения маркиза де Сада, поиск высшего знания привел к расцвету мистических учений. Энциклопедисты проиграли тем, кто вслед за Руссо обращался не к разуму, а к чувствам людей.

XVIII век пытался цивилизовать на французский манер весь крещеный мир, превратить его во «Французскую Европу», где от Атлантики до Урала читали бы одни и те же книги, одинаково говорили, думали и одевались³. И на протяжении всего столетия жгучий интерес вызывали не правила, а исключения. В первую очередь — дикари и чужеземцы, начиная от «Диалогов барона де Ла Онтана и американского дикаря» (1704) и «Персидских писем» Монтескье (1721)

¹ С лица и с изнанки (*лат.*).

² Прага, 28 июля 1787 г. — *Casanova G. Patrizi e avventurieri, dame e ballerine. In cento lettere inedite.* Milano, 1930. P. 295.

³ См.: *Carraccioli L.-A. L'Europe française.* Turin; Paris, Vme Duchesne, 1776.

до «Микромегаса» и «Простодушного» Вольтера. Мир Востока заполняет французскую прозу, там происходит действие едва ли не каждого пятого произведения⁴. Важно мнение постороннего — чужака и чудака, вроде «Племянника Рамо» Дидро; безумец превращается в носителя иной правды, иной логики, если не в пророка⁵.

Чтобы понять саму себя, классическая культура определяет свои границы, описывает то, чем она не является, и постепенно проникается правотой своих антиподов, если не превращается в них. Именно в эпоху Просвещения перерастает в уверенность подозрение, что женщины, дети, простой народ⁶ — отнюдь не недоразвитые мужчины-аристократы, а самостоятельные личности. Возникает идея исторического развития, представление о самоценности и принципиальном различии эпох.

Потому столь важно для понимания Просвещения анализировать маргинальные фигуры и явления, рассматривать правила через исключения. Авантюристы XVIII столетия — зеркало, в котором отражаются тайные желания и надежды, страхи и фантазмы общества. Каковы герои, шарлатаны и обманщики, таковы и исторические источники. Занимаясь ими, исследовать приходится не столько общественное сознание, сколько подсознание культуры, анализировать ненаписанные тексты и произошедшие события. Место исторических фактов и литературных произведений занимают легенды, домыслы, слухи.

В последнее время французские ученые все чаще обращаются именно к этой сфере культурного менталитета Просвещения: сошлемся на работы Арлет Фарж, Шанталь Тома, Антуана де Бека, Жан-Жака Татена. Мы вполне сознательно вторгаемся в область социальной психологии с литературоведческим инструментарием: то, что во Франции считалось достоянием историков (школа «Анналов») или философов, в России относилось по ведомству филологии. От книги Бахтина-Волошинова «Марксизм и философия языка» (1929) идет традиция рассматривать поступки как высказывания, описывать жанры речевого и бытового поведения. Соответственно, мы можем определить жанр поведения, свойственный авантюристам XVIII в., и его основные подтипы: чудотворец, целитель, алхимик, самозванец, прожектор и т. д. Этот жанр поведения входит в общую систему ролевых стереотипов эпохи, где ему противостоят амплуа шеголя, философа или игрока.

⁴ *Dufrenoy M. L. L'Orient romanesque en France, 1704—1789. Montréal: Beauchemin, 1946—1947. 2 t.*

⁵ *Foucault M. Folie et déraison, histoire de la folie à l'âge classique. Paris: Plon, 1961.*

⁶ См. сб.: *L'Homme des Lumières de Paris à Pétersbourg. Napoli: Vivarium, 1995* и особо статью Жака Ревели: *Revel J. L'envers des Lumières: les intellectuels et la culture populaire en France (1650—1800). P. 237—259.*

С 1970-х годов русская семиотическая школа рассматривает бытовое поведение эпохи как знаковую систему. Б. А. Успенский сформулировал этот принцип как «история *sub specie semioticae*». В рамках исследований по семиотике устной речи Б. М. Гаспаров и его последователи проводили нарративный анализ отдельных судеб.

Итак, исторические события изучаются в качестве художественных текстов: выделяются повторяющиеся мотивы в биографии реальных людей и литературных персонажей, прослеживается единая логика событий, выстраивается система действующих лиц. Одновременно предлагается спектр возможностей и создается инвариант судьбы авантюриста.

Работа ведется одновременно на трех уровнях: жизнь, легенда, литература. Культурная среда XVIII в. исследуется через сопоставительный анализ топосов, повествовательных моделей, созданных в европейской прозе и драматургии (в первую очередь французской, но также русской и итальянской), в мемуарных, эпистолярных, юридических и дипломатических жанрах, в памфлетах, следственных делах и донесениях. Материалом служат как великие творения, так и полузабытые книги, неопубликованные тексты и архивные документы.

Психологический тип авантюриста рассматривается в его преломлении в трех различных сферах: социальной, художественной и географической. Его жизнь предстает как три последовательных путешествия: в обществе, в культуре и мире, как путь на окраину цивилизации — в Россию. Социальное путешествие помогает понять роль искателя приключений в информационной системе Просвещения, его влияние на новую силу — общественное мнение, его взаимоотношения с эмблематическими фигурами эпохи: щеголем, монархом, купцом, философом. Страстные, ревнивые и восторженные чувства у рыцаря удачи вызывают два великих философа: Вольтер и Руссо. Литературное путешествие показывает авантюриста в романе и на сцене, сопоставляет его жизнь с повествовательными моделями эпохи, с мифами и бродячими сюжетами (Дон Жуан, Фауст, метаморфоза, травестия). Третья часть книги посвящена судьбам и утопическим проектам тех, кто пытался преуспеть в Российской империи.

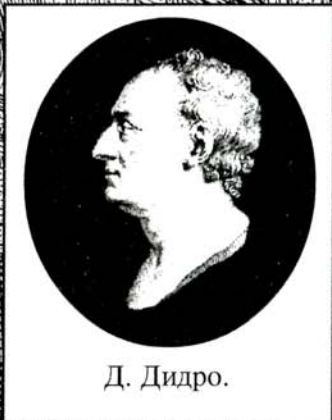
В соответствии с тремя сферами мы выделяем три критерия, которые ограничивают понятие «авантюрист», «рыцарь удачи». Во-первых, он выходец из третьего сословия или, реже, бедный дворянин; он поддельный граф или принц, ему не суждено стать всемогущим фаворитом. Во-вторых, он не заурядный плут, а человек пишущий, литератор. В-третьих, среди многочисленных искателей приключений нас интересуют в первую очередь те, кто связан с Россией.

Путешествие на Север (Восток в культурной мифологии эпохи отдан Турции и Египту) — почти необходимая глава из жизни рыцарей удачи. Без него не могут обойтись неутомимые странники, обезжающие весь свет в поисках счастья, подобно герою басни Ла-

фонтена, который после долгих скитаний нашел свою долю на пороге отчего дома. Даже те, кому не довелось добраться до России, как, например, Анж Гудар, посвящали ей романы и трактаты, переписывались с русскими вельможами, обращались к императрице. Интересные параллели дают приключения в Европе российских искателей удачи, сопоставления социальных типов западного авантюриста и русского самозванца. Тем самым исследование романов и судеб позволяет уточнить и дополнить картину культурных связей между Россией и Францией. Хронологические рамки работы — вторая половина XVIII столетия, «золотой век» самозванцев и авантюристов, время царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II.

Строго говоря, под наше определение авантюриста подходит не так уж много людей. Французы: Луи Шарль Фужере де Монброн (1706—1760), Анж Гудар (1708 — ок. 1791), барон Теодор Анри де Чуди (1724—1769), шевалье Шарль д'Эон де Бомон (1728—1810), барон Шарль Леопольд Андреу де Билиштейн (1724 — ок. 1777), Жак Анри Бернарден де Сен-Пьер (1737—1814), Тимолеон Альфонс Галлен де Сальморанк (ок. 1740 — после 1785). Итальянцы: Джованни Микеле Одар (ок. 1719 — ок. 1773), Джакомо Казанова (1725—1798), Джузеппе Балзамо, он же граф Алессандро Калиостро (1743—1795). Швейцарец Франсуа Пьер Пикте (1728—1798). Украинец Иван Тревогин или Тревога, он же принц Голкондский (1761—1790). Далматинцы братья Занновичи: Премислав Марко (ок. 1747 — после 1790), Степан, он же принц Кастриотто Албанский (1751—1786), и Ганнибал (ум. после 1788). Венгры: барон Франсуа Тотт (1733—1793) и его брат граф Андре Тотт (1730 — после 1802). Люди без родины: граф Сен-Жермен (ок. 1696—1784), княжна Елизавета Владимирская, она же княжна Тараканова (ум. 1775).

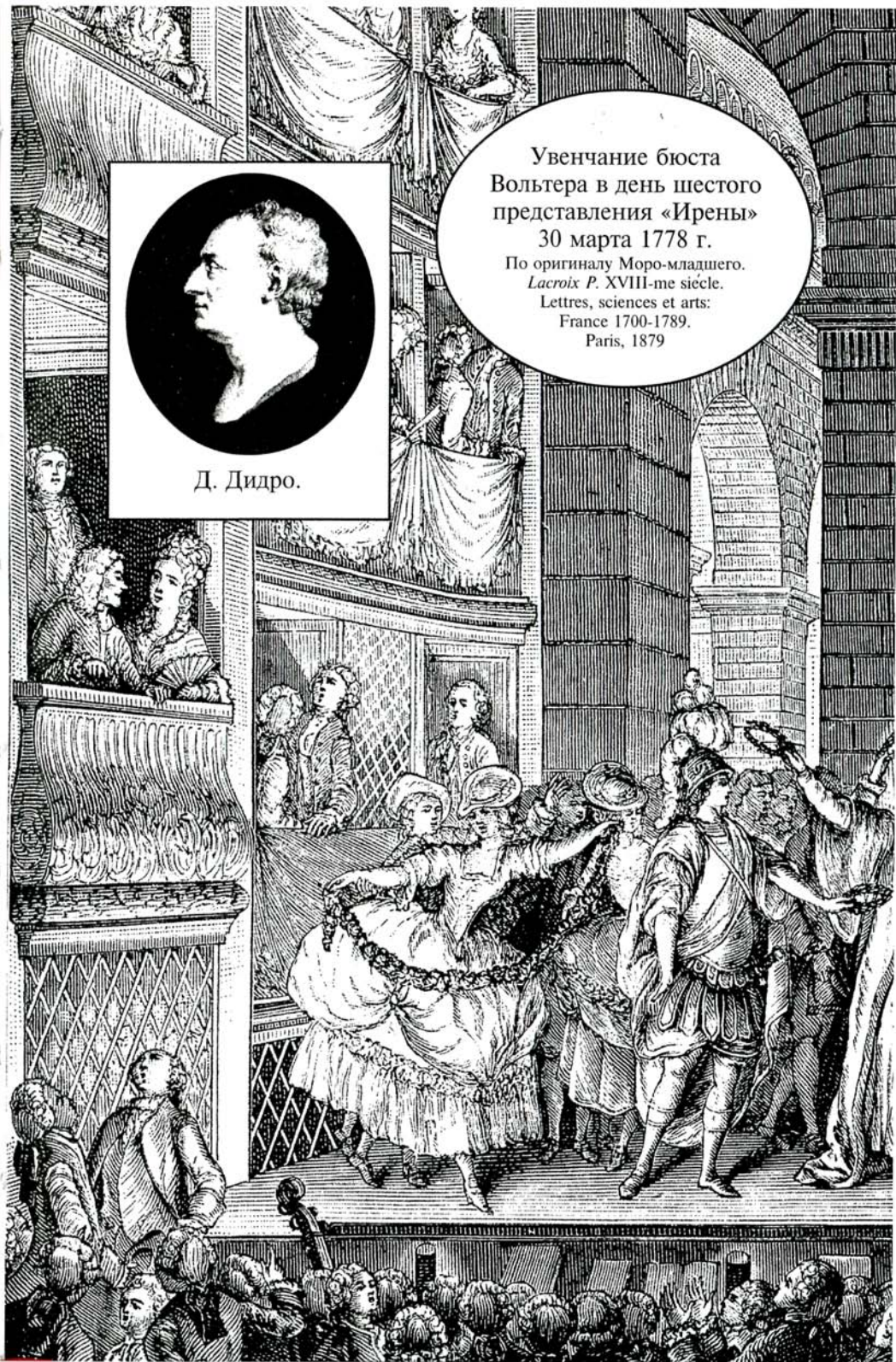
Разумеется, остается огромное число искателей приключений, лишь частично удовлетворяющих предложенному определению. Это, во-первых, те, кто не имеет прямого отношения к Республике Словесности: комедианты, танцовщики, музыканты (Кампиони, Джузеппе Даль Ольо), учитель фехтования (Даррагон), ювелир (Бернарди), врач (Лесток), офицеры и военачальники (принц Карл Генрих Нассау-Зиген, Семен Зорич, Иосиф де Рибас, Георг Магнус Спрентгпортен), самозванцы (правитель Черногории Степан Малый, принц Курляндский Карл Иванов, принц Турецкий Изан-бей, принц Палестинский Иосиф Абаиси, князь Польский Лицын, принцесса Брауншвейгская и др.), мистики (польский граф Фаддей Грабянко), картежники, фальшивомонетчики и т. д. Во-вторых, литераторы и дипломаты, которых лишь отчасти можно считать авантюристами: Фридрих Мельхиор Гримм, Герман Лафермьер, библиотечкарь великого князя Павла Петровича, граф де Сегюр, Виван Денон. И наконец, те писатели, которые мало или почти никак не связаны с Россией, но складом характера, манерой поведения, непредсказуе-

Д. Дидро.

Увенчание бюста
Вольтера в день шестого
представления «Ирены»
30 марта 1778 г.

По оригиналу Моро-младшего.
Lacroix P. XVIII-me siècle.
Lettres, sciences et arts:
France 1700-1789.
Paris, 1879

Ж. Д'Аламбер

мыми поступками и неладом с властями весьма напоминают искаателей приключений: шевалье Шарль де Фье де Муи, Жан-Батист де Буае маркиз д'Аржанс, Франсуа Антуан Шеврие, Мобер де Гуве, аббат Анри Жозеф Дюлоран, Пьер Огюстен Карон де Бомарше, Карло Гольдони, Лоренцо да Понте. Да и великим философам, в первую очередь Вольтеру, любовь к Просвещению отнюдь не мешала ухаживать за переменчивой Фортуной. Не вписываются в указанные хронологические рамки знаменитый травести XVII в. аббат де Шуази и его современник, авантюрист Бризасье. Но, разумеется, мы будем обращаться к их творениям и судьбам для сравнений, для восстановления культурного и социального контекста.

Нельзя сказать, что авантюристы Просвещения вовсе не привлекали внимания исследователей. Существует капитальная диссертация Сюзанны Рот «Приключение и авантюристы XVIII века. Опыт литературной социологии» (1980)⁷, где пожалуй, впервые дан социальный и психологический анализ этого феномена, собран большой фактический материал. Весьма интересны по идеям и по материалу эссе Стефана Цвейга о Казанове, вошедшее в книгу «Три поэта своей жизни» (1928), монографии Франца Функ-Брентано⁸ и, разумеется, Роберта Дарнтон⁹. Существует огромное число работ, посвященных знаменитым авантюристам, в первую очередь Калиостро, д'Эону, Казанове. Но очень многие из них грешат неточностями, идущими от неразличения правды и вымысла, персонаж подгоняется под легенду. Так, в XX в. кавалерша д'Эон превратилась в предвестника и глашатай идеи феминизма. Подлинный текст мемуаров Казановы, хранимый издательством Брокгауз, стал доступен читателям только в 1962 г.; история рукописи и ее переделок напоминает авантюрный роман¹⁰. До этого исследователям приходилось довольствоваться обработкой Лафорга, который переписал эротические эпизоды, выбросив все гомосексуальные приключения, изменил стиль и взгляды Казановы, сделал из католика и противника Революции чуть ли не атеиста и демократа. Разумеется, биография славного венецианца изучена очень неплохо благодаря трудам Шарля Самарана и Джона Райвеса Чайлдса, а также специализированным «казановедческим» журналам (*Pages casanoviennes*, *Casanova Gleanings*, *Intermédiaire des casanovistes*). Многие неизвестные тексты были опубликованы в 1993 г. как приложение к последнему и лучшему парижскому изданию «Истории моей жизни» (издательство Лаффон). Но все же пока отсутству-

⁷ Roth S. *Aventure et aventuriers au XVIIIe siècle. Essai de sociologie littéraire*. Thèse, Lille, 1980. Т. 1—2.

⁸ *Funck-Brentano F. Figaro et ses devaniciens*. Paris: Hachette, 1909.

⁹ Мы пользовались французскими переводами: *Darnton R. Bohème littéraire et Révolution*. Paris: Gallimard, Seuil, 1983; *La fin des Lumières*, Paris: Perrin, 1984, и др.

¹⁰ *Watzlawik H. Biographie d'un manuscrit // H.M.V. Т. 1. P. XV—XXVIII.*

LE COMTE DE ST GERMAIN
CÉLÈBRE ALCHIMISTE:

*Qu'on que l'Alchimie? à l'œuvre de son | La se l'œuvre à se voir de et se voir
L'œuvre de l'œuvre, et pas que son œuvre, | Et se l'œuvre de son œuvre et de son œuvre l'œuvre*

Граф де Сен-Жермен

ет полное издание переписки Казановы и посвященного ему словаря, работа над которыми ведется.

Для раскрытия понятия приключения, взаимоотношений авантюристов и общества для нас были принципиально важны книги и статьи философов, социологов и психологов: Гюстава Лебона, Жана Габриеля де Тарда, Зигмунда Фрейда, Георга Зиммеля, Карла Абрахама, Норберта Элиаса, Эриха Фромма, Владимира Янкелевича и др.

При изучении российских приключений рыцарей удачи мы опирались в первую очередь на работы историков Е. П. Карновича¹¹, Д. Ф. Кобеко, В. В. Бильбасова, А. Барсукова, а также на статьи М. П. Алексеева, М. Н. Поповой, П. Н. Беркова. Отметим, что тема самозванчества достаточно подробно разработана современными исследователями: сошлемся на труды К. В. Чистова, Б. А. Успенского, А. С. Мыльникова, Л. В. Светлова, М. Д. Курмачевой, А. Л. Топоркова, К. С. Ингерфлома и др. Но все же нам удалось найти ряд новых материалов об авантюристах в русских и зарубежных архивах.

*
* *
*

Я выражаю искреннюю признательность за ценные замечания и помощь в работе сотрудникам Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН, где была написана эта книга, а также коллегам из Центра по изучению XVIII века (Монпелье), администрации Дома наук о человеке и ее руководителю Морису Эмару, Британской Академии и Фонду Вольтера (Оксфорд), Институту философии (Неаполь), благодаря которым я получил возможность работать в европейских библиотеках и архивах.

Данная книга представляет собой расширенный и переработанный вариант французского издания (*Les Aventuriers des Lumières*. Paris, Presses Universitaires de France, 1997). Основные ее положения были представлены в виде докладов на международных конгрессах и конференциях, первоначальные варианты некоторых глав были опубликованы как статьи. Они легли в основу курсов лекций, прочитанных в 1995—1997 гг. в Университете Поля Валери (Монпелье) и Высшей Нормальной школе (Париж).

¹¹ *Карнович Е. П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий.* СПб.: Суворин, 1884.

Глава 1

СОЦИАЛЬНОЕ
ПРОСТРАНСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Encyclopédie ou Dictionnaire raisonne des sciences,
des arts et des métiers.

Recueil de planches, sur les sciences,
les arts libéraux, et les arts mécaniques.

Paris, 1762-1771

I L
CAGLIOSTRO

C O M M E D I A

DI CINQUE ATTI IN PROSA

*Quem nostrum jactat sæculum describere fas sit ad
normam veri.*

M D C C X C I

ЛИКИ АВАНТЮРИСТА

В каждую эпоху создаются свои правила поведения, которым следуют как литературные персонажи, так и реальные люди. Набор возможностей ограничен, и, более того, выбор их заранее обусловлен социальным положением, состоянием, полом, возрастом, национальностью человека. Если в нынешних семьях первенец не имеет преимуществ перед другими детьми, то в прежнее время очередность рождения предопределяла судьбу. Так, во Франции XVII—XVIII вв. старший сын аристократа, наследник титула, шел служить в армию; второй сын избирал духовную карьеру, третий становился мальтийским рыцарем и, так же как второй, давал обет безбрачия. Это позволяло не делить титул, поместья и должности, которые закреплялись за семьей, передавались по наследству, покупались и продавались. Юный Поль де Гонди, будущий кардинал де Рец, герой Фронды, после смерти одного из братьев стал вторым по старшинству и был вынужден принять сан. Чего только он ни вытворял, дабы обмануть судьбу: грешил, дрался на дуэлях, соблазнял женщин, устраивал заговоры, снаряжал полки, и все напрасно — он оставался прелатом. Ему на роду было написано сделаться коадьютором, архиепископом Парижским, кардиналом.

Младшим детям нет места в семьях, тем более небогатых. Подобно сказочным «третьим сыновьям», они вынуждены пробиваться в жизни и поступать иначе, чем старшие. Потому в XVII—XVIII вв. южане заполоняют Париж, пытаются всеми правдами и неправдами сделать карьеру. Эдмон Ростан в «Сирано де Бержераке» воспекает младших

сыновей Гаскони¹, но в романах и комедиях Просвещения они предстают не столько как смелые воины («Мемуары господина д'Артаньяна» (1700) Куртиля де Сандра), сколько как бахвалы и пройдохи. Тех дворянских дочерей, которым можно было выделить приданое, выдавали замуж, остальных нередко насильно отправляли в монастырь (классический пример — «Монахиня» Дидро).

Соответственно, для каждого типа карьеры: дипломатической, военной, судейской (парламентской), духовной — существовали свои предписания и нормы. Но есть определенный тип людей, которым социальные рамки, напротив, помогают переходить из одной категории в другую, использовать все возможности. Это авантюристы. С точки зрения традиционного общества социальная мобильность — недостаток, если не угроза. Понятие «авантюрист» в XVII—XVIII вв. носит уничижительный характер. Согласно «Словарю Французской Академии» (1694), слово это первоначально обозначало волонтера, который жалованья не получает, но от нарядов и других армейских тягот избавлен. Затем по аналогии оно стало применяться к тем, кто, не влюбляясь ни в одну женщину, добивается расположения всех, к тем, кто похождениями пытается составить состояние. Через полвека «Универсальный торговый словарь» добавит, что авантюрист — темная личность, человек, у коего нет ни кола, ни двора, но который нагло лезет во все дела; всякому негоцианту следует их опасаться². По сути, словари точно определяют судьбу искателя приключений: ничего не иметь, ни к чему не привязываться, избегать работы и семьи и все считать своей вотчиной.

Робер Мартен Лезюир, автор романа «Французский авантюрист» (1782), сразу же уточняет в предисловии, что его герой «не интриган и не мошенник, как можно вообразить, судя по имени его: мы окрестили его *Авантюристом*, ибо с ним всяческие авантюры приключаются»³. В реальной жизни подобный человек не столько переносит удары судьбы, сколько притягивает, ищет их. Для него приключения — вернейший путь к преуспеянию. Всегда и везде он посторонний, он «всеми принят, изгнан отовсюду». Рыцарь удачи не может и не хочет делать карьеру проторенными путями, как то положено дипломату, финансисту, военному или судейскому чиновнику. Он как бы аккумулирует энергию, которая не находит применения в ста-

¹ «Дорогу гвардейцам гасконским!

Мы дети одной стороны,

И нашим коронам баронским

И нашим мечам мы верны» (IV, 10). Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

² Dictionnaire de l'Académie (1694), Dictionnaire universel de commerce (1750) — Roth S. Op. cit. P. IX—XI.

³ Lesuire R. M. L'Aventurier français. Londres; Paris: Quillau l'aîné et la veuve Duchesne, [1782]. T. 1. P. I.

бильном, неменяющемся обществе. Он — паразит, необходимый для хорошего функционирования социального механизма, он — смазка, помогающая вертеться колесам государственной машины. Авантюрист служит посредником между странами, культурами и социальными слоями, между жизнью и смертью, между нашим и потусторонним, подземным миром, между мужским и женским началом, между искусством и реальностью.

Авантюрист — всегда мессия, пророк, он тот, кто нравится и вводит в соблазн, кого подсознательно ждут с нетерпением. Он равно притягивает мужчин и женщин. Потому внешность его не может быть ординарной: он поражает, притягивает взоры, он не остается незамеченным в обществе. Он огромного роста (Казанова, Даррагон, Пикте Великан) или, напротив, коренастый, мощный, широкоплечий (Сен-Жермен, граф Грабянко), он смуглолиц (Казанова, Калиостро), у него горящий магнетический взгляд «почти сверхчеловеческой глубины», прекрасный лик вдохновенного поэта (Калиостро)⁴. Он производит впечатление всеведущего, он знает арабский, иврит, латынь, большинство европейских языков, как Сен-Жермен; даже если он человек малограмотный и неважно говорит по-французски, как Калиостро, репутации полиглота это не помеха.

Авантюрист любит хорошо одеваться, подчеркивать свое богатство, демонстрируя или даря перстни с бриллиантами, золотые цепочки и медальоны, табакерки и часы, усыпанные алмазами, меха (Сен-Жермен, Казанова, Калиостро, Степан Заннович); у него великолепные драгоценности, которые, правда, иногда оказываются поддельными. По свидетельствам современников (дипломата барона Глейхена или г-жи дю Оссе, камеристки маркизы де Помпадур), Сен-Жермен одевался с «великолепной изысканной простотой», «скромно, но со вкусом»⁵. Калиостро, напротив, предпочитал пышные восточные наряды, почти театральные костюмы арабского мудреца. Всякий искатель приключений испытывает слабость к орденам и вымышленным титулам. Но есть и другая его ипостась, отчасти восходящая к алхимической традиции, отчасти к библейскому образу мессии: всевластие скрывается и подчеркивается внешней слабостью, богатство — лохмотьями, всеведение — бездумным прожиганием жизни. Так, по легенде, истинный обладатель философского камня и универсальной панацеи должен выдавать себя за шарлатана, дабы

⁴ *Mémoires de la baronne Oberkirch*, éd. S. Burkard. Paris: Mercure de France, 1989. P. 116; *Souvenirs de Charles-Henri baron de Gleichen*, éd. P. Grimblot. Paris: L. Techener fils, 1868. P. 132.

⁵ *Souvenirs de Charles-Henri baron de Gleichen*. P. 124; *Mémoires de Madame du Hausset sur Louis XV et Madame de Pompadour*, éd. J. P. Guicciardi. Paris: Mercure de France, 1985. P. 109 et ss.

обмануть алчность властей, казаться бедным и больным⁶. Рыцарь удачи таит от посторонних лицо, имя, знания, судьбу, он — «неведомый философ» (Чуди, С. Заннович)⁷.

С этим связана еще одна характерная черта авантюриста — неопределенность и непредсказуемость. Иногда свидетельские показания полярным образом расходятся, как, например, в рассказах о черногорце Степане Малом, выдававшем себя за Петра III. Тогда он именуется комедиантом, говорится о женских чертах в его облике⁸. Искатели приключений, будь то Степан Малый или Сен-Жермен, предпочитают ничего не утверждать напрямую, а намекать, проговариваться; они подогревают фантазию слушателей, которые сами должны угадать тайну. Авантюрист всегда находится в переходном состоянии, и потому шевалье д'Эон преподносит себя либо как офицера-драгуна в женском платье, заточенного в монастырь и принужденного заниматься вышиванием, либо как амазонку, деву-воительницу.

Искатель приключений, «обезьяна Бога» (как называли себя алхимики) хочет быть всем, жить тысячью жизней. Новоявленный Протей, он, как в сказке, в мгновение ока меняет свое обличье. Королю-чудотворцу достаточно произнести лишь слово, чтобы рыцарь Фортуны обернулся инженером-гидравликом, военным или финансистом, сочинил на ходу теорию налогов, как то продельывает Джакомо Казанова за время недолгой беседы с Фридрихом Великим. Барон де Чуди издавал в Петербурге по-французски журнал с характерным названием — «Литературный хамелеон» (*Caméléon littéraire*), уподобляя словесность «царскому искусству» преображения металлов.

Переменчивость, дар импровизации — доминанта характера авантюриста. Он действует под влиянием момента, но, как подчеркивает Казанова в литературном диалоге с российским генералом, шведом Георгом Магнусом Спренгтпортемом, он не зол и не злопыхатен⁹. Он эгоист и гедонист, любитель наслаждений, женщин, хорошей кухни. Описаниям обедов и застольных бесед уделено изрядное место в «Истории моей жизни», где, согласно французской традиции, еда — такая же форма социальных контактов, как любовь или литературная деятельность.

⁶ *Le Cosmopolite. Nouvelle lumière chimique pour servir d'éclaircissement aux trois principes de la nature* (1691), éd. B. Roger. Paris: Retz, 1976. P. 19.

⁷ Сам термин встречается еще в сочинениях XVII в. («Приключения неведомого философа при поисках и открытии философского камня», 1646). В масонском трактате «Пламенеющая звезда» (1766) Чуди представляется как член подобного братства; позднее «неведомым философом» именовал себя знаменитый мистик Луи Клод де Сен-Мартен.

⁸ *Соловьев С. М. История России*. М.: Мысль, 1994. Т. 28. Кн. 14. С. 295—298.

⁹ *Dialogue du philosophe S. avec le philosophe K., 1797 — Leeflang M., Stroev A., Watzlawick H. La Correspondance de Giacomo Casanova avec le général Sprengtporten // L'Intermédiaire des casanovistes*, 1993. P. 1—19.

Профессиональный игрок, искатель приключений суеверен. Он надеется на свою звезду и не забывает поправлять фортуна за карточным столом. Его жизнь не только азартная, но и актерская игра; он комедиант и зритель в одном лице, во всех перипетиях он смотрит на себя со стороны и восхищается собой. Так же поступает и мемуарист, с грустной улыбкой вспоминающий юношеские похождения. «Тогда завершился первый акт моей жизни, — пишет Казанова после лондонской истории с девочкой Шарпийон (1763). — Второй — после отъезда моего из Венеции в год 1783. Третий, видать, — здесь, где я забавляюсь сочинением мемуаров. Тут комедия окончится, и будет в ней три акта. Коль ее освищут, надеюсь, ни от кого о том не услышу» (НМВ, III, 247—248).

Вне общества авантюрист не существует, он всегда должен быть на людях. Он без устали ищет одобрения либо провоцирует окружающих на скандал. Впечатляющий пример подобного театрального поведения дают «Мемуары аббата Шуази, переодетого женщиной» (опубл. 1735): «Пять месяцев кряду я ломал комедию на театре большого города, представляясь девицей...»¹⁰ Аббат Франсуа Тимолон де Шуази (1644—1724) снимает уединенный домик в парижском пригороде, чтобы предаться своей страсти к травестии, но при этом сознательно подвергает себя опасности разоблачения: ездит в женском платье в церковь и к духовным лицам, вплоть до кардинала, соблазняет дам и девиц, предвосхищая знаменитые эпизоды из «Фобласа» Луве де Кувре. Он устраивает шутовской брак с девушкой, переодетой юношей. Он отнюдь не скрывается, напротив — о нем пишут в газете. Аббат наслаждается, обманывая и богохульствуя, занимаясь любовью на глазах у кюре; присутствие публики или подсматривающих доставляет ему особое удовольствие. «Я — отменная комедиантка, — уверяет он, — это мое истинное призвание»¹¹. Он с воодушевлением, гораздо подробнее, чем в романах того времени, описывает свои наряды, драгоценности, мушки, мебель — костюмы и декорации. Показательно, что только страсть к другой игре, азартной, на время излечивает Шуази от тяги к переодеваниям, но едва он проигрывается дотла, как вновь превращается в графиню де Бар или г-жу де Санси.

Очень характерен для авантюриста выбор пространства: уединенный домик, загородная вилла (*petite maison*) находится на рубеже между столичной и сельской жизнью. Это место интимных свиданий для городской компании, для аристократов, переносящихся в пространство третьего сословия, для тех, кто хочет на время отбросить условности светской жизни, разыграть любовную «пастушескую идиллию» в духе галантных гравюр эпохи. Место приватное и одно-

¹⁰ *Choisy F. T. Mémoires pour servir à l'histoire de Louis XIV. Mémoires de l'abbé de Choisy habillé en femme*, éd. G. Mongredien. Paris: Mercure de France, 1979. P. 290.

¹¹ *Ibid.* P. 339.

временно публичное, ибо тайное пространство привлекает все новых adeptов. Разумеется, уединенный домик — изобретение шеголей, а не авантюристов, но и они испытывают к нему слабость. Когда Казанова жил в Венеции, он пользовался домиком («casino») на острове Мурано; перебравшись в Париж, он завел виллу «Малая Польша». Да и жить за городом было дешевле, как отмечал тот же Казанова: все товары и продукты покупались без столичной пошлины.

Искатель приключений любит риск, он вечно ставит на кон жизнь и состояние. Он носит маску победителя, но в глубине души хочет быть побежденным. По характеру своему он обязан упускать или отвергать многочисленные возможности обеспечить положение и устроить судьбу, будь то доходное место или богатая невеста. Если он добьется успеха, остановится, то перестанет быть авантюристом. Вот почему Казанова превращает свою шелковую фабрику в разорительный гарем, взяв на содержание всех своих работниц, снабдив каждую домом, прислугой, драгоценностями. Законный брак он почитает могилой, тюрьмой.

Напротив, настоящая, а не метафорическая тюрьма становится для братьев Премислава и Ганнибала Занновичей, для Ивана Тревогина местом вдохновения и прилежной работы: они создают фортификационные планы, пишут литературные сочинения и истории своей жизни. Да и для Казановы побег из венецианской тюрьмы Пьемби, когда он, подобно Богу, сотворил из ничего инструменты и сообщника, был одним из самых ярких событий в его судьбе. Всякое приключение кончается угрозой смерти, изгнанием: Казанову высылали более десяти раз из большинства европейских столиц. Авантюрист может сам напечатать в газетах известие о своей смерти, чтобы сменить обличье, сбить с толку врагов и кредиторов, как то дважды проделал Степан Заннович. И всякий раз он начинает жизнь сначала. Эта логика судьбы как бесконечного цикла взлетов и падений, временных смертей и все новых возрождений действует в плутовском и в приключенческом романе и в реальной жизни.

Новоявленный Вечный жид, искатель приключений всегда в пути, он пересекает цивилизованный мир с запада на восток и с юга на север. Центр его вселенной — Париж, туда он беспрестанно возвращается, побывав, практически обязательно, в Италии, Испании, Голландии, Швейцарии, Англии, Германии, России и Польше. Как для Вольтера, каким он предстает в своих мемуарах, для авантюриста дорога служит универсальным средством от бед, болезней и скуки. Многочисленные рыцари удачи почти всегда следуют по одному и тому же маршруту, останавливаются в тех же трактирах с масонскими вывесками «Звезда Востока» (Амстердам), «У Святого Иоанна», «У Святого Духа». Они посещают одних и тех же людей, встречаются и ссорятся друг с другом. Они и сами замечают сходство их судеб и странствий. В «Критическом разборе “Этюдov о природе” и

«Поля и Виргинии» Бернардена де Сен-Пьера» (1788—1789) Казанова пишет, что, сам того не зная, он в 1764—1765 гг. с годичным опозданием следовал по стопам Бернардена де Сен-Пьера в России, Польше и Саксонии¹². А пятнадцать лет спустя Калиостро повторит маршрут венецианца и встретится в Курляндии, России и Польше с его масонскими «братьями».

Когда в 1785 г. после пропажи «ожерелья королевы» во Франции разразился грандиозный скандал, авторы памфлетов описывали племя «шарлатанов» и утверждали, что авантюристы наследуют друг другу: Калиостро — Сен-Жермену, тот — серии других, вплоть до Симона Морена, который в 1622 г. был сожжен на костре за то, что выдавал себя за сына господнего, а жену за Деву Марию: «Безумства возвращаются под разными именами, но они вечны»¹³. В анонимном памфлете «Письмо, написанное из Экс-ле-Бена, в Савойе, 20 августа 1788 г. к г-ну де Бомарше от г-на Калиостро» (1788) последовательно сопоставлялись судьбы обоих авантюристов.

Искатели приключений обеспечивают циркулирование информации в Европе и, делясь ею, создают братство посвященных. Они распространяют по миру французский язык (хоть для многих он и не родной), парижские моды, нравы и обычаи, литературные новинки и философские доктрины, а вместе с ними и «французскую болезнь». По подсчетам специалистов, Казанова около 12 раз лечился от четырех различных венерических заболеваний¹⁴. Когда в 1740-е годы венецианец во второй раз после годового отсутствия приехал в город Орсару, местный врач бросился к нему на шею с криком: «Благодетель мой, не привезли ли вы еще чего-нибудь новенького?», ибо после первого визита Казановы он был обеспечен практикой на весь год. Сифилис уравнивает мужчин и женщин, сословия и профессии, связывает больных в цепочку ложного братства (напомним аналогичные перечисления больных в «Кандиде» Вольтера), а классическое лечение парами ртути делает тела пациентов похожими на объекты алхимических опытов.

Хотя авантюристы родом из разных краев, но изыясняются они по-французски или по-итальянски. Эти две национальности преобладают, хотя, как мы видели, среди авантюристов встречаются русские, далматинцы, немцы, поляки, венгры, швейцарцы. Но, как правило, «северные» страны служат ареной для походов южан. Ис-

¹² *Casanova G. Examen des «Etudes de la nature» et de «Paul et Virginie» de Bernardin de Saint-Pierre. Un inédit, écrit en 1788—1789 à Dux, éd. M. Leeflang et T. Vitelli. Utrecht, 1985.*

¹³ *Précis de la vie de Joseph François Borri (1786), Lettre d'un garde du Roi (1786) — Tatin-Gourier J.-J. Cagliostro et l'affaire du collier. Pamphlets et polémique. Publications de l'Université de Saint-Etienne, 1994. P. 114—115, 91*

¹⁴ *Vincent J. D. Casanova, la contagion du plaisir: Divertissement. Paris: O. Jacob, 1990.*

тинный рыцарь удачи — человек без отчизны, без роду и племени, без возраста, подобно «бессмертному» графу Сен-Жермену, про которого так и неизвестно, испанец он, португальский еврей, француз или венгр, если не русский. Согласно легенде, он якобы не только посетил Россию в 1762 г. по приглашению художника П. Ротари, но был одним из вдохновителей заговора, приведшего на престол Екатерину II, дружил с Григорием и Алексеем Орловыми¹⁵. С Д. И. Фонвизинным граф действительно встречался в Германии в 1777 г., писал к П. И. Панину, предлагает открыть способ златоделания. Некий кудесник в письме к императрице Елизавете Петровне именуется себя Золтыкоф [Салтыков] Альтенклинген (Zoltikof Altenklingen), «швейцарский дворянин, по крови московитянин» (Gentilhomme suisse de la race Moscovite), добавив, что имя, разумеется, вымышленное, а проживает он в Голландии. Самозванная княжна Тараканова даже на предсмертной исповеди не захотела открыть своего имени. Когда авантюрист именуется «знатным путешественником», как Сен-Жермен или Калиостро на суде по делу об ожерелье королевы (1786), он объявляет посвященным свою принадлежность к ордену розенкрейцеров и именно в этом качестве излагает свою легенду. Когда Фужере де Монброн, Чуди, Казанова и другие представлялись как «космополит», «свободный человек, гражданин мира», они тем самым декларировали свою принадлежность к масонству — к братству людей вне границ и сословий. Именно так, «космополитами» и «знатными путешественниками», именовались знаменитые алхимики XVII в., в частности Александр Сетон и Михаил Сендивогий. Странники не желают служить какой-нибудь одной нации, они принадлежат к новому племени, племени авантюристов. Как манифест звучит название автобиографической книги Фужере де Монброна «Космополит, или Гражданин мира» (1750).

Авантюрист повсюду чужой. Это его достоинство и главный недостаток. Пересечение границы волшебным образом делает человека знатным, простолюдин превращается в графа, подобно Казанове, Сен-Жермену, С. Занновичу, Калиостро, или в принца, как Тревогин, Карл Иванов и др. Он представляется ко двору, беседует с монархами, дерется на дуэли с аристократами. После поединка с графом Браницким Казанова признался польскому королю Станиславу Августу, что в Венеции не осмелился бы послать вызов патрицию. Новый человек, он быстро входит в моду, вызывает всеобщий интерес. Но колесо Фортуны поворачивается, мода кончается, и авантюрист забывает, если не изгнан и не арестован.

¹⁵ Souvenirs de Charles-Henri baron de Gleichen. P. 132—133; *Andremon P. Les trois vies du comte de Saint-Germain*. Genève: Idégraf et Vermos, 1979. P. 107. П. Андремон предполагает, что Сен-Жермен и Одар — одно и то же лицо, что, безусловно, невозможно.

Среди авантюристов дворян не много: барон де Чуди, барон де Билиштейн, шевалье д'Эон (хотя последнему вчиняли иск за перебивание генеалогии). Искатели приключений — выходцы из третьего сословия, отрехшиеся от своих корней. Авантюрист — предатель, предающий самого себя, предвосхищающий излюбленную Борхесом «тему предателя и героя». Он бежит, прячется от себя за десятками изобретенных им имен и титулов. Так, Сен-Жермен зовется генерал Салтыков, принц Ракоши, граф Цароги, маркиз де Монферат, граф де Беллами, граф де Вельдон; Джузеппе Бальзамо — граф Калиостро, граф Феникс, граф Пеллегрини и т. д. Он проходит масонскую инициацию, дабы обрести свое истинное имя, сокрытое от профанов. Когда Казанову спрашивали, по какому праву он именуется Сейнгальт (это анаграмма его розенкрейцерского имени), он отвечал, что алфавит принадлежит всем и он взял те восемь букв, которые ему понравились, — человек свободен в выборе имени.

Авантюрист не знает либо не хочет знать своих родителей. Сен-Жермен слывет внебрачным сыном либо португальского короля, либо принцессы Пфальц-Нейбургской, вдовы испанского короля Карлоса II. Казанова предпочитает считать себя побочным сыном патриция, нежели законным — комедианта, он находит себе богатого и знатного приемного отца, венецианского сенатора Маттео Джованни Брагадина. Авантюрист охотно ставит себя в исходную ситуацию огромного числа романов XVIII столетия, примеряя роль незаконно рожденного или подкидыша. Он вечно ищет покровителя и, как показала Шанталь Тома в своей книге о Казанове, образ короля превращается для него в символический образ отца¹⁶.

Детская психологическая травма усиливает чувство одиночества. Авантюрист изначально выключен из среды себе подобных, он иной, и с этой точки зрения он напоминает «низкого» героя волшебной сказки, «глупого» третьего сына или падчерицу-замарашку, которым суждены приключения и превращения. А Казанова до восьми лет не говорил и был дурачком, пока его не вылечила старая колдунья. Ребенок, родившийся в многодетной семье, где никому до него нет дела, или брошенный матерью и воспитанный бабушкой (как Казанова), испытывает недостаток родительской любви. Именно поэтому, став юношей и покинув отчий дом, он хочет всем понравиться, пытается (и вполне успешно) всех соблазнить, входит в доверие — до неизбежного разрыва, бегства, ареста. На вершине успеха отключается психологический защитный механизм, вызывая неминуемое падение. Как показал немецкий психиатр Карл Абрахам в статье «История пройдохи в свете психоанализа» (1925), донжуанство искателя приключений, его внутренняя потребность нарушить закон и

¹⁶ *Thomas Ch. Casanova, un voyage libertin. Paris: Denoël, 1985.*

оказаться в тюрьме связаны с подсознательным поиском матери, семьи, убежища. Пациент Абрахама, молодой проходимец, исколесивший Австро-Венгрию во время первой мировой войны, излечился от тяги к перемене мест, счастливо женившись на женщине значительно старше себя¹⁷.

Притягательность, искусство нравиться необходимы для того, чтобы составить репутацию, сделать карьеру. Искатели приключений пробуют свое обаяние и на мужчинах, и на женщинах. Гомосексуальные связи, которые были у Чуди, у Казановы (в Турции, во Франции, в России), вполне естественны для столь переменчивого и многоликого существа, как авантюрист, не говоря уж о травестии Шуази и д'Эона. В пристрастии к «итальянской любви» памфлетисты обвиняли Калиостро. Активные лесбиянки-соблазнительницы вызывают у Казановы интерес и симпатию, он чувствует в них родственную душу, как, например, в Марколине. Напомним, что по одной из многочисленных психологических интерпретаций Дон Жуан бросает женщин именно из-за своего латентного гомосексуализма: он не находит у очередной жертвы того, что подсознательно ищет и в чем не может себе признаться.

Назовем еще одну причину одиночества: нарциссизм, доходящий до самообожествления. Как уверяет аббат Шуази, любовь к женщине разрушает его счастье: «Хоть я крепко любил ее, себя я любил еще сильнее и мечтал понравиться всему роду человеческому»¹⁸. Бог есть любовь, и именно его место желает занять аббат. Казанова вторит Шуази, утверждая, что обманщик хочет видеть весь род людской у своих ног («Разговор философа с самим собой»). Как подчеркивает Мари-Франсуаза Луна¹⁹, венецианец любит разыгрывать роль всемогущего и милостивого божества: «Все семейство бросилось передо мной на колени, молясь на меня как на Бога» (ИМЖ, 594).

Авантюрист, как правило, холост, но почти всегда рядом с ним очередная спутница. Он редко одерживает победы над знатными и богатыми дамами и, если уж это удастся, без зазрения совести пользуется их деньгами и связями. Наследники маркизы д'Юрфе уверяли, что Казанова вытянул у нее не меньше миллиона ливров. Но чаще искатель приключений соблазняет или покупает мещанок и актрис. Именно это заставило маркиза д'Аржанса покинуть родной дом, вызвало гнев его отца; в итоге, избрав после многочисленных приключений незавидную профессию литератора, маркиз довершил «падение» женитьбой на комедиантке. В фонде Степана Занновича в архиве Амстердама немало писем от его поклонниц, но за исклю-

¹⁷ *Abraham K. Histoire d'un chevalier d'industrie à la lumière de la psychanalyse // Œuvres complètes. Paris: Payot, 1966. T. 2. P. 158—172.*

¹⁸ *Choisy F. T. Op. cit. P. 298.*

¹⁹ *Luna M.-F. Casanova et ses Dieux // Europe. 1987. № 697. P. 59—67.*

чением авантюристки графини Кингстонской все дамы — мешанки, завоуженные звучным княжеским титулом.

Во французских романах XVIII в. удачливые крестьяне, солдаты и философы, герои Мариво, Муи, Мовийона, Ретифа, Лезюира и др., ищут состоятельных любовниц и жен; они делают карьеру, поднимаются по социальной лестнице благодаря успеху у женщин. Литература XIX столетия, от Стендаля и Бальзака до Мопассана, закрепила подобный принцип жизнеописания, когда судьба предстает как цепь любовных побед, ведущих на вершину. Естественно, что мемуары Казановы были прочитаны в аналогичной перспективе. Но венецианец знает, что в обществе правят мужчины. Пытаясь преуспеть, добиться места и положения, он обхаживает вельмож, добивается их дружбы. Напротив, женщин он предпочитает покупать.

Профессиональные игроки и плуты зачастую работают на пару, используя женщин как приманку для простаков и как прикрытие — супруги всегда выглядят респектабельнее. Анж Гудар со знанием дела описывает эту технику в трактате «История шулеров, или тех, кто поправляет Фортуну» (1757). Если авантюрист женится и супруги (Анж и Сара Гудар, Алессандро и Серафина Калиостро) отправляются путешествовать по Европе, то, забыв о ревности, они равно пользуются плодами своих побед. Среди поклонников Сары Гудар были король Неаполитанский, граф Алексей Орлов, граф П. А. Бутурлин; за Серафиной, по легенде, ухаживал князь Потемкин.

Отсутствие дома, семьи и родины компенсируется вступлением в космополитическое братство. Авантюрист, как правило, подвизается одновременно в нескольких сообществах: ученых, франкмасонов, комедиантов, игроков. Именно в этих сферах он чувствует себя своим, подключаясь к скрытому от посторонних, но чрезвычайно интенсивному потоку информации, принимая особые нормы поведения.

Мир театра подразумевает жизнь единой семьей, вечные скитания, называемые гастрольями, отказ от своего «я» ради актерского амплуа. Простолюдины, которые играют королей, меняют имена, костюмы и роли, ищут счастья по всей Европе, которых обожают и презирают, отлучают от церкви, так похожи на авантюристов, тянущихся к ним. Казанова упоминает в мемуарах двести актеров и музыкантов — это его семья, его любовницы, его друзья.

Сообщество профессиональных игроков построено по образцу республики, а не семьи. Карточная игра и лотерея воспринимаются как модели человеческой жизни, их закономерности можно просчитать. В теории, игра делает людей равными, дает возможность попытаться счастья, разбогатеть сравнительно честным путем. На практике в этой республике царит строгая иерархия. Внизу — простые игроки, наверху — те, кто ведет игру, банкеты и организаторы лотерей. У них, у «элиты», своя собственная табель о рангах. Анж Гудар в трактате «История шулеров, или тех, кто поправляет Фортуну» рисует

иерархию пройдох по образцу масонского ордена²⁰. Он рассказывает об их традициях, обычаях и законах, создает портреты знаменитых картежников. Мир этот он знал не понаслышке.

Братства масонов и ученых во многом восходят к утопическим и мистическим идеям начала XVII в., сформулированным в «Описании христианской республики» (1619) Иоганна Валентина Андреэ, «Новой Атлантиде» Френсиса Бэкона (опубл. 1627) и «Дороге света» (1641) Яна Амоса Коменского²¹. Путь к идеальному обществу рисуется как восхождение к высшему знанию. На первых ступенях «дороги света» ученые добровольно отказываются от брака и создают дружеский круг общения. По достижении седьмой ступени происходит всеобщее возрождение, осуществляемое «универсальной коллегией благочестивых и даровитых людей всех стран», возводится Храм мудрости. Главные инструменты в преображении мира, по Яну Коменскому, — идея всеобщей гармонии, универсального знания и универсального языка. Ф. Бэкон подробно описывает структуру и организацию Ордена Соломонова Храма или Коллегии дней творения, где ученые ведут поиск, собрание и изучение всех знаний на земле. Идеи Коменского и его последователя Гартлиба были использованы в Англии при создании первых научных обществ. В XVII в. в Европе возникает представление о том, что все ученые — граждане единой Республики Словесности, где все равны, все дружат и помогают друг другу, стремясь к одной цели, к знанию. В следующем столетии ученая утопия ослабевает и усиливается ее мистический, масонский вариант.

Отзвуки или прямое развитие этих идей мы увидим далее во многих утопических сочинениях авантюристов: у Бернарден де Сен-Пьера, Казановы и, наиболее подробно, у Ивана Тревогина. Чуди в посвященной И. И. Шувалову книге «Философ на французском Парнасе, или Игривый моралист» (1754) пишет, что для философа весь мир — отчизна, вселенная — единая республика, чьи самые отдаленные провинции подчиняются целому и соединены теми же пружинами²².

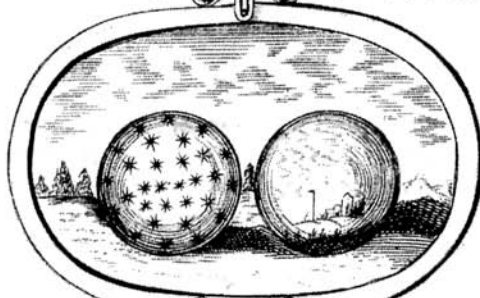
Сам искатель приключений не столько отстаивает идеалы ученого братства, сколько использует их. Авантюрист сражается за свободу, равенство и братство, но для себя одного. Он рекомендуется гражданином Республики Словесности, чтобы познакомиться со знаменитыми учеными и философами (Галлер, Вольтер, Лафатер), поставить себя на одну доску с просвещенными властителями и тотчас

²⁰ Goudar A. L'Histoire des grecs ou de ceux qui corrigent la fortune au jeu. La Haye, 1757.

²¹ См.: Херасков И. М. Происхождение масонства и его развитие в Англии XVIII и XIX в. // Масонство в его прошлом и настоящем. М.: Задруга, 1914 (репринт М.: Икпа, 1991). Т. 1. С. 1—35.

²² Le Philosophe au Parnasse français ou le Moraliste enjoué. Lettres du chev. de L**. Amsterdam, 1754. P. 138.

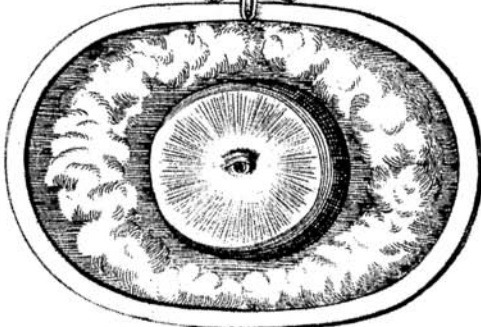
Сие Зданіе

Ясно Показываетъ

Что Богъ Есть.

Гельмут Ф.М. Тайна творения по видимым и невидимым чудесам его, из божественного магического центрального света. Показанная чадами премудрости от неких просвещенных магов. Ныне для размножения познания в первый раз изданная на свет из древних рукописей. М., 1785

предложить им свои услуги. Искателю приключений нужны границы, чтобы их пересекать, нужна иерархия, чтобы было куда подниматься. Казанова называет себя депутатом Республики Словесности, когда сочиняет для Екатерины II проект реформы российского календаря, он делается ученым и литератором, когда ищет места при дворе Станислава-Августа.

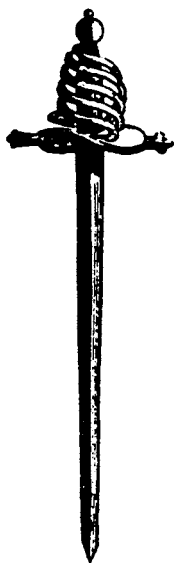
Искатель приключений пробует десятки профессий: солдата, моряка, педагога, химика (или, чаще, алхимика), финансиста, фабриканта. Казанова был журналистом, офицером, дипломатом, тайным агентом, библиотекарем, актером, скрипачом, адвокатом и священником, он писал математические и исторические трактаты, стихи, пьесы и романы, читал проповеди, организовывал лотереи, заводил фабрики, исследовал рудники, исцелял больных, превращал металлы в золото, а женщину в мужчину. Примерно те же ремесла пробуют искатели приключений, герои комедий Гольдони, романов Лезюира, Гудара, Муи, не забывая, разумеется, о мошенничестве и шпионаже.

У авантюриста остаются при этом две мечты: он хочет служить лично королю и он хочет писать. Краснобай и графоман, он стремится обменять свои идеи или добытую им информацию на покровительство сильных мира сего, войти в доверие к просвещенному монарху, стать его секретарем, историографом, советником. Искатель приключений бомбардирует государя текстами: письмами, мемуарами, поэмами, проектами, он предлагает переписать его жизнь, превратить ее в произведение искусства, что он уже проделал со своей собственной. Перепробовав все ремесла, авантюрист возвращается к своему истинному призванию — производству, распространению и хранению текстов. Журналист, историк, мемуарист, издатель превращается в библиотекаря.

Подчеркнем еще раз — сознание своей культурной миссии отличает авантюриста от заурядного плута. Он размышляет над своим поведением, анализирует подвиги своих собратьев, создает теорию восхождения на вершины жизни. Стратегия антисоциального поведения разрабатывается в мемуарах (маркиз д'Аржанс, Казанова, Каллиостро), автобиографических сочинениях («Космополит» Фужере де Монбрана), романах (Муи, д'Аржанс, Анж Гудар, Мобер де Гуве, Шеврие) и трактатах («История шулеров» Анжа Гудара).

Слово — не только средство восхождения, но и любимый род оружия, хотя, скажем, Казанова превосходно владеет и шпагой и пистолетом. Для индивидуалиста худший враг — его двойник. Описание похождения рыцаря удачи становится грозным оружием в руках его соперника. Так, Франсуа Шеврие публично разоблачает своего врага Мобера де Гуве, такого же литератора-авантюриста, в романах-памфлетах «Три К.» (1762), «История жизни Мобера, именуемого шевалье

де Гуве, брюссельского газетчика» (1763)²³. Казанова нападает на братьев Степана и Премислава Занновичей («Критическое рассмотрение разногласий, существующих между Венецианской и Голландской республиками», 1785), Анжа Гудара («Прозопопея Екатерины II», 1774—1775), Сен-Жермена и Калиостро («Разговор мыслителя с самим собой», 1786)²⁴, критикует Бернардена де Сен-Пьера. Шевалье д'Эон печатно ругался с Анжем Гударом, Тевено де Морандом и Бомарше, что, правда, не помешало ему избить Гудара палкой. Полемические и сатирические функции берет на себя судебный мемуар: под пером шевалье д'Эона, Калиостро, Бомарше юридический жанр превращается в литературный, в автобиографические записки.

²³ *Chevrier F.* Les Trois C. 1762; Histoire de la Vie de H. Maubert, soi-disant chevalier de Gouvest, Gazetier à Bruxelles. Londres, 1763.

²⁴ *Casanova G.* Exposition raisonnée du différent qui subsiste entre la république de Venise et celle de Hollande (1785); Supplément à l'exposition raisonnée... (1785); *Prosopopea Ecatarina II und Istanza*, ed. E. Straub. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1993; *Le Soliloque d'un penseur*. Prague, 1786.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Нормативные поэтики редко соответствуют литературному процессу эпохи. Классицистическая иерархия жанров и в XVII и в XVIII вв. упорно ставила на первое место трагедию, третируя свысока прозаические жанры, порицая роман за вымысел и безнравственность, вовсе не замечая сказку и сказочную повесть. Но, исследуя чужую культуру, легко впасть в аналогичный грех, привычно используя исторически сложившуюся систему авторитетов и ценностей. Правда, уже начиная с 1960-х годов французские ученые-«восемнадцативечники» переходят от изучения «литературы генералов» к исследованию литературного процесса. Работы по истории чтения, ставшие популярными в 1980-е годы во многом благодаря усилиям Роже Шартье и его коллег, подтвердили, что в эпоху Просвещения знали и любили совсем иные книги, чем те, что вошли в хрестоматии и учебники. Эротические сочинения продавались вместе с атеистическими под общей рубрикой философских трудов, запрещенных и потому пользовавшихся повышенным спросом. В составленном Робертом Дарнтоном списке из 15 книг, бывших бестселлерами с 1769 по 1789 г., мы находим пять «скандальных хроник» и памфлетов, три эротических романа (в том числе «Тереза-философка»), «Год 2440» и «Картины Парижа» Мерсье, «Орлеанскую девственницу» Вольтера, «Систему природы» Гольбаха, «Историю обеих Индий» аббата Рейналя и анонимное «Философское письмо»¹. Напомним, что читатель XVIII в. знал совершенно иного Дидро, чем мы, ценя в первую очередь издателя «Энциклопедии». Кроме «Нескромных сокровищ» (1748), его худо-

¹ Darnton R. The forbidden best-sellers of pre-revolutionary France. New York; London: W.W. Norton, 1995.

жественная проза при жизни не публиковалась и была известна в лучшем случае лишь полутора десяткам коронованных подписчиков «Литературной корреспонденции» Ф. М. Гримма да нескольким близким людям. «Племянник Рамо», «Жак-фаталист», «Монахиня», ряд политических (в том числе, все работы о России) и эстетических («Салоны») сочинений из художественного процесса своего времени полностью выпали.

По традиции история изучает события и судьбы, литературоведение и философия — тексты, а в стороне остается промежуточный слой: слухи, рассказы и легенды, которые обволакивают жизнь людей, задуманные и отброшенные планы, непроизошедшие события. История и литература придают законченный вид клубящейся магне возможностей. Выбор одной из них уничтожает множество остальных. Приняв решение, Гамлет убивает бесконечность и самого себя, он делает будущее предсказуемым, и всеобщая резня становится неотвратимой.

Этот промежуточный слой можно определить как подсознание культуры. После открытий Зигмунда Фрейда стало ясно, что человек не сводится к его словам и делам, не по ним надо судить о том, что происходит в душе, а по опискам, ошибкам, снам, случайностям. Думается, что подобную возможность надо предоставить исследованию истории культуры.

Аналогичный подход уже давно возник внутри самой художественной литературы. В романах Натали Саррот подробно описываются кровавые драмы и приключения, разыгрывающиеся на уровне тропизмов, мельчайших бессознательных движений души, тогда как на поверхности не происходит ничего, событий нет, жизнь остается по-прежнему банальной. Проза Борхеса или пушкинский «Евгений Онегин» разрушают единство действия; тождественность персонажей себе и судьбе заменяется перебором противоречивых повествовательных возможностей и литературных масок. В XVIII столетии подобные эксперименты проделывал в своих романах Стерн, подчиняя основное действие отступлениям от него.

Ряд исследователей уже обращались к той малоизученной области культуры, которую можно определить как городской письменный фольклор. Еще в 1929 г. П. Г. Богатырев и Р. О. Якобсон писали, что «даже проникнутой духом индивидуализма культуре вовсе не чуждо коллективное творчество. Достаточно только вспомнить о распространенных в современных образованных кругах анекдотах, о родственных легендам слухам и сплетням, о суевериях и мифах, об этикете и моде»². Арлет Фарж в книге «Жизнь парижских улиц в XVIII веке» (1979) и последующих работах анализирует незначительные происшествия и

² *Богатырев П. Г., Якобсон Р. О.* Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 379.

слухи, используя полицейские рапорты и доносы храбрых горожан. Объектом исторического и семантического анализа становится сама улица, взаимоотношения городских низов с властью, представления о государе³. Шанталь Тома в книге «Преступная королева» (1989) показывает собирательный фантастический облик Марии-Антуанетты, которую памфлеты превратили в распутную злодейку, дьяволицу, исадие зла⁴. Сходным образом Антуан де Бек исследует гротескные трансформации, которые в общественном сознании, в картинках и текстах XVIII в. претерпевают тела короля и королевы, олицетворяющие мощь и жизнеспособность государства: к концу века мужское королевское начало из цветущего дерева превращается в сухую мертвую ветвь, а женщина, теряя человеческие черты, становится похотливым животным⁵. Как показал Роберт Дарнтон, оскорбительно грубый сексуальный код, который использовали памфлетисты и газетчики, нападая на монарха, имел в первую очередь политический смысл: импотенция Людовика XVI трактовалась как неспособность аристократии управлять страной⁶.

Слухи сначала переходят из уст в уста, потом фиксируются в письменных или печатных текстах: рукописных «новостях», литературных корреспонденциях, письмах, газетах, брошюрах, судебных памятных записках (мемуарах), дипломатических донесениях и памфлетах. Тексты, как правило, анонимные, но сохраняющие личностный характер; рассказчик — если не очевидец, то его близкий знакомый. Ссылка на авторитетный источник может либо варьироваться, либо вовсе опускаться за «общеизвестностью» факта, не требующего подтверждений. Слухи рассчитаны на коллективное потребление: новость принадлежит всем, и каждый обязан дополнить и развить по собственному усмотрению исходную информацию.

Активность слушателя предопределяет изменчивость текстов, сохраняющих тем не менее инвариантную структуру. Как в традиционном фольклоре, одна и та же история может рассказываться про разных людей или, напротив, все события циклизуются вокруг одного персонажа. Легенда разрастается и разветвляется, ее целиком или по частям излагают в разных жанрах, от поддельных мемуаров и романов до волшебных сказок, песен, эпиграмм, анекдотов (как это было с Калиостро⁷) или фарсов (как в случае с Марией-Антуанеттой).

³ *Farge A.* *Vivre dans la rue à Paris au XVIIIe siècle.* Paris: Gallimard, Julliard, 1979.

⁴ *Thomas Ch.* *La Reine scélérate. Marie-Antoinette dans les pamphlets.* Paris: Seuil, 1989.

⁵ *Baecque A. de.* *Le Corps de l'histoire.* Paris: Calmann-Lévy, 1993.

⁶ *Darnton R.* *Bohème littéraire et Révolution. Le monde des livres au XVIIIe siècle.* Paris: Seuil, 1983.

⁷ *Tatin-Gourier J.-J.* *Cagliostro et l'affaire du collier: pamphlets et polémique.* Publications de l'Université de Saint-Etienne, 1994.

An engraving depicting a group of approximately ten women in elaborate 18th-century attire, including large, ruffled hats and long, flowing dresses. They are gathered in a gallery with arched doorways and wall-mounted lamps. A central oval frame contains text in Russian and French. The scene is set in the 'Allée des Vents' of the 'Palais-Royal' in Paris, 1790.

Тридцать две девицы
в Аллее вздохов
Пале-Рояля
Retif de la Bretonne N.
Le Palais-Royal.
Paris, 1790

Ф. М. Гримм

Ж.-Ф. де Лагарп

Письменные тексты дополняются изобразительным рядом: лубочными картинками, гравированными портретами, книжными иллюстрациями, иногда откровенно порнографическими или фантастическими, и тем не менее благодаря своей наглядности играющими роль вещественных доказательств. Происходит процесс, аналогичный тому, который К. В. Чистов описал применительно к русским самозванцам: вместе с именем лжегосударь получает уже готовую легенду, в основных чертах остающуюся неизменной на протяжении нескольких веков⁸. Нередко слухи, распространяющиеся в обществе, восходят к весьма древним архетипам. Рассказ о том, что некий принц похищает детей и принимает ванны из их крови, в 1750 г. вызвал бунт парижан⁹; история не может не напомнить, что подобные обвинения в ритуальных убийствах некогда выдвигались против первых христиан, а в XX в. против евреев (дело Бейлиса).

Подобный тип информации (рассказы, сплетни, слухи) предполагает непосредственное и повседневное распространение и потребление. В отличие от художественных текстов и исторических событий, которые сохраняются в культуре и в памяти поколений, на другой день новость должна быть забыта и заменена следующей. При этом действует общее правило: интерес события обратно пропорционален расстоянию. Фонвизин в «Письмах из Франции» (1778) писал: «Словом, одна новость заглушает другую и новая песенка столько же занимает публику, что и новая война. Здесь ко всему совершенно равнодушны, кроме вестей. Напротив того, всякие вести рассеиваются по городу с восторгом и составляют душевную пищу жителей парижских»¹⁰.

Сверхважное происшествие, такое, как дело об «ожерелье королевы», на долгое время приковывающее внимание Европы, порождает лавину полемических текстов. Разнообразие жанров свидетельствует о желании авторов использовать и поддержать интерес публики. А первоначально новость возникает в жанрах, предполагающих ее систематическое порождение и распространение, устное (светская беседа, общение в философском или литературном салоне, дискуссии в кафе) или письменное (письма, донесения, периодические листки). Это тексты относительно короткие, они требуют секрета, доверия, посвященности, близких отношений.

Характерно с этой точки зрения эпистолярное поведение Фридриха Мельхиора Гримма (1723—1807), друга Дидро и недруга Руссо¹¹. В течение 20 лет он рассылал по европейским дворам свою «Литера-

⁸ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. М.: Наука, 1967.

⁹ Darnton R. *Bohème littéraire et Révolution*. P. 98.

¹⁰ Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. С. 408.

¹¹ Обиографии Гримма см.: Scherer E. *Melchior Grimm*. Paris: C. Lévy, 1887, о «Литературной корреспонденции» — Kølving U., Carriat J. *Inventaire de la «Correspondance*

турную корреспонденцию» (1755—1773, затем он передоверил ее Генриху Мейстеру) — своего рода рукописную эпистолярную газету, где каждые две недели сообщал новости парижской культурной жизни. Разумеется, подобных корреспонденций было множество, только при русском дворе их получали три: для Екатерины II писал Гримм, для Павла — Жан-Франсуа Лагарп, для Марии Федоровны — Блен де Сенмор¹². От своих корреспондентов Гримм требовал строгого соблюдения тайны и весьма сурово выговаривал королю польскому Станиславу-Августу за то, что тот давал другим почитать номера. Этикет требовал писать монархам на полулисте, тогда как регулярная переписка предполагала доверительность и потому «Литературная корреспонденция», а затем и частные письма Гримма к Екатерине II пишутся на бумаге в четвертку.

Рукописный характер повышал престижность периодического листка и подчеркивал «интимность» информации, даже если производство было поставлено на поток. «Рукописные вести» (*nouvelles à la main*) в XVIII веке во множестве изготовлялись в специальных конторах, своего рода информационных агентствах. В тех случаях, когда переписчики не могли справиться с большим числом заказов, тексты гравировались на досках и так тиражировались. Первым это стал делать в 1774 г. Рамбо. Так возник гибридный жанр, промежуточный между письменным и печатным (*nouvelles burinées*).

Чем более текст публичен и общедоступен, тем выше степень его предсказуемости. Анри Дюрантон убедительно показал, что в информационной системе Просвещения практически отсутствует то, что составляет ее основу в современную эпоху: голый факт, происшествие¹³. Первая французская газета, основанная в 1631 г. Теофрастом Ренодо, была посвящена придворным новостям, предельно регламентированным. Подобно тому как французская проза и драматургия XVIII в. стремятся выстроиться в логическую цепь хаос случайных событий, привести их к хорошему финалу, дабы восторжествовала мировая гармония (Н. Я. Берковский писал в этой связи о «двойной перспективе» Просвещения¹⁴), периодические издания упорядочи-

littéraire» de Grimm, SVEC, vol. 225—227, 1984. Подробнее его эпистолярное поведение разбирается в нашей статье: *Stroev A. Frédéric Melchior Grimm et ses correspondants* (d'après «L'Inventaire raisonné des papiers de F. M. Grimm conservés dans les archives russes. 1755—1804») // *La Culture française en Europe au XVIIIe siècle et les archives de l'Est* (à paraître).

¹² *Томе Ю.* Литературная корреспонденция Блен де Сенмора в Россию // *Литературное наследство*. Т. 29/30, М.: 1937. С. 201—258.

¹³ *Duranton H.* Correspondance littéraire, lettre érudite et périodique: l'espace informatif à l'époque classique // *Correspondances littéraires inédites*. Paris; Genève: Slatkine, 1987. P. 9—20.

¹⁴ *Берковский Н. Я.* Эволюция и формы раннего реализма на Западе // *Ранний буржуазный реализм*. Л., 1936. С. 5—104.

вают мир, сообщая о вещах предсказуемых и регламентированных свыше. В 1760-е годы «Gazette de France» отводит первые страницы Турции, России или Польше, где случаются стихийные бедствия, заговоры или мошенничества, тогда как французские новости, помещенные в конце, состоят целиком из официальных сообщений. Совершенно так же «Санктпетербургские ведомости» сообщают о европейских скандалах, политических, научных и культурных новостях, опять-таки частенько начиная с Турции и Польши. Печатаемая летом 1764 г. подробный отчет о поездке Екатерины II в прибалтийские провинции, газета, разумеется, ни словом не обмолвилась о попытке Мировича совершить государственный переворот, о гибели Иоанна Антоновича. Лишь позже будет глухо сообщено о казни Мировича в соответствии с «известным указом». Революции могут происходить в дальних странах, но не дома. В этом смысле можно сказать, что человек и культура Просвещения предпочитают рассказывать о себе не в жанре дневника, а в жанре ежедневника.

В периодику и литературные корреспонденции политические новости хлынули только вместе с Революцией. В отличие от них, дипломатические донесения эпохи Просвещения полны слухов, рассказов и домыслов, на основе которых строятся политические гипотезы и делаются прогнозы. Даже в тех случаях, когда дипломат не выдумывает целиком новости, как выдумывал их по лени своей русский посланник в Неаполе граф Федор Головкин (за что и был в 1795 г. отправлен в отставку), он сообщает в первую очередь то, что было бы приятно услышать его правительству, что подтверждало бы правильность «генеральной линии» и подчеркивало собственные успехи. Как сформулировал Ю. Н. Тынянов, документы врут, как люди. Содержание и характер депеш меняется даже в зависимости от способа их отправки. Поскольку в России вся идущая за рубеж корреспонденция перлюстрировалась, курьеры перехватывались, дипломатические шифры расшифровывались или покупались, французские посланники обязаны были превозносить царствующую императрицу и ее двор (разумеется, аналогичная служба перлюстрации существовала во Франции, почтмейстер также делал о прочитанном еженедельные доклады государю). Всем памятен был пример маркиза де ла Шетарди, который, излишне доверяясь шифрам, позволил себе пооткровенничать о Елизавете Петровне и в 1744 г. был за то выслан; дипломатические отношения между Россией и Францией надолго прервались. После этого в 1756 г. шевалье Дуглас, тайный агент Франции, а затем поверенный в делах, наперед представлял свои реляции вице-канцлеру Воронцову перед отправкой в Версаль. Если же текст напрямую шел министру иностранных дел или в отдел секретной переписки короля («Секрет Короля»), то картина рисовалась иная, даже в мелочах. Так, шевалье д'Эон в конце 1750-х годов в донесениях из Петербурга расхваливал роскошь русского двора, а приехав в Париж,

заявил, что русские одеваются дурно. Правда, и Денис Иванович Фонвизин, как истинный дипломат, уверял, что одет богаче всех французов: действительно, никто, кроме него, на юге Франции, в Монпелье, ни собольего сюртука, ни горностаевой муфты не носил¹⁵.

Регулярное обсуждение политических событий побуждает строить гипотезы. Госпожа д'Эпине в автобиографическом романе «История г-жи де Монбриан» рассказывает, как женевцы собираются в кружках («серклях»), дабы обсудить европейские новости и дальнейшее развитие событий, как ошибаются, строя прогнозы на почерпнутых на углу новостях. «Я знаю и в Париже подобных оригиналов», — добавляет автор¹⁶. В романе один из них навлекает беду на Гримма (Волькса), придав их частной переписке политический характер.

Конфиденциальность информации порождает призраки, желаемое выдается за действительное. Так, в начале царствования Екатерины II французские дипломаты усиленно подчеркивали шаткое и неустойчивое положение императрицы, подробно описывали заговоры, борьбу придворных партий, крестьянские бунты и появления самозванцев¹⁷. Сходным образом в конце века Ф. М. Гримм, заканчивавший свою литературную и политическую карьеру в должности русского посланника в Гамбурге (1796—1798), энергично боролся на бумаге против «якобинского заговора», инспирированного французскими эмиссарами, который окончился всего лишь открытием «Французского дома» (своего рода культурного центра).

Скорость передачи информации заменяет достоверность. Гримм, для которого сочинение писем было профессией, специально подчеркивает это, когда посылает «Литературную корреспонденцию» Станиславу-Августу в 1767 г. («Будет ли работа, чье главное достоинство состоит в спешности и потому не допускает тщательной отделки, достойной внимания монарха...»)¹⁸ и дипломатические депеши Павлу I в 1798 г. («Поспешность, необходимая при составлении донесений, [...] своевременность которых составляет их первое и обычно главное достоинство, принуждает меня впоследствии исправлять многие неточности...»)¹⁹.

¹⁵ Фонвизин Д. И. Указ. соч. Т. 2. С. 432—433.

¹⁶ *Épinay L. d'. Les Contre-confessions. Histoire de madame de Montbrillant*, éd. É. Badinter et G. Roth. Paris: Mercure de France, 1989. P. 1262.

¹⁷ 17 сентября 1765 г. маркиз де Боссе доносил, что слухи упорно ставят во главе восставших княгиню Дашкову и брата императора Иоанна. — ААЕ, СР, *Tables analytiques*, t. 146.

¹⁸ Ф. М. Гримм к Станиславу Августу, Париж, 1 февраля 1767 — *Correspondance inédite du roi Stanislas-Auguste Poniatowski et de madame Geoffrin*, éd. Ch. de Moüy, Paris: E. Plon, 1875. P. 269.

¹⁹ Ф. М. Гримм к Павлу I, Гамбург, 12 (23) февраля 1798 г. — АВПРИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 296. Л. 59.

Заседание у любительницы наук и искусств

Retif de la Bretonne N.

La decouverte australe par un homme-volant... Leipzig

ших творений²⁷. Г. И. Бужан в 1735 г. с презрением писал о литераторах-«пришивальщиках», заполонивших страну Романсию²⁸. Муи утверждал в предисловии к роману «Финансист» (1756): «Чтобы писать, как делает подавляющее большинство, нужны лишь вкус и усердие, дабы просматривать книги в избранном жанре и пользоваться знаниями талантливых людей»²⁹.

Подобно искателям приключений, авторы мгновенно реагируют на запросы публики и книгоиздателей, предлагая и производя тексты почти из любой области гуманитарных знаний. Не успели еще выйти четвертая и пятая часть «Удачливого крестьянина» Мариво (1735—1736), как шевалье де Муи начинает печатать «Удачливую крестьянку» (1735), выпуская по части в месяц как «роман с продолжением» (всего двенадцать частей). Никола Ретиф де ла Бретонн, профессиональный типограф, бывало, сочинял книги прямо в процессе набора, на двенадцать томов у него уходило двадцать четыре дня.

Те, кто должны писать, чтобы жить, делают людей и события популярными, превращая их в тексты, по сути пересоздавая их (как в наши дни поступает телевидение). Самые грозные публицисты берут деньги за то, чтобы не печататься. Газетчик Тевено де Моранд, виртуоз политического и литературного шантажа, заранее предлагал заинтересованным лицам скупить на корню и уничтожить тираж только что испеченного им памфлета. В 1775 г. в Лондоне шевалье д'Эон, а затем Бомарше по распоряжению короля выторговали у него памфлет против фаворитки, госпожи дю Барри. В 1783 г., все в том же Лондоне, Анж Гудар скупал подобные скандальные сочинения по приказу Версаля.

Движение информации в обществе и в культуре шло параллельно, снизу вверх и сверху вниз. Событие рождало слух и далее последовательно трансформировалось в «устные вести» (*nouvelles de bouche*), «рукописные вести», памфлеты, периодику и, наконец, книги. Если произведение, спектакль или доктрина становились художественным или научным событием, то сведения о нем могли распространяться либо уже известным путем, либо в обратной последовательности: книги — периодика и письма — слухи. Тогда в конце цепочки обычно оказывались путешественники, пересказывающие вести из Парижа. Аналогичным образом новости циркулировали в обществе, либо расходясь концентрическими кругами от малого числа из-

²⁷ *La Barre de Beaumarchais A. Lettres sérieuses et badines. La Haye, J. Van Duran, 1733. Т. 8 (Lettre XVII. Secret qu'ont les Aventuriers littéraires de passer pour des savants). P. 262—278.*

²⁸ *Bougent G.-H. Voyage merveilleux du prince Fan-Féredin dans la Romancie. Paris: lemercier, 1735.*

²⁹ Cit. d'après: *Coulet H. Le Roman jusqu'à la Révolution. Paris: A. Colin, 1967. Т. 2. P. 148—149.*

бранных к широкой публике: посвященные, близкие друзья — салон — ученое сообщество, Академия — лавка книгопродавца — масонская ложа — театральная ложа — кафе — места публичных прогулок (Тюильри, Пале-Рояль), либо, напротив, приходя с улицы, становились предметом для обсуждения в кафе и салонах, дабы потом попасть к издателям и превратиться в книги³⁰.

Разумеется, информационное пространство Просвещения не было однородным, оно разделялось на группы и партии. В первую очередь, по социальному признаку: литературная богема дискутировала в кафе (Дидро в «Племяннике Рамо» описывает жизнь парижских кафе, превратившихся, по сути, в клубы), элита собиралась в салонах. Во время революции салоны и кафе строго делились по политическим пристрастиям, при Людовиках кружки враждовали по идейным или личным причинам. Энциклопедисты собирались у Гольбаха и Неккера (причем г-жа Неккер так старательно готовилась к приему ученых гостей, что заранее программировала беседу, наперед записывала вопросы и остроумные реплики), у г-жи Жоффрен. А ее дочь, маркиза де Ла Ферте-Эмбо, в пику матери стала королевой созданного ею шутивого ордена Лантюрюлю, высмеивавшего ученые штудии³¹. Ее четверги охотно посещали иностранные дипломаты и знатные приезжие. По рекомендации Гримма, декана ордена, принц Генрих Прусский и великий князь Павел Петрович прошли в Париже пародийный обряд посвящения. Гримм принимал в орден новых членов и во время своих поездок за границу (так, в Риме он, видимо, посвятил кардинала де Берниса)³². Лантюрюлю были в моде, и шутилый сан помогал Гримму вызывать интерес у коронованных особ, от Италии до России, в частности у Екатерины II³³. Подобные «игровые» корпорации вполне характерны для XVIII в.: за столом у актрисы Жанетты Франсуазы Кино собирались граф де Келюс, д'Аламбер, Дидро, Руссо, Мариво и др. В этом «Обществе края скамьи» за регулярные обеды расплачивались импровизированными рассказами, из которых потом составлялись сборники.

Знаменитые авантюристы, такие, как Калиостро, манипулировали общественным мнением, апеллировали к нему, дабы обелить себя и повлиять на судей. Они заботились о своей популярности, печатали в газетах хвалебные статьи и интригующие объявления (д'Эон, С. Занно-

³⁰ *Darnton R.* The forbidden best-sellers of pre-revolutionary France.

³¹ *Phoitiades C.* La Reine des Lanturelus Marie-Thérèse Geoffrin, marquise de La Ferté Imbault (1715—1791). Paris: Plon, 1928.

³² Гримм к маркизе де Ла Ферте-Эмбо, Рим, 21 февраля 1776 г. — BL. Add. Mss 39, 673. Fol. 175—176.

³³ Екатерина II к Гримму, Тверь, 21 января (1 февраля) 1775 г. — СБРИО. Т. 23. С. 13—15; Гримм к Екатерине II, Париж, 5 (16) июня 1782 г. — СБРИО. Т. 44. С. 219—220.

вич); о поле кавалерши д'Эон англичане держали пари. Но популярность может сослужить дурную службу, вызвать преследования властей, что и произошло с Калиостро. Человеку известному трудно скрыться: Степана Занновича узнали и разоблачили по портретам, которые он сам велел изготовить в большом количестве. Поэтому искатели приключений нередко предпочитают конфиденциальные, а не публичные информационные каналы. Они используют уже существующие связи и создают свои собственные.

Прежде всего это осведомительство и шпионаж. Сложившаяся во Франции система распространения вестей, «устных» и «рукописных», предполагала наличие целого штата вестовщиков. Во многих знатных домах был свой платный осведомитель, получавший около десяти ливров в месяц. Подобно «Хромому бесу» Лесажа, они как бы снимали крыши домов, подслушивая и подсматривая, вытаскивая тайны на свет божий. Некоторые вестовщики проникали в салоны и министерства, пользуясь вымышленным титулом: так некий авантюрист Франсуа Бушар выдавал себя за виконта де Монтемайора, наиболее важные новости он, подобно дипломатам, шифровал³⁴.

Подобного персонажа, чья жизнь посвящена поиску и распространению новостей, причем нередко весьма полезных, описывает Кантемир в третьей сатире: вестовщик Менандр,

С зарею восставши, везде побывает,
Развесит уши везде, везде примечает,
Что в домах, что на улице, в доме и в приказе
Говорят и делают, кто где с кем подрался,
Сватается кто на ком, кто где проигрался,
Кто за кем волочится, кто выехал, кто въехал,
У кого родился сын, кто на тот свет съехал³⁵.

Надо было быть в курсе всех событий не только для развлечения и светской беседы, но дабы не пропустить перемен при дворе, выдвигения нового фаворита, возможности получить место или бенефиций. Соединение престижности и полезности породило, как уже говорилось, большой спрос на периодические выпуски вестей, изготовлявшиеся в специальных конторах как для избранной, так и для широкой публики. Добытчики и распространители устных и письменных вестей объединялись, конкурировали, постоянно занимались плагиатом. Рукописные газеты и их «редакции» выполняли роль адресных и справочных столов, бюро объявлений и даже службы знакомств. Распространяли новости женщины, продавцы лимонада, официанты в кафе, кабатчики. За рубеж вести вывозить запрещалось, контрабандисты-газетчики попадали в тюрьму. Годовая подписка на

³⁴ *Funck-Brentano F. Figaro et ses devanciers. P. 21.*

³⁵ *Кантемир А. Сатиры и другие стихотворения. СПб: Академия Наук, 1762. С. 44.*

Уличная сцена

Peau Q.L.C. Les secrets de l'ordre des francsmaçons.
Amsterdam, 1745

престижные «листки», например на «Французского наблюдателя» Шеврие (*Le Spectateur français*), стоила 240 ливров³⁶.

Одним из самых популярных было «агентство» шевалье Шарля де Фье де Муи (1701—1784), плодовитого прозаика и полицейского осведомителя. Бюро его официально существовало с 1744 г. на улице Сент-Оноре, но фактически работало с 1730-х годов. Создавая скандальные, литературные и с 1742 г. светские хроники, Муи использовал полученную из полиции информацию, а взамен делился своей. Добывая новости, он и в замочные скважины подсматривал, как сам рассказывал. Услугами его пользовались многие, вплоть до Вольтера (1736, 1738—1739) и герцога Лотарингского Станислава Лещинского (1741—1747). Муи безуспешно пытался стать литературным корреспондентом Фридриха II, издавал в 1751 г. газету «Мотылек, или Парижские письма» (*Papillon, ou Lettres parisiennes*). Человек он был полезный, но опасный, пользовался в Париже скандальной славой и в Бастилию попадал несколько раз, в 1741 и 1745 гг.

Литературные вести шевалье де Муи распространялись и за рубежом, в том числе в Россию. В 1730-е годы через Академию наук они поступали некоему высокопоставленному вельможе, может быть русскому, а может быть одному из фаворитов-французов Елизаветы Петровны, маркизу де ла Шетарди или Лестоку³⁷.

Другим авантюристам также приходилось сотрудничать с полицией, частенько арестовывавшей их. Делали это Анж Гудар, видимо, Фужере де Монброн и, увы, Казанова. После многолетних скитаний венецианец смог вернуться на родину, став осведомителем той самой государственной инквизиции, что заточила его в Пьомби, тюрьму под свинцовой крышей. Сохранились его доносы (1774—1782): Казанова выдавал знакомых, причем сообщал именно о том, за что сам поплатился, — о плутнях, о театральных шашнях, о распутном поведении, о хранении безбожных и непристойных книг, о связях с иностранцами (венецианская знать не имела права видаться с чужеземными послами).

Чуть более почетным было ремесло секретного агента. Во Франции их вербовали сразу две службы: министерство иностранных дел и Секрет Короля, созданный Людовиком XV, чтобы всех контролировать и проводить свою политику втайне от министров и, главное, от всемогущей фаворитки, маркизы де Помпадур³⁸. Обе службы час-

³⁶ *Funck-Brentano F.* Op. cit. P. 49.

³⁷ Муи к Л. Эйлеру, Париж, 6 ноября 1739 [?] г. — Тарту, 5/2023. См. также ААН. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 28. Л. 166—171.

³⁸ Из сочинений на эту тему см.: *Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier, etc.*, éd. M. E. Boutaric. Paris: E. Plon, 1866; *Correspondance secrète du comte de Broglie avec Louis XV*, éd. D. Ozanam, M. Antoine, Paris: Klincksiek, 1956—1961, 2 t.; *Perrault G. Le Secret du Roi*. Paris: Fayard, 1992—1996, 3 t.

тенько соперничали, что вносило путаницу в дела, разрушало субординацию, и дипломаты частенько не знали, кого им слушаться. Д'Эон, работавший на разведку, отказался в 1763 г. сдавать дела и архив новому посланнику в Лондоне де Герши, ссылаясь на секретное письмо короля. Когда в начале 1760 г. граф Сен-Жермен был отправлен маршалом де Бель-Илем и королем в Гаагу, чтобы начать тайные переговоры о заключении сепаратного мира с Англией и Пруссией, министр иностранных дел граф де Шуазель, проведая об этом, настоял на публичном дезавуировании Сен-Жермена и высылке его из Голландии³⁹. Фридрих II заинтересовался предложением графа Сен-Жермена, хотя писал, что трудно поверить, что в посредники выбран человек, которого иначе как авантюристом не назовешь («Qu'on ne saurait envisager que comme un aventurier»); граф де Шуазель именовал его «первостатейным авантюристом» («aventurier du premier ordre»)⁴⁰. В официальном заявлении д'Аффри от 30 апреля 1760 г., опубликованном в Голландии, говорится, что «Его Величество приказывает объявить этого авантюриста человеком, не заслуживающим доверия» («reclamer cet aventurier comme un homme sans aveu»)⁴¹.

На французскую разведку работали Казанова и Бернарден де Сен-Пьер (в 1764 г. он выполнял секретные задания в Польше, поддерживая антирусскую партию)⁴². Анж Гудар работал на французского посла в Лондоне де Герши, посылал донесения послу в Риме кардиналу де Бернису. В 1769 г. он выпустил эпистолярный роман «Китайский шпион» (не без помощи Казановы, перу которого принадлежат несколько писем) — парафраз «Персидских писем» Монтескье. Под видом китайцев, которые доносят императору о положении дел в Европе, он, по сути, изобразил самого себя. Образ писателя-шпиона, постороннего, который ведет путевой дневник или посылает письма, фиксирует свои впечатления, сатирически разбирает по

³⁹ Souvenirs de Charles-Henri baron de Gleichen. P. 130—131. Д'Аффри, французский посол в Голландии, в своих донесениях Шуазелю от 22 февраля, 7, 10 и 14 марта, 8 и 25 апреля 1760 пишет о финансовых проектах Сен-Жермена, о том, что тот хочет добиться для Франции огромного займа. — ААЕ, СР, Hollande. Vol. 503. Fol. 154, 200, 212—213, 217—218, 312, 383, etc., publ. *Langeveld L. A. Der Graf von Saint-Germain*. Berlin: E. S. Mittler et La Haye: W. P. van Stockum, 1930. P. 285—287). П. Андремон называет сумму (30 миллионов флоринов), но полагает, что денежные дела служили прикрытием дипломатических интриг. См.: *Andremont P. Les Trois vies du comte de Saint-Germain*. P. 89.

⁴⁰ Фридрих II к Геллену, послу в Голландии, 22 марта 1760 г. — *Langeveld L. A.*, Op. cit. P. 296; Шуазель к д'Аффри, 19 марта 1760 г. — ААЕ, СР, Hollande. Vol. 503. Fol. 239, *Langeveld L. A.* Op. cit. P. 296.

⁴¹ Resolutien van de hoog mogende heeren Staaten Generaal, 1760. P. 250—251; *Langeveld L. A.* Op. cit. P. 286.

⁴² *Maurly F. Etude sur la vie et les œuvres de Bernardin de Saint-Pierre*. Paris: Hachette, 1892.

косточкам чужую жизнь, пытается постичь скрытый смысл событий, как нельзя лучше соответствует жизни искателя приключений.

Услуги тайного агента неплохо оплачивались. Казанова даже считал, что государство бросает деньги на ветер. В начале Семилетней войны, в 1757 г., он получил 500 луидоров за инспекцию французского флота в Дюнкерке, так и не поняв смысла своей поездки (видимо, король хотел удостовериться в готовности войск произвести высадку в Англии; в эту пору в туманном Альбионе шевалье д'Эон готовил план высадки). Но главная награда для шпиона — быть признанным властью, возможность получить место или пенсион, хотя бы для этого и пришлось предать родину, как это сделал барон де Чуди.

Барон приехал в Россию после скитаний по Европе. Он жил в Голландии и в Италии (в 1745 г. принимал участие в работе неаполитанских масонских лож). За памфлеты, направленные против папы Бенедикта XIV, осудившего масонство⁴³, он был арестован в Неаполе и бежал. В Петербурге он жил под своим литературным псевдонимом, шевалье де Люси; ни рекомендаций, ни грамот, подтверждающих его настоящее имя и дворянское происхождение, у него не было, а потому он не мог рассчитывать на хорошую должность. Даже главный его покровитель, фаворит Елизаветы Петровны И. И. Шувалов, сделавший Чуди своим секретарем, опасался, не помогает ли он авантюристу. Поместив в «Литературном хамелеоне» сатирический портрет вельможи, весьма похожего на А. Г. Разумовского, француз навлек на себя немилость. В 1756 г. Чуди принужден был поехать проведать отчизну и повстречал по дороге в Риге французского агента Ла Мейсоннье де Валькруассана. Тот доверил соотечественнику секретное донесение. Вместо того чтобы послать письмо в Польшу по агентурной сети Чуди, через рижского вице-губернатора генерала Воейкова отправил донесение в Петербург Шувалову — именно затем, чтобы предательством подтвердить свою преданность, заменить рекомендации доносом: «Я благодарю случай, доставивший мне возможность дать несомненное доказательство моих чувств... Привязанность к России продиктована шепетильностью моею, а не рекомендациями, коих представить не могу... Они необходимы человеку неизвестному, но я таковым не являюсь, и если перемена имени на некоторое время подвергла меня нападкам черни и прислуги, ибо всегда людей чести поносят те, у кого ее нет, то я надеюсь, что впредь Ваше Превосходительство соизволит...» и т. д., и т. п.⁴⁴. Валькруассан был арестован, но и Чуди не избежал Бастилии: причины про-

⁴³ *Etrenne au pape ou les Francs-maçons vengés. Réponse à la bulle d'excommunication lancée par le pape Benoît XIV. La Haye, E.-L. Saurel, 1752; Le Vatican vengé, apologie ironique. La Haye, 1752.*

⁴⁴ Чуди к И. И. Шувалову, Либава, 4 (15) января 1756 — РГАЛИ: Ф.195 (Вяземские). Оп. 1. Ед. хр. 6051. Л. 18—20.

вала французская разведка вычислила быстро⁴⁵. Оба они были одновременно отпущены на свободу — политический климат менялся, именно в этот момент шевалье Дуглас и шевалье д'Эон готовили союзный договор между Францией и Россией. Вполне возможно, что Чуди добился бы большего, если бы избрал иной путь и, выполняя предписания Шувалова, вступил в контакт с французской дипломатией: обе страны тайно искали возможности сближения. Но, как бы то ни было, Чуди заслужил награду — должность первого гофмейстера Пажеского корпуса.

Другую важную информационную сеть составляют масонские связи. Благодаря им авантюрист получает доступ в светское общество и радужный прием во всех странах Европы. Масонские дипломы XVIII в., которые во множестве хранятся в архивах, выдавались в первую очередь «братьям», уезжающим за границу⁴⁶. Казанова писал, что «всякий молодой путешественник, если желает он узнать высший свет, не хочет оказаться хуже других и исключенным из общества себе равных, должен в нынешние времена быть посвящен в то, что называют масонством» (ИМЖ, 95). Разумеется, особый интерес вызывали те, кто приносил тайное знание, будь то рецепт изготовления золота или новый масонский ритуал, подобный тому, что учреждал повсюду Великий Копт Калиостро. Видимо, Чуди оказал влияние на развитие русского масонства, в частности на систему, созданную П. И. Мелиссино⁴⁷.

Третья среда, в которую активно внедряются авантюристы, — это мир финансов. Как сформулировал не без иронии Фридрих II в разговоре с Казановой, лучше быть рекомендованным банкиру, чем монарху. Правда, финансовых гениев среди искателей приключений нет, если только не причислять к ним Джона Лоу. Авантюристы ведут переговоры о государственных займах, изобретают новые налоги и способы пополнить казну, пишут трактаты и мемуары о коммерции, финансах, государственном устройстве (Казанова, Сен-Жермен, д'Эон, Одар, Гудар, Билиштейн). Банкиры пересылают их корреспонденцию, учитывают векселя, снабжают рекомендательными письмами, обеспечивают полезные знакомства, поставляют нужные сведения. Анализ русских связей Казановы показывает, что знакомство с аристократами ему обеспечили банкир Деметрио Папанелопуло, итальянские и французские актеры, профессиональные игроки, а также масонские рекомендации, видимо берлинские.

⁴⁵ Archives de la Bastille, t. 16 (1749—1757). Paris: Pedone, 1884. P. 414—417.

⁴⁶ В ЦХИДК (б. Особый Архив) в числе прочих находится прошение от 21 мая 1781 г. о выдаче подобного патента воспитателю графа Павла Строганова Жильберу Ромму, будущему монтьяру и изобретателю республиканского календаря, состоявшему в знаменитой ложе философов, писателей и художников «Девять сестер» — Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 65—65а.

⁴⁷ В своей книге «Пламенеющая звезда» (1766) Чуди напечатал речь, произнесенную им в петербургской ложе «С. Т.» (?) 1 (12) марта 1760 г.

Как мы видим, авантюристы использовали возможности всех формальных и тем более неформальных сообществ, в которых они состояли: театральные связи, братства шулеров или литераторов. Напомним, что титул гражданина Республики Словесности сам по себе был не настолько почетным, чтобы открыть все двери. Когда Фужере де Монброн приехал в 1753 г. в Петербург, английский посол заподозрил, что репутация преследуемого литератора — всего лишь прикрытие для тайной дипломатической миссии. Именно такую «легенду» выберет для поездки в Россию три года спустя шевалье д'Эон. Французская тайная дипломатия частенько прибегала к услугам писателей и философов, причём не только тех, кто был склонен к авантюрам, как Бомарше и ему подобные. В политической игре она обращалась к Вольтеру, использовала сочинения Руссо. В ноябре 1773 г. французский посол Дюран де Дистрофф просил приехавших в Петербург Дидро и Гримма развеять предубеждения императрицы против Франции, убедить ее во взаимной выгоде «сердечного союза» между двумя странами (после раздела Польши Франция пыталась изменить расстановку сил в Европе и предлагала России свое посредничество для заключения мира с Турцией)⁴⁸.

Мы уже говорили, что одна из целей содружества ученых и литераторов — разведка знаний и талантов. Именно так определяет роль Ф. М. Гримма, культурного посредника между Россией и Западом, его приятель, венецианский сенатор Анжело Кверини. Прочтя в газетах предложение создать Бюро шпионства за заслугами (*Bureau d'espionnage du mérite*), предназначенное для поощрения талантов, он утверждает, что Екатерина II уже создала таковое бюро в сердце своем, поставив Гримма во главе его⁴⁹.

В заключение посмотрим, чем отличается от аванюриста человек, делающий карьеру в Республике Словесности. Гримм принадлежит к тому же поколению, что и Казанова, у них множество общих знакомых по всей Европе, от того же Анжело Кверини до д'Аламбера и кардинала де Берниса. Они жили в одно и то же время в Париже, но, видимо, так и не встретились. Гримм блестяще умел обольщать, подстраиваться под собеседника, особенно коронованного (как всякий мещанин, он питал искреннюю любовь ко всем монархам). Дидро звал его «гермафродитом» за дар перевоплощения⁵⁰, он тщательно следил за своим туалетом, белился. Хотя Руссо и «не мог понять, как важный Грим смел чистить ногти перед ним», Гримм был действительно дельным человеком. «Дьячок философии», как он себя аттестовал, он ста-

⁴⁸ *Diderot D. Œuvres politiques*, éd. P. Vernière, Paris: Garnier, 1963

⁴⁹ А. Кверини к Гримму, 13 февраля 1778 г. — СПбОИИ. Ф. 203. Оп. 1. Ед. хр. 203. Л. 1.

⁵⁰ Дидро к Фальконе, июль 1767 г. — *Diderot D. Correspondance*, éd. G. Roth et J. Varloot, Paris: Minuit, 1955—1970. Т. VII. P. 196.

рательно лепил свой собственный образ, противопоставляя его репутациям знаменитых философов — Дидро и Руссо⁵¹. Авантюристы, как правило, жужане, а Гримм сознательно представал как типичный немец, чьи два главных таланта — «умеренность и аккуратность». Он хотел казаться человеком всеведущим и исполнительным, на которого можно всегда положиться. При этом он отстаивал концепцию жизненного поведения, прямо противоположную той, которой следовали искатели приключений. Никакого риска, никакой лотереи, никаких блестящих проектов, честность — лучшая политика. Во всем надо соблюдать умеренность, счастье — в посредственности и незаметности, скрытое влияние сильнее показного. Гримм твердо знал: чтобы быть услышанным в Петербурге, надо говорить из Парижа, и решительно отказывался делать карьеру при русском дворе. Благодаря тому, что в течение двадцати лет (1774—1796) он, оставив «Литературную корреспонденцию», был привилегированным личным корреспондентом Екатерины II, он сосредоточил в своих руках поставку в Россию произведений искусства. Все, кто хотел продать императрице коллекцию картин или библиотеку, преподнести или посвятить свое сочинение, получить ангажемент в Петербурге или аккуратно получать пенсию, должны были обращаться к нему. Екатерину II, по ее словам, «бомбардировали» книгами, и русским послам было запрещено их принимать от авторов; на «самотек» императрица уж тем более не отвечала. В отличие от авантюристов, переносчиков новостей, обязанностью Гримма было не столько собирать, сколько ограничивать и отфильтровывать поток информации. Получая жалованье, ордена и чины от русского двора, он идеально вписался в созданную царицей систему культурной дипломатии.

⁵¹ Подробнее об этом см.: *Stroev A., Dulac G. Diderot en 1775 vu par Grimm (Lettres inédites de F.M. Grimm à la princesse A. Golitsyna et au comte S. Roumiantsev) // DHS, № 25, 1993. P. 275—293; Stroev A. Rousseau utopiste jugé par Grimm // J.-J. Rousseau. Politique et nation. Actes du IIe congrès international, Monmorency, 27 septembre — 4 octobre 1995 (à paraître).*

ЩЕГОЛИ И ФИЛОСОФЫ, КУПЦЫ И КОРОЛИ

Разговор о Гримме, авантюристе-буржуа, возвращает к проблеме ролевых масок, поведенческих стереотипов, которым следовали люди эпохи Просвещения. Наша задача — соотнести поведение авантюристов с общепринятым, показать, в чем оно подражательное, а в чем принципиально новое. Материалом служат биографии людей XVIII столетия, а также романы Кребийона-сына, Мариво, Ла Морльера, Дюкло, Шеврие, Дидро, Лезюира и других, комедии Пирона, Седена, Грессе, Палиссо, памфлеты и письма.

Поскольку во Франции XVIII в. доминировала аристократическая модель бытия, светское этикетное поведение включалось в общее понятие цивилизованности наравне с искусством. Как показал еще в 1939 г. немецкий ученый Норберт Элиас¹, современное представление о культуре как о единстве художественных текстов и хранящих/порождающих их институтов (театров, музеев, библиотек и т. д.), кажущееся в России единственно возможным, приходит в XVIII в. из Германии и связано с буржуазной, бюргерской концепцией мира. До этого времени само слово «культура» употреблялось во Франции в основном для обозначения сельскохозяйственных культур, а искусство описывались в одном ряду с ремеслами.

Н. Элиас подчеркивает, что понятие цивилизации стирает различие между народами и сословиями, предлагая сегодняшнюю норму как идеал, к которому все обязаны стремиться; сам термин вырабатывается нацией, чувствующей свое превосходство над другими, ставящей себя в центр мироздания.

¹ *Elias N. La Civilisation des mœurs. Trad. de l'allemand. Paris: Calmann-Lévy, 1973; Elias N. La Société de la cour. Trad. de l'allemand. Paris: Flammarion, 1985.*

Оплотом «аристократической цивилизации» в XVIII в., в отличие от XVII в., был уже не двор (Версаль), а столица. Соответственно, модель поведения придворного, наиболее регламентированная, продуманная и описанная, сменилась более свободными этикетными правилами. Парижские манеры воспринимались как истинно светские и истинно французские, и потому в чужой стране любой мещанин, любой иностранец, поживший в Париже, становился образцом галантности и хорошего тона. Французы вполне последовательно описывали свою жизнь как единственно возможную форму цивилизации, любую другую — как варварство. Манифестом подобных представлений были книга Луи Антуана Карраччиоли «Французская Европа» (1776) и роман-памфлет Лезюира «Европейские дикари» (1760).

Цивилизация — это не столько результат, сколько процесс, предполагающий превращение «естественного», природного человека в существо социальное, в того, кто овладел навыками правильного поведения. С этой точки зрения в обществе важна не индивидуальность, а соответствие нормам; в разговоре воспитанный человек должен не искать истину, а сообразовываться с мнением собеседника. Подобной вежливости не простил французам Д. И. Фонвизин, упрекающий их за то, что «всякий отказался иметь о вещах свое собственное мнение», «чтоб слыть умеющим жить», за то, что ум для них состоит в остроумии и умелом плетении словес². Цивилизованный человек должен не «быть», а «казаться». Это противопоставление (*être — paraître*) — едва ли не центральное для Франции XVII и XVIII вв. Появление иных моделей поведения связано с сомнением в правильности цивилизации, с предпочтением природы — обществу, чужака (дикаря, крестьянина, иностранца) — себе (идеи, которые наиболее полно воплотил Руссо). Слом общественного сознания, заставляющий воспринимать внешнее и показное как ложное, приводит к разграничению «высокой» культуры и культуры повседневного, обиходного существования, к возникновению оппозиции «полезное—эстетическое». Цивилизация универсальна и переменчива, она включает категорию моды, культура — своеобразна и неизменна, она хранит «вечные ценности»; именно на нее ориентируются нации или классы, желающие на весь мир заявить о себе.

Во Франции бытовое поведение, включающее умение правильно одеваться, есть, вести беседу, писать письма, объясняться в любви, естественно смыкалось с салонными формами культуры: философскими беседами, шутивными ритуалами, сочинением стихов и рассказов, разыгрыванием спектаклей, литературными мистификациями. Частная переписка нередко превращалась в открытую: письма известных людей, посвященные интересным, важным темам, копировались, читались в салонах, печатались, обильно цитировались.

² Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. Т. 2. С. 473.

Так, в случае с Ф. М. Гриммом, пересылавшим Екатерине II всю заслуживающую внимания корреспонденцию со своими подробными комментариями, понятие частного, индивидуального письма практически теряет смысл. Светская литературная игра могла порождать и значительные произведения: так, «Монахиня» Дидро возникла из эпистолярного дружеского розыгрыша. С другой стороны, как было показано выше, выход книг и премьеры спектаклей становились событиями художественной жизни Парижа именно в процессе их обсуждения в салонах и кафе, центрах формирования общественного мнения, а «Литературные корреспонденции», рассылавшиеся по Европе, увековечивали оценку.

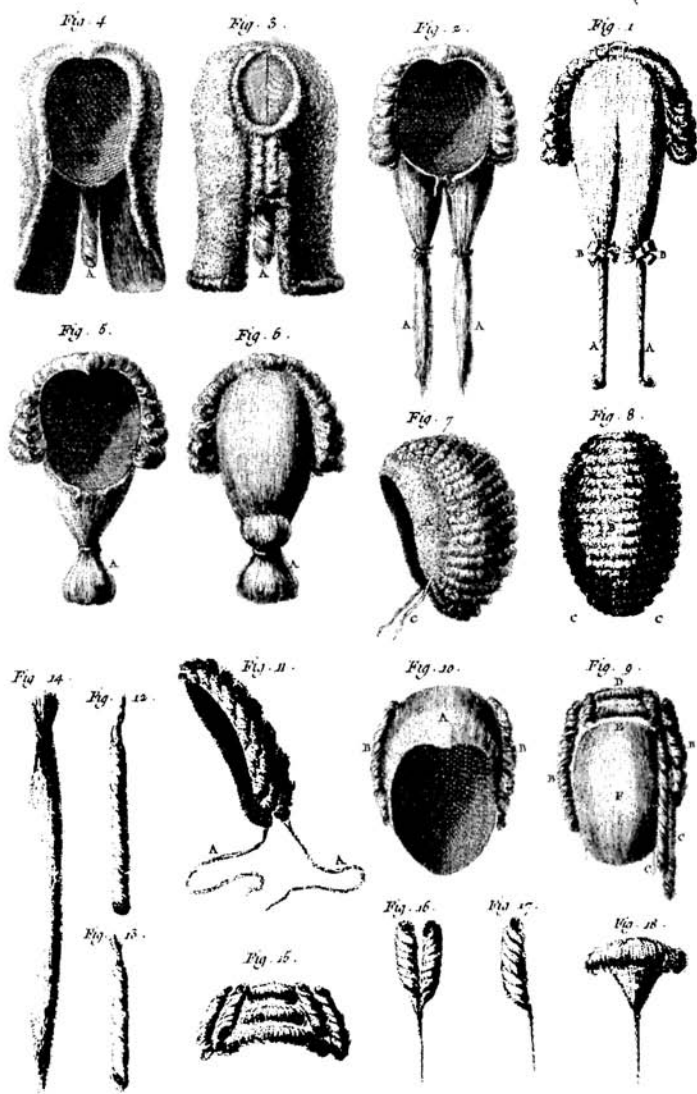
Стройную картину образцовой цивилизации нарушали два обстоятельства. Во-первых, новые модели жизнеповедения, «буржуазная» и «философская», поставили под сомнение аристократические принципы. Во-вторых, усиление роли общественного мнения, превратившегося в реальную власть, подрывало основы социальной иерархий и государственного устройства.

С точки зрения аристократа буржуазный образ жизни воспринимается как возможный, но презираемый, философский же — как невозможный, как своего рода антиповедение. Для придворного в XVII в. и для щеголя (*petit-maître*) в XVIII в. жить в обществе — важное и самоценное занятие, а вовсе не безделье. Показателен с этой точки зрения ответ Екатерины II на вопрос Фонвизина «Отчего у нас не стыдно не делать ничего?»: «Сие не ясно: стыдно делать дурно, а в обществе жить не есть не делать ничего»³. Позорным для аристократа будет, напротив, труд и зарабатывание денег.

Щеголь царит в парадных покоях, нередко разделенных на две части, мужскую и женскую. Свет не терпит конкуренции и беспощадно высмеивает семейную жизнь, супружеский долг или просто привязанность. Во множестве французских романов XVIII столетия моделируется одна и та же ситуация: муж и жена почти демонстративно живут врозь, на детей практически не обращают внимания. Для поддержания репутации щеголь обязан разоряться, за показным блеском должны скрываться или, напротив, афишироваться огромные долги. Аристократическое общество в этом смысле живет по принципам индейского праздника потлача, или, если угодно, деревенской свадьбы: престиж семьи — не в том, сколько сберегли, а сколько потратили, пустили по ветру.

Напротив, для буржуа престижна и важна работа (торговля, производство), он копит, а не тратит; скромный вид подчеркивает тайное богатство. Семейное счастье делает ненужными любовные побе-

³ Фонвизин Д. И. Указ. соч.. Т. 2. С. 273. Подробнее о культурном контексте полемики см.: Berelowich W. Préface // Fonvizine D. *Lettres de France*. Paris: CNRS éd. et Oxford: The Voltaire Foundation, 1995. P. VIII.

Парики

Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences,
des arts et des métiers.

Recueil de planches, sur les sciences,
les arts libéraux, et les arts mécaniques.

Paris, 1762-1771

ды. Его идеал — постоянство. Героем романа-списка любовных побед может быть либо модный щеголь, либо юный крестьянин, поднимающийся по социальной лестнице, но не буржуа. Светскому остроумию противостоит мещанский здравый смысл. Кичиться своим состоянием, тратиться на актрис и меценатствовать — значит принимать аристократическую модель поведения, как это делали многочисленные «мещане во дворянстве», покупавшие знатные титулы.

Но есть одна область, в которой буржуа ведут себя как авантюристы, ставят не на стабильность, а на непредсказуемость, — это коммерция и биржевая игра. Характерно, что Вольтер, читая «Общие замечания об Английском королевстве» шеваляе д'Эона, отметил именно тот раздел, где речь шла о старинной торговой компании «купцов-авантюристов», созданной для вывоза шерсти и разорившейся, когда во имя развития мануфактур экспорт шерсти был запрещен под страхом смерти⁴. Ради прибыли торговцы обязаны идти на риск и потому охотно пользуются услугами искателей приключений. С помощью каббалы Казанова столь удачно предсказывает будущее голландскому финансисту (вернется ли из плавания корабль, надо ли предпринимать рискованную операцию), что тот предлагает ему компаньонство и руку дочери. По рекомендации Казановы его приятеля, авантюриста графа Тиретту, охотно принимают на службу в амстердамский торговый дом, и тот, отправившись в Индию, делает там карьеру. Правда, подобное доверие вознаграждается отнюдь не всегда: братья Премислав и Степан Занновичи выманили у голландских купцов большие деньги, обещав вложить их в несуществующие торговые корабли. Поскольку поручителем их был венецианский дипломат, то афера едва не вызвала войну между двумя республиками, голландской и венецианской. Изредка литераторы-авантюристы, не брезгавшие никакими коммерческими операциями, даже работоторговлей, сколачивали огромное состояние, как, например, Бомарше.

Французская внешняя политика XVIII в. во многом строилась не на завоевании новых земель, а на торговой экспансии и мирной колонизации. Рядовые французы мечтали повелевать чужими странами, вкладывая деньги в торговое предприятие и при этом несметно богатея. На этом был основан грандиозный успех основанной Джоном Лоу «Компании Миссисипи», стоимость акций которой с 1716 по 1720 г. выросла во много раз. В сочинениях тех, кто отстаивал идеалы буржуазного жизнеповедения, купцы рисовались, с одной стороны, как истинные философы, а с другой — как монархи, подлинные властелины мира. В комедии Седена «Философ, сам того не зная» (1765) заглавный герой, коммерсант, скрывающий свое дворянское.

⁴ D'Éon. Observations générales sur le royaume d'Angleterre // Les Loisirs du chevalier d'Éon de Beaumont. Amsterdam, 1774. Т. 7. P. 302 — Corpus des notes marginales de Voltaire. Т. 3, Berlin: Akademie-Verlag, 1985. P. 419.

происхождение, гордо заявляет, что одним росчерком пера отдает приказания на другом конце света, что он служит всем нациям⁵.

Миры знатности и богатства с миром искусства связывают две характерные фигуры: откупщик-меценат (д'Эпине, Ла Поплиньер) и светская дама, хозяйка салона, сама не чуждая философии и изящной словесности, покровительница ученых и писателей, как г-жа Жоффрен, маркиза де ла Ферте-Эмбо, г-жа Неккер, г-жа д'Эпине и др.

Разумеется, и мир писательский не был един. На одном полюсе находились литераторы, поденщики Республики Словесности, зависимые от покровителей, ищущие мецената, подлаживающиеся под вкусы публики, превозносящие власть или хулящие ее, как Тевено де Моранд, ибо памфлеты расходились лучше панегириков. На другом полюсе — аристократ и дилетант, пописывающий для своего удовольствия и нередко помогающий бедным собратьям по перу, как граф де Келюс. Разумеется, в обоих случаях графомания не только не исключалась, а скорее предполагалась; само же писательство воспринималось как ремесло низкое, едва ли не постыдное⁶. Обе эти модели поведения так или иначе адаптировались к буржуазным (все на продажу) или дворянским принципам (благородное времяпрепровождение).

Напротив, философ воспринимался как человек не от мира сего, нарушающий все принятые нормы, для которого личная свобода важнее правил общежития и социальной иерархии. Любая зависимость: любовь, дружба, семья, родина — для него тяжелые оковы. Наиболее отчетливо это видно на примере Жан-Жака Руссо, для которого самые близкие люди превращаются в злодеев и тиранов, как только пытаются давать ему советы, а тем паче — вернуть его к общепринятым стереотипам.

Те черты, что свойственны любому литератору и вытекают из особенностей профессии: склонность к уединению, непрерывное чтение и писание, бытовая рассеянность из-за постоянной концентрации умственных сил, непрактичность, бессребреничество — приобретают у философа гиперболические, гротескные и трагические черты. Любой «каторжанин письменного стола» (как называли Ф. М. Гримма) обрекает себя на геморрой, заворот кишок, урологические недуги, склероз и слепоту. Тех, кто добился обеспеченной жизни, разорила Революция. Медицинские сочинения XVIII столетия особо отмечали нездоровый образ жизни ученых, прямо противоположный идеалу естественной, активной, уравновешенной жизни на свежем воздухе. Классифицируя профессиональные недуги сочинителей, швейцарский врач Тиссо писал о «литературном истощении», о том, что сидячая

⁵ *Sedaine M. J. Le Philosophe sans le savoir (1765) // Théâtre du XVIIIe siècle, Paris: Gallimard, 1960. T. 2. P. 530.*

⁶ Подробнее о положении авторов см.: *Masseau D. L'invention de l'intellectuel dans l'Europe du XVIIIe siècle. Paris: PUF, 1994.*

жизнь, затворничество, пренебрежение телом во имя рассудка приводит к расстройству и того, и другого и в конечном итоге к ипохондрии и мизантропии («О здоровье литераторов», 1768)⁷.

«Философское» поведение во всем противоположно «шегольскому» и потому не существует без него: для отрицания необходима точка отсчета. С другой стороны, щеголю также необходим философ, который поставляет новые идеи и доктрины, чье мнение воспринимается как высший авторитет, чье поведение и сочинения служат предметом для разговоров. Романы и тем более комедии зачастую рисуют и того и другого в ироническом ключе. Но разоблачают их, исходя все из того же противопоставления «быть» и «казаться». Философ обвиняется в том, что он плохо соответствует своей роли, что на самом деле он шарлатан, как в комедии Палиссо «Философы» (1760) или в письмах из Франции Д. И. Фонвизина: «Д'Аламберты, Дидероты в своем роде такие же шарлатаны, каких видал я всякий день на бульваре; все они народ обманывают за деньги, и разница между шарлатаном и философом только та, что последний к сребролюбию присовокупляет беспримерное тщеславие»⁸.

Итак, философ думает, щеголь говорит. Философ пишет, щеголь беседует. «Есть ли меж придворных философы?» — спросил Казанова парижского литератора Клода Патю и услышал в ответ: «Философов нет, ибо невозможно придворному быть философом, но есть люди умные, каковые ради собственного блага не раскрывают рта» (ИМЖ, 107).

Философ читает медленно, возвращаясь, перечитывая, используя выписки в работе. Щеголь читает все подряд и очень быстро, несколько книг одновременно, читает всюду — за туалетом, на прогулке, в постели (Карраччиоли описывает эту манеру как типично французскую). Щеголь выносит суждение и мгновенно забывает произведение, тем самым уничтожая его. Философ существует в мире памяти, над которым не властно время, он беседует с предками и потомками. Щеголь живет сегодняшним днем — и соответственно, вне истории, ибо не думает ни о прошлом, ни о будущем. Как сформулировал Клод Патю, в Париже «почитают двух богов, хотя и не возводят им алтарей — новизну и моду» (ИМЖ, 106).

Философ одинок, тогда как щеголь не существует вне света, общества, беспрестанного общения. Философ — убежденный холостяк, жена и дети отвлекают от высоких дум (в мистической интерпретации — препятствуют постижению высшего знания). Его утеха — беседа с такими же, как он, друзьями, его семья — сообщество людей науки, идеальная Республика Словесности. Любовница нянчит философа, как дитя. По свидетельству Казановы, Руссо говорил о Терезе

⁷ Tissoi. De la santé des gens de lettres. 1768 — см.: Chartier R. Modèles de l'homme de lettres // *Lez Valenciennes*, № 18, 1995. P. 13—25.

⁸ Фонвизин Д. И. Указ. соч. Т. 2. С. 481.

Левассер, что она — его второе «я», что она не жена ему, не любовница, не служанка, не мать, не дочь, она для него все (ИМЖ, 423).

Щеголь женат, но все внимание уделяет чужим супругам, забывая о своей. Он вынужден играть всегда роль соблазнителя, даже если бессилен (как в романе Кребийона «Софа», 1741), — репутация модного человека, главное достояние щеголя, заменяет все прочие достоинства. Беззаботный и любезный, он шутит и чарует без усталости и без раздумий. Он берет женщину для того, чтобы ее бросить. Знаменитая «наука страсти нежной», изложенная в романах от Кребийона до Лакло, зиждется на понятии «случая», «момента» — улучив благоприятную ситуацию, надо без промедления ею воспользоваться. Щеголь или либертен должен превозносить женскую добродетель на словах и действовать так, как если бы ее вовсе не существовало.

Философ болен от сидячего образа жизни, щеголь всегда в движении. В обществе он буквально вертится волчком, он задает вопросы и говорит, не слушая и не дожидаясь ответов. У него своя речевая маска, фонетическая и лексическая. Парижское щегольское наречие — пропуск в высшие слои общества «французской Европы», раскинувшейся от Италии до России. Ла Морльер в романе «Ангола» (1746), посвященном «щеголихам», специально выделяет курсивом характерные словечки и фразы. И. А. Крылов в комедии «Трумф» высмеивает российских модников, копирующих речь французских франтов — шепелявость, пропуск сонорных⁹. Щеголь — патриот Парижа, философ — космополит и чужак («гражданин Женевы»).

Щеголь наряжен по моде, он ее законодатель, тогда как философ одет по-домашнему: так изображал Вольтера его приятель Гюбер в серии картин, сделанных по заказу Екатерины II. Он небрежен до чудачковатости (Дидро), носит восточный наряд (хотя Руссо и объяснял свое пристрастие к армянскому халату медицинскими соображениями). Философ во всем оригинален и индивидуален, он парадоксалист, тогда как остроумец-щеголь воплощает идеал одинаковости, он лучший из похожих на него. Предел поведения в обоих случаях — переменчивость, вечные метаморфозы. Щеголь уподобляется хамелеону, Карраччиоли утверждает, что трудно даже определить его пол — он похож на женщину лицом, манерами, голосом, он так же красится, пудрится. Заглавный герой комедии Пирона «Метромания, или Поэт» (1736) определяется через серию отрицаний: он не принадлежит ни к какому сословию, он не буржуа, не аббат, не судейский, не военный, он трудится день и ночь, не делая ничего, его лицо преобразуется вместе с мыслями, он одевается крайне небрежно или чересчур нарядно, все чудачки соединились в нем: мизантроп, честолюбец, ветреник, снисходительный, рассеянный; он живет под псевдо-

⁹ Лотман Ю. М. Речевая маска Слюня // Избранные статьи. Таллин: Александра, 1993. Т. 3. С. 394—395.

нимом, музы заменяют ему любовь и состояние. Но переменчивость поэта и философа идет от нестандартности натуры, тогда как маска шеголя скрывает пустоту.

Шеголь, неверующий католик, безразличен к богословским проблемам, тогда как философ — чаще всего деист или атеист, как Дидро. В минуты озарений он, подобно Руссо, сам мнит себя Верховным существом. Современники почитают его как литературное божество (Вольтер). Философ — кумир толпы, шеголь — человек толпы.

Судьба их также различна. Удел шеголя — беззаботность, упорядоченность и предсказуемость мелких ежедневных событий. Удел философа — преследования, тюрьма и ссылка. Гонения изведали практически все, начиная с Вольтера, Дидро и Руссо; арест приравнивается к философской инициации. В век Просвещения пророка не начинают слушать, пока его не побили камнями, книгу не читают, пока она не запрещена. Наиболее известный пример — третье издание «Истории обеих Индий» аббата Рейналя. Сожженное в 1781 г. рукой палача, оно доставило автору славу мученика философии и сделалось бестселлером. Как утверждал Гюстав Лансон, для писателя Бастилия становилась преддверием славы. Аббат Мореле, попав туда, воскликнул: «Шесть месяцев в Бастилии послужат мне наилучшей рекомендацией и несомненно обеспечат мое будущее!» — и не ошибся, хотя просидел всего шесть недель¹⁰.

Три основных типа философов Просвещения воплощают Вольтер, Дидро и Руссо. Первый — человек, преуспевший во всех областях: философии, литературе, истории и, что очень важно, в денежных делах. В своих «Мемуарах» (1759) он рисует мудреца, живущего в уединении, спокойствии, довольстве и полной независимости. Бывший наперсник монархов, он с философской радостью видит, что короли не столь счастливы и покойны и что его положение предпочтительнее¹¹. При этом финансовой независимостью он гордился едва ли не больше, чем литературными достижениями. Вольтер был человеком практичным и оборотистым, истинным буржуа, хотя его семья и получила дворянство. В мемуарах своих он советовал: чтобы составить состояние, надо внимательно читать правительственные указы. Вольтер мигом находил в них слабые места и предмет для финансовых спекуляций. При всем своем затворничестве фернейский патриарх отстаивал идею союза элит, философов и знати, дабы произвести преобразования сверху (эта мысль была близка и д'Аламберу). Литературную богему Вольтер презирал и третировал¹².

¹⁰ Darnton R. Gens de lettres, gens du livre. P. 53.

¹¹ Mémoires de M. de Voltaire, éd. J. Brenner. Paris: Mercure de France, 1965. P. 66.

¹² Mervaud Ch. De Westminster Abbey au Panthéon. Le statut des «gens de lettres» dans les *Lettres philosophiques* // RHLF. 1991. № 2. P. 177—195; Waller R. L'Homme de lettres en France et en Angleterre (1700—1730) // DHS, № 10, 1978. P. 229—252.

Концерт

По рисунку О. де Сент-Обена.

Lacroix P. XVIII-me siècle.

Lettres, sciences et arts:

France 1700-1789.

Paris, 1879

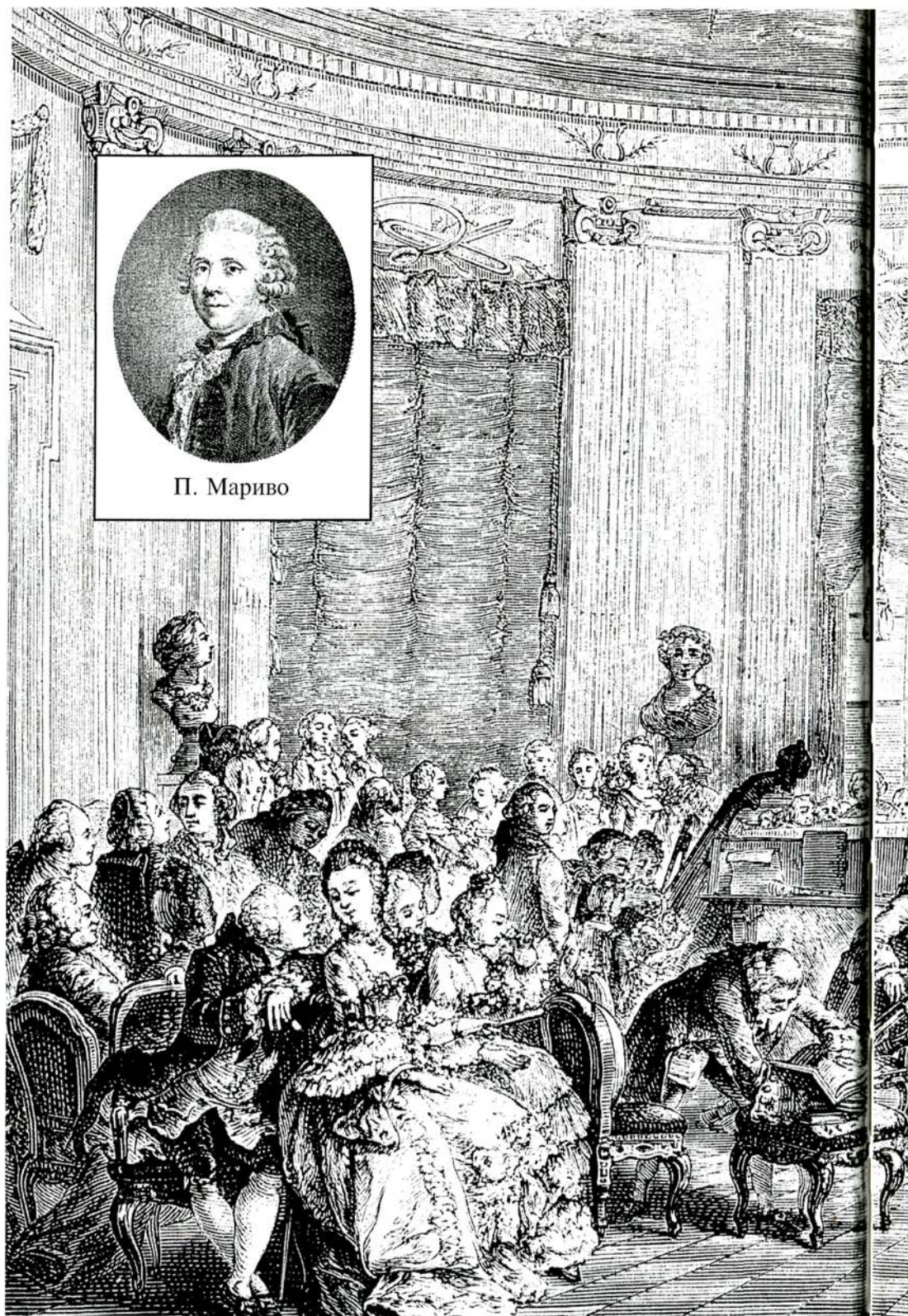

П. О. Бомарше

П. Мариво

Леопольд Моцарт со своими детьми
Марией-Анной и Вольфгангом

По оригиналу Кармонтеля. Lacroix P. XVIII-me siecle.
Lettres, sciences et arts: France 1700-1789. Paris, 1879

Дидро, напротив, относился к своим нищим собратьям с интересом и симпатией («Племянник Рамо»). Человек энциклопедических знаний, но увлекающийся, рассеянный, неловкий в практической жизни, он столь энергично жестикулировал, беседуя с Екатериной II, что императрице пришлось поставить столик между ними, чтобы уберечься, — у нее все ляжки были в синяках. Друзья и враги называли его неподражаемым оригиналом, шестидесятилетним ребенком, говорили, что он грезит наяву, не дорожит ни временем своим, ни славой.

И последний, Руссо, — осмеянный и прославленный безумец, утопист и пророк. В предисловии к роману «Удачливый философ» (1787) Р. М. Лезюир писал, что мания преследования — расхожая болезнь литераторов. Удрученные своими бедами, они считают их результатом всеобщего заговора и во всех окружающих видят правительственных шпионов. Но Руссо, по его мнению, к тому же возвышенный безумец, пророк¹³. Как показал Жан Старобинский, анализируя восходящий к Библии образ больного пророка, Руссо мазохистски преувеличивал свои страдания и страхи, подсознательно усиливал свои болезни, как бы закрываясь ими от общества и от общения¹⁴. О безумии Жан-Жака профессиональные врачи и дилетанты написали многие тома.

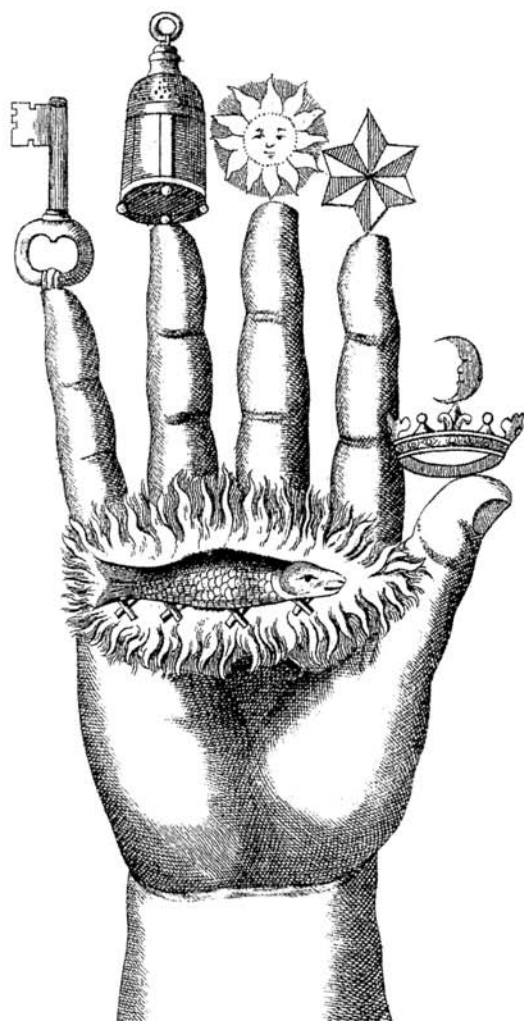
Сам Руссо отказывался причислять себя к литераторам, ибо они делают одно, думают другое, а пишут третье. Он отстаивал единство жизни и творчества (быть и казаться)¹⁵, и при этом нарушал все свои заповеди: педагог, он сдал детей в приют; противник театра и аристократов, он сочинил пьесу для представления при дворе. При разрешении философских и житейских проблем он старался поступать наперекор общепринятым идеям и нормам. Он усиленно создавал легенду о своем бесребренничестве, непокорности и неудачах и старался следовать ей. Сам себе судья и палач, Руссо жаждал и добивался преследований, обид, болезней, одиночества и нищеты.

В русском некрологе величие женеvского гражданина доказывался именно через праведность жития: «Но все сие не может стать в сравнение с добродетельностью жизни сего философа. Гонимый, вечно скитающийся, кроющийся, терпящий все нужды, все недостатки, все обиды, кои невинный человек терпеть может, то есть клевету и зависть, не токмо не мстил, но ниже на кого не жаловался. Хотя никому преоборение не было так легко, как сему сильноречивому писателю, но *терпеть* и *прощать* было его и правило и чувство. Никто не мог склонить его, ни в какой нужде, принять какое-нибудь

¹³ *Le Suire R. M. Le Philosophe parvenu. Londres; Paris, 1787. T. 1. P. VIII.*

¹⁴ *Starobinski J. Jean-Jacques Rousseau, la transparence et l'obstacle. Paris: Plon, 1957.*

¹⁵ *Goulemot J.-M. Rousseau et les figures de l'intellectuel // Saggi e ricerche di letteratura francese, Roma, 1989. Vol. XXVIII. P. 59—82.*

Рука философов

И. И. Голланд. Собрание разных достоверных химических книг, а именно: Иоанна Исаака Голланда Рука философов, О Сатурне, О растениях, Минералах, Кабале и О камне философическом, с приобщением небольшого сочинения неизвестного автора О заблуждениях алхимистов.

СПб., 1787

вспоможение [...] Впрочем, одни сочинения его могли бы произвести ему безбедное состояние, но мысли свои и наставления не считал он продажным товаром, а ставил в цену только свою ручную работу, которая состояла в переписывании нот музыкальных и за которую он брал по десяти копеек *французских со страницы*»¹⁶.

Для Руссо, как для евангельских пророков, для юродивых и для персонажей Достоевского, скандал — главная форма разрешения всех жизненных ситуаций и созданных им самим конфликтов.

*
* *
*

Авантюристы, как правило, подражают щеголям, но внутренне они близки философам. Поэтому отношения с первыми у них идиллически, со вторыми — напряженны и драматичны. Авантюрист, человек из третьего сословия, следует светскому этикетному поведению в одежде, речах, манерах, отношениях к женщинам, в особенности если он выезжает за пределы Франции. Венецианец Казанова гордится своим парижским арго, позволяющим тотчас отделить своих от чужих и в Петербурге в 1765 г. («Я не узнаю ее по голосу, но по речам уверяюсь, что эта маска хорошая моя знакомая, ибо непрестанно слышу словечки и обороты, что я ввел в моду в парижских домах» — ИМЖ, 554), и в Италии в 1772 г. Он пишет в мемуарах о своей книге «Бестолочь. Послание одного ликантропа» (1772)¹⁷, опубликованной по-итальянски: «Я вставил туда предисловие на французском, используя одни лишь простонародные парижские словечки, никому не понятные. Шутка эта доставила мне близкое знакомство с многими молодыми людьми» (НМВ, III, 961). Язык формирует аудиторию — избранную, просвещенную, космополитичную, благородную. Когда же, напротив, Клод Патю остроумно изъясняется по-итальянски в стиле Боккаччо, то Казанова убеждает его, что говорить так не следует.

Но при всем сходстве щеголя и авантюриста фигуры эти отнюдь не тождественны. На театре светской жизни первый — зритель, самое большее статист, тогда как второй — автор и комедиант. Модник болтает, искатель приключений творит. Щеголь, переносчик новостей, гордится тем, что он раньше всех оказывается в курсе событий; авантюрист тоже, как правило, блестящий рассказчик, но предпочитает, чтобы говорили о нем. Пересказывая истории из своей жизни, он столь гордится ими, что отказывается что-либо менять в повество-

¹⁶ СПбВ, № 63. 7 авг. 1778. С. 549—554.

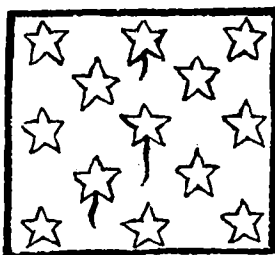
¹⁷ *Casanova G. Lana Caprina. Epistola di un licantropo. Bologne, 1772.*

вании. Даже для всемогущего герцога де Шуазеля Казанова отказался сократить свой двухчасовой рассказ о побеге из Пьемонта, которым снискал успех у парижан.

Шеголь — житель столицы, авантюрист вынужден беспрестанно покидать ее. Шеголь может блистать только в своем кругу, для авантюриста чужбина — дом родной. Казанова стремится соблазнить всех, от крестьянки до императрицы, из дворца он попадает в избу, дневные литературные дискуссии с Вольтером перемежаются вечерними оргиями. При этом он все равно остается чужим и привлекает внимание именно своей непохожестью. Ревнивое противоборство авантюристов с философами проистекает именно из близости их «антиповедения».

ВОЛЬТЕР, РУССО И АВАНТЮРИСТЫ

Для многих авантюристов Вольтер — едва ли не главный пример для подражания. Они либо стремятся преуспеть в тех же областях, что и фернейский отшельник, нередко встречаясь с теми же людьми (подобно ему, Казанова сотрудничал с финансистом Пари-Дюверне, ссорился с семейством де Роганов), либо пытаются использовать славу Вольтера, составить репутацию, выступая в роли его ученика или соперника.

Прославленный философ, писатель, историк, властитель дум, советник монархов, богач, Вольтер в глазах искателя приключений воплощает образец удачливости и недостижимый идеал, реализует его мечты и проекты. Да и у самого Вольтера в глубине души есть что-то от авантюриста, его терзает комплекс незаконнорожденного, парвеню, которого презирают аристократы. Ему ведомы резкие перемены судьбы, взлеты и падения, его прославляли и били палками, арестовывали, ссылали. Состояние он составил не творчеством, а спекуляциями, нередко не слишком благовидными. Фридрих Великий сильно гневался на него за махинации с саксонскими ценными бумагами. 30 января 1751 г. он писал своей сестре, маркграфине Байрейтской: «Вы спрашиваете, что за тяжба у Вольтера с жидом? Судится плут, который хочет надуть мошенника. Нельзя, чтоб человек с умом Вольтера так злоупотреблял им [...] Он вел себя как сумасшедший»¹. Вольтер — игрок по характеру своему; азартный картежник, он полагает, что игра делает людей равными и свободными: «В мире есть только один образцовый закон, регламентирующий ту разновидность безумия, что зовется игрой: лишь ее правила не до-

¹ Цит. по: Mémoires de M. de Voltaire. P. 222.

пускают ни исключений, ни послаблений, ни разочтений, ни ти- рании»². Вольтер добивается успеха там, где авантюрист разоряется или довольствуется малым, в том числе в лотерее. Сочинив уйму фи- нансовых проектов, искатели приключений разоряются так же бы- стро, как богатеют, и умирают в нищете. Патриарх, напротив, полу- чал в шестьдесят шесть лет 120 000 ливров годовой ренты (по свиде- тельству Казановы), а в конце жизни уже 231 300 ливров, и был сре- ди двадцати крупнейших рантье Франции.

Вольтер в беседах, письмах и сочинениях стремился воспитывать просвещенных монархов, что, разумеется, было делом непростым и с Фридрихом II, и с Екатериной II. Авантюрист более всего завидо- вал этой роли и наименее успешно с ней справлялся.

Авантюристы пытаются соперничать с Вольтером, создавая исто- рии России и Польши, как это делали Казанова и Анж Гудар. Ше- валье д'Эон вступил в прямую полемику с «Историей российской империи при Петре Великом» (1759—1763) в своей «Непредвзятой истории императрицы Евдокии Федоровны, первой жены Петра Ве- ликого» (1774). Он исправляет неточности фернейского патриарха, укоряет его за лесть. Д'Эон создает не парадное, а приватное жизне- описание создателя новой России, рисует его как тирана, жестокого мужа и отца. История страны предстает как история семьи, изложен- ной от лица брошенной женщины. Д'Эон превращает подлинные факты в роман, напоминающий столь популярные в XVIII в. сюже- ты о невинной жертве, преследуемой злодеями и Роком.

Лишь в одной области, пожалуй, искатели приключений успеш- но конкурируют со своим идолом — в тайной дипломатии и шпио- наже. В молодости Вольтер отказался последовать за политическим авантюристом Гёрцем, который намеревался перекроить карту Ев- ропы и вел тайные переговоры о заключении политического союза между Петром I и Карлом XII³. Позже, в 1722 г., он предлагает свои услуги в качестве тайного агента министру иностранных дел и пер- вому министру кардиналу Дюбуа, он готов ехать с заданием в Вену. Впоследствии Вольтер участвует во французской дипломатической игре, служит посредником между Версалем и Берлином, но Фрид- рих II оказывается хитрее своего наставника-философа.

И все-таки на долю авантюриста, как правило, выпадал жребий не Вольтера, а Руссо — преследуемого, безумного пророка. Сами ис- катели приключений, их друзья и недруги постоянно сравнивают их жизни с судьбой Жан-Жака. Анонимный автор памфлета «Очерк жизни Жозефа Франсуа Борри» (1786) утверждает, что многие шар- латаны, подобно Руссо, вечно делают неверный выбор, решая, при-

² Цит. по: *Donvez J. De quoi vivait Voltaire?* Paris: Deux rives, 1949. P. 54—55.

³ Вольтер рассказывает об этом замысле в «Истории Карла XII» (1731) и «Ис- тории российской империи при Петре Великом» (1760—1763).

нять им пенсион или отказаться. Ж.-Ж. Татен показывает, как сам Калиостро в «Письме к английскому народу» (1787) разрабатывает мотив всеобщего заговора против праведника, как в приписываемых ему сочинениях, в первую очередь в «Исповеди графа К****» (1787), используются стереотипы руссоистского дискурса: критика эгоизма власть имущих и городского повреждения нравов, прославление здоровой сельской жизни⁴.

Степан Заннович в своих сочинениях представлялся как одинокий философ, поклонник и последователь Руссо; в 1773 г. он написал сонет, прославляя современного Сократа⁵, перевел на итальянский его музыкальную драму «Пигмалион», попытался вступить с ним в переписку⁶. Правда, женеvский гражданин не слышком ему доверял. В третьем диалоге «Руссо — судья Жан-Жака» (1774) он обвинил д'Аламбера в причастности к пропаже копии его рукописи «Рассуждения о правительстве польском» (1772) и добавил: «...в этом деле не обошлось без д'Аламбера, так же как в случае с неким графом Занновичем, далматинцем, и польским священником-авантюристом, который из кожи вон лез, чтобы проникнуть ко мне»⁷.

Когда Руссо приехал в Англию, шевалье д'Эон в своем письме от 20 февраля 1766 г. приветствовал славного изгнанника и представил на его суд свое дело (ссору с графом де Герши, французским послом в Англии): «У наших бед — почти что один источник, хотя причины и следствия их различны. Говорят, что вы излишне любите свободу и истину. Мне бросают тот же упрек [...] Можно во многих отношениях усмотреть параллели в причудливости вашей и моей доли [...] Любезный Руссо, мой старый собрат в политике, учитель мой в литературе, спутник в несчастье моем, вы, как и я, испытали переменчивость и несправедливость многих соотечественников наших»⁸. Руссо ответил вежливо и прекратил переписку. Подчеркнем, что Вольтер в эти годы вполне разделял точку зрения д'Эона. «Жан-Жак Руссо так же безумен, как всякие д'Эоны и Вержи», — писал он графу д'Аржанталю в 1765 г.⁹. Он просит врача Теодора Трошена вернуть

⁴ *Tatin-Gourier J.-J.* Op. cit. P. 20—24.

⁵ Soneto a J.-J. Rousseau il Socrate (1773).

⁶ *Pigmalione*, opera del conte Stephano Zannowich. Paris: F. A. Didot, 1773. Подробнее об отношениях С. Занновича с Вольтером и Руссо см.: *Venturi F.* Rousseau e Voltaire nelle avventure cosmopolite del conte Stefano Zannowitch, dalmatino // Studi in onore di P. Alatri. Vol. 1. L'Europa nel XVIII secolo, Napoli, 1991. P. 101—118; *Vidan G.* Un voltairien négligé: Stjepan Zanovič // *Studia Romanica et anglica Zagrabensia*. Vol. XXVIII, № 1—2, 1983. P. 3—23.

⁷ *Rousseau J.-J.* Œuvres complètes. Paris: Gallimard, 1959. T. 1. P. 962—963 (note de Rousseau).

⁸ *Correspondance complète de J.-J. Rousseau*, éd. R. A. Leigh. T. 28, Oxford: The Voltaire Foundation, 1977. P. 313—316 (№ 5062).

⁹ 24 января 1765 г., Best. D12335.

Вольтер

Ж.-Ж. Руссо

ему «безумства д'Эона»¹⁰, то есть «Письма, мемуары и частные переговоры шеваляе д'Эона» (1764), которые он сохранит, пометив на экземпляре: «Безумства д'Эона»¹¹. Справедливости ради отметим, что сам шеваляе в эту пору писал герцогу де Брольо: «Я очень боюсь в самом деле сойти с ума»¹². А Башомон писал 14 апреля 1764 г. о книге и ее авторе, что «его недостойные приемы, неуравновешенное поведение и раздерганный стиль изобличают человека злобного и сумасшедшего»¹³. Позднее, после выхода в свет своих «Досугов» (1774) д'Эон превозносил Жан-Жака в письме к издателю и уверял, что хорошо знает великого человека¹⁴.

Казанова в мемуарах описывает, как вместе с маркизой д'Юрфе посетил Руссо в Монморанси в конце 1750-х годов, избрав обычный предлог: желавшие видеть философа приносили ему ноты для переписки. Жан-Жак показался ему человеком здоровым и скромным, но не слишком учтивым. Правда, казановист Гельмут Вацлавик¹⁵ предположил, что венецианец повествует с чужих слов: он излишне лаконичен, избегает деталей и быстро переходит к рассказу о визите в Монморанси принца де Конти. Мораль традиционна: «Вот какие глупости совершают философы, когда, желая быть оригинальными, чудят» (ИМЖ, 423). Казанова постоянно сохраняет чуть ироническую дистанцию: он не доверяет словам этого «визионера» (НМV, I, 804), отмечает в сочинениях Жан-Жака ошибки, недостойные «истинного гения» (ИМЖ, 580), приводит критическое мнение о «Новой Элоизе» противника Руссо Альбрехта Галлера (ИМЖ, 445—446), подчеркивает отличие своих мемуаров от «Исповеди» (он-де говорит о своих глупостях столь же искренне, но с меньшим самолюбованием, чем «несчастный великий человек» — НМV, II, 714.). Принц де Линь, один из первых читателей «Истории моей жизни», ставил ее выше «Исповеди». «Я предпочитаю Жака [Джакомо] Жан-Жаку, — писал он Казанове, — ибо вы веселите, а он учительствует, вы гурманствуете, а он приправляет кушанье добродетелью. Вы сорвали три десятка роз невинности, а он — один барвинок. Вы человек благодарный, чувствительный и доверчивый, он неблагодарен и подозрите-

¹⁰ 18 августа [1765 г.], Best. D12054.

¹¹ BV1221.

¹² 10 февраля 1767 г. — ААЕ. СР. Angleterre, suppl., vol. 16, fol. 254.

¹³ [Bachaumont L. -P. de]. Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la République des Lettres en France depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours, A Londres, chez John Adamson, 1777—1789. Т. 2. P. 49—50.

¹⁴ Franck A., Chaumely J. D'Éon, chevalier et chevalière, sa confession inédite. Paris: Amiot-Dumont, 1953. P. 170.

¹⁵ Watzlawick H. Mémoires et thérapie: les «Anticonfessions» de Casanova // Annales de la Société de Jean-Jacques Rousseau. Genève: Droz, 1997. Т. 41. P. 281—311.

лен. Вы всегда были отменным ходоком, тогда как он серьезно и красноречиво повествует о своем бессилии»¹⁶.

Тот же образ возвышенного безумца-философа, напутствующего младшего собрата, возникает в уже упоминавшемся романе Лезюира «Удачливый философ» (1787), где вместо предисловия опубликовано вымышленное письмо Руссо от 7 апреля 1767 г., который хвалит автора и рекомендует ему... познакомиться с героем романа, таким же юным философом, как он сам. Писатель и его герой предстают одновременно и как друзья Руссо, и как его творения.

Разумеется, любой начинающий хочет получить именитого литературного крестного. Те, у кого нет рекомендательных писем на Парнас, изготавливают их, и авантюристы тут не исключение. В мае 1775 г. князь Александр Белосельский-Белозерский, кстати сказать, покровительствовавший Казанове и его братьям художникам и переписывавшийся с ними, напечатал в парижском журнале «Меркюр» стихотворное послание к Вольтеру и ответ философа от 27 марта 1775 г. Письмо подлинное, разве что Вольтер по обыкновению воспользовался своими давними стихами, перепосвятив их князю¹⁷. Но впоследствии сиятельный поэт включил в сборник «Французские стихи иностранного князя. Послания к французам, англичанам и жителям республики Сан-Марино» (1784, 2-е изд. 1789)¹⁸ письмо от Руссо (Париж, 27 мая 1775 г.), которое у издателя переписки Руссо, Р. А. Ли, вызывает серьезные сомнения в подлинности¹⁹.

Вольтер молодых писателей, тем более знатных иностранцев, хвалил исправно, а вот авантюристы ему были ни к чему. Он не обращает внимания на своих подражателей, едва замечает их. Казанова подробнейшим образом описывает в мемуарах три дня, что он провел в Фернее в 1760 г., а философ мимоходом упоминает в переписке «некоего весельчака». В женском обличе кавалерша д'Эон, «человек-амфибия», как говаривал Вольтер, вызывает безусловный интерес, а в мужском — весьма умеренный, хотя книги д'Эона патриарх хранил, оставлял заметки на полях, подчеркивал²⁰. В 1736 г. Вольтер

¹⁶ Шарль Жозеф де Линь к Казанове, Вена, 21 марта [1790]. — *Ligne Ch.-J. de Mémoires, lettres et pensées*, éd. A. Payne et Ch. Thomas. Paris: F. Bourin, 1990. P. 649.

¹⁷ Best. D19386, D19388.

¹⁸ *Poésies françaises d'un prince étrangers. Epîtres aux Français, aux Anglais et aux habitants de la République de Sainté Marin*. Cassel, 1784; 2 éd. Paris: 1789.

¹⁹ *Correspondance complète de Jean-Jacques Rousseau*, éd. R.A. Leigh. Oxford, 1982. T. XL. P. 244—247.

²⁰ *Lettres, mémoires et négociations particulières du chevalier d'Eon*, Londres: J. Dixwell, 1764 (BV1221) а также печатная полемика вокруг этой книги: *Pièces relatives aux Lettres, mémoires et négociations particulières du chevalier d'Eon*, Londres, 1764 et Londres, 1765; часть памфлетов против д'Эона принадлежит перу Анжа Гудара (BV2732); *Les Loisirs du chevalier d'Eon*. Т. 1—13, Amsterdam, 1774. «Досюги» д'Эон сам послал Вольтеру через своего издателя М.-М. Рея (BV1222) — *Corpus des notes marginales de Voltaires*. Т. 3. P. 418—420, 701—702 (notes).

начал переписываться с шевалье де Муи и регулярно получать от него сводки новостей. Философ исправно платил, но в итоге порвал с осведомителем. В конце концов Муи, как полагается авантюристу, Вольтера предал, доносил на него в полицию, нападал печатно²¹.

Напротив, искатель приключений непременно выставлял напоказ свои отношения с Вольтером, дружеские или враждебные. Главное — быть причастным к мифу; не надо было просить протекции у фернейского патриарха: одно его имя, употребленное в нужный момент, открывало все двери. На ученика падал отсвет его славы, его благословение помогало начать восхождение по социальной лестнице, тем более если авантюрист приезжал в Россию. Искатель приключений примерял роль последователя Вольтера или его литературного персонажа.

В 1755 г. барон де Чуди в журнале «Литературный хамелеон» (*Le Caméléon littéraire*), сообщая новости из европейской Республики Словесности, регулярно пишет о Вольтере, вызвав даже упреки в «вольтеромании» (6 апреля). В первом же номере от 5 января он защищает патриарха от нападок Ла Бомеля и Фужере де Монброна, доказывая: я не такой, как этот заезжий литератор-скандалист. И позднее, рассуждая о ремесле писателя, он не упустит случая уколоть Монброна, автора «Космополита» и «Штопальщицы Марго» (13 июля 1755).

Свою карьеру в России Чуди начал актером французской труппы при дворе Елизаветы Петровны. Не исключено, что он играл и в пьесах Вольтера, весьма популярных в России. В 1750-е годы во французском театре Кадетского корпуса ставили «Заиру», роль Орозмана исполнял юный Петр Мелиссино. Позднее в этой роли в Петербурге снискал успех Франсуа-Пьер Пикте, поставивший трагедию для придворного карнавала и празднеств зимой 1763 г.²² Опыта он набрался под руководством самого драматурга, ибо еще в 1759—1761 гг. двухметровый женевец, по прозвищу Пикте Великан, был членом небольшой любительской труппы, собранной Вольтером, которая разыгрывала его пьесы в замке Турне²³ (напомним, что в Женеве театральные представления были запрещены). Еще на родине он стал литературным персонажем: г-жа д'Эпине изобразила его в стихотворении «Любвный циферблат» (сб. «Мои счастливые мгновения», 1759). Видимо, и в Россию он в 1761 г. поехал искать удачи, рассчитывая на покровительство почитателя Вольтера, графа А. Р. Воронцова, который незадолго перед тем посетил Женеву.

В марте 1762 г. Пикте Великан в письме к Вольтеру расхвалил царствование Петра III, но вышла незадача: государь приказал высечь

²¹ *Mouhy Ch.* La Bigarrure ou Gazette galante (1750) — *Funck-Brentano F.* Figaro et ses devanciers. P. 212—225.

²² Приобретя в России крестьянку, Казанова тоже прозвал ее Заирой.

²³ *Candaux J. D.* Histoire de la famille Pictet. Genève, 1974. Т. 1. P. 226.

женевца за то, что тот не снял перед ним шляпу в Летнем саду. Потому, верно, Пикте в серии посланий к Вольтеру по горячим следам, в подробностях и с большим воодушевлением описал государственный переворот, совершенный Екатериной II. Письма немедленно были напечатаны во Франции²⁴ и, кажется, в Голландии в «Утрехтской газете» (*Gazette d'Utrecht*). Пикте уверял, что письмо передали в газеты приближенные императрицы помимо его воли; граф М. И. Воронцов утверждал, что женевец лично вручил письмо государыне. Поскольку Екатерина II весьма дорожила мнением Вольтера (так, она немедленно приревновала его к княгине Дашковой, которую философ превознес), Пикте получил место при канцелярии опекунства иностранных колонистов. Женевец картежникчал, дружил со своим соотечественником придворным ювелиром Дювалем и его юным протеже Бернарденном де Сен-Пьером, с Германом Лафермьером. Но, увы, через несколько лет, в 1765 г. он был арестован за соучастие в контрабанде и сослан²⁵. Екатерина II не простила его, несмотря на заступничество Вольтера, и в 1776 г. Пикте навсегда покинул Россию.

После смерти философа служивший у него в 1766 г. копиистом Тимолеон Альфонс Галльен, именовавший себя де Сальморанк, узнав, что Екатерина II приобрела библиотеку и рукописи Вольтера, решил попользоваться его славой и выдать себя за его ученика. «Проведя многие годы у постели господина де Вольтера, коему я обязан той скромной репутацией, которую приобрел в Республике Словесности, я получил в свое распоряжение изрядное число прелюбопытных рукописей», — писал он князю Потемкину 5 октября 1782 г. из г. Шклова, где был директором гимназии²⁶. Но тщетно пытался он подарить или, вернее, обменять на протекцию рукописи, которые, видимо, переписал или просто утащил, хотя среди них были и весьма ценные. Репутация у Сальморанка была сомнительная, с его покровителем Семеном Зоричем Потемкин враждовал, да к тому же разразился скандал после ареста живших там же, в Шклове, фальшивомонетчиков Премислава и Ганнибала Занновичей.

В приложенной описи значатся письма, составленные Вольтером обширные списки книг по истории России, педагогике, демонологии, сочинения о литературе, политике, религии и церковнослужителях (весьма смелые, по уверению Сальморанка, который пред-

²⁴ *Journal encyclopédique*, 1762. Т. V, part 3. P. 122—131, 141—149. Т. VI, part. 1. P. 145—151. Т. VII, part. 2. P. 140—152

²⁵ Подробнее о Пикте в России см.: АВ. М., 1883. Т. 29; *Кобеко Д. Ф.* Из истории французской колонии в Петербурге // *ЖМНП*, 1883, № 3 и 1884, № 5; *Кобеко Д. Ф.* Екатерина II и Даламбер // *Исторический вестник*, 1884, № 4 и № 5; *Писаревский Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке (Записки Московского археологического института. Т. 5). М., 1909.

²⁶ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/8. Ед. хр. 26. Л. 1.

лагал их и своему голландскому издателю) и, самое главное, латинский и французский варианты речей Вольтера, в которых философ доказывал, что Российской империи полезнее освободить крестьян, чем держать их в рабстве. Работа эта, представленная Вольтером в 1767 г. на конкурс Вольного экономического общества, ныне известна лишь по кратким пересказам²⁷. В 1786 г. Сальморанк, уже упрочив свое положение, став преподавателем истории и риторики в Кадетском корпусе (Петербург), вторично попытался пристроить рукописи и поместил в издаваемый им на французском языке журнал «Российский Меркурий» (*Mercure de Russie*) объявление об их продаже. Дальнейшая их судьба неизвестна²⁸.

Одновременно рыцари удачи могут избрать и прямо противоположную тактику. Чтобы овладеть магической силой тотема, его надо съесть. Подобную метафору использует в шутивном письме к своему другу, политику Джону Уилкису, шевалье д'Эон. В 1768 г. он приглашает его отведать копченых оленьих языков, привезенных ему петербургским купцом Тулоном, надеясь, что языки обладают красноречием Цицерона и деликатностью Вольтера²⁹.

Чтобы стать равным великому человеку, надо вступить в полемику с ним. Вольтер, литературное божество, провоцирует восстания падших ангелов, тех, кто хочет упрочить свою репутацию, свергнув его. Но успех редко им сопутствует.

Злобный и желчный Фужере де Монброн, «человек с косматым сердцем», «двуногий тигр», как назвал его Дидро, пародировал Вольтера в «Генриаде, переложенной бурлескными стихами» (1745), напал на него в «Послании г-ну де Вольтеру во время пребывания его в Майнце по возвращении из Берлина» (август 1753)³⁰. Снабдив стихотворное послание едкими примечаниями, он превращает божественный лик («*Dieu des vers, des talens*») в портрет авантюриста, изгнанного со скандалом отовсюду, ставшего притчей во языцех, злосердечного и воспевающего преступления плагиатора, который кончит дни на Гревской площади — в общем, рисует свой портрет. В конце романа «Космополит» (1750) Фужере де Монброн писал: «...я чувствую себя хорошо везде, кроме тюрьмы». «Все страны для меня равны [...] Сегодня я в Лондоне, быть может, через шесть месяцев я окажусь в Петербурге или в Москве?»³¹. И оказался — осенью 1753 г.

²⁷ *Сиволоп И. П.* Социальные идеи Вольтера. М.: Наука, 1978. С. 255—257.

²⁸ Подробнее об этом см.: *Алексеев М. П.* Книга Вольтера в библиотеке Томского университета // Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л.: Наука, 1985. С. 329—337; *Dulac G., Stroev A.* La lointaine sauvegarde: les manuscrits français du XVIIIe siècle dans les fonds russes // *Genesis*. 1993. № 3. P. 143—156.

²⁹ Лондон, 27 октября 1768 г. — Mss. BL. Add 30,877.

³⁰ *Henriade, travestie en vers burlesques* (1745), *Épître à M. de Voltaire pendant son séjour à Mayence au retour de Berlin* (1753).

³¹ *Le Cosmopolite ou le Citoyen du monde*, par M. de Monbron. Londres, 1753. P. 3, 164.

он приехал в Россию, когда залетных французов там почти не было: дипломатические отношения между двумя странами были разорваны. Писатель числился на дурном счету у парижской полиции, за роман «Штопальщица Марго» (1749) он попал в тюрьму Фор-л'Эвек, но при русском дворе он был принят благосклонно, вошел в доверие к вельможам. Видимо, предполагалось использовать его для дипломатических целей: как писал через два года И. И. Шувалов барону де Чуди, русские ждали приезда какого-нибудь французского аристократа, неофициальный визит был бы прелюдией для восстановления отношений. Английского посла возможная перемена русской политики весьма тревожила, и за Монброном, как мы уже говорили, он пристально наблюдал³². Монброн оказался в центре европейской политики, и потому сведения о нем тотчас попадали в газеты. В декабре 1753 г. «Санкт-петербургские ведомости» (21.12.1753 [1.1.1754], № 102) опровергали сообщение «Берлинской газеты» (*Gazette de Berlin*, № 138) о том, что Фужере впал в немилость. Но вскоре разразился новый скандал. По словам А. П. Сумарокова, как только Монброн въехал в Москву, то неумолчно стал кричать, что Вольтер недобрый человек, а маркиз д'Аржанс крайний невежа, что в России нет хорошего бургундского вина и, самое главное, что нет на свете честности, ибо он-де ее не имеет. Русский поэт защищал Вольтера и д'Аржанса и «уверял его, что Бургонское вино в России не так дурно, как он о нем проповедовал, и опытами то ему доказывал. О Бургонском вине мнение он переменял, однако о честности остался он с тем же мнением. [...] Солгал на меня, будто я говорил, что Вольтер обкрадывает стихотворцев»³³. При этом Сумароков уверяет, что одна из новых трагедий Вольтера с одной из его собственных очень сходна, но что, мол, подражание никому из стихотворцев бесславия не приносит, и что сам он тоже у французов заимствовал. Дружба Сумарокова и Монброна кончилась ссорой в покоях И. И. Шувалова. Француз назвал русского собрата льстецом, тот послал его читать свою «Превращенную Генриаду». Монброн «выступил из разума, ежели он его имел», стал браниться и получил оплеуху³⁴. Как писала в январе 1754 г. «Утрехтская газета», неуместная живость, которую Фужере де Монброн явил в государевом дворце, настроила против него всех, кто поначалу желал ему добра. Из сострадания ему посоветовали поки-

³² *Broome J. H. L'homme au cœur velu: the turbulent career of Fougere de Monbron // SVEC, 23, 1963. P. 179—213.*

³³ *Сумароков А. П. О пребывании в Москве Монброна // Сумароков А. П. Полн. собр. соч. в стихах и прозе. Изд. 2, М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1787, часть X. С. 150—153.*

³⁴ *Berkov P. N., Fougere de Monbron et A. P. Soumarokov // RES, 1960. T. 37. P. 29—38. Venturi F. Europe des lumières. Paris: Mouton, 1971. P. 91—114.*

нуть пределы империи, ибо французы плохо переносят сибирский климат³⁵.

Когда в 1760 г. Джакомо Казанова приезжает в Женеву и наносит визит Вольтеру в Турне, он представляется, как положено: «Наконец я вижу вас, дорогой учитель: вот уже двадцать лет, сударь, как я ваш ученик. — Сделайте одолжение, оставайтесь им и впредь, а лет через двадцать не забудьте принести мне мое жалованье», — ответил философ. (ИМЖ, 458—459). В старости Казанова поддерживал эту репутацию «младшего философа»: его приятель, либреттист Лоренцо Да Понте, уверял, что Казанову инквизиторы заточили в Пьюмби именно за то, что он давал молодым людям читать Вольтера и Руссо³⁶.

Другой рекомендацией послужило то, что Казанова играл в пьесах Вольтера. Дважды в этом же году, в Золотурне (Швейцария) и в Генуе, до и после встречи с патриархом, венецианец использовал спектакль «Кафе, или Шотландка», чтобы признаться в любви своим партнершам (он играл роль Мюррея). Казанова даже перевел на итальянский эту комедию, направленную против аббата Фрерона и литературной богемы. Вольтер написал ее по мотивам пьесы Карло Гольдони «Кафе», где выведены плут, игрок и доносчик — Казанову заинтересовала пьеса, высмеивающая авантюристов.

В «Истории моей жизни» венецианец рисует беседу с патриархом как словесный турнир, где оружием служат ирония, насмешка и знание итальянской поэзии. При этом он изображает Вольтера не как профессионального сочинителя, а скорее как литературного аристократа, богача, который не зарабатывает на книгах, а дарит свои сочинения издателям Крамерам и тем обеспечивает их широкое распространение.

Если верить переписке Вольтера, посетитель поначалу произвел на него благоприятное впечатление, и он решил использовать «весельчака» против врагов просвещения: пусть напишет комическую поэму в духе «Похищенного ведра» Тассони, ведь серьезные перепалки наскучили, смех — орудие сильнейшее³⁷.

Но неблагодарный ученик, проиграв поединок с мэтром, обиделся. Через несколько лет, в 1765—1766 гг., Казанова попытается бороться с культом Вольтера в Европе, превратившимся в новую религию. «В то время образованные русские, военные и статские, знали, читали, славил одного Вольтера и полагали, прочтя все сочиненное им, что стали столь же учеными, как их апостол» (ИМЖ, 578). Любя и почитая русских, венецианец отважно замыслил разуверить их, но отчаял-

³⁵ Gazette d'Utrecht, 1754. 29 janvier. — Romans libertins du XVIIIe siècle, éd. R. Trousson. Paris: R. Laffont, 1993. P. 665.

³⁶ Da Ponte L. Mémoires. Paris: Mercure de France, 1988. P. 166.

³⁷ Вольтер к Н. К. Тьерю, Турне, 7 июля [1760]. — Best. D9044

ся, ибо, по его словам, они носят Вольтера в кармане и наслаждаются, читая его беспрестанно. Покинув Петербург, Казанова в 1766 г. принялся разубеждать поляков в беседах и в пространных письмах к коронному стольнику графу Мошинскому и игравшему в Варшаве французскому актеру Суле. Он критиковал Вольтера за безбожие, плохое знание физики, исторических источников, иностранных языков, за то, что его изгоняли отовсюду (мы помним этот аргумент Монброна), и снова за безбожие, подрывающее общественные устои³⁸.

Казанова продолжил бесполезный спор, нередко заменяя доводы грубостью, в «Размышлении над “Похвальными словами г-ну де Вольтеру”» (1779) и в своей газете «Вестник Талии» (1780), которую выпускал в Венеции по-французски (*Le Messager de Thalie*). Он раскритиковал все пьесы Вольтера, показанные заезжей французской труппой: «Кафе» (где сам играл двадцать лет назад), «Нескромный», «Аделаида Дюгесклен». Только трагедию «Меропа» похвалил, не преминув, разумеется, упрекнуть Вольтера в плагиате, ибо тот заимствовал сюжет у Маффеи.

Последняя и наиболее интересная форма полемики авантюриста и философа — это диалог созданных ими мифов. Когда в 1777 г. кавалер д'Эон превращается в кавалершу и официально признается женщиной, он/она вступает в переписку с Вольтером и получает приглашение посетить Ферней. Патриарха интересует жизнь знаменитых травести, сорок лет назад он прочел «Мемуары аббата де Шуази, переодетого женщиной»³⁹ и сохранил книгу в библиотеке⁴⁰. Философа заинтриговали слухи, пронесшиеся по всей Европе, вплоть до России (о д'Эоне рассуждают и «Санкт-петербургские ведомости», и Екатерина II в своей переписке), заинтересовал образ девы-воительницы, «*captain Lady*», посвященной в масонские тайны⁴¹. Вольтер многократно поминает д'Эона в письмах, ждет его с нетерпением, с интересом разглядывает полученный им портрет кавалерши в виде Минервы. Свое приглашение он написал по-английски, придав ему тем самым оттенок тайны и интимности.

Кавалерша приехать не смогла, ибо после того, как она перебралась из Англии во Францию, ей пришлось, повинувшись монаршей воле, переменить несколько женских монастырей. Из одного из них, обители Дочерей Девы Марии, она и написала послание, видимо неотправленное и неопубликованное: «Мой скромный ответ великому Вольтеру» [черновик, осень 1777]⁴².

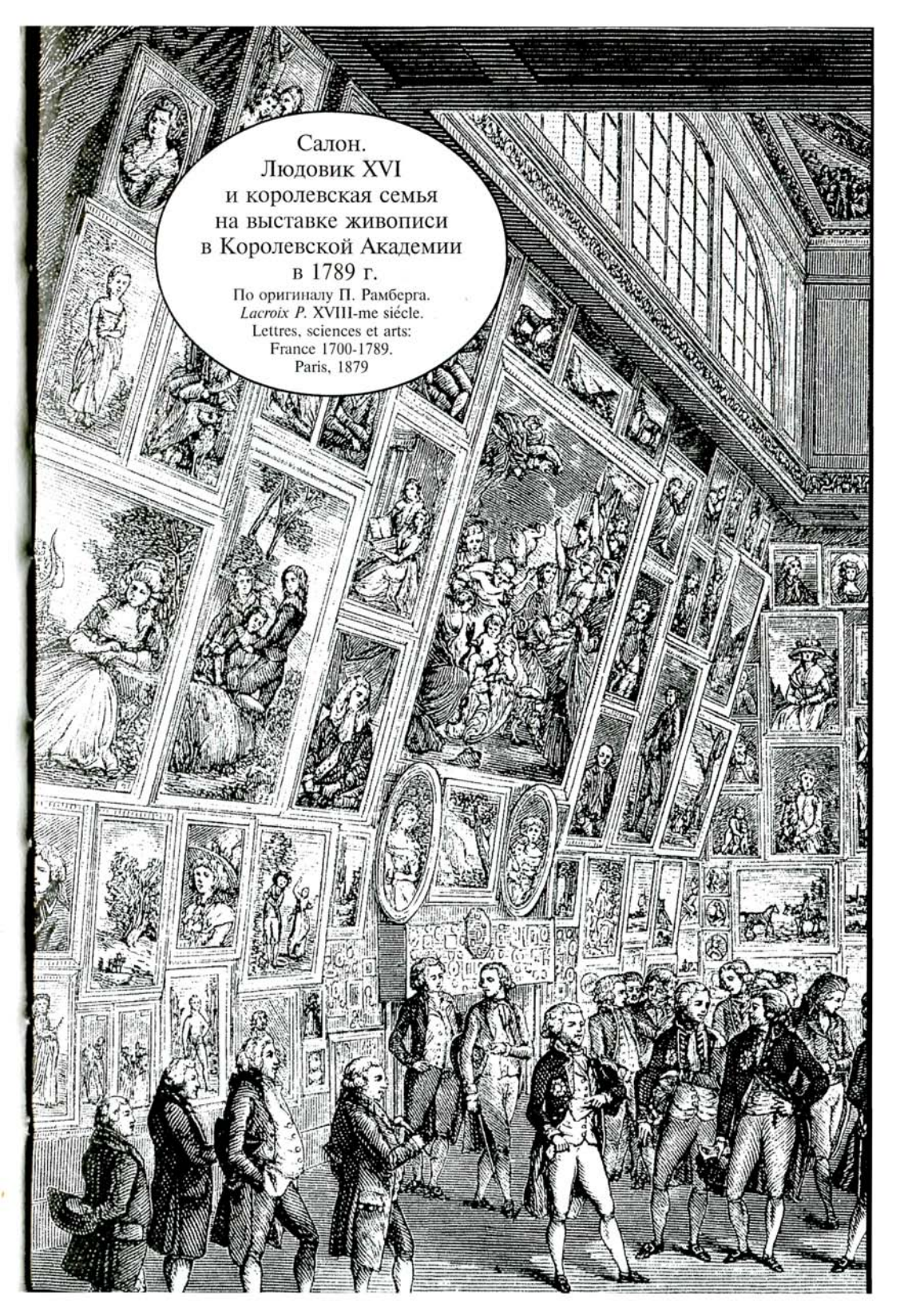
³⁸ Pages casanoviennes. Paris: 1925. Vol. 5. P. 34—47.

³⁹ Вольтер к Берже, 22 сентября 1736 г. — Best. D1153.

⁴⁰ Histoire de madame la comtesse des Barres. Bruxelles: F. Foppens, 1736 (BV 761).

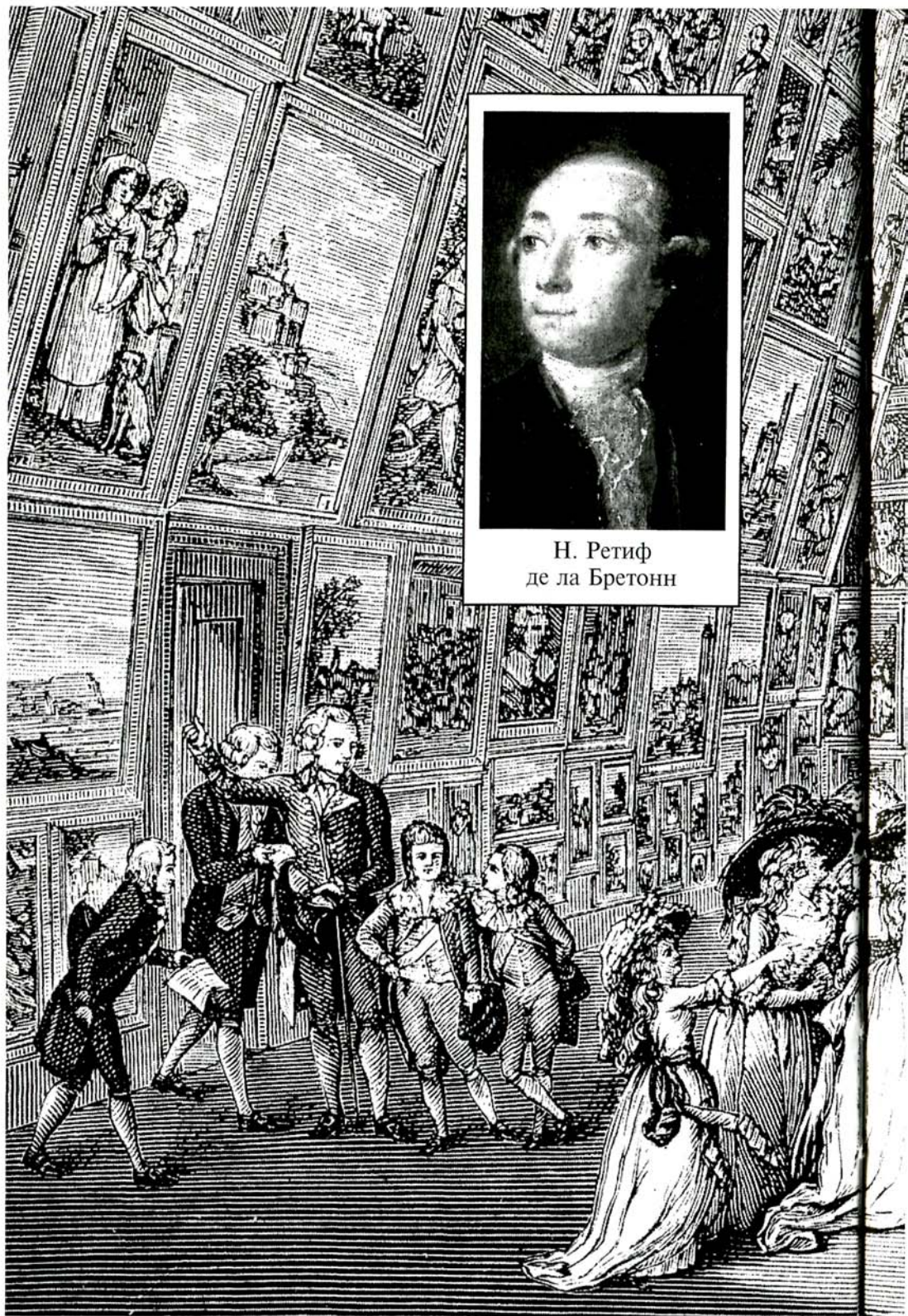
⁴¹ Дж. Кит к Вольтеру, 15 августа 1777 — Best. D20765.

⁴² Arsenal. Mss. № 9033. Fol. 312—314.

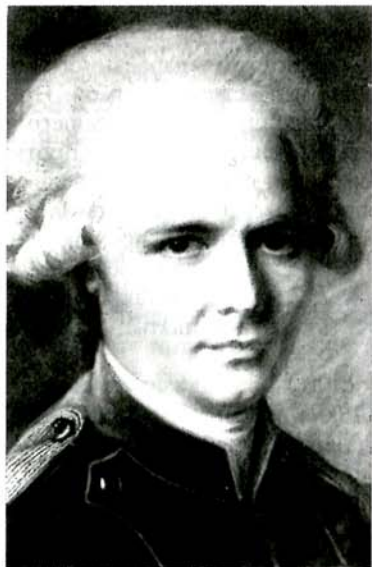
An engraving of a grand gallery filled with numerous framed paintings of various sizes and styles, including portraits, religious scenes, and historical events. The gallery has a high, vaulted ceiling with a grid of skylights. In the foreground, a group of men in 18th-century attire are gathered, some looking at the art. A large white oval is superimposed on the upper left portion of the image, containing text in Russian.

Салон.
Людовик XVI
и королевская семья
на выставке живописи
в Королевской Академии
в 1789 г.

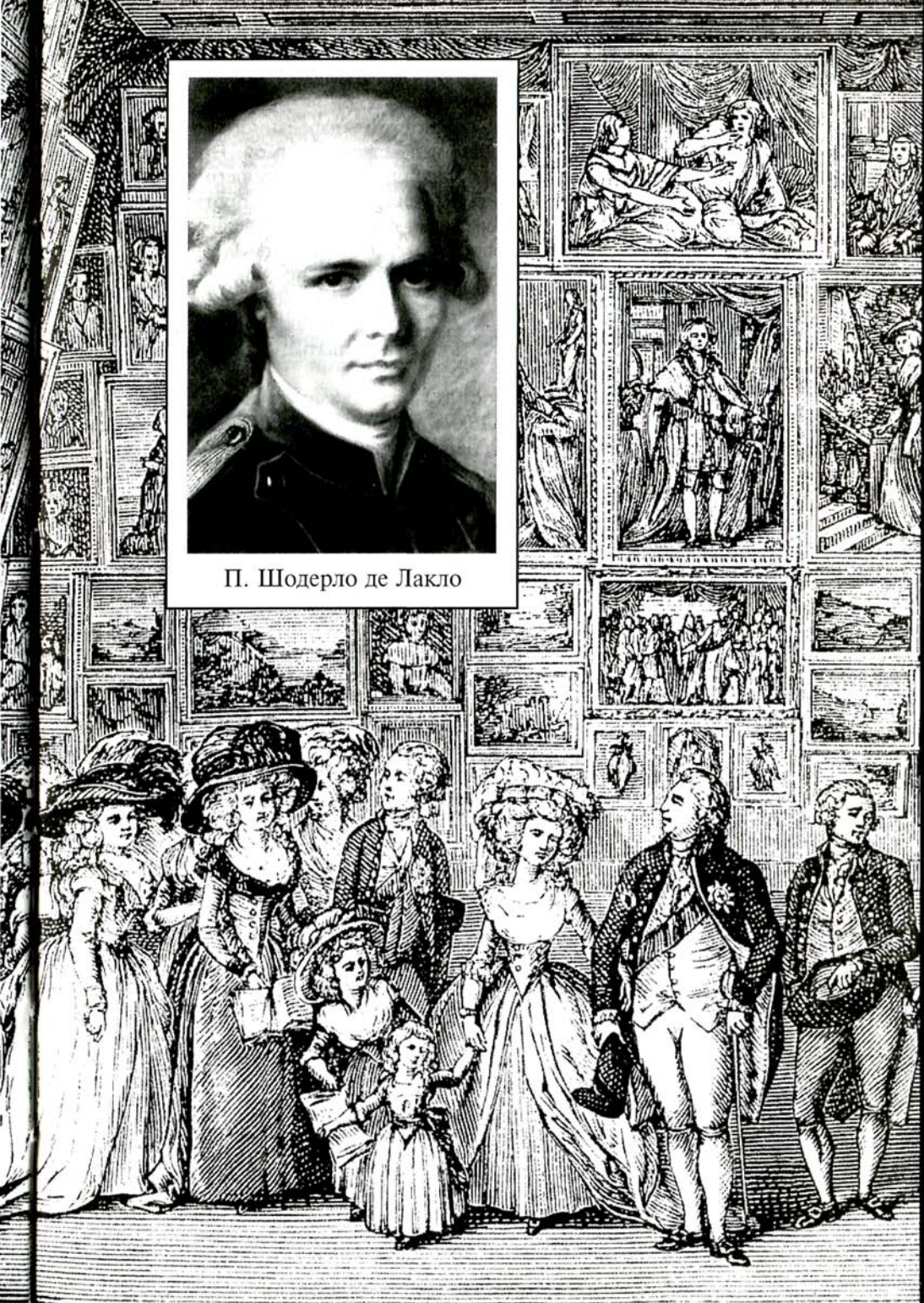
По оригиналу П. Рамберга.
Lacroix P. XVIII-me siècle.
Lettres, sciences et arts:
France 1700-1789.
Paris, 1879

Н. Ретиф
де ла Бретонн

П. Шодерло де Лакло

Как полагается, кавалерша объявляет себя ученицей Вольтера, «великого учителя совершенства», апостолом «дарованного нам Бога в юдоли поэзии, прозы и скорби», несчастной гонимой. Но традиционный образ философа-стоика, героически переносящего невзгоды, превращается в образ бедной девушки, заточенной против воли в монастырь. Д'Эон как бы разыгрывает одновременно роль героини «Монахини» и ее создателя. В противовес Вольтеру, кавалерша развивает свой собственный миф о неопределимом, противоречивом и переменчивом существе, мужчине и женщине одновременно, драгуне в кружевах и амазонке со шпагой. Д'Эон именно так и одевался, ибо Людовик XVI, повелев ему носить женское платье, дозволил прикреплять к нему ордена.

Этот страстный читатель и книголюб анализирует свою нынешнюю ситуацию, как если бы он был персонажем Вольтера. Он/она использует несколько литературных моделей; от волшебной сказки типа «Мудрая дева и царь» («я не имела чести прибыть к вам в Ферней по вашему зову ни пешей, ни на коне, ни в мундире, ни в платье») до ироикомической поэмы «Орлеанская девственница». Вольтер сам писал графу д'Аржанталю (5 марта 1777), что д'Эон напоминает его героиню: «Мне прислали гравированный портрет д'Эона в виде Минервы вместе с пресловутым королевским патентом, который якобы дарует ему пенсию в тысячу двести ливров и приказывает почтительно молчать, как прежде приказывали янсенистам. Неплохая будет задачка для историков. Какая-нибудь Академия надписей докажет, что документ самый что ни на есть подлинный. Д'Эон превратится в орлеанскую девственницу, избежавшую костра»⁴³. Соединяя саморекламу и розыгрыш, кавалер-девица строит свою жизнь по законам трагедийного жанра. Новоявленный Гермафродит не отстает перед кощунством, давая уроки христианской веры. Дела низки, стиль высок, библейская и античная мифология служат для описания ситуаций, достойных «Фобласа». Играя словами, д'Эон соединяет военную и религиозную лексику. Живописуя «обращение дурного драгуна (или дракона) в добрую девицу» («la belle conversion du mauvais dragon en bonne fille»), он уверяет, что «Бог войны превратился в Бога мира и милосердия для Женевьевы Марии д'Эон, как для Марии-Магдалины и Марии Египетской. Господь посетил меня и тронул мое сердце, и потому все мои нынешние дела превозносят милость и славу Господню». Подражая Вольтеру, он хочет быть одновременно серьезным и едким.

Д'Эон и Вольтер встретятся в Париже 13 мая 1778 г., уже незадолго до смерти патриарха. По свидетельству Башомона, слуги потом выстроились в два ряда с факелами, чтобы получше рассмотреть посетительницу⁴⁴. Кавалерша осталась недовольной кратким и холодным

⁴³ Best. D 20594.

⁴⁴ [Bachumont L.-P. de]. Mémoires secrets. Т. XI. P. 148.

приемом и не нашла ничего лучшего, как сочинить эпиграмму на больного старика⁴⁵. Вольтер о визите д'Эона в переписке не упоминает.

После кончины философа д'Эон решит представить его своим биографом и защитником. В наброске мемуаров «Преамбула к истории жизни кавалерши д'Эон» (переписано 3 марта 1806 г.) он пишет: «Вот истинное движение души, оправдывающее меня: оно стоит того прекрасного сочинения, которое Вольтер в сердечном порыве начал писать в мою защиту <в 1778>, но поскольку я того не домогалась, то не буду передавать <здесь> всех похвальных слов его на мой счет»⁴⁶.

Степан Заннович также строил жизнь в соответствии с легендой, а легенду — по литературным образцам. В своих сочинениях он многожил собственные литературные портреты, описывал жизнь тех, за кого себя выдавал, тех, к чьим потомкам себя причислял. Чтобы придать солидности легенде, он написал историю короля Албании Скандерберга, предка принца Кастриотто (как он себя именовал), а в одном из эпизодов не удержался — вывел персонажа под фамилией Заннович, противника монарха⁴⁷. Автор раздвоился — так художник Возрождения рисует себя в уголке заказанной ему картины.

Раздвоение личности началось с февраля 1774 г., когда Степан Заннович напечатал в «Энциклопедической газете» (*Giornale Enciclopedico*), выходившей в Венеции, известие о собственной смерти, наступившей в Колорно 2 февраля. Другой авантюрист, граф Томмазо Медини, переводчик «Генрияды» Вольтера, писал Казанове, что с кончиной сего поэта Парнас не много потерял⁴⁸. Степан Заннович исчез, чтобы принять участие в финансовой афере, задуманной его братом Премиславом, и выманить деньги у голландских купцов. Но он воспользовался этой возможностью, чтобы воздвигнуть себе, юному поэту и философу, нерукотворный памятник. Во «Всеобщей газете» (*Gazzetta universale*) от 19 февраля 1774 г. он опубликовал свое посмертное письмо к Вольтеру, которое через месяц, 30 марта, будет напечатано по-немецки в Готе (*Gothaische gelehrte Zeitungen*) вместе с примечанием, прославляющим юного гения, далматинского графа, удостоенного дружбы величайших умов Европы и перед смертью отказавшегося от прежнего вольнодумства⁴⁹.

⁴⁵ *Pinseau P. L'Etrange destinée du chevalier d'Eon, 1728—1810, 2e éd. Paris: Clavreuil, 1945.*

⁴⁶ *VL. Mss. 29,994. Fol. 40v°-41r°.* В угловых скобках дается зачеркнутый в рукописи текст.

⁴⁷ *Le Grand Castriotto d'Albanie. Francfort: J. J. Kesler, 1772.*

⁴⁸ Т. Медини к Казанове, Мюнхен, 18 июня 1774 г. — Сообщено Г. Вацлавином.

⁴⁹ Я благодарю голландского исследователя Жана де Боя, сообщившего мне об этой публикации, а также директора Библиотеки в Готе и директора Немецкого исторического института Юргена Фосса, приславших мне ксерокопию газеты.

В октябре 1773 г. Заннович послал Вольтеру сборник своих сочинений, изданный в Париже по-итальянски. Философ сохранил их в своей библиотеке⁵⁰ и ответил благодарственным письмом⁵¹. Завязалась переписка (подробности ее изложены в упоминавшейся выше статье Франко Вентури), но Заннович был вынужден эффектно поставить финальную точку.

Итак, в посмертном письме от 3 февраля 1774 г. (напомним, что «умер» он 2 февраля) Заннович утверждает, что Вольтер благословил юного собрата и просил его продолжать свои «Далматинские письма» (нет сведений, писал ли он их в действительности). Но граф Заннович оказался человеком сентиментальным, едва ли не в духе персонажей Руссо, и сердце его не выдержало приступа глубокой меланхолии. Переписка с Вольтером, уверяет Степан, навлекла на него беду, разрушила здоровье и свела в могилу (соперничество поэтов превращается в мифологический бой отца с сыном). Но смерть, продолжает он, всего лишь переход на высшую ступень, прорыв к истине, и надо радоваться избавлению от телесной оболочки. Посмертный удел философа завидней жизни короля (еще один «топос», теперь типично вольтеровский). Из другого мира он может давать советы патриарху. «Если мне суждено умереть, я старше всех на земле», — пишет он.⁵² (В иерархии гонимых пророков у покойника авторитет выше, чем у сосланного или арестованного.) Заннович надеется обратить Вольтера на путь истинный: как прочие авантюристы, он дает образцово скучные советы, хвалит величие и милосердие Господа и «умирает» правоверным католиком⁵³.

Пять лет спустя Степан Заннович, превратившийся в принца Кастриотто Албанского, испробует роль вольтеровского персонажа. В свою книгу «Поэзия и философия одного турка» (1779) он включил «Портрет автора, принадлежащий г-ну де Вольтеру», который сам и сочинил, дабы посмертным трудом своего давнего корреспондента не обременять. Открывает сборник цитата из 26-й главы «Кандида» — тем самым принц Кастриотто отождествляется с собравшимися на обед королями в изгнании⁵⁴.

«Пляска смерти» продолжается — 3 марта того же 1779 г. немецкие газеты (*Gazette de Worms*) печатают известие о кончине Кастри-

⁵⁰ *Opere diverse*. Paris: 1773 — BV3864.

⁵¹ 28 октября 1773 г. — Best. D18602.

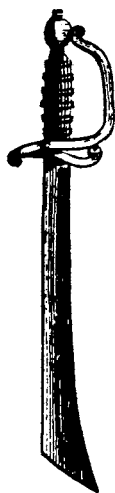
⁵² Тот же мотив спора о старшинстве возникает и в беседе Казановы с Вольтером: «...нынче, встретившись в вами, мне кажется, что я родился только вчера» (ИМЖ, 459).

⁵³ Принц де Линь утверждает, что Казанова сказал перед кончиной: «Я жил философом, а умираю христианином». См. Приложения, с. 380—381.

⁵⁴ *La poésie et la philosophie d'un turc... Avec un portrait caractéristique de l'auteur par M. de Voltaire...* Amsterdam, 1779.

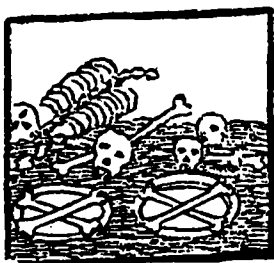
отто. Но писать Степан не перестает: в 1782 г. он обращается к жанру диалога мертвых, помещая в ад живых людей. Во «Фрагменте из новой главы “Хромого беса”, присланной с того света г-ном Лесажем» он, под именем Варта, беседует с наследным принцем прусским Фридрихом-Вильгельмом, великим князем Павлом Петровичем и графом Михаилом Огинским, претендентом на польский трон. Автор снисходительно дает советы будущим правителям и свысока третирует аббата Рейналя, который якобы «причисляет его к тем редким людям, которые достойны именоваться гениями»⁵⁵.

В те же самые 1780-е годы Калиостро превращает диалог мертвых в подлинный спектакль. Он организует ужины, на которых присутствуют духи умерших философов: д'Аламбер, Дидро и Вольтер. Авантюрист, профессиональный соблазнитель, он вечно возвращается к своему излюбленному мифу о Дон Жуане и каменном госте.

⁵⁵ Œuvres choisies du prince Castriotto d'Albanie [...] le fragment d'un nouveau chapitre du «Diable boiteux», envoyé de l'autre monde par M. Le Sage, où se trouve un dialogue entre le comte de Ruppen, le comte du Nord, le comte de Slonim et Warta, 1782.

ТАЙНА И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Прежняя государственная власть держалась на тайне. Действительный тайный советник так назывался именно потому, что был допущен к святой святых — к принятию решений (русская административная лексика следовала немецкому образцу). Управление страной основывалось не на законе, а на системе правил и на воле государя, столь же неисповедимой и непреложной, как воля Господня. Любая авторитарная система предполагает анонимность и секретность. Французская теория государства основывалась на том, что власть взяла на себя роль Провидения, и потому отдельному человеку думать и решать не только бесполезно, но и вредно.

В XVIII в. первым делом рушится этикет: если придворные времен Людовика XIV напоминали безмолвные автоматы, то при Людовике XVI они позволяли себе говорить в присутствии короля. Тиранство Павла I, его борьба с «республиканскими» нарядами, с круглыми шляпами — это борьба за послушание, ибо он прекрасно понимал, что разрушение государства начинается с попрания этикета.

В эпоху Просвещения монарх постепенно теряет свой сакральный ореол. Французские короли исцеляли наложением рук, подобные церемонии предусматривал этикет — Людовик XVI справлялся с этим из рук вон плохо. Позднее Наполеон вернет себе эту магическую прерогативу, и художники будут рисовать Бонапарта при посещении чумного госпиталя. Король символизировал мощь нации, символически обеспечивал плодородие страны, но если любвеобильный Людовик XV Возлюбленный превратил Францию в свой гарем, то бессилие Людовика XVI обсуждала вся Европа. С королем произошло самое страшное: он стал посмешищем, превратился в наиболее презираемую фигуру — комического рогоносца. Казнив Людо-

вика XVI, Революция спасла его репутацию, увенчав мученическим венцом. Памфлетисты изощрялись, описывая распутство Марии-Антуанетты, давая ей в любовники королевских братьев, придворных. Скандал с «ожерельем королевы» свидетельствовал: кардинал де Роган, духовный пастырь, возмечтал купить за бриллианты любовь государыни — значит, это возможно.

Сакральная сила переходила к другим. Дар исцелять — к чудотворцам. Сен-Жермен, Казанова, Калиостро или Месмер — лишь самые известные целители; рассказы и слухи о врачевателях постоянно возникают в газетах, литературных корреспонденциях и письмах, в частности Гримма. Екатерина II весьма проницательно описала их в комедии «Шаман сибирский» (1786).

Второй атрибут, тайна, переходит к великим авантюристам и великим мистикам (дон Маргинес Паскуалис, Сен-Мартен). К ним обращаются как к апостолам истинной веры, просят раскрыть высшую мудрость, указать верный путь. Во Франции масонство приобретает массовый характер во второй половине века, некоторые списки лож напоминают списки членов профсоюза: так, в 1787 г. двадцатилетние инженеры департамента мостов и дорог поголовно вступают в парижскую ложу Урания¹. Большинство руководителей первой российской страховой компании посещают петербургские ложи Урания и Скрамность (1775—1780), причем все они иностранцы, немцы и французы². Но уже с 1760-х годов, особенно на юге Франции, часть масонов испытывает сильное воздействие мистиков, влияние Учителя нарушает иерархическую масонскую структуру, противоречит власти Великой ложи Франции. В 1785 г., незадолго до скандала с «ожерельем королевы», конгресс филалетов, претендовавший на объединение не только французских, но и немецких масонов во имя поиска мистического знания, посылал своих депутатов к Калиостро, обращался в основанную им в Лионе материнскую ложу египетского ритуала, но Великий Копт сперва согласился посвятить избранных, а потом отказал, видимо желая подчинить себе все масонство³.

В эпоху Просвещения философы приравниваются к королям (наиболее отчетливо это видно на примере Вольтера), поэты начинают восприниматься как пророки, культ великих людей подменяет собой религию⁴. Так, в 1787 г. граф Грабянко основал в Авиньоне мистическую ложу «Божьего народа», провозгласил себя царем Нового Израиля и возвел масонский храм. Маркиза де Виллет ежеднев-

¹ ЦХИДК. Ф.113. Оп. 1. Ед. хр. 106.

² *Bakounine T. Répertoire biographique des francs-maçons russes (XVIIIe et XIXe siècles)*. Paris: Institut d'études slaves, 1967.

³ ЦХИДК. Ф.118. Оп. 1. Ед. хр. 151; *Porset Ch. Les Philalètes et les convents de Paris: une politique de la folie*. Paris: H. Champion, 1996.

⁴ *Bénichou P. Le Sacre de l'écrivain. 1750—1830*. Paris: J. Corti, 1973.

но воскуряла фимиам перед бюстом Вольтера. После смерти философа супруги де Виллет превратили его комнату в Фернее в место поминовения, куда поместили его сердце, портреты близких ему людей.

С другой стороны, сами монархи примеряют маску философов. Конечно, Фридрих II не был «гражданином на троне», как писал Вольтер в 1739 г. в посвящении «Генриады», но он вполне последовательно разыгрывал роль философа, поэта и солдата, заменив двор несколькими адъютантами, советниками и писателями, роскошь — спартанским обиходом, этикет — армейской дисциплиной. Разумеется, его простота и доступность была сродни любезности и обходительности Екатерины II, такой же формой жесткого авторитарного правления. Подобный стиль подходил лишь этим великим государям и великим психологам. Они обретали прозвание бессмертных и божественных во многом благодаря своим человеческим слабостям, тому, что действовали наперекор рутинным требованиям, сопряженным с их саном (так ранее поступал Петр I). В противном случае век Просвещения, по известной формуле, ограничивал самодержавную власть удавкой и гильотиной.

Но, разумеется, не только ими. Создаваемое философами и разносимое шеголями общественное мнение все активнее осознает себя как реальная новая сила, противостоящая государственной власти, основанной на тайне. Обсуждение начинается с литературы, театра, живописи, а кончается политикой. Критики создают и ниспровергают авторитеты; возникает та самая информационная среда, где циркулируют оценки и идеи, от кафе, салона и театра до парламента. Полемика об итальянской и французской комедии, об итальянской и французской опере («война буффонов») делит общество на непримиримые партии. В некоторых случаях, напротив, театр служит для выражения политических симпатий: по свидетельству Казановы, в 1766 г. в Варшаве сторонники и противники России поддерживали двух соперничающих между собой итальянских актрис.

Под влиянием буржуазных норм поведения тайной становится семейная жизнь, а публичный человек, шеголь и философ, оказываются у всех на виду. Обсуждать — значит влиять и отчасти контролировать. Подобно художественным произведениям, законы и указы проверяются на разумность, соотносятся с традицией, с естественным правом, а не только с волей государя⁵.

Глас народа — глас Божий, и потому общественное мнение выше монарха. Само это понятие возникает в середине XVIII в., во многом под влиянием Руссо. Оно описывается как поток (как позднее будет рисоваться Революция), как всепобеждающая сила («и вот на чем вертится мир»), все тайное делающая явным. Но общественное мнение,

⁵ *Habermas J. L'Espace public: Archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise, trad. de l'allemand. Paris: Payot, 1978.*

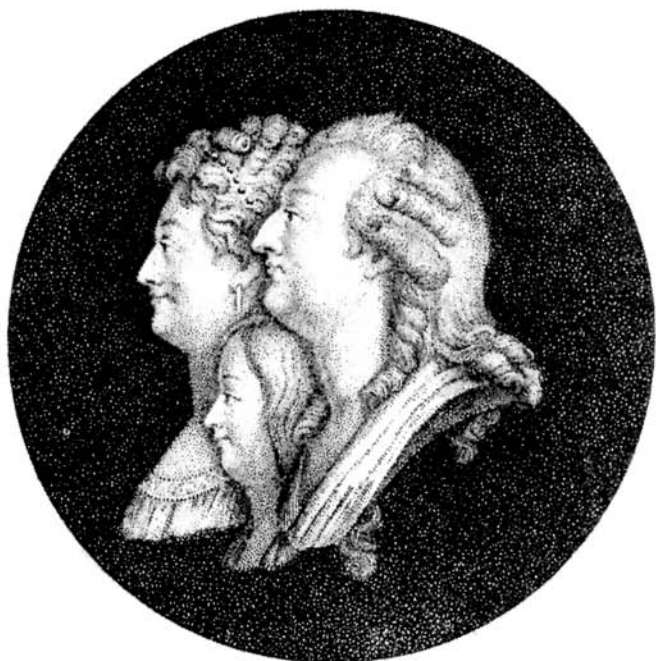

Портрет дофина Людовика
и дофины Марии Жозефы Саксонской,
родителей Людовика XVI

Грав. г-жи де Помпадур по рис. Ф. Буше.

Goussier E. et J. Madame de Pompadour.

Paris, 1888

Людовик XVI, Мария Антуанетта, дофин
Глинка С.Н. Театр света. М., 1823

утверждают просветители, в частности Кондорсе, надо формировать и воспитывать, им нужно управлять, оно должно следовать мнению философов, а не толпы. Публика — это разумные и образованные люди, а не темная переменчивая толпа⁶. И мы опять возвращаемся к идее союза элит. «Одобрение д'Аламбера или Дидро мы ставили выше милости принца», — писал граф де Сегюр о своем поколении⁷. В свою очередь, государство стремилось управлять общественным мнением, перекупать литераторов, ставить их себе на службу (аббат Сюар, Морелле, Бриссо, Мирабо и др.). Н. Новиков, недолюбливавший французских философов, напечатал в «Живописце» перевод из книги Фридриха II «Утренние размышления королевские», где утверждалось, что писатели — «люди нужные для государя, который хочет царствовать самодержавно и притом любить свою славу. Они раздают чести и без них не можно приобрести никакого твердого прославления. И так надлежит их ласкать по необходимости, а награждать по политике [...] А чтобы иметь несколько в сем труде легкости, то я содержу при моем дворе некоторое число их блистающих разумов [...] Среди наивеличайших моих несчастий никогда не упускал я платить исправно ежегодные награждения ученым людям» (1772, ч. II).

Авантюрист испытывает к королю те же чувства любви-ненависти и соперничества, что и к философу. Основные этапы и логика их отношений почти полностью совпадают: поиск идеала, мэтра, Отца — письмо, переписка — предложение услуг взамен на «жалованную грамоту», дарующую место в государстве или Республике Словесности — личная встреча — отказ, разрыв — нападки на кумира. Письмо авантюриста монарху можно рассматривать как вполне устойчивую литературную форму⁸. Мы видели, что в письмах к философам и в критике их искатели приключений повторяются. Здесь происходит то же самое, тем более что авантюристы, как правило, пишут монархам то, что, по их мнению, те хотят услышать, и получается это добродетельно скучно. Как утверждал принц де Линь, Казанова — истинный философ, но только не в своих философских сочинениях. Открывает письмо лесть императрице или королю, затем следуют похвалы себе и изложение проекта. Если их несколько, то начинают с простого, чтобы потом предложить нечто глобальное. В подтверждение литературных талантов преподносится книга, врачебных — прилагаются афишки. В заключение просят на службу или намекают на временные трудности.

Весьма характерно с этой точки зрения письмо, которое 1 января 1760 г. отправил из Амстердама императрице Елизавете Петров-

⁶ Ozouf M. Le concept de l'opinion publique au XVIIIe siècle.

⁷ Ségur L. - Ph. de. Mémoires, souvenirs et anecdotes, éd. F. Barrière. Paris: Firmin Didot, 1859. Т. 1. P. 97.

⁸ Подробнее см. нашу работу: Stroeв A. Aventuriers et petits-maîtres, philosophes et monarques // Lez Valenciennes. 1995. № 18. P. 83—96.

А. Гудар

не уже знакомый нам «швейцарский дворянин, по крови москвитянин». Написано оно по-французски с грубыми ошибками, но непохоже, чтобы автор его был русским. «Золтыкоф Альтенклинген» предложил услуги некоего опытного мыловара, который мог бы открыть фабрики в России (аналогичный проект Казанова представил в Польше в 1765 или 1766 г.⁹), а заодно самолично взялся исцелить все болезни с помощью тайного знания и алхимии (императрица часто хворала, жить ей оставалось два года). В заключение он обещал открыть секрет, как увеличить доходы государства на десять миллионов, не взяв с подданных ни гроша. Печатные афишки на голландском расхваливали чудодейственное искусство лекаря «Соллхофа», практиковавшего год в Роттердаме, его магические «арканы», добытые упорными штудиями и далекими путешествиями. Трудно сказать, что за проект хотел подать «Золтыкоф»: если это не лотерея, на манер тех, что организовывал Казанова (что представляется наиболее вероятным), то, верно, изготовление золота, которым промышляли и венецианец, и граф Сен-Жермен. Оба великих авантюриста и соперника именно в это время приехали в Голландию с тайными миссиями; напомним, что Сен-Жермен также называл себя Салтыковым, также лечил от всех болезней. Стиль его писем и проектов 1759—1760 гг., адресованных датскому королю¹⁰ и маркизе де Помпадур, весьма напоминает послание к Елизавете Петровне, хотя почерк отличен: жанр авантюрного поведения диктует эпистолярную форму. Но императрица письмо не прочла: хотя послание перевели для нее на русский язык, министры в конце концов решили, что оно не заслуживает Высочайшего внимания¹¹.

Аналогично действовал С. Заннович. В отличие от Вольтера, Екатерина II не ответила ни на льстивые письма, которые он ей послал из Варшавы и Дрездена в 1775 г., прося вспомоществования и надеясь получить приглашение приехать¹², ни на сочинения в прозе и стихах, где он ее восхвалял («Ода» была опубликована в его «Турецких письмах», 1777). В 1783 г., когда его братья Премислав-Марко и Ганнибал Занновичи были арестованы в России как фальшивомонетчики, Степан Заннович опубликовал трактат «Коран наследных принцев», где назвал императрицу «жесточкой и непристойной Семирамидой» и об-

⁹ *Projet pour établir une fabrique de savon à Varsovie* // *NMV*, II, 1186—1188.

¹⁰ Париж, 24 декабря 1759. Сен-Жермен предлагает, среди прочего, соорудить непотопляемый быстроходный корабль без парусов и безоткатное скорострельное орудие, которыми сможет управлять один человек. — *Langeveld L. A. Der Graf von Saint-Germain*. P. 291—292. См. Приложения, с. 365—367.

¹¹ АВПРИ. Ф.14. Оп. 1. Ед. хр. Z 36. Я благодарю голландского ученого Жана де Боя за советы и помощь при анализе этого письма. См. Приложения, с. 368—369.

¹² АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14 Z. Ед. хр. 1. См. Приложения, с. 381—384.

винил в убийстве мужа (то есть себя самого, ибо наш герой выдавал себя за черногорца Степана Малого, самозваного Петра III)¹³.

Анж Гудар, напротив, начал с нападок, а кончил хвалой, но примерно с тем же результатом. Его «Мемуары для истории Петра III» (1763) так разгневали императрицу, что она повелела канцлеру графу Воронцову приказать послам отыскать автора, добиться его наказания, конфисковать тираж и не допустить ввоза книги в Россию. Все переменялось, когда в июле 1771 г. граф Петр Александрович Бутурлин получил Сару Гудар за 500 фунтов стерлингов, ездил с ней по Италии, представил ее в Ливорно графу Алексею Орлову, командовавшему русским флотом во время войны с турками. Орлов стал любовником Сары либо в том же 1771 г., либо летом 1773 г.¹⁴ Анж Гудар написал «Похвальное слово Екатерине II» (1771) и «Рассуждения о причинах бывшей слабости Российской империи и ее новой мощи» (1772)¹⁵. Сочинитель, видимо, подготавливал почву для поездки в Россию, но Орловы вышли из фавора, и план остался неосуществленным. Все же его трактат об установлении всеобщего мира в Европе (1757) был напечатан в России в 1789 г., во время следующей русско-турецкой войны, и, что примечательно, переведен он был непосредственно в военном лагере¹⁶.

Итак, подобно философам, монархи в лучшем случае не замечают или высмеивают авантюриста, в худшем — высылают.

¹³ Stiepan-Annibale d'Albanie à Frédéric-Guillaume de Prusse. Épître pathétique, philosophique, historique etc. ou l'Alcoran des princes destinés au trône. Saint-Petersbourg: Imprimerie de l'Académie impériale, 1783. Выходные данные книги (Санкт-Петербург, Типография Академии наук) — безусловно вымышленные.

¹⁴ Mars F. L. Ange Goudar, cet inconnu // Casanova Gleanings. 1966. Vol. IX

¹⁵ Goudar A. Mémoires pour servir à l'histoire de Pierre III. Francfort et Leipzig, 1763; L'Éloge de Catherine seconde, impératrice des Russes, 1771; Considérations sur les causes de l'ancienne faiblesse de l'empire de Russie et de sa nouvelle puissance. Amsterdam, 1772.

¹⁶ Мир Европы не может иначе возстановиться, как только по продолжительном перемирии или Проект Всеобщего замирения сопряженного купно с отложением на дватцать лет между всеми политическими державами. Переведено с французского языка в стане под Очаковым в 1788 г. [...] СПб, 1789.

Глава 2

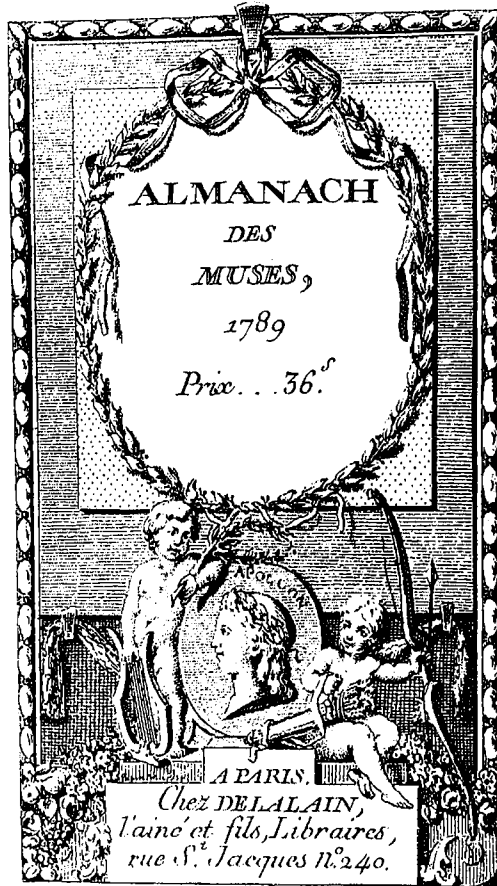
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ПРОСТРАНСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Encyclopédie ou Dictionnaire raisonne des sciences,
des arts et des métiers.

Recueil de planches, sur les sciences,
les arts libéraux, et les arts mécaniques.

Paris, 1762-1771

ALMANACH

DES

MUSES,

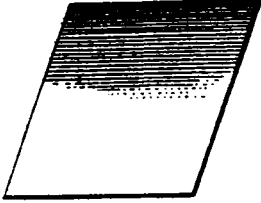
1789

Price . . . 36.^s

A PARIS.

Chez DELALAIN,
l'aîné et fils, Libraires,
rue St Jacques n.º 240.

КНИГИ В РОМАНАХ И СУДЬБЕ АВАНТЮРИСТОВ

Поскольку авантюрист стремится превратить свою жизнь в произведение искусства, сопоставительный анализ романной и биографической топики показывает, как жизнь и вымысел подражают друг другу и взаимодополняют друг друга.

Мотив книги представляет собой пучок значений. Чтобы вычленить топос, повторяющийся повествовательный элемент, следует учитывать, что место эпизода в нарративной схеме меняет его семантику. Упоминание книги в начале, середине или конце повествования может привести к разным, даже противоположным последствиям. Добавим также, что другие топосы, в первую очередь те, что развивают тему театра, могут играть в интриге ту же роль, что и чтение.

В начале повествования книга обычно связана с мотивом ученичества. Она вводит в общество, служит путеводителем, учебником жизни, рекомендательным письмом, превращается в фолиант черно-книжника. Чтение предворяет или заменяет сексуальную, социальную и литературную инициацию. На следующем этапе книга и библиотека начинают конкурировать с действительностью и подменяют ее воображаемым миром. В итоге чтение и сочинительство вытесняют активную деятельность, любовь.

«Вселенная — это книга, из которой прочитана одна лишь первая страница, если видел только свою страну. Перелистал я их немало, но почти все нашел одинаково скверными», — заявляет Фужере де Монброн в первых строках романа «Космополит» (1750)¹. Та же устойчивая метафора появляется в беседе Вольтера с Казановой:

¹ *Fougeret de Monbron. Le Cosmopolite ou le Citoyen du Monde. Londres, 1753. P. 3.*

«Осмелюсь спросить, какой род литературы вы избрали? — Никакой, но время терпит. Пока я вволю читаю и не без удовольствия изучаю людей, путешествуя. — Это недурной способ узнать их, но книга слишком обширна» (ИМЖ, 459)². Напомним, что, по легенде, первый розенкрейцер перевел с арабского на латинский «*Librum mundi*», «Книгу мира». В соответствии с мистической традицией, весь мир, живая и неживая природа, — письма Бога, которые можно и нужно прочитать. Все книги суть одна-единственная³.

Путешествия, занимающие столь большое место в жизни авантюристов и в романах Просвещения, — всего лишь один из способов интерпретировать знаки, начертанные в великой книге бытия. Юноша или девушка должны прежде всего узнать язык светского обхождения и любви, пересечь не географическую, а символическую границу.

При этом необходимо различать два типа книг: романы даруют наслаждение, ученые сочинения обеспечивают положение в обществе. Первые возникают на начальном этапе, вторые программируют развитие действия и развязку.

Во французской прозе XVIII в. юноша прибегает к романам, дабы понять свои чувства, проанализировать поведение. «Я прочел несколько романов и счел себя влюбленным», — заявляет герой «Исповеди графа де***» Шарля Пино Дюкло⁴. Ему вторит герой «Заблуждений сердца и ума» (1736) Кребийона-сына: «В полном смятении вернулся я домой, уже не сомневаясь, что я влюблен по-настоящему, тем более что страсть эта возникла в моем сердце внезапно, точно гром среди ясного неба, а во всех романах пишут, что это первый признак большой любви»⁵. К литературе обращается он за советом: «На память мне пришли все описанные в романе предлоги, какими можно пользоваться, чтобы вступить в разговор с возлюбленной; к моему удивлению, ни один из них не подходил...»⁶. В сказочной повести Шеврие «Биби» (1745) воспоминание о прочитанных романах помогает добиться благосклонности королевы. В сказочном романе Ла Морьера «Ангола» (1746) принц во время свидания с феей тут же проделывает все, о чем читает в романе. «Посмотрим, — сказала фея, открывая книжицу, — быть может, мы найдем здесь какие-нибудь ситуации или советы, которыми вы могли бы воспользоваться. [...]

² Именно этим простеньким вопросом философ поставил на место венецианца, претендовавшего на роль младшего собрата, чем и раздражил его.

³ *La Bible des Rose-Croix*, éd. V. Gorceix. Paris: PUF, 1970. Ср. трансформацию этих идей в творчестве Х. Л. Борхеса.

⁴ *Duclos Ch. Les Confessions du comte de****, éd. L. Versini. Paris: Desjonquères, 1992. P. 30.

⁵ *Кребийон-сын. Заблуждения сердца и ума*. М.: Наука, 1974. С. 46 (пер. А. А. Поляк и Н. А. Поляк).

⁶ *Кребийон-сын. Заблуждения сердца и ума*. С. 72.

“Но он был ненасытен, и грудь возлюбленной открылась порывам его страсти”, — продолжил чтение принц и тотчас, верный образцу, он устремился к фее, распростер объятия, прильнул губами к ее белоснежной груди и покрыл ее жгучими ласками⁷.

Книга играет роль наставника в «науке страсти нежной», устойчивого персонажа галантной литературы. Чтение возбуждает героев, а тем паче героинь, превосхищает любовную сцену, обычно первую из длинной серии («Софа» Кребийона (1741)). Отметим, что в этом эпизоде появляется еще один характерный мотив, лицемерие: роман прячется под обложкой благочестивого сочинения. Подобный топос святотатства мы находим в жизнеописании Степана Занновича, сочиненном его поклонником и разоблачителем бароном Клоцем: принц, провозгласивший себя патриархом черногорцев, якобы читал во время службы испанский плутовской роман вместо молитвенника и соблазнил в углу храма юную молочницу⁸.

Роман становится расхожей метафорой для обозначения любовного действия: «Я начал роман издалека, дабы оттянуть, как мог, развязку» (Р. М. Лезюир, «Удачливый философ», 1787)⁹. Сочинители нередко заменяют описание эротической сцены отсылкой к Кребийону, создавшему жанровый канон («Поелику решено, что один автор «Софы» может рисовать наслаждения...»¹⁰). Для маркирования галантной ситуации достаточно упомянуть «литературную» мебель — софу или канапе: «Он вспомнил, что во всех читанных им романах авторы, по старой привычке, приносят в жертву добродетель на софе...»¹¹; «Какое заразительное канапе, только приблизишься, сразу воспламенишься», «Не это ли канапе было свидетелем вашей доблести?»¹².

Упоминание романа предвещает эротическую инициацию. Творение само может соблазнить юную девушку, свою читательницу, как подчеркивают предисловия к «Нескромным сокровищам» (1748) Дидро: «Зима, воспользуйтесь удобной минутой [...] известно, что “Софа”, “Танзай” и “Исповедь графа де***” уже были под вашим изголовьем [...] берите, читайте, читайте все»¹³, — и к «Новой Элоизе» (1761) Руссо: «Целомудренная девица романов не читает [...] И если вопреки заглавию девушка осмелится прочесть хотя бы страницу — значит, она создание погибшее; пусть только она не приписывает

⁷ *La Morlière Ch.* Angola. Paris: Desjonquères, 1991. P. 92, 99.

⁸ *Cloots J.-B. de Vœux d'un gallophile.* Amsterdam, 1786. P. 186, 232.

⁹ *Lesuire R. M. Le Philosophe parvenu.* Londres; Paris, 1787. T. 1. P. 141.

¹⁰ *Chevrier F. Bibi.* [Paris], 1745. P. 50—51.

¹¹ *Ibid.* P. 17—18.

¹² *Godar d'Aucourt Cl. Thémidor ou mon Histoire et celle de ma maîtresse* (1745). Paris: Offenstadt, 1907.

¹³ *Дидро Д.* Собрание сочинений. М.; Л.: Academia, 1937. Т. 4. С. 187 (пер. Е. Б. и Н. И. Соболевских).

свою гибель этой книге — зло свершилось раньше. Но раз она начала чтение, пусть уж прочтет до конца — терять ей нечего»¹⁴.

Аналогичные мотивы: юноша, анализирующий свои чувства, девушка, узнающая психологию из романов, — мы находим в начале «Истории моей жизни» Казановы при рассказе о его первом любовном опыте: «Эта девушка казалась мне удивительней всех, о ком рассказывали в романах чудеса. [...] Но в какой школе изучила она сердце человеческое? Читая романы. Быть может, чтение многих из них погубило уйму девиц, но бесспорно, что чтение хороших научило их любезности и следованию общественным добродетелям» (HМV, I, 43).

После галантной инициации персонаж принят в общество. Теперь он с полным правом может выступать в роли знатока литературы и критиковать романы. Ученый диспут, описание библиотеки, обсуждение книжных новинок перебивает любовные эпизоды: «Разговор зашел о чтении — прибежище усталого мужчины и женщины, бросившей злословить» («Темидор, или История моя и моей любовницы» Годара д'Окура (1745))¹⁵. Создается топос салонной беседы о литературе, где у каждого персонажа: остроумной дамы, аббата, шеголя, рассудительного дворянина — определены роли и художественные пристрастия («Штопальщица Марго» Фужере де Монброна (1749); «Хорошенькая женщина» Н. Т. Барта (1769)).

Литературные персонажи вступают в полемику о развитии романного жанра. Жанетта, героиня «Удачливой крестьянки» (1735) шевалье де Муи читает «Жизнь Марианны» Мариво и сопоставляет себя с ней. Заглавные героини «Штопальщицы Марго» и «Новой Марго» Уэрна де ла Мота (1763) также подыскивают себе литературный образец для написания мемуаров. Персонажи романа Муи «Париж, или Модный ментор» (1735) обсуждают по горячим следам сравнительные достоинства «Удачливой крестьянки» и «Удачливого крестьянина». Дидро («Нескромные сокровища»), Ла Морльер («Ангола») и Шеврие («Биби») разворачивают целую литературную панораму, их герои осматривают библиотеки. Подобно своим персонажам, вступающим в жизнь, галантная сказочная повесть ищет и определяет свое место в мире словесности, а конкретное произведение вписывается в предшествующую традицию (один из устойчивых мотивов экспозиции — похвала Кребийону и порицание толпы подражателей). Герой может слиться с собранной им библиотекой, как в романе «Библиотека шеголей, или Мемуары для истории хорошего тона и исключительно хорошего общества» Ф. Ш. Годе (1762) аббат де Пупонвиль комически описывается через его книги: «Парикмахерская энциклопедия» с добавлением двух тетрадок ежедневно; «Жен-

¹⁴ Руссо Ж. Ж. Избранные сочинения. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 2. С. 10 (пер. А. Худаловой).

¹⁵ Godar d'Aucourt. Op. cit. P. 10.

ский ум», все страницы чистые; «Искусство выглядеть представительно без денег», сочинение гасконца, обладателя двух миллионов чистыми долгами; «Наставление, как плевать, кашлять, сморкаться, нюхать табак, чихать и утирать всем нос»; «Трактат об осаде и обороне альковов, написанный рукой мастера, с планами и иллюстрациями, необходимыми для уяснения содержания»; «Разбор вопроса: “должны ли еще женщины рожать детей?”», написанный Жан-Жаком Руссо, женеvским гражданином» и пр.¹⁶

Авантюрист пользуется репутацией эрудита, который помнит на память целые книги, его называют «ходячей библиотекой» (Казанова, С. Заннович¹⁷). Сочинительство для него — способ самоутвердиться, создать и упрочить репутацию философа. Книги играют роль рекомендательных писем и верительных грамот: они пишутся для вручения, дарения, подношения. Посвящение знатному покровителю, список подписчиков (т. е. состоятельных знакомых автора), фронтиспис с гравированным портретом, титульный лист, превносящий автора и его сочинение, нередко более важны, чем сам текст. Так, Степан Заннович мог всегда предъявить книгу вместо паспорта — вот он я, принц Кастриотто Албанский, наперсник Фридриха-Вильгельма. А не то он объявлял о выходе так и не написанных им книг. Посредством каббалистических сочинений авантюристы подчиняют доверчивых, превращая в золото их надежды на скорое обогащение. Книга разоряет, вводит в соблазн, превращаясь в оракула или лотерею.

Литературные персонажи, взрослея, оставляют романы; авантюристы переходят от любовных историй к ученым трудам. Чтение из удовольствия превращается в работу. Читают, чтобы писать. Искатель приключений, желающий слыть литератором, законодателем, философом, экономистом, историком и т. д., производит огромное множество текстов.

Мы подошли к третьей, заключительной фазе повествования. На предыдущем этапе еще можно было спастись, обмануть судьбу. Решив стать адвокатом, юный маркиз д'Аржанс меняет книги: «Романы, занимательные истории — все было изгнано из моего кабинета. Локк сменил г-жу де Вилледье, Гассенди и Рюо — “Клелию” и “Астрюю”»¹⁸. Но вскоре любовное приключение в театре пробуждает в нем отвращение к книгам, и он оставляет удачно начатую карьеру.

¹⁶ *Gaudet F. Ch. Bibliothèque des petits-maîtres, ou Mémoires pour servir à l'histoire du bon ton et de l'extrêmement bonne compagnie. Au Palais-Royal, chez la-petite Lolo, marchande de galanterie, à la Frivolité, 1762.* Подобный прием использует и Новиков в своих сатирических журналах.

¹⁷ *Cloots J. B. Op. cit. P. 172, 184.*

¹⁸ *Argens de Boyer J. B. d'. Mémoires de monsieur le marquis d'Argens (1735). Paris: Desjonquères, 1993. P. 95.* Жак Рюо (Jacques Rohault, 1620—1675) — последователь Декарта, автор «Трактата о физике» и «Беседы о философии».

Напротив, в конце «Анголы» Ла Морльера вместо возбуждающих романов появляется талисман, составленный из скучнейших книг, который навеивает на героя сон и лишает его мужской силы.

Став в конце жизни осведомителем инквизиции, Казанова доносит именно на те книги, что составляли утеху его молодости. Но еще раньше, с того момента, как венецианец почувствовал, что прошел середину земного пути и началось умирание, книги появляются во все большем числе, библиотеки заменяют прежние гаремы: «Не имея довольно денег, дабы помериться силами с игроками или доставить себе приятное знакомство с актеркой из французского или итальянского театра, я воспыпал интересом к библиотеке монсеньора Залусского, епископа Киевского» (ИМЖ, 600). Библиотека превращается в убежище, среди книг время останавливается: «Жил я в совершеннейшем покое, не помышляя ни о прошлом, ни о будущем, труды помогали забыть, что существует настоящее» (ИМЖ, 516). В 1764 г. Казанова проводит в библиотеке Вольфенбюттеля неделю кряды, никуда не выходя. В 1757 г. барон де Библиштейн пять месяцев в уединении глотает книги, сочиняя «Французского Вегетия» (1762)¹⁹. Степан Заннович уверяет, что провел несколько недель в добровольном заточении, не покидая кровати, где читал и писал. Ближе к сорока Казанова также охотно пишет в постели — теперь ему так удобнее.

Авантюрист, находящийся на подъеме, может пренебречь местом библиотекаря, как поступили в России пьемонтец Одар и женевец Пикте. Иван Тревогин, живший в Париже куда как небогато, исправно посещал библиотеки и составил даже путеводитель по ним, а потом рискнул сделаться принцем, попытать судьбу. У старого Казановы выбора нет: библиотека в замке графа Вальдштейна в Духцове станет для него последним приютом и тюрьмой, откуда, несмотря на многие попытки, он так и не смог убежать. Ему платили за составление каталога библиотеки, он предпочитал пополнять ее собственными книгами. Единственной отрадой и спасением было сочинение мемуаров: «Я писал по десять—двенадцать часов в день и тем помешал черной тоске погубить меня, либо лишить разума» (ИМЖ, 647).

Сочинительство вместо поступков: не можешь действовать — пиши, чем и занимаются авантюристы в тюрьме. Но именно так поступают герои десятков романов XVIII в. Имплицитно тема книги присутствует в любом произведении, где повествование ведется от первого лица: в конце жизни преуспевшие герои сочиняют мемуары.

Для авантюриста-книголюбца и коллекционера, каким был шевалье д'Эон, библиотека — такой же способ запечатлеть для потомства

¹⁹ *Andreu de Bilistein Ch. Institutions militaires de la France ou le Végèce Français.* Amsterdam: E. van Harrevelt, 1762. P. VII.

Кавалер де'Эон

свой облик, как мемуары. Собранные сочинения помогали моделировать судьбу и даже переделывать ее, ибо д'Эон творил свою жизнь по книгам, как книгу и из книг. В письме герцогу де Брелью (Лондон, 31 ноября 1767 г.) он утверждал, что в жизни не имел любовниц и все время проводил с книгами²⁰ (и, видимо, не врал, ибо травестия его была сопряжена с импотенцией). Его поступки и писания равно требуют внимательного чтения, сличения рукописей и вариантов, интерпретации каждого эпизода. Мифоман и графоман, переписчик (а это главная обязанность секретаря посольства) и компилятор, не брезговавший плагиатом²¹, он тщательно хранил и систематизировал записные книжки, распоряжения, письма, делеши и умело фабриковал недостающие. Так, в архиве французского МИДа хранятся написанные им собственноручно копии его переписки 1764 г. с Терсье, одним из руководителей Секрета Короля, где описывается, как якобы уничтожались документы о поездке д'Эона в Россию в женском платье²². Публикуя в трудные минуты оправдательные документы, шевалье превращал их в эпистолярный роман о себе самом («Письма, мемуары и частные переговоры шевалье д'Эона», 1764).

Д'Эон всю жизнь собирал рукописи и книги. Конечно, он не был в 1755 г. чтицей у Елизаветы Петровны (как он уверял), ибо должности такой при дворе не было. Приехал д'Эон с дипломатической миссией в Россию в 1756 г. якобы для того, чтобы стать библиотекарем у графа Воронцова, и, по его словам, удивился, как мало было книг у графа, тогда как сам он оставил в Париже забитую книгами комнату и еще шесть сундуков²³. Когда годом раньше в аналогичное путешествие отправился его начальник, шевалье Дуглас, он уверял, что сойдет за «самого отчаянного библиомана, минералога и путешественника»²⁴.

В Петербурге шевалье покупал книги в лавке Миллера: Эпикур (70 копеек), Мирабо, Руссо, собрание сочинений Макиавелли (4 рубля), книги по русской и французской истории, «Россиада» Хераскова, указы Петра I и др.²⁵ Правда, на заказ французских вин и нарядов денег уходило больше, но это оплачивалось по статье представительских расходов секретаря посольства.

²⁰ ААЕ. СР. Angleterre suppl. Vol. 16. Fol. 290.

²¹ «Историческую и политическую картину Польши», вошедшую в первый том его «Досугов» (1774), д'Эон списал у французского дипломата Ж. Кастера.

²² ААЕ. СР. Angleterre suppl. Vol. 16. Fol. 127—136.

²³ Делеши д'Эона маркизу де л'Опиталю, 23 июля 1760 — ААЕ. MD. France. Vol. 2187. Fol. 50; publ. *Homberg O., Joussetin F. Un aventurier au XVIIIe siècle, le chevalier d'Éon* (1728—1810). Paris: Plon-Nourrit, 1904. P. 21.

²⁴ Делеши шевалье Дугласа, Страсбург, 8 июля 1755 г. — ААЕ. СР. Russie, suppl. T. 8. Fol. 27.

²⁵ *Decker M. de. Madame la chevalière d'Éon*. Paris: France Loisirs, 1987. P. 67.

Д'Эон использовал книги в качестве тайника. В переплете «Духа законов» Монтескье он привез императрице Елизавете Петровне личное послание от Людовика XV. Свою секретную корреспонденцию в Лондоне он хранил в двадцати еловых шкатулках, имитирующих фолианты и озаглавленных «Собрание документов»: он, по его словам, составил и «точный каталог этой библиотеки»²⁶.

Параллель между шпионом и поэтом, донесением и книгой достаточно характерна для зашифрованного языка дипломатической переписки той поры. Мы помним, как барон де Чуди выдал русским властям своего соотечественника Мейссонье де Валькруассана. В ответном письме к Чуди от 9 (20) марта 1756 г. И. И. Шувалов говорит о перехваченной депеше как о «стихотворении в прозе», об аресте и допросе как о литературной полемике, о расшифровке как о переводе с немецкого: «Вирши сии довольно любопытны. Сочинитель явился самолично в Петербург и четырежды побывал у меня. Поскольку он человек молодой и не решается объявить себя публично поэтом, то пытался отрицать, что это он. Под конец он-таки мне признался и подозревает, что вы добыли для меня его творение, хоть я и утверждал обратное. Все же, узнав меня лучше, он остался мною доволен. Вы знаете, что я не столь силен в немецком языке, чтоб понять его творение, но я велел перевести его на французский. Измышления, коими оно наполнено, не позволяют ему взобраться на Парнас, и я полагаю, что он более писать не будет»²⁷ (что, добавим, и затруднительно было бы сделать, сидя в тюрьме). Письмо это французская полиция нашла в бумагах Чуди и, видимо, без труда расшифровала.

Но вернемся к д'Эону, способствовавшему освобождению Чуди из Бастилии. Он продолжал покупать книги и во Франции, и в Англии. Но, потеряв свой пост в Лондоне, он лишился жалованья и решил продать библиотеку Северной Семирамиде. 27 января 1769 г. он послал А. В. Олсуфьеву, кабинет-министру Екатерины II, каталог собранных им рукописей. Отвез каталог петербургский купец Тулон, хозяин мануфактуры в Петровском, которому шевалье показал всю свою библиотеку²⁸. Год спустя д'Эон снова напоминал Тулону об этом деле, утверждая, что рукописи необходимы императрице для работы по составлению нового свода законов, и назначил цену: от 8 до 10 тысяч рублей (заодно предлагая взять в уплату российское железо)²⁹. Купец сумел распространить в Петербурге подписку на многотомные

²⁶ Д'Эон к Терсье, Лондон, 20 января 1764 г. — ААЕ. СР. Angleterre suppl. Vol. 16. Fol. 129r°.

²⁷ Arsenal, Mss, F. Bastille. № 11945. Fol. 292.

²⁸ Д'Эон к А. В. Олсуфьеву, Лондон, 27 января 1769 г. (черновик). — ААЕ. MD. France. Vol. 2187. Fol. 62r°-v°. Тулон был свойственником и компаньоном петербургского купца Мишеля, французского дипломатического агента с 1755 г.

²⁹ Д'Эон к Тулону, Лондон, 25 августа 1770 г. (черновик). — ААЕ. MD. France. Vol. 2187. Fol. 64—66.

«Досуги» д'Эона (подписались граф А. П. Шувалов, граф А. С. Строганов, С. К. Нарышкин, князь М. М. Щербатов — на два комплекта). Обрадованный д'Эон послал 5 сентября 1770 г. целый ящик своих творений и попросил поместить объявления об их продаже в газетах Петербурга и Москвы.

По утверждению д'Эона, Олсуфьев предложил ему 4,5 тысячи фунтов стерлингов за всю библиотеку (7 каталогов), но, сославшись на военное время, просил обождать³⁰. Д'Эон тем временем заложил рукописи за 1800 фунтов стерлингов. После того как в 1774 г. между Россией и Турцией был заключен мир, шевалье обратился к послу в Лондоне гр. А. С. Мусину-Пушкину с просьбой о двух тысячах фунтов, дабы выкупить рукописи и передать их императрице, обязуясь и далее подбирать для нее сочинения по юриспруденции (т. е. стать ее библиотекарем на манер Дидро), а также предлагал уступить всю свою «библиотеку литератора» по цене, которую будет угодно назначить Северной Семирамиде. Но той не было угодно: императрица утверждала, что после опубликования «Наказа» ее буквально засыпали подобными предложениями³¹.

На склоне лет, в 1791 г., кавалер-девица создала из книг свой парадный портрет, опубликовав каталог выставленной на продажу на аукционе Кристи библиотеки³². Чтобы привлечь публику и выручить побольше денег, д'Эон решил пустить с молотка свой миф: мебель, оружие, драгоценности и «в общем все, что содержит гардероб драгунского капитана и французской дамы».

Общий каталог состоял из 6 малых каталогов: вначале рукописи, затем книги, систематизированные по формату и тематике:

1. Рукописи маршала де Вобана — д'Эон намеревался издать его труды по фортификации.

2. «Гражданские и уголовные законы Франции» — коллекция законодательных актов и парламентских документов, в основном XVII в., включая «Оценку статей, предложенных для составления гражданского кодекса» (апрель 1667), а также издания Платона, Маймонида, Монтескье и Руссо. Д'Эон, юрист по образованию, адвокат парижского парламента, писал в «Досугах» о законах Петра I и об ис-

³⁰ Détail exact de tout ce qui s'est passé à ce sujet entre la cour de Saint-Petersbourg et le chevalier d'Éon depuis 1769 jusqu'à présent [entre 1774 et 1777] — AAE. MD. France. Vol. 2187. Fol. 72—73.

³¹ Две богословские рукописи из библиотеки шевалье д'Эона (Exercices du chrétien, Traité sur la prière) попали в собрание графа М. Ю. Виельгорского, а с 1856 г. хранятся в Петербурге в Национальной (бывшей Публичной) библиотеке (Fr.O.I. Ед. хр. 205, 206). Пользуюсь случаем поблагодарить В. А. Сомова, который любезно сообщил мне о них.

³² Catalogue des livres rares et des manuscrits précieux du cabinet de la chevalière d'Éon. Londres: Spilsburg, 1791.

тории русского права, используя при этом работы Штрубе де Пирмонта, члена Петербургской академии³³.

3. Рукописи о финансах (мы уже упоминали о его экономических трудах).

4. «Рукописи по истории, политике, искусству, науке и прочим интересным материям».

5. «Труды о священном языке, включающие печатные и рукописные Библии, на языках древнееврейском, сирийском, талмудо-раввинском, арабском, персидском, турецком, эфиопском, грузинском, малайском, готском, греческом, латинском, галльском, французском, английском и др.». Здесь же — словари и грамматики восточных языков, рукописи XV в., книги XVI в. с пометами автора. Обширный список языков вполне соответствует облику полиглота, искателя праязыка, каким представлялись авантюристы.

Шестой раздел — аннотированный каталог книг, 674 названия (включая многотомники), с библиофильским описанием переплетов, бумаги, широких полей. Вначале идут фолианты, затем издания в четвертку, осьмушку и двенадцатую часть листа. Десяток изданий на греческом, сорок — на английском.

По данным Мишеля Мариона, в середине XVIII в. частная парижская библиотека обычно состояла из сотни книг. Из них на долю богословия приходилось 22% (причем 2% отводилось иудаизму), юриспруденции и права — 13%, науки и искусства — 9%, литературы — 21%, истории и географии — 14%; на все остальное — 21%. Современной литературы было немного, причем Вольтер значительно преобладал над Руссо, что для этого периода и не удивительно. Из наиболее часто встречающихся книг отметим Библию, энциклопедию, словари Бейля и Фюретьера, словарь Треву, «Дон-Кихота» Сервантеса, письма г-жи де Севинье, «Приключения Телемака» Фенелона, «Опыты» Монтеня, «Басни» Лафонтена, «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, «Генриаду» Вольтера и «Знаменитые судебные дела» Гайо де Питанваля³⁴.

Тематика книг и рукописей, собранных д'Эоном, в целом соответствует духу времени (разве что Руссо у него много), и все расхожие издания, разумеется, присутствуют. Но при этом каталог стремится представить в выгодном свете энциклопедические познания и многочисленные ипостаси владельца библиотеки: военного (труды по тактике и стратегии, истории войн), дипломата, политика, юриста,

³³ *Strube de Piermont F. H.* Sur l'origine et les changements des lois russiennes. Saint-Pétersbourg, 1756; *D'Éon.* Recherches sur les divers changements arrivés dans les lois russes jusqu'à ce jour // *Les Loisirs du chevaliers d'Éon de Beaumont.* Amsterdam, 1774. T. 5. P. 1—78.

³⁴ *Marion M.* Recherches sur les bibliothèques privées à Paris au milieu du XVIIIe siècle (1750—1759). Paris: Bibliothèque Nationale, 1978.

экономиста (отметим, что были в собрании д'Эона и работы Билиштейна), путешественника, философа, богослова. Присутствуют и собственные сочинения д'Эона. Большое число словарей и энциклопедий (около 8%), рабочих инструментов литератора и ученого, много руководств по этикету, поведению в обществе, искусству жить и обращаться с людьми (в том числе «Придворный» Бальтасара Грасиана и «Наставления юному вельможе» де ла Шетарди, 1734), письменников, трактатов по сочинительству, педагогике (5%), показывающих, как применять на практике книжные знания. Есть собрания сочинений Руссо, Гельвеция, Монтескье, труды Паскаля, Вольтера, Локка, аббата де Сен-Пьера, Шарля Бонне, «Государь» Макиавелли и «Анти-Макиавелли» Фридриха II, мемуары Ришелье и Реца. Изящная словесность представлена Буало, Лафонтеном, Мармонтелем, Грекуром, Графиньи и др. Отметим особо «Хромого беса» Лесажа, «Железную маску» Муи, «Космополита» Фужере де Монброна, «Кума Матье» Дюлорана, «Китайского шпиона» Гудара, «Севильского цирюльника» Бомарше, «Еврейские письма» и «Каббалистические письма» д'Аржанса.

Среди романов есть любовные, слывшие учебниками соблазнения («Исповедь графа де***» Дюкло), но более тех, что повествуют о приключениях женщин: «Героиня-мушкетерша» Прешака (1677)³⁵ — (прообраз д'Эона), «Знаменитые француженки» Робера Шала, «Манон Леско» и «История современной гречанки» аббата Прево. Они естественно вписываются в раздел «феминистской литературы», включающий десятки апологий, словарей, историй и жизнеописаний — образцов для подражания: «Галерея сильных женщин» аббата Ле Моня (два изд., 1660 и 1665), «Апология дам» (1737), «История древних и современных амазонок» аббата Гийона (1740), «История Жанны д'Арк» (1753) Ленгле Дюфренуа, «Жизнь знаменитых женщин Франции» (2 т., 1761), «Портативный исторический словарь знаменитых женщин» (1769), «Защита прекрасного пола», «Защита женщин», «История галантных женщин» Брантома и т. д. Разумеется, «Исследования о женском платье» (1727) д'Эону, записной моднице, были необходимы, но вот многочисленные справочники по женским болезням и руководства по акушерству и гинекологии покупались для самообразования и вставлялись в каталог для блезиру: д'Эон был мужчиной.

Объявленная на 5 мая 1791 г. распродажа не состоялась: была объявлена подписка в пользу д'Эона, и почитатели собрали ему 465 фунтов. В 1792 г. он продолжал покупать книги и выложил 500 фунтов за коллекцию из ста изданий Горация. И все же 24 мая 1793 г. на лондонском аукционе Кристи он продал часть библиотеки и неко-

³⁵ *J. de Préchac. Héroïne mousquetaire, 1677. У д'Эона было другое издание — Illustré Mousquetaire. La Haye, 1699.*

торые вещи (в частности, табакерку, якобы пожалованную Елизаветой Петровной)³⁶. Публичные торги спасали д'Эона не только от бедности, но и самое главное — от забвения. Привлечь к себе внимание было едва ли не главной его целью. В том же 1791 г. он подал прошение о зачислении его капитаном в республиканскую армию, дабы защищать революцию и Францию. Он давал в газеты (в частности, в «Морнинг кроникл») объявления и приглашал зрителей на шахматный матч с Филидором в 1793 г. (в библиотеке его хранилась рукописная «Книга моральных наставлений благородных людей о шахматной игре, переведенная с латыни на французский братом Жаном де Виге около 1300 г.»), на фехтовальные поединки с известными мастерами, причем фехтовал он в юбке (правда, в 1796 г. бой окончился печально — 68-летний д'Эон был ранен обломком рапиры).

Оставшиеся книги и рукописи (всего 116 названий) пошли с молотка через три года после смерти д'Эона, 19 февраля 1813 г., в том числе шесть томов юридических документов и собрание Горация³⁷, а вот рукописи Вобана фирма Кристи оставила себе. Наибольший интерес для нас представляют те книги, которые д'Эон не поместил в парадный каталог: исторические труды, путешествия и записки о России на французском и английском (20 изданий!), богохульные, сатирические и эротические сочинения, в том числе столь важные для стиля его поведения «Орлеанская девственница» Вольтера и «Палесса Иоанна» (несколько изданий). Последний сюжет весьма интересовал Вольтера, а позднее Пушкина. Таким образом, кавалерша д'Эон предстает как писатель, читатель и библиотечарь своей собственной жизни.

³⁶ *Contades G. de. Un bibliophile singulier et inattendu. Le chevalier d'Éon // Annales littéraires, 1891. P. 39—50.*

³⁷ *A Catalogue of the very Valuable and Rare Historical, Biblical and other curious mss and library of printed Books of the chev. d'Éon. London, 1813.*

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ЖАНРЫ

Рассмотрим наконец судьбу авантюриста в контексте литературных произведений его времени. На первый взгляд кажется, что наибольшее число параллелей предоставит нам роман. Он настолько близок мемуарам, что возникают гибридные жанровые формы — поддельные мемуары знаменитых людей: вероотступника графа де Бонваля, ставшего турецким пашой¹, Калиостро («Исповедь графа К**** с историей путешествий его в Россию, Турцию, Италию и египетские пирамиды», 1787)². Да и сами авантюристы сочиняли романы, в том числе приключенческие. Но наибольшее число сходжений мы обнаружили не в них, а в комедиях, сказках и утопиях, где просматривается единая логика действия, воссоздаются архетипические сюжеты. В повествовательных текстах, тяготеющих к «правдоподобию», совпадают (или заимствуются) лишь отдельные мотивы и эпизоды; авантюрист остается на обочине магистральной линии развития романа.

Чтобы попытаться уяснить причины этого явления, обратимся к самому понятию приключения, авантюры. Французский философ Владимир Янкелевич писал, что главное и необходимое условие для приключения — скука³. Необходимо болото рутинного повседневного существования, чтобы можно было из него вырваться. Ежедневное

¹ Приехав в Константинополь, и Казанова, и Фужере де Монброн наносят визит Бонвалю, подолгу беседуют с ним. Монброну паша объясняет, что в приписываемых ему мемуарах все — ложь. — *Fougeret de Monbron. Le Cosmopolite. Londres, 1753. P. 12.*

² *Confessions du comte de C**** avec l'histoire de ses voyages en Russie, Turquie, Italie et dans les pyramides d'Égypte. Au Caire et à Paris, 1787.*

³ *Jankélévitch V. L'Aventure, l'ennui, le sérieux. Paris: Mouton, 1963.*

повторение событий притупляет их восприятие, они перестают замечаться, а значит — происходить; размеренное календарное течение времени равносильно его остановке. Напротив, авантюра расплачивает дверь в неведомое, в будущее. Три явления, полагает В. Янкевич вслед за Георгом Зиммелем⁴, превращают жизнь в приключения: любовь, смерть и искусство. При этом справедливо и обратное: вырывая кусок жизни из контекста, приключение делает событие единственным, придает ему начало и конец, эстетически завершает его.

Поэтому, скажем, истинной авантюристкой будет не Молль Флендерс, а госпожа Бовари, которая стремится разрушить устоявшееся и предначертанное, превратить жизнь в роман. А жизнь упорно не хочет превращаться и убивает незадачливую чародейку. Авантюрист — тот самый романтный герой, который, по определению Д. Лукача, находится в глубинном конфликте с миром. Думается, что в российской словесности с ее тягой к изображению «антиповедения» и «лишних людей» приключение в предельном случае оборачивается сидением на печи и лежанием на диване.

Но понятие приключения меняется вместе с эпохами и литературными нормами; наиболее ясно это видно на примере литературы путешествий. Кроме того, в самом искусстве кроется ловушка. Получая в произведении идеальную форму, событие застывает, каменеет. Лишившись непредсказуемости, Дон Жуан превращается в статую Командора. Как объяснял В. Б. Шкловский в самых первых статьях, литературный канон «автоматизирует» события совершенно так же, как быт. Мемуары Казановы, которые при всей их достоверности нарушают литературные стереотипы, интересней и необычней его утопического романа «Икозамерон» (1788), где вымысел ограничен законами жанра.

В фантастическом тексте нормой становится невероятное, в любовном романе предсказуемы любовные похождения, а в приключенческом — все новые перипетии. Одна из главных проблем, которую так и не удалось решить французскому роману Просвещения, это отсутствие быта, отсутствие повседневности. Красочные, а то и кровавые подробности просачиваются в роман в первую очередь при описании деревни, городских низов или чужих стран, но романный хронотоп все равно остается условным. Персонажи не испытывают сопротивления среды, они борются с литературными препятствиями. Свой мир (светский Париж) описывается как идеальный, и потому в нем нет ни быта (разве что поминается новомодное шегольское изобретение), ни преград для человека, усвоившего правила поведения. Чужой мир описывается как антипод своего, и потому экзотика достаточно предсказуема, даже если не сводится к декорации

⁴ *Simmel G. Philosophie de la modernité. Trad. de l'allemand. Paris: Payot, 1989. (ch. L'aventure. P. 305—325).*

ям, как в галантных сказках. В любом случае, от смертельной опасности герой защищен законами жанра (подобно тому как в детективе неуязвим сыщик) и уверенностью в том, что он существует в лучшем из миров.

В ряде работ мы уже предлагали типологическое описание французского романа Просвещения⁵. Поэтому здесь мы только кратко напомним выводы и предложим некоторые дополнения. Сразу оговоримся, что наш анализ повествовательных моделей не включает прозу сентиментализма.

Классификация ведется по типу главного героя. Их четыре: юный дворянин, юный крестьянин, юная крестьянка, знатная дама. Выбор центрального персонажа определяет дальнейшие события и расстановку действующих лиц, их имена и внешность. Первые три персонажа активны, и потому они психологически меняются, тогда как добродетельная аристократка остается пассивной и неизменной в круговерти событий.

В эпоху Просвещения сравнительно мало романов образцового воспитания, развивающих традиции «Приключений Телемака» (1699) Фенелона⁶. Наиболее известные произведения связаны с утопической и масонской традицией и рисуют образ идеального юного монарха и государства ему под стать (А. М. Рамсей «Путешествия Кира», 1727; Ж. Террассон «Сет», 1731). Первые три выделенных нами типа романа (истории аристократа, крестьянина, простолюдинки) также связаны с идеей воспитания, но представляют ее светский вариант. Отметим две их особенности. Во-первых, почти все приключения — любовные. Адаптация в обществе, подъем или спуск по социальной лестнице рисуются через эротические похождения. Конец романа — свадьба, она же удаление от света: женатый человек для общества потерян. Во французской прозе у мужа может быть только одна функция — комический рогоносец. Если автор по неосторожности женил героя, а читатели требуют продолжения, приходится либо похищать супругу (убивать, сводить в могилу), как это делает Луве де Кувре («Фоблас», 1787—1790), либо награждать героя рогами, как поступает шевалье де Муи («Соглядатай», 1736).

Вторая особенность связана с тем, что описываемый в романах процесс превращения «естественного» человека в «цивилизованного» воспринимается не только как положительный, но и как отрицатель-

⁵ См.: Строев А. Ф. Типология романических жанров и французский роман эпохи Просвещения: Автореф. дис. канд. филол. наук. М.: МГУ, 1983; Строев А. Ф. Роман антивоспитания во французской литературе XVIII в. // Филологические науки. 1983. № 5. С. 29—35; Французская литературная сказка XVII и XVIII веков. М.: Худож. литература, 1990 (предисл. и коммент.).

⁶ *Grunderoute R. Le Roman pédagogique de Fénelon à Rousseau. Genève; Paris: Slatkine, 1985.*

ный. Вопрос о природе человека во французской прозе XVIII в. весьма подробно рассмотрен в работах М. В. Разумовской⁷, поэтому мы остановимся только на одном моменте. Думается, не случайно все три романа, создавшие в 1730-е годы три основные повествовательные модели («Заблуждения сердца и ума» (1736—1738) Кребийона, «Жизнь Марианны» (1731—1741) и «Удачливый крестьянин» (1735) Мариво), остались незаконченными. Делаясь светским человеком, герой обязан потерять индивидуальность, персонаж превращается не в личность, а в маску. Пользуясь терминологией К. Г. Юнга, можно сказать, что по мере обретения своей «персоны» (социальных ролевых черт) «анима» (внутренний скрытый мир) исчезает, отмирает за ненадобностью.

Роман — «список любовных побед» шеголя, модного человека, разработанный Ш. Дюкло, Ж. Ф. Бастидом («Исповедь фата», 1742), Ш. А. Ла Морльером, К. Годаром д'Окурором, Ф. Ж. Дарю де Гранпре («Любезный шеголь, или Военные и галантные мемуары графа де Ж* Р***», 1750) и др., стал более популярным, чем история о крестьянине, делающем карьеру в Париже. Ведь в случае успеха простолюдин отказывался от буржуазной модели поведения и принимал дворянскую, тем самым оказываясь ухудшенной, а значит ненужной копией первого типа героя. Если же он не преуспевал, то его жизненный путь рисовался как путь деградации и порока, ведущий к гибели, что более характерно для прозы второй половины века («Совращенный крестьянин» Н. Ретифа де ла Бретонна, 1775).

Думается, что этот «отрицательный» вариант мужской судьбы возник не без воздействия приключений «удачливых» крестьянок. Героиня Мариво преуспевает, добродетельно кокетничая, ибо она, как выясняется, — дворянка (знатность предохраняет от порока). Героиня романа шевалье де Муи «Удачливая крестьянка» (1735—1736) также исхитряется сохранить добродетель и сочетаться законным браком. (Отметим, что на заднем плане постоянно мелькает тот, к кому подсознательно устремлены помыслы героини — Король.) Литературным последовательницам это не удается (французские читатели готовы верить в чудеса, но не до такой же степени), и крестьянки, любить умеющие, превращаются в содержанок (Вилларе — «Антипамела», 1742, и «Пригожая немка», 1745; Мовийон — «Антипамела», 1743; Фужере де Монброн — «Штопальщица Марго», 1748; Маньи — «Мемуары Жюстины, или Исповедь публичной женщины, удалившейся в провинцию», 1754; Сент-Круа — «Актриса — знатная девица и дама», 1755 и т. д. и т. п. вплоть до «Совращенной крестьянки» Нугаре, 1777 и «Совращенной крестьянки» Ретифа, 1784).

⁷ Разумовская М. В. *Arg amatoria* и понятие природы человека во французском восточном романе первой половины XVIII в. // История и современность в зарубежных литературах. Л., 1979. С. 18—27; Разумовская М. В. Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х годов. Л., 1981, и др.

По мере развития действия во всех трех повествовательных моделях возникают сходные затруднения. Наиболее колоритна и выигрышна фигура новичка, не знающего ни манер, ни светского языка, путающего герцогиню с актерками, а «уединенный домик» — с сельским (Келюс «Взаимные признания», 1747). Тут есть что объяснить читателю и чем его позабавить, и здесь персонаж наиболее похож на авантюриста, впервые прибывшего в столицу мира — Казанова совершал похожие ошибки. Этот этап кончается инициацией, которая дает толчок дальнейшим приключениям. Но постепенно движение по инерции замедляется, подробный рассказ о новой победе сменяется скороговоркой, если не перечислением. Где уж там говорить о психологии и характерах, если «штопальщице Марго» приходится против воли обслужить тридцать мушкетеров за два часа. В мужском варианте сюжета, как правило, разрабатываются психологические портреты дам: кокетка, ученая жеманница, святоша, корыстная, чувствительная, потом исследуются национальные отличия (ревнивая мстительная испанка, холодная рассудительная англичанка, импульсивная темпераментная итальянка), затем — социальные типы, причем победы одерживаются все проще: если жен финансистов и судебных соблазняют, то мешанок и актеров покупают. В женском варианте сюжета, напротив, в основном перечисляются социальные характеры: богатый откупщик и его двойник, тупой богатый иностранец (немец или англичанин), аббат (священник — одна из наиболее популярных фигур эротической литературы), бедный плутоватый дворянин (часто — гасконец), пожилой аристократ и его юный сын повеса.

В галантном мире преград нет, ибо, как утверждалось в сочинениях XVIII в., французы могут ревновать любовниц, но не жен. Здесь не соперничают, а занимают очередь, и вместо картеля посылают вежливое письмо, напоминая, что три месяца прошло, пора и честь знать: товар должен быть в обращении — «la marchandise doit être en commerce» (Дюкло «Исповедь графа де***», 1741). «Список любовных побед» действует помимо хозяина: достаточно предъявить список, чтобы дама польстилась на репутацию. Потерявший индивидуальность герой превращается в связку между эпизодами и делается попросту изишним. Он — соглядатай, бесполое существо, он здесь для мебели, его дело — подсматривать и рассказывать, и потому он превращается в софу (Кребийон «Софа», 1741), канапе (Фужере де Монброн «Канапе огненного цвета», 1741) и биде (А. Бре «Биде», 1748), заменяется волшебным кольцом (Дидро «Нескромные сокровища», 1748). Героям ничего не нужно делать: система звонков оповещает о перипетиях альковных баталий (Гиар де Сервинье, «Звонки, или Мемуары маркиза де***», 1749), чудесный кабриолет обеспечивает парад женихов (Мелоль «Кабриолет», 1755), «уединенный домик» соблазняет всех, кто попадает в него (Бастид «Уединенный домик», 1753; Виван Денон «Завтра не будет», 1777): пространство подчиняет людей, диктует им правила поведения.

Викторин, похищающий Кристину

*Retif de la Bretonne N. La découverte australe par un homme-volant,
ou Le Dedale français. Leipzig*

Подобный рассказ может длиться бесконечно: так, героиня романа Андре де Нерсиа «Элеонора, или Счастливое существо» (1799) получает от сиффа дар постоянно менять свой пол, сохраняя молодость. Если сюжетный стержень вовсе отсутствует, то роман становится сборником рассказов (Жуи «Галерея женщин», 1799). Финальная точка ставится, когда исчерпывается запас литературных топосов. Добродетельная мешанка выходит замуж, порочная, разбогатева, удаляется от света (и в этот момент включается биографическое время: героини понимают, что постарели, престели их увяли). Брак не решает проблем простолоудина, ибо после свадьбы не он становится графом, а его жена — мешанкой (Е. де Мовийон «Удачливый солдат», 1753); герой должен разбогатеть, стать откупщиком. Аристократ может разочароваться в любовных победах и в светской жизни (наиболее подробно и психологически достоверно финальное перерождение героя показывает Дюкло), но тогда он перестает быть шеголом, и ему остается только сочинять мемуары и живописать свои прегрешения в назидание потомству.

Примерно так сложилась судьба маркиза д'Аржанса, начавшего литературную карьеру с того, чем другие заканчивают: с «Мемуаров» (1735). Его воспоминания — один из первых образцов романа-списка и вместе с тем если не авантюрной судьбы, то авантюрной молодости. К тридцати четырем годам д'Аржанс успел побывать адвокатом, офицером и дипломатом, поехать по Европе, совершить путешествие в Константинополь. Он стал героем четырнадцати любовных приключений, изведать обоюдные обманы и измены, он нарушал обещания жениться и, напротив, пытался по молодости лет вступить в тайный брак, за что отец упрятал его в тюрьму. Героини: девицы и замужние, дворянки и мешанки, судейские и актрисы, содержанка и юная послушница, француженки, турчанки, гречанка, итальянки. Сам д'Аржанс, подобно традиционному авантюрному герою, практически не меняется внутри повествования от одного приключения к другому, но само закадровое превращение в писателя подводит итог первой половине пути. В конце жизни маркиз отречется от своего первого (и едва ли не самого удачного) литературного опыта, будет уговаривать Казанову никогда не писать мемуаров. В последующих произведениях маркиз д'Аржанс соединяет автобиографические мотивы с топикой романа-списка и сюжетными элементами романа воспитания. В романе «Ментор-дворянин, или Знаменитые несчастные нашего века» (1736) юный граф де Боваль со своим наставником повторяет жизненный путь и путешествия автора (Франция — Испания — Италия — Константинополь — Африка) и, пережив несколько любовных историй и выслушав их изрядное число, обретает невесту на родине. Герой «Современного законодателя, или Мемуаров де Мелькура» (1736) отказывается от юношеского вольномыслия (из атеиста он превращается в деиста, а затем в правоверного католика),

обращает в истинную веру туземцев, устанавливает идеальные добродетельные законы, побеждает и перевоспитывает пиратов.

Чтобы в романе галантного воспитания возникла интрига, нужно противодействие. Тогда открытая романная структура превращается в замкнутую драматическую. Между четырьмя главными персонажами светского романа: наставник порока (либертен), опытная дама, юный щеголь, добродетельная девушка — возникают ревность и соперничество. Ставка здесь иная: не за любовь идет борьба, а за власть. В романах середины века можно было сочинить благополучный финал, разоблачив и уничтожив дьявольских соратителей в мужском или женском обличье (Дебульме «Роза, или Следствия ненависти, любви и дружбы», 1761; Фрамери «Мемуары маркиза де Сен-Форле», 1770; Дора «Превратности непостоянства», 1772; Жерара «Граф Вальмон, или Заблуждения ума», 1774). В конце столетия вера в разумность миропорядка ослабевает, и герои сходят с ума, убивают друг друга («Фоблас», «Опасные связи»). Философия наслаждения перерождается в философию насилия. Революционная гильотина и перо маркиза де Сада превращают в гекатомбу историю и роман.

Вернемся к четвертому типу романа — истории аристократки (романы Ламбера, Дюкло, д'Аржанса, Тансен, Шеврие). Он начинается там, где другие кончаются: с ситуации спокойствия, стабильности и счастья. Знатной девице или даме все дано — красота, богатство, положение, и она может только терять. Ее судьба — борьба с роком: добродетель, как магнит, притягивает злодеев. Если в первых трех сюжетных моделях действие строилось по схеме: инициация — следование законам галантного поведения (приключения) — отказ от них (свадьба/уход), то здесь источник действия прямо противоположный: отказ адаптироваться, следовать галантным нормам. Героиня идеально подходит под определение авантюриста, данное Лезюиром: с ней случаются приключения. Единую логику действия (социальное восхождение, рассмотренное как моральная деградация) заменяет чередование перипетий. На героиню ополчаются завистники, клеветники, ревнивые соперницы, нападают разбойники, похитители, наемные убийцы, ее шантажируют, обманывают, разлучают, заточают. Ситуация запутывается с помощью травестии (героиня переодевается в мужское платье), ложных слухов о смерти. Не случайно возникают мотивы, знакомые еще по греческому авантюристическому роману и столь популярные в барочном романе (Скюдери «Артамен, или Кир Великий», 1648—1653) или приключенческом (д'Онуа «История Иполита, графа Дугласа», 1690) — вплоть до нападений пиратов.

Отличие от прежних вариаций жанра состоит в том, что героиня одинока не в чужом экзотическом мире, а в своем; здесь повсюду разлит зло. Чем строже добродетель героини, тем больше приключений и убийств. В «Мемуарах и приключениях знатной дамы, удалившейся от света» Ламбера (1739) погибают (в скобках — покойни-

ки из вставных историй): 9 (3) мужчин + 4 (1) женщины + 5 слуг, павших в поединках с похитителями и наемными убийцами, не считая убитых в морских сражениях с пиратами; в «Превратностях любви» Тансен (1747): 5 (9) + 2, в «Мемуарах честной женщины» Шеврие (1753): 5 (2) + 4. Если в традиционных авантюрных романах финал счастливый, то здесь — горестный.

Культура рококо, на которую ориентирована значительная часть романной продукции XVIII в., разрабатывает эстетику не прекрасного (beau), а хорошенького, миленького (joli)⁸. Во второй половине столетия как параллель роману о шеголе (petit maître, aimable, agréable, homme à bonnes fortunes, homme à la mode) возникает роман о «хорошенькой женщине» (jolie femme): Н. Т. Барта «Хорошенькая женщина, или Современная женщина» (1769), м-ль д'Альбер «Исповедь хорошенькой женщины» (1775), Ф. А. Бенуа «Заблуждения хорошенькой женщины, или Французская Аспазия» (1781) и др. Отметим, что Барт последнюю главу романа посвящает разбору термина «хорошенький» как единого стиля эпохи, всего светского быта. Тип сюжета здесь уже не авантюрный, а нравоописательный, теперь и о литературе поговорить можно, но только поведение героини весьма напоминает лозунг содержанки из рассмотренных выше произведений: разоренные поклонники — вот истинные титулы красавицы (Вилларе «Пригожая немка»).

Итог обоим типам сюжета опять-таки подвел маркиз де Сад в «Жюстине» и «Жюльетте», рассказе о «превратности добродетели» и «преуспейании порока». История двух сестер, умной (добродетельной) и красивой (порочной), много раз разрабатывалась в дидактических сказках и романах (Фенелон, Монкриф, Нугаре, Ретиф де ла Бретонн). Сад ставит философский эксперимент: за каждое хорошее качество, за каждый добрый поступок следует кара, за каждое преступление — награда. И все же отметим, что законы жанра сильнее даже злой воли: Жюстина остается невинной после чудовищных изнасилований, она регенерирует после пыток, ее можно только убить молнией. Напротив, злодеи во множестве гибнут в кровавой междоусобной резне, войне либертенов.

*
* *
*

Не найдя авантюристов в галантном литературном пространстве, поищем их в мире приключений. По своему построению авантюрное повествование ближе не к роману любовной карьеры, художе-

⁸ Данная категория рассматривается в работах С. Л. Козлова как основная для культуры рококо — *Козлов С. Л. Проблема рококо и французское литературное сознание XVII—XVIII веков: Автореф. дис. канд. филол. наук. М.: МГУ, 1985.*

ственному открытию XVIII в., а к истории о гонимой добродетели, истории неадаптирующегося человека.

Казалось бы, мы пришли в прямое противоречие с тем, что говорили ранее о пластичности и переменчивости авантюриста, о его умении приспосабливаться к любой ситуации. Чтобы разобраться в этом, обратимся к литературным предкам авантюриста: к низкому герою волшебной сказки и плуту (пикаро). Сказочные персонажи могут преображаться, перемещаться в пространстве, переноситься в иной мир именно потому, что повсюду они — чужаки, безумцы. Дуррак, пляшущий на похоронах и плачущий на свадьбе, еще в большей степени нарушает законы миропорядка, когда вступает в общение с пришельцем из враждебного мира. Чужестранец — враг, единственная возможная форма коммуникации — убийство; тот, кто вежливо беседует с ним, предает своих, выпускает зло в мир⁹. Как сформулировал П. А. Гринцер, в ранних романских формах сказочная повествовательная схема приобретает следующий вид: встреча — разлука — поиски/подвиги — обретение¹⁰. В греческом и барочном романе герои влюбляются с первого взгляда, и их тут же разлучают (брак невозможен из-за неравенства положений, вражды, запретов родителей, коварства соперников, похищений и т. д.). Поиски, как правило, превращаются в долгие путешествия и одновременно в испытания героев на верность друг другу. Несмотря на искушения и насилия, они сохраняют магический талисман невинности и в итоге соединяются. Эта схема возникает в галантной сказочной повести Кребийона («Танзай и Неадерне», 1734) и его последователей Каюзака, Ла Морльера и др., но с противоположным знаком: герои должны изменить другу, дабы избавиться от насланного колдовского бессилия и сочетаться полноценным браком; сказка трансформируется в роман-список.

В плутовском романе, как показал Д. Суйе¹¹, любовь заменяется служением. Ласарильо с Тормеса ищет не жену, а хозяина, который мог бы заменить ему отца. Финальная цель — не брак, а место в обществе. Отношения любви-ненависти переносятся на социальные отношения (хозяин—слуга). Напротив, женщины вызывают у пикаро враждебные чувства, они выступают в роли соперниц: эти переменчивые бестии и прирожденные комедиантки всегда проведут и обхитрят мужчину. Три существа, весьма сходных между собой, внушают страх и ненависть: женщина, дьявол и еврей, но сам пикаро рожден ими (он сын колдуньи и иноверца), он такой же, как они.

Традиционных плутовских романов во французской литературе XVIII в. немного. Показательно, что Д. Суйе исключает из их числа

⁹ Об этом подробно писали В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский и его коллеги.

¹⁰ Гринцер П. А. Две эпохи романа // Генезис романа в литературах Азии и Африки. М.: Наука, 1980. С. 3—44.

¹¹ Souiller D. Le Roman picaresque. Paris: PUF, 1980.

«Жиль Блаза» Лесажа, а «Удачливого крестьянина» Мариво, наоборот, склонен рассматривать как плутовской роман, тогда как Р. Грандрут, напротив, считает этот текст воспитательным романом. Не вдаваясь в спор о терминах, отметим несколько моментов. Во-первых, плутовской роман предполагает повествование от первого лица, а французская проза, как показал Р. Деморис¹², весьма неохотно предоставляет «право голоса» простолюдинам, поэтому либо вместо пикаро появляется обедневший дворянин, либо в финале раскрывается тайна его рождения. Повествователь — творец, он создает мир, а аристократическая «цивилизация» не хочет отдавать мир третьему сословию. Отчасти с этим связан и второй момент: на путь плутней во французской прозе сознательно становятся не мужчины, а женщины (романы о женской «порочной» карьере), которым по природе их отведена роль дьявольских искусительниц («Манон Леско», «Влюбленный дьявол»). В-третьих, в плутовском романе усиление нравоописательных тенденций приводит к тем же результатам, что и в романе-списке: он превращается в сборник рассказов. В «Хромом бесе» Лесажа пикарескный сюжет сведен до обрамления, у его последователей повествователем становятся либо мадридские печные трубы, либо дьявол.

Разумеется, многие ситуации плутовского романа сохраняются в приключенческих произведениях. Само слово «приключения» встречается в названиях 140 романов XVIII в., не считая подзаголовков. Для примера мы возьмем четыре произведения, которые уже упоминали в разных контекстах. Три из них написаны авантюристами, а четвертый — довольно популярным в то время прозаиком: «Соглядатай, или Приключения Бигана» (1736, 2-е доп. изд. — 1777) Муи, «Французский авантюрист» (1746) Гудара, «Друг удачи» (1754) Мобера де Гуве и «Французский авантюрист, или Приключения Грегугара де Мервея» (1782) Лезюира.

Автор сразу же определяет исходную жанровую установку и неоднократно подтверждает ее, напрямую обращаясь к читателю: он выбирает героя, вносящего в мир хаос и провоцирующего приключения, именно потому, что читатель любит приключения и требует их. Заключается договор: чем чудесней истории, тем крепче должен верить в них читатель, ибо именно этого он просил (Лезюир). Для подтверждения правдивости романа рассказывается история обнаружения рукописи («в дубовом ларце в подполе одного римского дома» — Муи), постигших ее невзгод (кладоискатели повредили ее, откуда и дыры в повествовании), переход от одного владельца к другому (поиск, похищение, изъятие при аресте, продажа), перевод и переделка (итальянцы превращаются во французов). История текста пред-

¹² *Démoris R. Le Roman à la première personne. Du classicisme aux Lumières.* Paris: A. Colin, 1975.

сказывает тем самым судьбу героя, причем нагромождение подробностей умножает противоречия и разрушает ту самую иллюзию достоверности, которую автор хотел создать. Хотя, заметим, история рукописи мемуаров Казановы, которую издатели Брокгаузы спасали под бомбежкой из огня в 1945 г., тайком вывозили из Лейпцига в американскую зону и подлинный текст которой они скрывали от читателей 150 лет, породив множество легенд, — фантастичней того, что придумал Муи.

Несмотря на наличие сходных эпизодов, «Друг удачи» по своему построению сближается с романом карьеры, а другие три произведения ближе к авантурному повествованию с элементами романа плутовского и утопического. Мобер де Гуве рассказывает историю продуманного социального восхождения, где взлеты и падения логически объяснимы, где литературный герой поступает на службу к историческим лицам, где он свободен только в пределах приказов и инструкций, а предательство, провокации и шпионство — его ремесло.

Мобер де Гуве не только дает точные даты жизни своего героя, маркиза де Сент-А. (1708—1745), как это делает Муи, но и привязывает историю его жизни к историческим событиям (у Муи, Гудара и Лезюира события выключены из хронологического ряда). Как полагается, бедный дворянин приезжает с юга Франции в столицу, связывается с игроками и плутами, которые его полностью разоряют (то же начало у Гудара). Маркиз записывается в тяжелую конницу и сводит знакомство с содержанкой влиятельного лица — Баржака, слуги первого министра, кардинала де Флери. Баржак, лицо действительно влиятельное, если не всесильное (они составляли крепкий тандем с Башелье, слугой Людовика XV), дает герою советы, как преуспеть, и намечает план действий. Сент-А. должен понравиться маркизе Л. и герцогине Б., играть роль наивного и простодушного провинциала, выбравшего честную дорогу в жизни. Маркиза, в свою очередь, учит юного любовника науке интриг и тоже использует его как соглашатель. По приказу Баржака герой входит в доверие к герцогу У., одалживает ему деньги, разведывает его секреты и разрушает планы придворной партии, противостоящей Флери. За предательство он получает бенефиции и откупа для отца и братьев и обеспечивает благосостояние семьи; сестер удачно выдают замуж, родовые шесть арпанов земли превращаются в маркизат.

За придворными интригами следуют тайные миссии в Испанию, Австрию, Саксонию и Польшу, где герой в составе французского посольства обеспечивает избрание королем Станислава Лещинского. Отметим важную для нас тему политической алхимии: герой сравнивает тайную дипломатию с поиском философского камня. Во время войны в Италии Сент-А. ищет удачи на военном поприще, но со своим отрядом волонтеров он более преуспевает в грабежах, а не сражениях. Для разрядки время от времени возникают и любовные приключе-

чения, не слишком успешные, а то и мешающие разведзаданию (за одно из них герой в Испании попал в тюрьму). Дважды герой женится на деньгах: первая супруга вскоре умирает, со второй он расстанется (мы уже говорили выше, сколь незавидна роль мужа во французской прозе). Герой вполне пассивен, и жизнь его обрывается на середине, когда удача отворачивается от семьи — умирает покровитель Баржак.

Если герой Мобера де Гуве, подобно другим карьеристам, пробивается в жизни, опираясь на родовой клан (ср. поведение «удачливого крестьянина» Мариво или публициста Сюара, проанализированное Р. Дарнтоном), то авантюристы, как полагается, одиноки. Герой Гудара — сирота, герой Муи Биган изгнан из дома и отправлен в монастырь, герой Лезюира Мервей — подкидыш, титул и наследство достались его брату-близнецу. Подростки выброшены в мир взрослых, мир нищеты и обмана. Герой Гудара, гасконский дворянин, получает в наследство от отца один только предсмертный совет, достойный пикаро: «Ищи простаков». Но первое событие взрослой жизни — традиционная для плутовского жанра инициация, когда обманывают и обкрадывают самого героя. Шулера обыгрывают «французского авантюриста», прикинувшись добродетельными наставниками; после этого полгода, проведенные в шайке честных разбойников, представляются ему пасторальной идиллией.

Второй исходный повествовательный элемент, встреча и разлука с любимой, важен для романа Лезюира: Мервей женится в итоге на своей кузине Юлии. Но «высокое чувство» отнюдь не предполагает соблюдения верности; любовные интрижки возникают постоянно во всех трех книгах, тем более что Биган, как полагается, несчастлив в браке, а герой Гудара, более всех напоминающий пикаро, Гимена побаивается. В любом случае, пока длится повествование, герой должен быть один.

В романе Гудара присоединение новых эпизодов происходит за счет того, что герой-слуга меняет хозяев; Грегуар де Мервей меняет профессии и род занятий (вплоть до сумасшедшего); Биган выслушивает все новые вставные истории. При этом, разумеется, «французский авантюрист» должен бедствовать: утрата кошелька придает ему энергию, побои — силу. В конце каждого повествовательного отрезка Грегуар де Мервей пересекает водную границу, рубеж жизни и смерти: тонет в реке или терпит кораблекрушение; постоянный мотив — летаргические обмороки, ложные слухи о кончине персонажей. У Гудара концовки эпизодов маркируются тем, что героя раздевают до нитки, и он, как новорожденный, вновь голым вступает в мир.

Из устойчивых топосов отметим постоянную смену костюма, преобразующую человека, диктующую ему роль, вплоть до роли женщины, как в романе Лезюира. Муи и Гудар описывают лавку старьевщика для завсегдаев игорного дома, где нищие превращаются в принцев. При этом роскошный парадный костюм многократно воз-

вращается в лавку, он живет собственной жизнью, меняя хозяев-игроков. С эпизодами происходит то же, что с персонажами: сохраняется повествовательная структура, меняется код. Основные мотивы (плутня, дознание, предсказание, театр, игра, поединок) переходят один в другой.

Хозяева «французского авантюриста» учат его, как управлять людьми. Ярмарочный шарлатан, продающий снадобья и предсказывающий судьбу, объясняет, что будущее людей прочитывается по их лицам. Ему вторит профессиональный нищий: чтобы получить подавание, надо мгновенно распознать того, с кем заговариваешь, и уподобиться ему. Таким образом, персонаж обязан быть комедиантом и следователем. Конечно, мир авантюрного романа устроен иначе, чем детектив, где у каждой загадки — несколько возможных и равноправных решений, где текст превращается в перебор вариантов. Здесь у самой страшной тайны имеется рациональное и однозначное объяснение. Вольтер в «Задиге» дает пример «индуктивного метода», реконструкции происшествия по уликам; этот литературный прием использует Бомарше, публикуя в лондонской газете литературный портрет незнакомки, воссозданный по потерянной ею вещи. В романе «Соглядатай», где герой испытывает почти болезненную тягу к шпионству, Муи если и не открыл детективный жанр, то едва ли не первый во французской литературе рассказал о методах полицейского сыска, столь любимых Видоком и Ванькой Каином: переодевание, подслушивание и подглядывание, использование доносчиков, ловушки, арест и допрос с выбиванием признания.

Игра в романах предстает в первую очередь как азартная карточная, с описанием игорных домов, шулерских приемов и традиций, причем героям частенько везет в игре, а не в любви. У Муи в одной из вставных историй появляется шахматный поединок, описанный как род дуэли: переодетая в мужское платье девушка в публичном состязании обыгрывает своего возлюбленного. Мы помним, как фехтовала и сражалась в шахматы кавалерша д'Эон; героини французских романов также нередко дерутся на дуэли («Мемуары м-ль де Менвиль, или Лжешевалье», 1736, д'Аржанса; «Кабриолет» Мелоля, «Заблуждения хорошенькой женщины» Бенуа; «Фоблас» Луве де Кувре и др.)

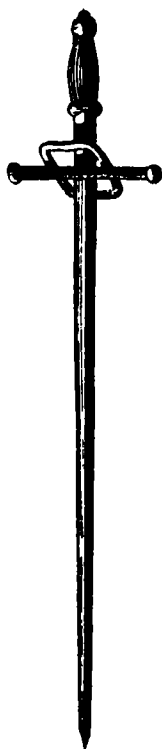
Герой Гудара, подобно подлинным авантюристам, предпочитает не соблазнять женщин, а устраивать их на содержание либо выдавать замуж. Он организует небольшое бюро знакомств, заводит регистр, каталог: «список любовных приключений» не для себя, а для других («у меня был полный набор девиц всех возрастов, положений, состояний, любого роста»). В заключительном эпизоде появляется традиционный мотив самозванства: чтобы вытянуть побольше денег из провинциального буржуа, «французский авантюрист» устраивает ему свадьбу с восточной принцессой: превращает нанятый особняк в сказочный дворец, актрису — в королеву, разрабатывает придвор-

ный ритуал царства Мадагаскарского. Даже полиция восхищается им, уверяя, что человек со столь богатой фантазией, создатель вымышленных государств и принцесс — несомненный гений.

Именно эту роль законодателя и «культурного героя», обживающего экзотический мир, играет Грегуар де Мервей. Новое пространство создается для того, чтобы переменить тип приключений. После кораблекрушения он сперва попадает на необитаемый остров, где живет, подражая Робинзону, затем переносится в страну, находящуюся в центре земли, потом в некое государство «наоборот» (сатиру на парижскую жизнь). Сюжет путешествия в подземный мир появляется во многих произведениях XVIII в.: в «Ламекисе, или Необычайных приключениях египтянина во внутренней земле» (1735—1738) и «Соглядатае» Муи, в «Удачливом философе» Лезюира, «Куме Матье» (1777) Дюлорана, «Икозамероне» Казановы, поддельных мемуарах Калиостро «Исповедь графа К****», в поэме Тома «Петриада», а также в романе датского писателя Л. Хольберга «Путешествие Николаса Клима в подземный мир» (1741). Он связан с несколькими традициями: сатирической, восходящей в первую очередь к Свифту (Хольберг, Дюлоран), сказочной («Ламекис»), утопической (Казанова, псевдоКалиостро, Лезюир) и алхимической («Соглядатай»). Наиболее интересны два последних варианта, во многом связанных между собой. Подземный мир рисуется в этом случае как прибежище от земных несправедливостей, где жители добры, а законы просты и разумны. Либо это люди, либо фантастические существа, как разноцветные бесполое мегамикры, придуманные Казановой, которые питаются грудным молоком и чей многотональный язык состоит из одних гласных. Путь в подземный мир ведет через египетскую пирамиду (Калиостро, Муи), что подразумевает посвященность в таинства, подобные тем, что прошел герой романа Террассона «Сет». В большинстве случаев чудесная страна рисуется как сокровищница, полная золота. В алхимической традиции земля — место перерождения, трансмутации материи; горящий внутри нее негасимый огонь символизирует атанор. В дальнейшем мы увидим, как эта метафора моделирует подземные приключения в романах Казановы и шевалье де Муи.

В авантюрных романах (да и не только в них) вставные истории чаще всего дополняют основной сюжет, излагая те эпизоды, которые в нем отсутствуют, но входят в инвариант судьбы (во «Французском авантюристе» Гудара — приключения в женском платье, путешествие в Константинополь, интриги в гареме). Персонажи вполне взаимозаменяемы (как Биган и брат Анж), они свободно передают друг другу «эстафетную палочку» активности (действовать в авантюрном пространстве, как в фольклорном, может только один герой). Их главная функция — быть рассказчиками, индивидуальность при этом стирается. Текст опять-таки становится принципиально открытым, герой — неуязвимым и бессмертным. Во французской прозе XVIII в.

есть, кажется, только один пример гибели повествователя, когда герой по забывчивости автора рассказывает о собственной трагической смерти. Ограничений на присоединение эпизодов нет, ибо модель инициации, столь важная для раннего авантюрного и плутовского романа, здесь становится вполне формальной. Соперничество разворачивается не столько между персонажами, сколько между автором и читателем (как заинтересовать, придумать новое, неслыханное и заставить в него поверить); тексты XVIII в. насыщены игровыми обращениями к читателю. При этом всезнающий и всевидящий автор сохраняет за собой роль Творца, делая героя марионеткой. И этот персонаж «в отсутствие любви и смерти» лишается и приключений — ибо они запрограммированы и, значит, перестают быть приключениями.

АВАНТЮРИСТ НА ЕВРОПЕЙСКОЙ СЦЕНЕ

По сравнению с прозой театр гораздо точнее описывает психологический тип авантюриста. Причин тому несколько. Во-первых, одним из архетипов представления является ритуал возвеличения и низвержения, изгнания и принесения в жертву. В высоком варианте это трагедия («козлиная песнь»), в низком — комедия об обманщике. Во-вторых, театр позволяет «предоставить трибуну врагу»: сделать главным героем чужака, нарушителя социальных и сексуальных норм. В-третьих, противостоит этому персонажу коллективный герой — сообщество, наследник античного хора. За счет этого принципиально меняются место действия, тип конфликта и расстановка действующих лиц.

Как мы видели, в приключенческом романе XVIII в. нет подлинного противоборства. Герой путешествует, пробует новые профессии, меняются декорации, роли, маски, но не он сам. Искателя приключений в романе, по сути, разоблачить невозможно, ибо он остается самим собой. Даже ситуация самозванчества не чревата смертельной опасностью — это всего лишь игра, очередная плутня. Если герой потерпел поражение и обобран партнером, то может с легкостью начать сызнова. Повествование остается открытым. Напротив, драматический род требует завершения, героя поджидает катастрофа. В романах антивоспитания возникали драматические ситуации, напоминающие те, что мы видим в комедиях и мемуарах об авантюристах: борьба наставника и ученика, соперничество конкурентов. Правда, развязка в комедиях менее кровавая: дело кончается разоблачением, а не резней. Заранее уточним, что встречается два варианта интриги: в финале комедий обманщик отправляется в тюрьму, а честный аван-

тюррист вступает в законный брак. Если первый вариант — чисто драматический, то второй, напротив, тяготеет к романной структуре. Доминирует традиционный прием: быстрая смена масок. В отличие от романа, последовательно развивающиеся события спрессованы, действие сконцентрировано, предшествующие перипетии сведены к упоминаниям и составляют репутацию героя. В комедии, как в новелле, вся жизнь сведена до одного эпизода — с неожиданной развязкой и финальным переворачиванием ситуации.

Авантюрист Просвещения превращает интимное пространство в публичное. Соответственно в посвященных ему комедиях частный дом делается местом встреч для избранных: салоном, храмом масонской ложи, лабораторией алхимика, приемной целителя. Семья, в которую он попадает, — микро модель общества, проекция разнонаправленных противоборствующих сил. Искатель приключений имеет дело не столько с индивидуальностями, сколько с их отсутствием, — тем, что еще в прошлом веке было определено как психология толпы, стадный инстинкт. Подобный тип поведения был описан в классических работах Гюстава Лебона и Жана-Габриеля де Тарда, на которые во многом опирался Зигмунд Фрейд¹.

Толпу можно рассматривать как живой организм, не только не равный, но и во многом противоположный составляющим ее людям. Коллективное существо аккумулирует не ум, а глупость, не достоинства, а недостатки. Толпа, состоящая из мужчин, ведет себя как женщина; воспитанные люди превращаются в варваров. Чувства подавляют разум, инстинкт — логику, личность обращается в автомат, исполняющий приказания. Человек в толпе анонимен и безответствен, он чувствует свою безнаказанность и, что очень важно, испытывает иллюзию силы и непобедимости. Толпа — существо внушаемое, в ней каждый существует, думает, действует как все, в людей вселяется вирус бездумного подражания и безусловного подчинения. Легковерная толпа постоянно требует чуда, ее манит все необъяснимое, выходящее за рамки житейского, повседневного. Она превращает вымысел в высшую истину, слухи — в реальность, она творит воображаемый мир вокруг себя. Толпа импульсивна и переменчива, она легко бросается из одной крайности в другую, переходит от рабского повиновения к бунту.

Толпа не существует без главаря. Она нуждается в хозяине, жаждет его и создает по образу, таящемуся в подсознании. Тот, кто призван повелевать, принимать решения, предстает как сильный, властный мужчина, самец, внушающий обожание, трепет и страх. Он сверхчеловек, в него верят как в Бога и вынуждают творить чудеса.

¹ *Le Bon G. Psychologie des foules.* Paris: F. Alcan, 1895; *Tarde J. G. de. L'Opinion et la foule.* Paris: F. Alcan, 1901; *Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «я»* (1921).

Взаимоотношения авантюриста и общества — трагикомедия, которая разыгрывается в разных городах и странах, подчиняясь архаическому социальному ритуалу. Искатель приключений — существо двойственное: по характеру («анима») он напоминает человека толпы, тогда как по социальной роли («персона») он — повелитель. Его главные черты — жизненная сила и переменчивость. Он гордится своей свободой и боится ее. Страх независимости и бегство от свободы почти за двести лет до Эриха Фромма описал Руссо в «Рассуждениях о правлении в Польше» (1772)². Современный социолог определяет подобный тип отношений как авторитарный³. Рыцарь удачи хочет повелевать другими и в то же время ищет покровительства сильных мира сего. Индивидуалист, он притягивает почитателей. Яркая индивидуальность и энциклопедические познания служат лишь для того, чтобы соответствовать требованиям толпы, созданному ей образу предводителя.

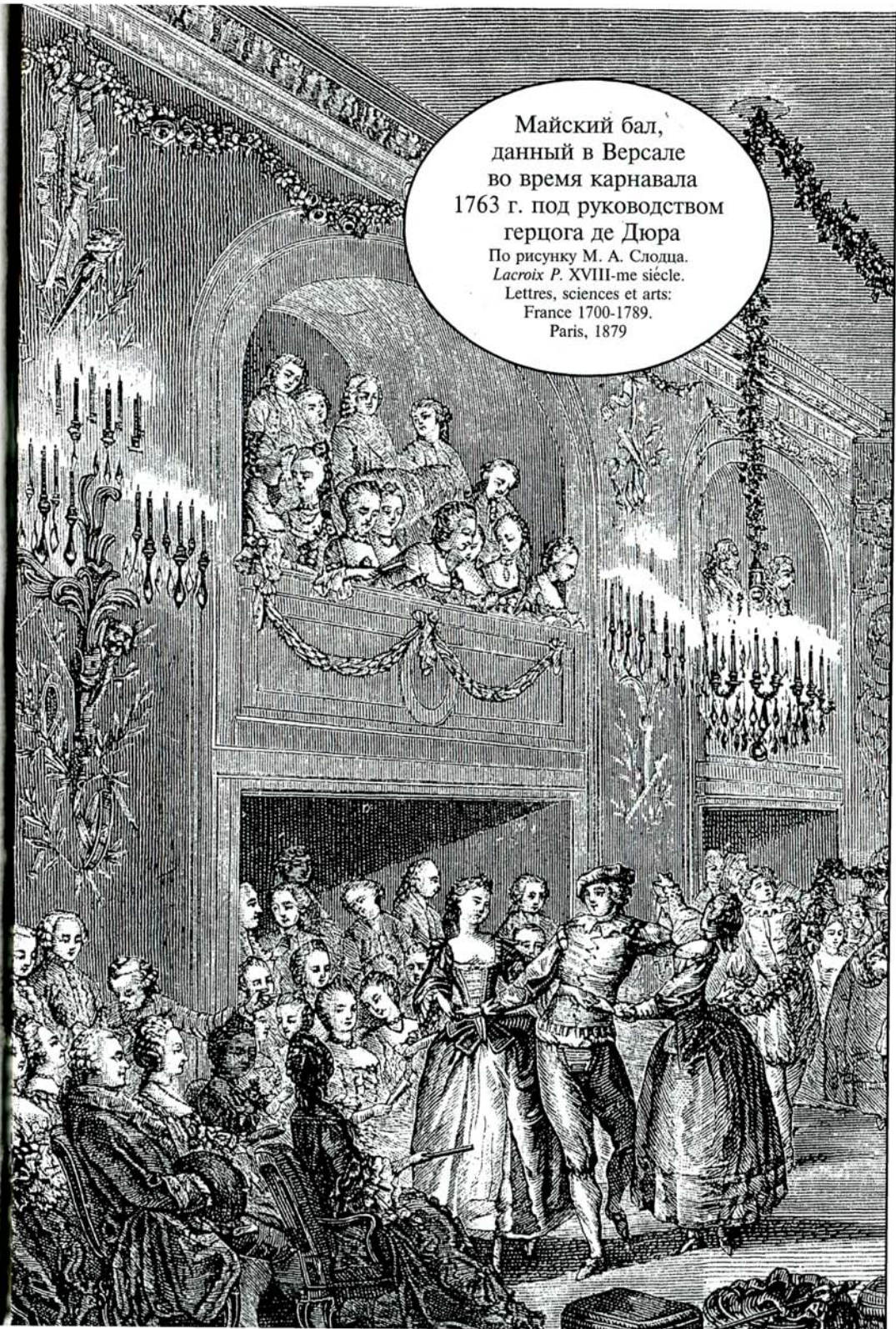
У авантюриста нет своего места в официальной иерархии: он занимает то, которое свободно на данный момент. Как актер, он меняет костюмы и роли. Подобные превращения претерпевает Гульельмо, главный герой комедии Карло Гольдони «Честный авантюрист» (1751). Красивый венецианец преобразуется при каждом появлении нового персонажа, ускоренным темпом излагается вся история его жизни: школьный учитель в Мессине, врач в Гае (близ Неаполя), составитель календарей, предсказатель будущего и секретарь в Риме, адвокат в Тоскане, уголовный судья в Венецианской области, поэт и драматург в Неаполе. Подобный эпизод встречается и в других комедиях (А. И. Клушин, г-жа де Монтессон). В Палермо, где происходит действие пьесы, Гульельмо с успехом играет еще две роли: образцового возлюбленного и государственного советника, мгновенно сочиняющего проект общественного благоустройства. Да и сам Гольдони немало скитался, хорошо знал и эти, и другие ремесла, которые, впрочем, испробовали многие авантюристы. Тот же Казанова отказался от должности учителя в Берлине, врачевал в Париже (а Калиостро успешно лечил не только во Франции, но и в России), составлял гороскопы, писал пьесы, стихи и романы, подавал государственные проекты. А еще, подобно Гольдони, в юности принял постриг, проповедовал, служил в адвокатской конторе, стал доктором юриспруденции.

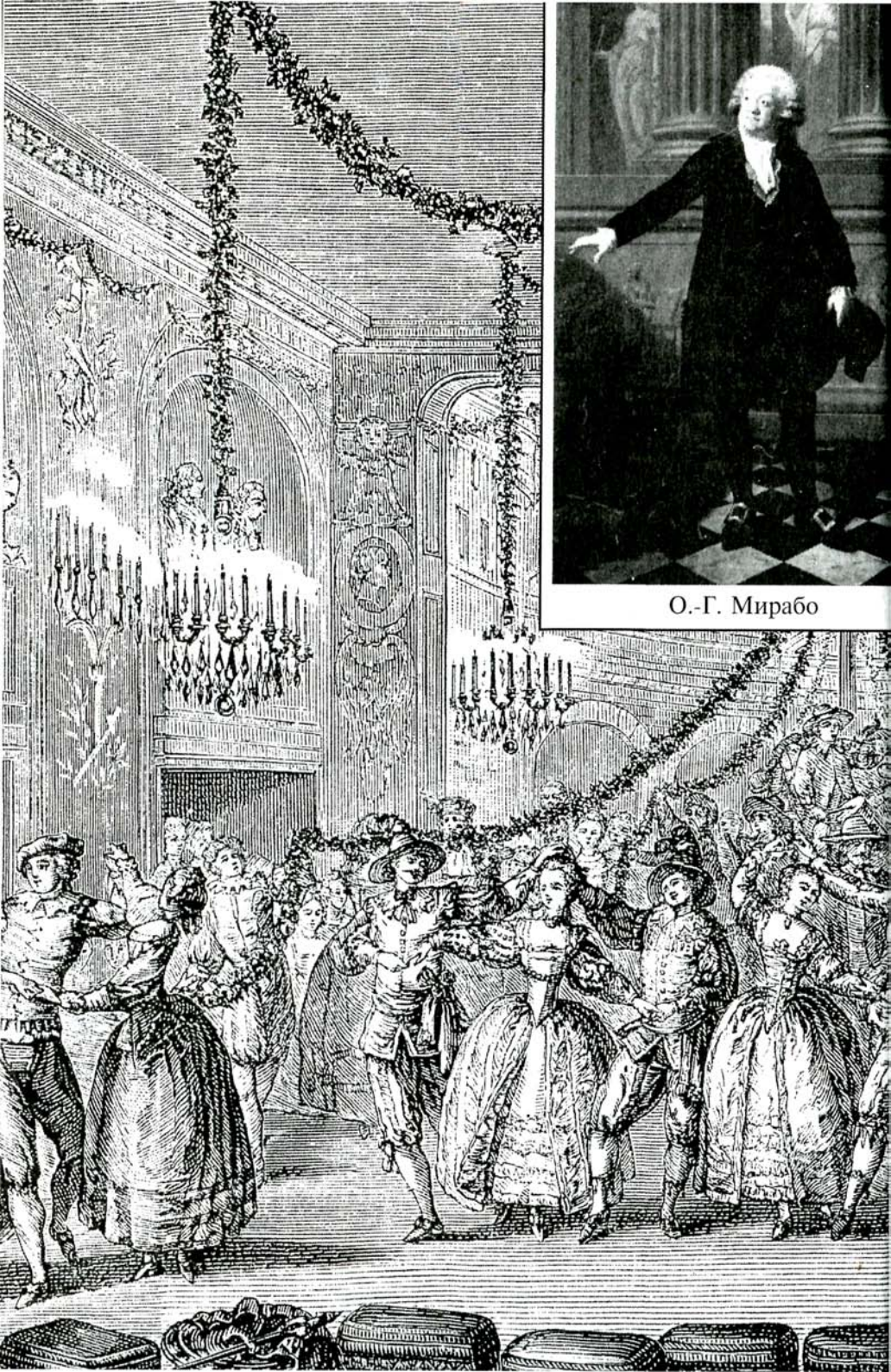
² «Гордая и святая свобода. Если бы эти бедные люди могли узнать тебя... они бежали бы в ужасе, как от поклажи, готовой их раздавить». — *Rousseau J.-J. Considérations sur le gouvernement de la Pologne et sur sa réformation projetée. La Haye: P. F. Gosse et Lausanne: F. Grasset, 1783. P. 43.* Во время Французской революции Екатерина II процитировала эти слова в письме к Гримму (13(24) мая 1791 г.). — СбРЮ. Т. 44. С. 538.

³ *Фромм Э. Бегство от свободы* (1941). М., 1990.

Майский бал,
данный в Версале
во время карнавала
1763 г. под руководством
герцога де Дюра

По рисунку М. А. Слоса.
Lacroix P. XVIII-me siècle.
Lettres, sciences et arts:
France 1700-1789.
Paris, 1879

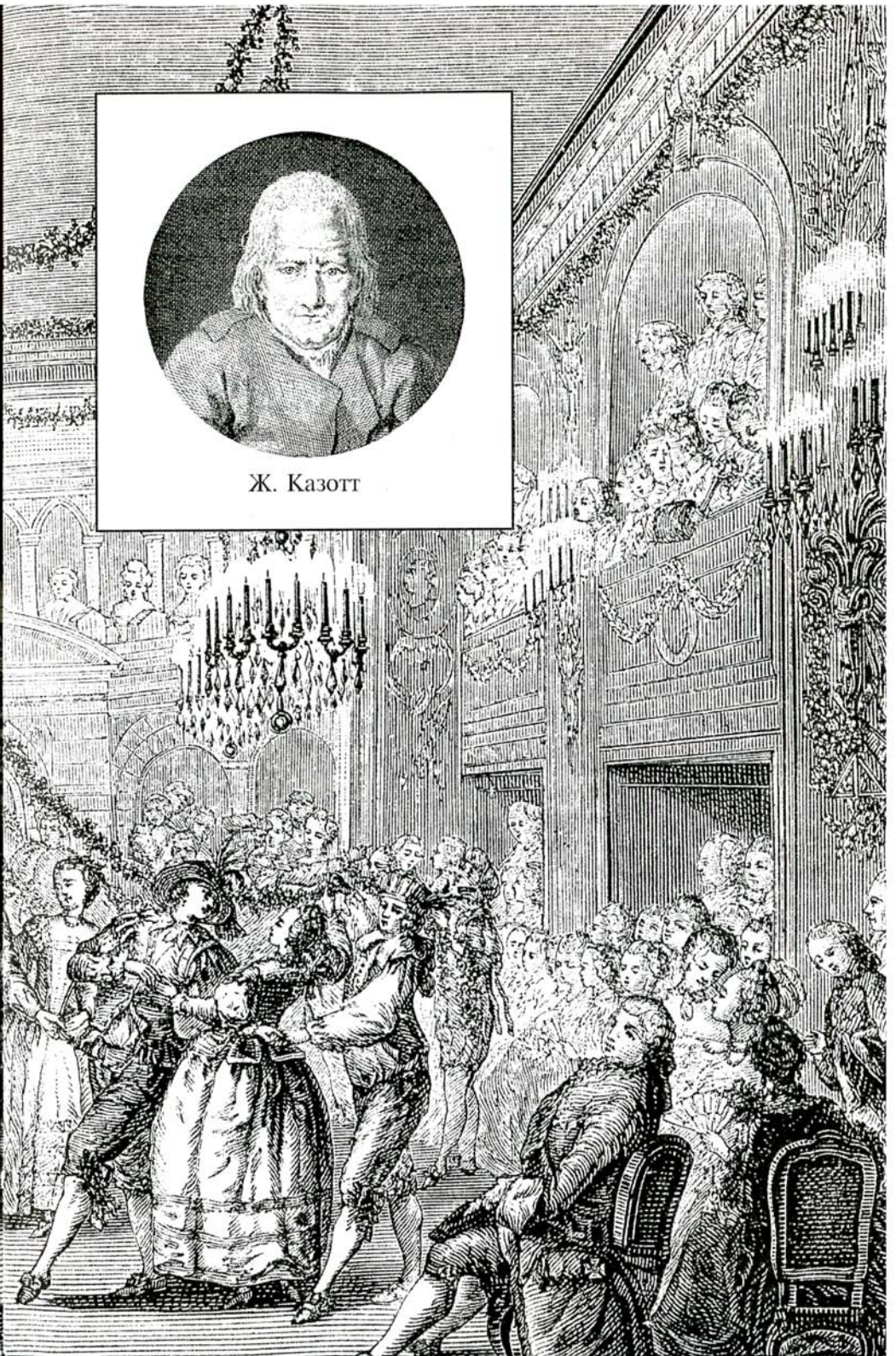

О.-Г. Мирабо

Ж. Козотт

При всем при этом искателю приключений отведена роль козла отпущения, карнавального короля, мессии в облике безумца. От него требуют чудес и за них же изгоняют, обвиняя в мошенничестве. Толпа взыскует тех же самых качеств, которые карает государство; авантюриста за них обожают, превозносят и казнят.

Тот, кто нарушает границы, постановления и законы, оказывается в меньшинстве, если не делается маргиналом. Иностранец, плохо знающий язык и обычаи страны, попадает в смешное положение. Чужеземца презируют как бродягу или даже вора, его изгоняют как шпиона — он всегда под подозрением. Подобное недоверие к постороннему, как мы увидим, — одна из главных пружинок комедийной интриги. Так, заглавный герой комедии Д. И. Хвостова «Русской парижанец» (1787) может украсть, совершить подлог, бесчестный поступок только потому, что принял чужеземную норму поведения. Но в то же время именно непохожесть вызывает восторг, преклонение: пока Рика из «Персидских писем» Монтескье носит восточные одежды, на него смотрят как на посланца небес, а в европейском костюме его никто не замечает (письмо XXV).

Авантюрист постоянно нарушает сексуальные нормы, соблазняя женщин и мужчин. Этого простолюдина, зарабатывающего на жизнь презренными или запретными ремеслами (гаер, шелкопер, шулер, фальшивомонетчик) не слишком допускают в хорошее общество. Алхимия, каббала, астрология, врачевание вызывают интерес не только у любопытных, но и у полиции. Колдунов уже более не сжигают, но римские папы дважды запрещают масонство, в конце века иллюминатов предают суду в Баварии, орден преследуют в России; да и в Италии Казанова и Калиостро попали в тюрьму за чернокнижие и масонство. Рыцарь удачи, как правило, предпочитает не вмешиваться ни в религию, ни в политику, он не атеист и не революционер. Но чем сильнее обожествляют авантюриста (как Калиостро), чем ближе он к престолу, тем трагичней развязка.

Нуждаясь в авантюристах, общество создает их, диктует им роли и стратегию поведения, подсказывает уловки. Оно порождает своих соблазнительей, Дон Жуанов или властителей дум. Искатель приключений не устает повторять, что жертвы просто-таки провоцируют его, вынуждают их дурачить: Казанова пишет об этом в мемуарах, в памфлете «Разговор мыслителя с самим собой» (1786), направленном против Калиостро и Сен-Жермена. Только обман делает человека счастливым, без иллюзии жизнь потеряет смысл. Вдобавок Париж вечно требует новизны и при этом не различает модальности «хотеть» и «мочь», а потому, утверждает Казанова, обманщикам там раздолье, ибо любой проект воспринимается как осуществимый.

От авантюристов требуют чудес во всех областях: в медицине (молодильная вода, панацея), в любви (приятеля Казановы, графа Тиретту, женщины превозносили как сверхъестественное существо,

как небожителя), политике, финансах. Век Просвещения по-прежнему верит, что алхимия может наполнить государственную казну; Людовик XV «лечит» алмазы под руководством графа Сен-Жермена. Французский генерал-контролер финансов граф де Булонь просит Казанову изыскать средства для Военного училища, не прибегая к займам и не увеличивая налоги; как замечает венецианец, ему предлагают творить из ничего, подобно Господу.

Толпа часто меняет и топчет своих кумиров, но авантюрист сам в глубине души жаждет заклания и провоцирует преследования. Это чувствуется у Казановы, С. Занновича, д'Эона, Калиостро. «Любезный победитель» (так назывался старинный французский танец, который Казанова танцевал в Курляндии) ожидает поражения и умело пользуется личиной преследуемого. Когда Казанову в Польше ранили на дуэли и ему грозил арест, все тотчас прониклись к нему сочувствием, а политические противники его соперника Браницкого понесли венецианцу кошельки с золотом. Заключение в Бастилию принесло Калиостро мировую славу. Лохмотья нищего не только скрывают, но и подчеркивают богатство и власть. Смирное поведение — обязанность масона, тем паче, если он всемогущ. Маркиза д'Юрфе верила, что Казанова кутит и прожигает жизнь для того, чтобы скрыть свою тайную власть розенкрейцера, который призван вершить судьбы Европы. Подобную двойную личину (игрок прячется под маской игрока, шарлатан — под маской шарлатана) надевает и Калиостро в комедии Гёте «Великий Копт». Он предлагает своим адептам в качестве мистических тайн секреты, как управлять ближними, причем на каждом новом уровне рецепт меняется на противоположный и зритель остается в недоумении: считает ли Калиостро, что надо действовать на благо людей или презирать и обманывать их.

Поведение авантюриста, потомственного комедианта, насквозь театрально. Любое событие он обращает в представление. Дабы повлиять на окружающих, убедить их в своей магической власти, Казанова, Сен-Жермен и Калиостро используют сценические эффекты; их спиритические или алхимические сеансы тщательно готовятся и ставятся как спектакль (история перевоплощения маркизы д'Юрфе, сеансы Калиостро в Митаве). И Казанова в мемуарах, и герой комедии «Честный авантюрист» постоянно подчеркивают театральность событий. «Ее приход напоминает сцену из комедии, — говорит Гульельмо. — Являются как раз те, кто требуется по ходу действия» (акт 3, явл. XX).

Париж символически рисуется как театр, а театр — как Париж. «Ловкая маркиза намеревалась дебютировать на театре Парижа. “Ни в коем случае, — сказал ей Калиостро, — этот город нам пока не по зубам. Тут собрались первые проходимцы на свете”»⁴. Сцена, партер,

⁴ *Luchet J. P. L. de la Roche du Maine de. Mémoire authentique pour servir à l'histoire du comte de Cagliostro. S. 1., 1785.*

ложи, уборные актрис — не только излюбленные места встреч, знакомств, любовных свиданий (как в мемуарах маркиза д'Аржанса и Казановы), но и школа интриг. «Театральные фойе — благодатный рынок, где всякий охотник может поупражняться в искусстве завязывать интриги, — утверждал Казанова. — Приятная сия школа принесла мне немалую пользу» (ИМЖ, 395). В то же время поведение зрителя в театре может подчиняться придворному этикету. Как известно, в присутствии Павла I публике не дозволялось самовольно аплодировать или шикать, надо было копировать поведение императора. Когда Казанова в Германии начал хлопать, не сообразуясь с мнением владетельного князя, то навлек на себя выговор; когда в Польше он зашел в ложу актрисы, за которой ухаживал глава противной политической партии, то спровоцировал дуэль.

Театр воспринимается как образец для подражания и исправления нравов. В выпусках своей театральной газеты «Вестник Талии» Казанова приветствует гастроли французской труппы, полагая, что она может возродить в венецианцах галантность, привить им вкус к тайне и почтительности, усиливающим соблазн. Наряды станут элегантнее, манеры благороднее, поведение более свободным, и тем самым даже пороки облагородятся⁵. Только комедия способна научить людей остерегаться обманщиков и авантюристов, утверждает он в «Разговоре философа с самим собой».

Следуя совету венецианца, рассмотрим взаимоотношения авантюриста и общества как спектакль. Материалом послужат мемуары, письма и прочие сочинения самих искателей приключений, в первую очередь «История моей жизни» и «Разговор мыслителя с самим собой» Казановы, воспоминания хорошо знавших их людей (барон Глейхен, барон Клоц)⁶, а также направленные против них памфлеты и поддельные мемуары (наибольшее число подобных сочинений было порождено скандалом и судебным процессом по делу об «ожерелье королевы»): «Подлинный мемуар для написания истории графа Калиостро» (1785) Люше, цитировавшийся выше; «Калиостро, разоблаченный в Варшаве», сочинение, приписываемое графу Мошинскому⁷. Анализ будет вестись в сопоставлении с комедиями французских, русских, итальянских, немецких и датских авторов, написанными на подобные сюжеты: «Злоязычный» (1747) Грессе, «Философы» (1760) Палиссо и пародии на них, созданные А. С. Кайо: «Оригиналы, или Наказанные плуты» (1760)⁸ и «Незадачливые филосо-

⁵ *Le Messager de Thalie*. 1780, № 3.

⁶ *Souvenirs de Charles-Henri baron de Gleichen; Cloots J.-B. Vœux d'un gallophile*.

⁷ *Cagliostro démasqué à Varsovie* (1786).

⁸ [*Cailleau A. Ch.*] *Les Originaux ou les fourbes punis, parodie scène par scène, des prétendus Philosophes*. Nancy, 1760.

фы» (1760)⁹, его же «Щеголихи, или Авантюрист» (ок. 1789 или 1790)¹⁰; «Севильский цирюльник» (1775), «Женитьба Фигаро» (1784) и «Преступная мать» (1792) Бомарше, «Авантюрист, каких мало» (1779) маркизы де Монтессон¹¹, «Авантюристы» (1772) М. А. де Теис¹², комическая опера «Поддельная авантюристка» (1757) Ансома и де Маркувиля¹³; «Обманщик» (1785), «Оболенный» (1785) и «Шаман сибирский» (1786) Екатерины II¹⁴, «Мнимый мудрец» (1786) Н. Ф. Эмина, «Русской парижанец» (1787) графа Д. И. Хвостова, «Алхимист» (1793) А. И. Клушина, «Хвастун» и «Чудаки» Я. Б. Княжнина, «Честный авантюрист» (1751) Карло Гольдони, «Великий Копт» (1791) Гёте, «Арабский порошок» (1724) Людвиг Хольберга.

Истории авантюристов настолько похожи, настолько сценичны, что нетрудно выстроить метасюжет. Начнем с распределения ролей, затем перейдем к интриге. Персонажи распределяются на две группы: с одной стороны, авантюрист (главный герой), с другой — общество (хор и корифей). В первую группу кроме протагониста входят также различные его ипостаси, двойники. Выше героя по иерархической лестнице стоит его «сверх-я», его «крестный отец» (так, в памфлете Люше Сен-Жермен осуществляет масонскую, плутовскую и сексуальную инициацию Калиостро); ниже — его сообщник, ученик. Этот персонаж появляется в комедиях «Философы», «Оболенный», в мемуарах Казановы. Но подобные альянсы недолговечны: поскольку место есть лишь для одного авантюриста, то союзник обращается в худшего врага. Ругаются между собой шарлатаны-философы, Казанова воюет с Джакомо Пассано, Карлом Ивановым (лжепринцем Курляндским) и т. д. Биографии рыцарей удачи изобилуют подобными историями. Авантюристы ненавидят соперников, интригуют, строят козни, дерутся на дуэли, используя все мыслимые виды оружия: шпагу (Казанова и граф Медини, Даррагон), яд (Калиостро и Роджерсон, придворный врач Екатерины II), оккультные науки (Казанова и Сен-Жермен), карты и, разумеется, газетные статьи и памфлеты.

⁹ *Cailleau A. Ch. Les Philosophes manquées. A Criticomanie, chez la Satyre, rue des Bons Avis, à la Vérité, 1760.*

¹⁰ *Cailleau A. Ch. Les Petites-mâitresses ou l'Aventurier. S.d. — Arsenal, Mss, F. 6760. Fol. 238—269.*

¹¹ *Montesson Ch. J. de. L'Aventurier comme il y en a peu (1779). — Œuvres anonymes, Théâtre, en 8 vol. T. 3. Paris: Didot, 1782. P. 117—173.*

¹² *Théis M. A. de. Les Aventuriers. Paris: Cailleau, 1772.*

¹³ *Anseume et de Marcouville. La Fausse Aventurière, opéra comique. Paris, 1757.*

¹⁴ См. о них: *Chettéoui W.-R. Cagliostro et Catherine II: la satire impériale contre le mage. Paris: Ed. des Champs-Élysées, 1947; Семка А. В. Русские розенкрейцеры и сочинения императрицы Екатерины II против масонства // ЖМНП, 1902. Ч. 339, февр. С. 343—400; Тукалевский В. Н. Из истории философских направлений в русском обществе XVIII в. (опыт характеристики идейных течений в русском масонстве) // ЖМНП, 1911. Ч. 33, май. С. 1—69.*

Персонажи второй группы во всем противоположны авантюристам. Они благородного происхождения, они занимают устойчивое место в социальной иерархии и в пространстве, у них есть семьи и дома. Они не меняют ни имени, ни национальности, ни положения, ни рода занятий, разве что любовницы у них новые, в соответствии с правилами светского общежития. Их доминирующая черта — слабость. Как пишет Эрих Фромм, в обществе есть только два пола: сильные и слабые. Эти люди верят, что некая внешняя сила может решить их проблемы, и они персонифицируют ее в облике авантюриста, приписывая ему магические свойства. У них обеспеченное, ясное будущее, им ведомы проторенные пути преуспевания (маркиза д'Юрфе, которую дурачил Казанова, блестяще проводила финансовые операции, приумножая свое состояние), и потому их влекут иные возможности. Их прельщает высшая власть, ради которой они готовы пожертвовать своим состоянием, положением, даже полом (маркиза д'Юрфе надеялась стать мужчиной). Они отнюдь не глупы, напротив, Казанова в «Разговоре» настаивает на том, что жертвами плутов чаще всего становятся умные, образованные люди, возжелавшие узнать неведомое. Таков, например, немецкий дипломат на датской службе барон Карл Глейхен, который последовательно прельщался всеми великими чудотворцами, от Сен-Жермена и Калиостро до графа Грабянко. В памфлете Люше Калиостро утверждает, что обмануть можно только того, кто хочет надуть ближнего (потому-то он и направляет свои стопы в Россию, обитатели которой почитают себя хитрецами, выучившись передергивать за карточным столом).

Среди персонажей этой группы главную роль играет «первый ученик». Это может быть мужчина, как в комедиях Екатерины II, памфлетах о Калиостро, мемуарах Глейхена, или женщина, как в комедиях Гольдони, Палиссо, Хвостова, мемуарах Казановы, функции его от этого не меняются. Он должен верить в игру, которую ведет авантюрист, и всеми силами поддерживать театральную иллюзию. Книжные знания и излишняя серьезность не позволяют ему распознать двойственность Учителя. Первый ученик может быть окружен толпой адептов, пародийных двойников, которые, подобно хору в античном театре, как эхо откликаются на события. Адепты абсолютно пассивны, они всецело следуют воле Учителя, изъясняются перенятыми у него затверженными фразами. В комедиях Екатерины II, тонкого психолога, прекрасно показано, как действует коллективный гипноз, как люди теряют индивидуальность, поклоняясь вождю. Благодаря чистой случайности сибирский шаман приобрел репутацию искусного врачавателя (императрица пронизательно показывает, что уверовавшего человека может исцелить простая вода). История порождает слухи, которые распространяются повсюду, как зараза. Влияние шамана возрастает, он подчиняет себе семью дворян, у которых живет, потом их знакомых, и наконец весь Петербург говорит о нем.

Умение властвовать над толпой, управлять общественным мнением нужно в первую очередь чудотворцу, но и Казанова успешно пользуется им, играя любую другую роль — финансиста или администратора. Самоуверенность и хладнокровие позволяют ему за один вечер подчинить себе группу экспертов, подлинных знатоков, убедить их, что он один в силах учредить королевскую лотерею или обустроить рудники Курляндии. В этих случаях роль первого ученика играют финансист Пари-Дюверне и герцог Бирон, сообщников и соперников — братья Кальзабиджи и управляющий рудниками Курляндии, хора — все присутствующие.

Когда автор или герои комедий и мемуаров начинают подозревать авантюриста в плутовстве, тотчас возникают темы театра, представления фокусника или, что еще интереснее, карнавала. В комедии императрицы «Оболенный» русские слуги, подглядывающие за масонским ритуалом, воспринимают его как игры ряженых, наподобие святочных. Поведение бар, устраивающих карнавал в неположное время, воспринимается как нелепое, если не бесовское. Чары авантюриста никак не действуют на слуг, равных ему по происхождению: в пьесах Екатерины II они исполняют роль зрителей, которые комментируют действие, расположившись прямо на сцене (так сидела избранная публика в театре XVIII века).

С этой точки зрения особенно интересна драматическая трилогия Бомарше. Если сам автор, без сомнения, являлся авантюристом, то вот Фигаро — скорее нет. Хотя он тоже переменял немало профессий, побывал в тюрьме, занимался бумагомаранием, знаком с ремеслом тайного агента, во всех ситуациях он — плут и слуга. Романная пикарескная предыстория отличает его от традиционных комедийных слуг, которые хотя и управляют своими хозяевами, но действуют в их же интересах, помогают им сочетаться законным браком, как это и происходит в «Севильском цирюльнике». Напротив, в «Женитьбе Фигаро» слуга восстает против своего хозяина и его прав, будь то даже мифическое «право первой ночи». Пикаро, которому нетрудно сменить хозяина, может поступить так в открытом романном повествовании; в замкнутом комедийном пространстве подобный бунт подрывает устой дома, семьи, государства. Людовик XVI был совершенно прав, запрещая пьесу как революционную. Показательно, что после свершения революции ни Бомарше, ни Фигаро не нашли себе места при новом строе. Комедия превратилась в драму. Бомарше с трудом ускользнул из тюрьмы накануне сентябрьского террора 1792 г. Фигаро, превратившийся в старого преданного слугу, борется против авантюриста, решившего завладеть домом и хозяином («Преступная мать»).

Второй тип персонажей, противостоящих авантюристам в комедиях «Оболенный» и «Обманщик», — это женщины, которые занимаются только домашними делами. Они воплощают буржуазный здравый смысл, тогда как мужчины и женщины, увлекающиеся ок-

культурными науками (пьесы Екатерины II, Эмина, Клушина), философией (Палиссо) или Францией (Хвостов), предстают как безумцы.

Противодействие намерениям чужака необходимо для развития интриги. В поддельных мемуарах «Калиостро, разоблаченный в Варшаве» герою противопоставит первый ученик, граф Мошинский, который не хочет признавать власть пришельца, уступать Великому Копту власть над польским масонством. По терминологии Фрейда, это мятеж против отца, возглавляемый старшим «братом». Корифей хора превращается в протагониста, первый адепт — в предателя, соперника.

Но все эти персонажи не могут победить магическую власть авантюриста. Тогда вступает в действие высшая сила: *Deus ex machina*, государство, правосудие. В комедиях императрицы, как в мемуарах Казановы, искателя приключений неожиданно арестовывают, обыскивают, возвращают деньги и драгоценности обманутым адептам. Чудотворца честят плугом, вором, фальшивомонетчиком, хотя он ничего не крадет: даже в сатирических произведениях ученики все отдают ему по доброй воле. Вина его гораздо существенней — он подделывает социальные связи. Государство должно восстановить в прежнем виде сложную иерархическую структуру, которую авантюрист заменил бинарной связью Учитель — ученик. Ради него адепты забывают свои обязательства по отношению к семье (маркиза д'Юрфе), к религии (из-за юного графа Тиретты набожная дама ссорится со своим духовником), к государю. Рыцарь удачи, который ищет покровительства монарха, символизирующего для него отца, сам играет в обществе роль отца-супруга. В шкатулке, которой он завладевает в комедиях по примеру Тартюфа (Екатерина II и другие, разумеется, подражают Мольеру), хранится самое ценное — власть. Подлинный государь обязан уничтожить карнавального царя, но это ритуальное убийство предвещает казнь Людовика XVI, убийство Петра III, Иоанна Антоновича, Павла I.

Жизнь авантюриста в целом и каждый ее эпизод в отдельности предстают как цикл взлетов и падений. Можно вычленив несколько этапов, соответствующих традиционному развитию комедии.

1. Пролог: в обществе возникают неясные слухи; репутация, зачастую сомнительная, предвещает явление героя.

2. Приезд, первое появление авантюриста, производящее сильное впечатление.

3. Основное действие. Демонстрация «магической силы». Авантюрист добивается успеха благодаря своей проницательности, умению распознавать людей и угадывать мысли по лицу, благодаря мгновенной реакции и дару импровизации. Так поступают, в частности, Калифалкжерстон (Калиостро) и шаман сибирский в комедиях Екатерины II. Сам Казанова нередко сравнивает себя и других с актерами комедии дель арте. Другой козырь искателя приключений — он не только без раздумий обещает всем разрешить их проблемы, раздаст титулы, должности, поместья, но и сам отчасти верит в свои

воздушные замки: так ведет себя Хвастун Княжнина, пробраз Хлестакова. Поведение авантюриста кажется непредсказуемым не только окружающим, не только персонажам, но и авторам. В памфлете «Калиостро, разоблаченный в Варшаве», написанном в форме дневника, повествователь, граф Мошинский, излагает правила поведения, которые в комедии «Обманутый» выслушивает новообращенный масон, и также восходят к «Тартюфу»: лицемерить, соблюдать напускную скромность, «угождать всем людям без изъятья». Но авантюрист не следует ни этим путем, ни путем интриг и инсинуаций, как Злоязычный Грессе и Фигаро Бомарше. Польский граф и русская императрица равно удивлены, что этот безумец, чудотворец, поступает прямо противоположным образом. Он провоцирует скандал. Он отказывается от медленного продвижения вверх, он перепрыгивает ступеньки и целые лестничные пролеты, он создает непредсказуемую ситуацию, где он может все разом проиграть или выиграть. Театральная игра превращается в игру азартную.

4. Кульминация. Репутация авантюриста упрочена, он властвует над учениками. Еще немного, и он станет полновластным хозяином в доме. Но подозрения, развеянные первыми успехами, усиливаются, обещания не выполнены, «великое дело» остается мечтой, атанор взрывается. Вместе с развеянными надеждами разрушаются волшебные доспехи чужого легковерия, защищавшие героя. Враги и соперники объединяются, чтобы нарушить его планы.

5. Развязка. Вмешательство полиции кладет конец карьере, авантюрист арестован. Он исчезает, освобождая место для нового чудотворца.

Подчеркнем, что эта игра случая — почти непременно игра любви. Психоаналитикам хорошо знакома ситуация, когда ученик (толпа) влюбляется в учителя. Казанова сам описывает поклонение монархам (Людовику Возлюбленному, Фридриху Великому), комедиантам в Париже и в Варшаве. Любовная интрига дублирует действие мемуаров венецианца и комедий Екатерины II. Можно интерпретировать извечную историю помолвленных влюбленных, которые соединяются, несмотря на все препятствия, как рассказ о поражении авантюриста, изложенный в ином коде, где любовь заменяет власть. Эта модель восходит к «Тартюфу», встречается у Грессе, Палиссо, Хвостова и, что существенно, она противоположна романной, где удачливые крестьяне продвигаются по социальной лестнице за счет успеха у женщин. Если авантюрист решает «смешивать два эти ремесла», то все портит. Любовные отношения связывают только двоих, они препятствуют созданию общества адептов, разрушают чары, которые действуют на всех. Разрешить эту дилемму могло бы создание мистических и оргиастических сект, но только в легендах женские масонские ложи, организованные Великим Коптом и его женой Се-

рафиной в Париже, предстают как дома свиданий, а пророк превращается в проповедника гедонизма («Мемуары» Люше).

История похищения «ожерелья королевы» (1785), породившая множество пьес, в том числе комедии Екатерины II и Гёте, интересна, помимо прочего, противоборством двух авантюристов, мужчины и женщины, а также тем, что основная плутня маскировалась под любовную и политическую интригу. Если Калиостро исполнял здесь роль главного авантюриста, то кардинал де Роган — первого адепта. Не удовлетворенный ни мистическим знанием, которое открыл ему Великий Копт, ни своим положением духовного главы французской церкви, он прельстился предложением авантюристки графини де Ламот Валуа, вознестись еще выше — подобно тому, как мешанин во дворянстве теряет голову при мысли, что понравился маркизе. Соперница Калиостро, выдававшая себя за побочного отпрыска королевской фамилии (типичное авантюрное поведение), убедила кардинала, что королева Мария-Антуанетта к нему равнодушна и желала бы получить подарок — драгоценное ожерелье. История подробно описывалась всеми, один Александр Дюма посвятил ей четыре тома, и конец ее хорошо известен: ожерелье стоимостью миллион шестьсот тысяч ливров, за которое кардинал уплатил первый взнос, было переправлено в Англию, распилено и продано мужем графини де Ламот, а все действующие лица попали в Бастилию. Виновной была признана только де Ламот (впрочем, через несколько лет она бежала из тюрьмы), супруги Калиостро были высланы в Англию, кардинал де Роган попал в опалу, а король стал посмешищем для всей Европы. Отметим только некоторые романские и комедийные топы: свидание кардинала в саду с актрисой, игравшей роль королевы, поддельное письмо Марии-Антуанетты (напомним, что, по свидетельству Казановы, Калиостро обладал редким умением копировать рисунки и подделывать почерка). Кардинал сам, добровольно вручил ожерелье обманщице — так же, как маркиза д'Юрфе передала Казанове ларец с семью драгоценными металлами. И последнее — как всегда, призрак любви рушит чары каббалиста, а женщина-искусительница хитрее черта.

Разумеется, комедийный инвариант меняется в зависимости от выбора композиционной точки зрения и отношения к главному герою. Екатерина II писала свои комедии не столько против Калиостро (хотя она весьма интересовалась делом об ожерелье и опасалась, как бы опальный маг вновь не приехал в Россию)¹⁵, сколько против московских мартинистов (в пьесе их называют «мартышками»). В 1780 г.

¹⁵ 11 (22) августа 1787 г. императрица писала лифляндскому генерал-губернатору, что буде «известный шарлатан Калиостро» в Ригу придет, то выслать его за границу, уведомив, что в другой раз «посажен будет на век в смиренный дом» — РС, 1897. Т. 91. С. 512.

русские масоны (видимо, И. П. Елагин) приносили императрице мистические сочинения, но она сочла их нелепицей и вздором¹⁶. Позже московское масонство, в частности новиковский кружок, подвергнется суровым гонениям в первую очередь за связь с наследником, Павлом Петровичем. Источником комедий послужила статья «Теософия» в «Энциклопедии» Дидро, весьма обстоятельная и объективная. Все три пьесы императрицы сохраняют единую структуру, но если первая посвящена в первую очередь авантюристу («Обманщик»), то вторая — «первому ученику» и adeptам («Оболенный»), а третья — толпе («Шаман сибирский»): именно потому, что императрица борется не с личностями, а с распространением идей.

В тех случаях, когда главный герой не чудотворец, а откровенный плут, интрига упрощается и сводится к более или менее оригинальному коллективному надувательству (ибо авантюрист один, а мошенники, как правило, сбиваются в стаю). В «Арабском порошке» Хольберга псевдоалхимики продают порошок, позволяющий превращать металлы в золото, в «Авантюристах» Теис самозванец выдает себя за принца, зарясь на богатое приданое. В «Щеголихах, или Авантюристе» Кайо речь идет всего лишь о галантных авантюрах, где проходец скрывает, что он женат. Интерес пьесы, оставшейся неопубликованной, пожалуй, только в том, что действие происходит в начале революции, когда хозяева уравнились со слугами: «Как воцарилась свобода, так началась неразбериха, хозяева и слуги перепутались! Ничто так не раздражает, как эта причудливая смесь людей всех состояний, все кажутся равными, но никто от того не выигрывает, ибо хозяева потешаются над экстравагантностью слуг, а те смеются над безумием хозяев»¹⁷. В пьесах Мариво, утопических и любовных, хозяева и слуги постоянно менялись местами, здесь же отмена социальной иерархии разрушает в первую очередь театральные амплуа и пагубно сказывается на интриге.

Наиболее интересный вариант трансформации — когда авантюрист предстает как положительный герой. Анализируя в мемуарах свою пьесу «Честный авантюрист», Гольдони подчеркнул две ее особенности. Во-первых, романский тип сюжета, который, «не заключая в себе ничего чудесного, мог бы, однако, в силу своих старинных хитросплетений, быть отнесен к разряду таких романов, как «Том Джонс», «Томпсон»¹⁸, «Робинзон» и т. п.». Вторая черта, прямо противоположная, — достоверность, автобиографичность действия и героя: «...если Честный авантюрист, по имени которого названа вся пьеса,

¹⁶ Екатерина II к Гримму, 11 (22) января 1780 г. — СБРИО. Т. 23. С. 168—169.

¹⁷ *Cailleau A. C. Les Petites-maîtresses ou l'Aventurier* — Arsenal, Mss. F. 6760. Fol. 255v°.

¹⁸ *Kinbern. La Vie et les aventures de Joseph Tompson, 1762*. Я благодарю Р. И. Хлодовского за это уточнение.

Frusckaſan
lamcij Bracij od
Kotinoſcij va ſanturanzna
o cuzlavanzji Graſ-de Garoſkij
damovani nio Corvaſzam Fr: cuſtia
oſoblivovani dopiero otrimos quichi axz
moſcij D quazurſam ricordacia gun
marchzni macha volne dovach grad dox
Nax corllvottix amzx ſorchorol Naſ in
dopiero & macho vaſchi rosmachi Auz

D
D
D
D

Фальшивый паспорт арестованного в Риме авантюриста «калмыка графа Гароцкого», написанный на несуществующем языке и якобы подписанный Екатериной II и Понятовским

na oviadomoscynce
Grad F: mplavi zanduanij jachi
Dopiuo barzave Larcaznava doviadomoscij
Tzux amplitovvano da mascij Dopiuo Varichi felboxzivae
z Nalegonza do davaniy Orodorvani Lacharvi Bendo voyach
culigovani donos ampicho vallyzcano amplitovyonzi Sarne Wili-
da fulagiõ vozij Pano Graf de Parockij N: o C vol
: popisovano Dopiuo Nalegonso moy parti collovani orobliro che di
rmit Gorsonovali ampicha zandivio dosuni a F: oxguachz
vdivi eznx ejevuvij pcvz Ferezuz zopaxõ Kalmucken

popi Sovaych 1x Mor Nomzxiy portuz
xxxiiii
treburgu
C. Pagnalockij
Cattarina
M: D: x:

Если пьеса Гольдони по сути своей — апология буржуазной морали, то в пьесе маркизы де Монтессон «Авантюрист, каких мало» добродетельный тип сюжета претерпевает одно изменение: герой сделан дворянином (напомним, что то же самое произошло и при пересадке испанского плутовского романа на французскую почву). Граф д'Обиньи вынужден покинуть родину после дуэли и, скитаясь по Европе, зарабатывать на жизнь ремеслом литератора и художника. В финале его помиловал король, а богатая вдова вознаградила за страдания.

В «Поддельной авантюристке» Ансома и де Маркувиля все авантюрные истории вымышлены: дабы вскружить голову богатому старику и выйти замуж за его сына, бедная, но честная героиня морочит его романтическими рассказами о пережитом, включая неизбежных пиратов, кораблекрушение, рабство, сераль и пр.

Более оригинальные и чисто театральные, а не романские модификации комедийных сюжетов предлагают русские драматурги XVIII и начала XIX в. Герой комедии Клушина «Алхимист» хочет обманом исцелить своего друга алхимика, адепта оккультных наук. Лечит он его театром. Герой, переодеваясь, действуя как истинный комедиант-авантюрист, попеременно играет роли иностранного искателя, приключений, бравого рубаки, врача, игрока, галантной дамы. Алхимик, испытав нашествие незваных гостей, прожив за один день эпизоды целой жизни, наполненной приключениями, отрекается от своих химер и возвращается к обществу, к нормальной жизни.

Тем, что разоблаченный авантюрист на поверку оказывается актером, Клушин выделяет один из устойчивых мотивов сюжета: подчеркивание и разрушение театральной иллюзии. В финале комедий Екатерины II персонажи напрямую обращаются к партеру: аплодируйте; в подражательной пьесе Н. Эмина героини-масоны ссылаются на пьесы императрицы — мол, недолго нам осталось людей обманывать, вывели нас на театр на чистую воду.

В комедии Княжнина «Чудаки» тема философов-обманщиков соединяется с уже упоминавшейся инверсией отношений господ и челяди: ловкий слуга управляет хозяином, набравшимся новомодных идей, за счет того, что осуществляет революцию в одном отдельно взятом доме и держится с барином как ровня.

Позволим себе небольшой экскурс за пределы XVIII столетия. Как показал в своей давней работе А. Л. Зорин²⁰, в «Горе от ума» Грибоедова при сохранении традиционной комедийной интриги происходит переоценка старых амплуа: злоязычный, лукавый умник становится положительным героем (Чацкий), а скромный и честный любовник — лицемером и тартюфом, который ради карьеры подчиняет себе аристократическую семью (Молчалин). История изгнания

²⁰ Зорин А. Л. «Горе от ума» и русская комедиография 10—20-х гг. XIX века // Филология. 1977. Вып. 5.

Граф Калиостро

Калиостро А. Оправдание графа де Калиостро
по делу кардинала Рогана
о покупке славного склаважа во Франции,
писанное им самим. СПб., 1789.

Графиня Калиостро

Калиостро А. Оправдание графа де Калиостро
по делу кардинала Рогана
о покупке славного склаважа во Франции,
писанное им самим. СПб., 1789

чужака превращается в рассказ о «человеке со стороны». Чацкий — сирота, небогат, странствовал три года за границей (чужеземец), был на военной и статской службе («с министрами про вашу связь, потом разрыв»). Но острый ум и обаяние («кто так чувствителен, и весел и остер») оборачиваются против него: поражение на любовном поприще приводит в действие механизм социального остракизма (ложь, навет, слухи), его объявляют сумасшедшим, как истинного авантюриста. Чужие, необычные поступки, иностранная норма нередко прочитываются как безумие, но если во Франции, как мы видели, сумасшедшими объявляют философов, то в России помешанными считают опасных для государства людей — от самозванцев до Чаадаева.

Так, например, когда в 1776 г. обер-офицер Лицын выдает себя в Париже за польского принца, граф Панин пишет о нем русскому послу, князю Барятинскому, что «в самом существе он человек вовсе сумасшедший, и здесь безумие его было тем приметнее, что оно сопровождалось весьма худым поведением» и что необходимо партикулярно уведомить о нем французское министерство «как о человеке сумасшедшем, не заслуживающем никакого внимания»²¹. Когда в 1777 г. барон Федор Федорович Аш, сын петербургского почтмейстера Ф. Ю. Аша, сообщает И. И. Шувалову, что он, Шувалов, — сын Анны Иоанновны и Бирона, а посему законный император, то Аша, как «впавшего по безумству в преступление», отправляют в Динамюндскую крепость — предписанием «не допускать к нему никого и никаким его речам не верить»²².

Подобный тип наказания весьма характерен для правления Екатерины II, предпочитавшей, особенно в начале царствования, постыжать, а не казнить. Когда в 1766—1767 гг. князь Александр Васильевич Хованский, учившийся во Франции, вознамерился в жизни разыграть роль «злослычного» и стал со «злодейской дерзостью» порочить учреждения и поступки государыни, а на выборах Комиссии по составлению Уложения положил вместо шара сена, то государыня приказала московскому губернатору П. С. Салтыкову всего лишь погугать нечестивца, дабы укоротил он свой «мерзкий язык»²³.

Но во время царствования Павла I мотивы страха, смеха и безумия прочно соединились в триаду, сохранившуюся в русской культуре. Гоголь в «Ревизоре» показывает, как сообщество людей, обуянных страхом, превращает пришельца, «фитюльку» в значительное лицо — министра, писателя, фельдмаршала. Подобно Екатерине II

²¹ Н. И. Панин к И. С. Барятинскому 9 декабря 1776 г. — АВПРИ. Ф. 93. Оп. 6. Ед. хр. 319. Л. 7.

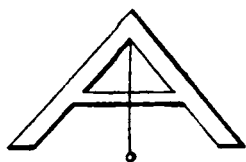
²² Цит. по: *Молева Н. М.* Ее называли княжна Тараканова. М.: Сов. писатель, 1993. С. 227.

²³ Письма императрицы Екатерины Великой к фельдмаршалу П. С. Салтыкову. М., 1886.

и Грибоедову, Гоголь исследует, как формируется общественное мнение, как случай создает или губит репутацию. Люди, охваченные коллективным гипнозом, создают себе объект для поклонения, даже не рассмотрев его хорошенько. С этой точки зрения Хлестаков напоминает многочисленных самозванцев, которых крестьяне почти заставляли играть роль царя, обязанного отвоевать престол. И здесь нельзя не вспомнить еще об одном гоголевском авантюристе, окруженном слухами, едва ли не принятом за Наполеона — о Чичикове. Герой «Мертвых душ» — не только плут, но одновременно и дьявол, покупающий души, и святой, путешествующий по загробному миру, дабы вывести оттуда грешников, воскресить мертвых.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИФЫ (ДОН ЖУАН, ЭДИП, ФАУСТ, ВЕЧНЫЙ ЖИД)

Если в одних случаях авантюрист сознательно ориентируется на поведенческие стереотипы, запечатленные в мифах, и, более того, участвует в их литературной разработке (Дон Жуан, Эдип), то в других его жизнь как бы восполняет недостаток данных мифов в культуре Просвещения (Фауст, Вечный жид). Рассмотрим сначала первый вариант, тем более что в бытовом сознании Казанова стал синонимом Дон Жуана. Постараемся понять, чем он походит на своего литературного предка и чем отличается. Мемуары венецианского соблазнителя были опубликованы в тот период, когда романтическая культура обратилась к мифу о Дон Жуане (Байрон, Пушкин, Стендаль, Мериме), и потому они были восприняты читателями и писателями как «эротическая Одиссея» (С. Цвейг), едва ли не подлинная история Дон Жуана.

Напомним, что Казанова помогал Лоренцо да Понте, своему земляку и тоже в душе авантюристу, дорабатывать либретто для оперы Моцарта «Дон Жуан» (преьера состоялась в Праге в 1787 г.). Трудно сказать, что из написанного венецианцем вошло в окончательный текст, ибо в архиве замка Дукс сохранились лишь черновые наброски, отвергнутые композитором. Интересно, что в этих двух вариантах девятой сцены второго акта главное действующее лицо — не Дон Жуан, а слуга Лепорелло, занявший его место. В первом отрывке хор пострадавших грозит слуге жестокими карами и мучительной смертью, а тот, защищаясь, отшучивается; во втором он, оправдываясь, обвиняет женщин: «О пол-соблазнитель! Источник страданий» — и убегает, укрывшись за завесой слов. Совершенно так же в конце жизни Казанова физически ощущает приближение смерти и пытается заговорить ее, спрятаться за писанием мемуаров. Его по-

прежнему притягивают женщины, но чем дальше, тем больше мучает бессилие. Да Понте рассказывает в воспоминаниях о встрече старого Казановы с некогда обокравшим его слугой, который стал литератором, — венецианцу приходится смириться с поражением.

Чтобы сопоставить истории двух соблазнительей, рассмотрим повествовательную основу легенды о Дон Жуане, стремясь выделить опорную схему и основные мотивы. При этом мы опираемся на основные работы, посвященные этому литературному мифу нового времени (О. Ранк, Ж. Руссе, Ю. Кристева, П. Брюнель, Ф. Марсо и др.)¹. В качестве исходного текста возьмем версию Моцарта, не забывая, разумеется, и о других.

История Дон Жуана сценична по своей природе, ибо нарушает, подобно рассмотренным выше текстам, основные постулаты прозаического повествования: она отрицает счастливый конец (и счастливый брак, как его частную форму) и делает главным героем врага, постороннего. В нашем рассказе он естественно принимает эстафету от Тартюфа: обоими пришельцами движет страсть к обольщению, духовному и эротическому («но я, сударыня, не ангел бестелесный»), с той лишь разницей, что один атеист, а другой святоша.

Дон Жуан находится вне общества, вне времени и пространства, он «темный» двойник каждого из нас. Он — человек ночи, без имени и без лица (его заменяет маска), он постоянно прячется, меняет костюм. Он не знает ни детства, ни старости, репутация (список побед) заменяет биографию. Его сила в том, что он не меняется, всегда оставаясь самим собой, прекрасным принцем, Дорианом Греем. Напротив, Казанова по-разному относится к женщинам в юности и старости, они меняются вместе с ним, ибо, кружа по Европе, авантюрист нередко сталкивается через много лет с прежними своими любовницами (две Терезы, Генриетта, Баре-Ланглад, м-ль М—р, Ирена и т. д.). Весь континент превращается в большую семью, в каждой стране его ждут не только враги, как Дон Жуана, но и друзья, подруги, внебрачные дети. Отрицая конец, Дон Жуан, по сути, претендует на бессмертие, тогда как авантюрист, автор мемуаров, живет только пока пишет и остро ощущает свою смертность. В легенде о Дон Жуане функция летописца передана комическому двойнику — слуге, не только рассказчику, но и интерпретатору.

Рассмотрим взаимоотношения Дон Жуана с тремя основными действующими лицами: с женщинами, со слугой и со статуей. Дон Жуан берет на себя задачу сексуальной инициации всех женщин. За

¹ Rank O. *Don Juan et le double* (1932). Paris: Payot, 1989; Rousset J. *Le Mythe de Don Juan*. Paris: A. Collin, 1978; Kristeva J. *Histoires d'amour*. Paris: Gallimard, 1983; Marceau F. *Casanova ou L'anti-Don Juan*. Paris: Gallimard, 1985; Don Juan. Tirso, Molière, Pouchkine, Lenau. *Analyses et syntèses sur un mythe littéraire*, éd. J.-M. Losada-Goya et P. Brunel. Paris: Klincksiek, 1993.

ним право первой ночи, он должен лишить девушку невинности и оплодотворить ее до брака. В некоторых мифологических традициях эта задача предстает как трудная и опасная, возникает поверье о «*vagina dentata*» (Зигфрид и Брунгильда). Подобное представление лежит в основе сюжета большинства галантных сказочных повестей XVIII в., где, как в «Шумовке» Кребийона, феи и духи снимают заклятье с героев, проведя с ними ночь (непосредственно мотив «*vagina dentata*» встречается в «Султане Мизапufe» Вуазенона).

Тот, кто, подобно графу Альмавиве, претендует на право сеньора, хочет быть повелителем всех женщин. Весь мир — его гарем. У него не может быть соперников; как пишет Отто Ранк, убивая или обманывая мужей, он всего лишь удаляет с пути помехи. Супруг или официальный любовник для него все равно что острая приправа к блюду, без них женщина не вызывает у него интереса². Подобная ревность свойственна и Казанове, и, конечно, он также играет роль античного божества, оплодотворяя девиц, с той разницей, что потом благополучно выдает их замуж. Мольеровский Дон Жуан предстает как всеобщий муж («*épouseur du genre humain*»), тогда как венецианец — соблазнитель и сводник.

Дон Жуан — тот, кого ждут, и потому маска сластолюбца приобретает сакральные черты, божественные или дьявольские. С точки зрения Стендаля, Дон Жуан — не распутник (и потому, считает он, персонаж поэмы Байрона — всего лишь вариация на тему Фобласа). Исторически Дон Жуан происходит от средневекового рыцаря, ибо поновому реализует идею куртуазного служения, когда не только личные достоинства мужчины, но и его общественную репутацию целиком определяет Дама. Но эта идеальная женщина существует лишь в его воображении, она — объект вечного поиска, и потому Дон Жуан сродни писателю или алхимику, ищущему философский камень.

Дон Жуан — Прельститель, тот, кто бросает вызов обществу, государству (почти во всех версиях он не в ладах с монархом, выслан из столицы), раю и аду. Он соблазняет монахинь, насилует женщин в королевском дворце (в варианте Тирсо де Молина), т. е. наставляет рога Богу и государю. Он черпает наслаждение в пороке и преступлении, и потому, полагает Стендаль, подлинны Дон Жуаны — председатель черных месс Жиль де Ре, убийца и кровосмеситель Ченчи³ (т. е., добавим, персонаж в духе маркиза де Сада).

Как полагает Камий Дюмулье, можно интерпретировать миф о Дон Жуане в духе идей иллюминизма, как продолжение еретических традиций Братства Свободного Духа, сохранившихся еще в XVII в.⁴

² Rank O. Op. cit. P. 159.

³ Эти идеи Стендаль развивает в «Итальянских хрониках» и в «Записках туриста».

⁴ Dumoulié C. La volonté de jouissance // Don Juan. Tirso, Molière, Pouchkine, Lenau. P. 105.

Человек, достигший Бога, совершенен и потому находится по ту сторону добра и зла. Он безгрешен, преступления и блуд — лишь ступени мистического познания. Его свободная воля — эманация Провидения, и посему она важнее счастья и благополучия прочих людей. Постигнув высшую истину, человек становится равен Богу и уже не нуждается в нем. В своем развитии эти идеи ведут к мистическому анархизму почти ницшеанского толка.

Если Дон Жуан — разрушитель, вносящий хаос в мир, то Казанова — конформист. Конечно, для него любовь к женщине тоже во многом сводится к власти над ней. Постоянный эпитет, которым он награждает всех женщин, от служанки до Екатерины II, а иногда и мужчин, как, например, графа де Латур д'Оверня, — «кроткая» или «кроткая, как овечка». «В делах подобного рода покорность может возместить недостаток любви. Не ощущаешь ни благодати, ни порока, ни порывов страсти, но зато чувствуешь полную власть над другим существом» (HМV, 1, 460). Разумеется, он тоже соблазняет монахинь (иногда даже через решетку монастыря), проникает к любовницам через церковь и испытывает особое удовольствие от святотатства, но при этом остается человеком верующим. Разумеется, венецианец заглядывается на принцесс крови (правда, он уверяет, что побоялся признаться в любви принцессе Шартрской, дабы не потерять мистическую власть над ней), входит в доверие к маркизе де Помпадур, но он не бунтует против короля, а поставляет ему любовниц. Портрет обнаженной Луизон О'Морфи, заказанный Казановой, как в сказке, пленил Людовика XV (фаворитка в 1752—1755 гг.); гренобльской дворянке Анне Роман-Купье венецианец предсказал, что она станет королевской возлюбленной и родит сына, которому суждено вершить судьбы Европы, и та восприняла гороскоп не как догму, а как руководство к действию (фаворитка в 1761—1765 гг.).

Если применительно к Дон Жуану можно говорить о мистике любви, то Казанова — реалист; если Дон Жуан пленен красотой, то Казанова — красавицами (хотя он и горазд порассуждать о прекрасном в жизни и в искусстве). Техника соблазнения у них во многом похожа. Так, в варианте Да Понте Дон Жуан использует три приема: выдает себя за другого (пробирается к Анне под видом Октава, переодевается в одежду Лепорелло), отстраняет и замещает жениха (соблазняет крестьянку, обещая жениться), устраивает праздник и карнавал, дабы выбить женщину из привычной ситуации и, главное, вызвать у нее ревность к соперницам. Во всех трех способах используется театральная идея переодевания, маски, двойничества. Для Казановы первый прием (обман) не характерен, он предпочитает, чтобы любили его самого, хотя он и не чуждается розыгрышей, переодевается трагичным слугой, танцует в монастыре на острове Мурано в костюме Пьеро. Второй прием, как мы уже говорили, он использует постоянно, исхитряясь даже попользоваться невестой в ка-

рете, по дороге из церкви после венчания. Но наиболее характерен третий способ — Казанова любит укладывать женщин в постель парами: то вместе, то поврозь, а то попеременно. Он утверждает, что если в одиночку девушка способна устоять, то вместе с подругой она совершенно беззащитна. Методика Казановы более эффективна, ибо он в большинстве случаев добивается успеха, тогда как опера Моцарта — история не побед, а поражений, Дон Жуану постоянно мешают довести дело до конца, только Лепорелло в платье хозяина овладевает Эльвирой.

Для Казановы подобная ситуация возможна, пожалуй, только в конце жизни. Здесь необходимо сделать одно существенное уточнение. Казанова нередко искренне влюбляется и, более того, способен и на жертвы, и на долгое чувство, как в истории с Генриеттой. Он не выстраивает хладнокровно стратегию соблазнения, не продумывает ходы наперед, подобно литературным либертенам типа Вальмона (хотя он и не прочь порой разыграть сцену «философии в будуаре» и преподать девице теорию гедонизма с практическими пояснениями: так поступает он с м-ль Везиан и м-ль М—р). Казанова полагается более на интуицию и умение импровизировать, на свое мужское обаяние, нежели на опыт. В случае необходимости он готов терпеть и ждать, дабы действовать решительно в нужную минуту. Авантюрист отвечает «да» на каждое предложение Фортуны-женщины, он всегда готов.

Но с возрастом Казанова все чаще прибегает к самому главному козырю — к деньгам. Чем меньше времени отведено ему судьбой, тем больше он спешит. Любовь для него начинается с подарка, даже если награду приходится ждать тридцать лет (так, актриса Дени вознаграждает его за цехин, который он подарил ей мальчиком). Вместо любовных клятв Джакомо вручает юной Сесиль золотые, ибо, утверждает он, от них больше проку. Он щедр, поскольку, по его словам, женщины не прощают скупости, но едва ли не в большинстве случаев венецианец просто-таки покупает женщин. Причем он предлагает напрямую деньги и самой даме, и ее матери, а иногда и мужу. Когда Казанова в Женеве вручает трем подругам синдика по золотому шарикю в качестве универсального противозачаточного средства, он символически влагает в них золотой ключ, открывающий любое женское тело.

Существенное отличие от Дон Жуана: Казанова почти не обманывает женщин. В середине жизненного пути он даже может заключить нечто вроде «контракта о сожительстве», особо оговаривая в переписке с комедианткой Жюли Вальвиль возможность расторгнуть союз при обоюдном согласии. Если Дон Жуан, обещая жениться и бросая женщин, разбивает их судьбы, то Казанова, как справедливо подчеркивает Фелисьен Марсо, расстается с ними без обид, как правило, обеспечивая их. Марколина, любовница Казановы, как-то сказала ему, что он, похоже, путешествует «единственно для того, чтобы составить счастье бедных девиц — лишь бы они были хорошень-

кие» (ИМЖ, 481). Притягательность авантюриста в его мимолетности: женщины инстинктивно чувствуют, что ничем с ним не рискуют, что он не превратится в добропорядочного мужа⁵.

У Казановы есть излюбленные места свиданий. Как в отношениях авантюриста с обществом, главное — удивить и заинтриговать, и потому он стремится извлечь женщину из привычной среды обитания, пригласить ее в загородный домик или снятый им замок. Подобно героям романов, он готов пробираться по потайным лестницам, часами ждать, спрятавшись в чулане, боясь чихнуть, дабы не привлечь внимание ночующего в соседней комнате мужа. Но бродяга по крови своей, он предпочитает для любви переходное пространство: лестницу или, еще чаще, карету. Длинные речи в экипаже нужны только для того, чтобы отказать (беседа Казановы с Беллино-Терезой⁶), ибо невольно соприкасающиеся тела не нуждаются в словах, чтобы понять друг друга. Правда, и в этом пространстве Казанову подстерегают неожиданности: то он путает руки графа де Латур д'Оверня и его любовницы, то некая англичанка, отдавшись ему в карете, на другой день отказывается беседовать с ним, ибо подобная безделица, заявляет она, — еще не повод для знакомства⁷. И это удар для авантюриста, ибо он предпочитает начинать с любви (как приятель Казановы Тиретта, который употребил на итальянский манер немолодую даму во время публичной казни Дамьена, невзирая ни на возраст, ни на внешность ее, ни на окружающих). Соблазнитель начинает с конца, ибо отрицает финал — свадьбу: «Самая мысль о браке заставляла меня содрогнуться; я слишком хорошо знал себя и предвидел, что от размеренной семейной жизни сделаюсь несчастен, а значит, будет несчастна и моя половина» (ИМЖ, 371), «Брак — самое ненавистное для меня таинство, ибо оно хоронит любовь» (НМV, III, 170). Именно в подобном построении видели современники новаторство «Новой Элоизы», ибо Руссо также перенес центральное событие любого романа из конца в начало.

Казанова чурается коллективных оргий, организованных не им. Конечно, с возрастом Джакомо меняется, и если в молодости он не откажется принять участие в групповом изнасиловании, то в зрелые годы скорее ограничится ролью зрителя. Не любит он и пространства, предназначенного для разврата. Как всякого венецианца, его притягивает вода (на ежегодном празднике дож обручается с морем). В венецианской части мемуаров постоянно поминаются гондолы, свидания в уединенных домиках (casino) на островах. Во Франции все

⁵ Delon M. Casanova et le possible // Europe, 1987. № 697. Mai. P. 41—50.

⁶ Певича Анжела Калори, которую Казанова вывел под именем Тереза, выдавала себя за мальчика-кастрата Беллино, чтобы выступать на сцене в папских владениях.

⁷ «Ces folies-là ne forment pas un titre de connaissance» (НМV, III, 155).

ритуалы по перевоплощению маркизы д'Юрфе Казанова совершает в небольших бассейнах. Но, посетив в первый раз бани в Берне, он разочаровал местных жриц любви («увидев ее обнаженной, я не испытал ничего», — пишет он). Ему нужна игра, провокация, небольшой спектакль. В другой раз он пришел туда с дамой, переодетой мужчиной, взял двух банщиц, склонных к лесбийским играм, и бассейн превратился в эротический театр.

Казанова — человек более чувственный, нежели чувствительный. Но самые литературные чувства — слух и зрение — наиболее обманчивы. Конечно, Казанова может соблазниться умно рассуждающей девицей, и тогда научный диспут перейдет в постельную сцену, как в случае с юной женеvской богословкой. Он может построить рассказ о любовном приключении с г-жой Фоскарини почти только на зрительных образах, но это будет история поражения. Когда в «Истории моей жизни» возникает мотив подсматривания, то сразу возникает и другой мужчина: счастливый соперник (подросток, которого Беттина предпочла Казанове-мальчику), напарник (аббат де Бернис, Тиретта) или любовник, соблазняющий самого венецианца (Исмаил, Лунин). Появляется тема театра, а значит — иллюзии и обмана (но именно в этом — секрет женской притягательности, считает Джакомо⁸). Слова и взгляды воспаляют воображение, но этим зачастую все и ограничивается, как то происходит с приятелем Казановы, женеvским синдиком, и как, по утверждению принца де Линя, происходило с Казановой-мемуаристом. Чем высокопарнее слог (*любовный пламень, святилище, храм любви, место, где любовь умирает, чтобы воскреснуть*), почти пародийно использующий сакральную или алхимическую лексику, тем явственнее неудача (приключение с г-жой Фоскарини). Женскую красоту венецианец, как правило, описывает по литературному трафарету: белая кожа, черные волосы, выразительные глаза.

Напротив, истинны чувства, связанные в первую очередь с подсознанием; а не рассудком — осязание, обоняние, вкус. Как говаривал венецианец, «одни юнцы изъясняются в любви иначе, нежели пантомимой» (ИМЖ, 388). Когда Генриетту спрашивают, как они с венгерским офицером понимают друг друга, она отвечает, что им слова без надобности: они, мол, все время проводят за картами, она тасует, он сдает. Графу Тиретте не нужно знание французского языка, чтобы заслужить в Париже титул графа де Шестьраз, с которым «ни один смертный не сравнится» (ИМЖ, 386).

Когда Казанова пытается выяснить истинный пол Беллино-Терезы, то зрение обманывает его, а осязание выручает. Венецианец любит предварительно удостовериться собственноручно, что девуш-

⁸ «Je la vois toute nue et elle ne me cause la moindre sensation? Pourquoi? [...] Nous n'aimons donc que l'artifice et le faux...» (НМV, II, 365).

ка невинна: «Она слегка нагибается, я решительно протягиваю руку и под платьем немедленно обнаруживаю, что дверь на запоре и придется взломать ее, чтоб обрести счастье» (ИМЖ, 369), «я сел, поставил ее промеж ног, сунул руку и уверился, что она целая» (ИМЖ, 562). Те же привычки он приписывает и Людовику XV: «Он уселся, поставил ее между колен, приласкал и, удостоверившись своей королевской рукой в ее невинности, поцеловал» (ИМЖ, 165).

Подобно Дон Жуану, венецианец чувствует женщину на расстоянии. «Я чую запах женщины» («Mi pare sentir odor di femmina»⁹), — говорит Дон Жуан в опере Моцарта еще до того, как завидел новую жертву. Казанова проявляет интерес к Терезе, едва слышав, что в соседнем номере остановилась актриса; он заступает за Генриетту и влюбляется, не видя ее: во время скандала она прячется в постели под одеялом. Обе они потому так долго сохраняют для него очарование, что его притягивает тайна: женщина это или мужчина, аристократка или авантюристка. Едва он получает ответ и хочет продлить отношения, едва ли не жениться, как подсознательно навлекает на обеих беду, ускоряет разлуку, — теряет паспорт и попадает в тюрьму, подвергает Генриетту опасности быть узницей.

У каждой женщины свой запах, как у всякого блюда, он манит и дразнит, уверяет венецианец. Еда для него почти что равноценна любовному поединку, а на склоне лет — заменяет его. Как пишет принц де Линь, хорошо знавший старого Казанову, «женщины, в особенности юные девицы, волнуют его воображение, но — уже не более того [...] он находит отмщение, уничтожая яства и вина: исчез бог парков и сатир лесов, остался хищник застолий» (ИМЖ, 655—656). В молодые годы сцены пиршеств и любви перемежаются, Казанова никогда не забудет упомянуть, чем потчевала его любовница. Если женщина ест и пьет наравне с ним, то это признак того, что она может составить ему конкуренцию: Марколина и впрямь отбивает у него девиц и даже проводит ночь с Генриеттой.

В предыдущих главах уже говорилось о склонности авантюристов к травести, гомосексуальным связям. В «Истории моей жизни» создается ощущение, что главный герой — такой же андрогин, как персонажи «Икозамерона», но только разлученный со своей половиной, которую он должен повсюду искать. Еще в детстве Казанова остроумно ответил на вопрос, почему в латинском языке мужской половой орган женского рода, а женский — мужского. Он сочувственно цитирует слова г-жи Фоскарини о том, что она всегда видела в мужчине вторую половину ее существа, созданную для нее, а она для него, и мечтала как можно скорее соединиться с ним браком. Казанову постоянно притягивают девушки, одетые мужчинами, он хвалится своим умением разгадывать истинный пол травести (шевалье

⁹ *Da Ponte L. Don Giovanni. Paris: GF—Flammarion, 1994. P. 31.*

д'Эона¹⁰ или некоего швейцарца, после свадьбы оказавшегося женщиной), он соблазняется мужчинами. Подобно Дон Жуану, он ищет в женщине то, чего у нее нет.

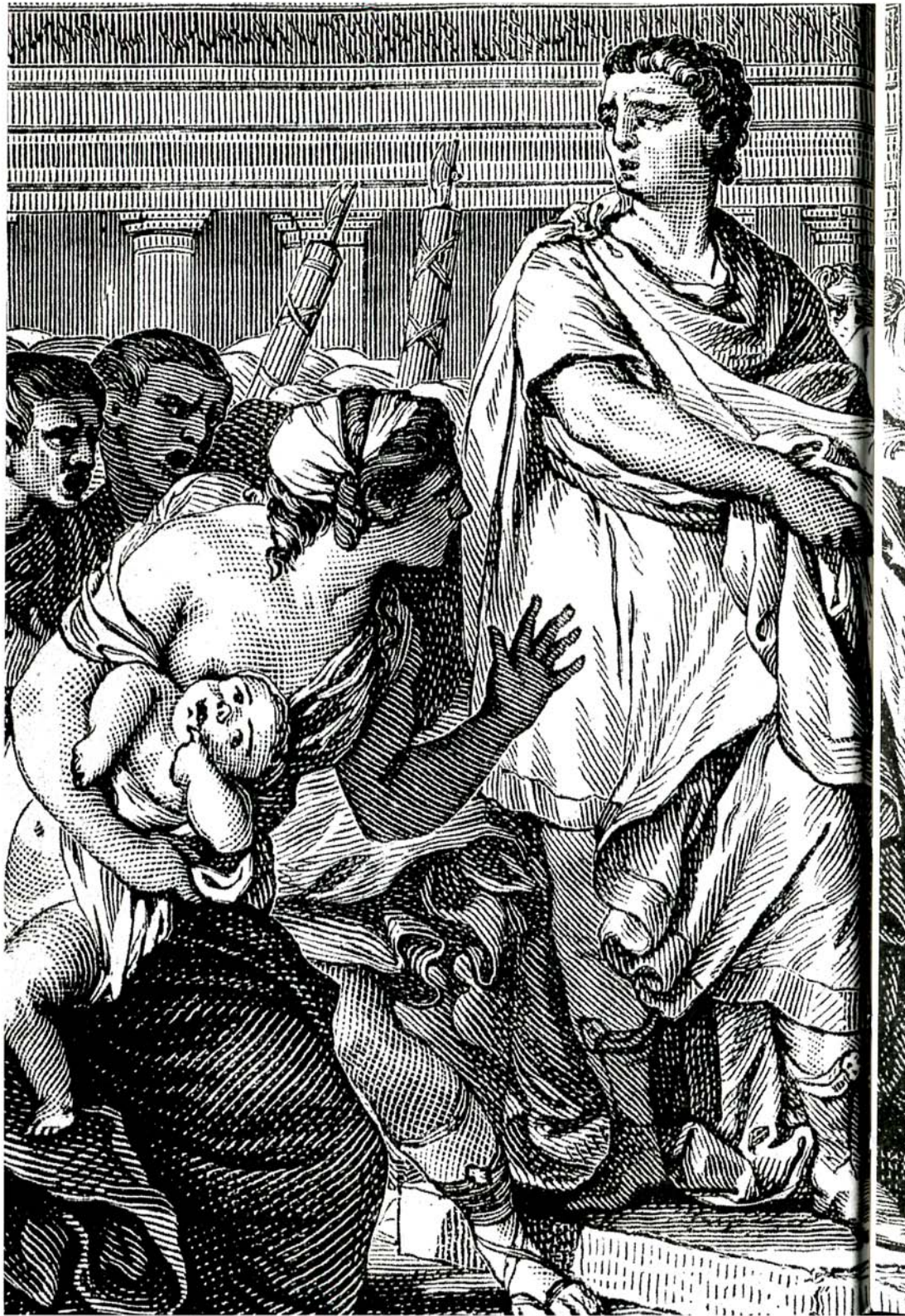
В донжуанской технике соблазнения огромную роль играет список и тот, кто его скрупулезно составляет, — слуга. Он — судья, фиксирующий результаты и рекорды, лишь он свидетельствует, что реально существуют тысяча три соблазненные испанки, шестьсот сорок итальянок, двести тридцать одна немка, сто французенок, девяносто одна турчанка. Казанова, напротив, чурается репутации мага и соблазнителя. Он сам ведет летопись своих побед в мемуарах, но воспоминания прельщают лишь его читателя. Венецианец — не спортсмен и не охотник, он не гонится за числом. По подсчетам Сюзанны Рот, в «Истории моей жизни» упоминается около ста сорока женщин. Если поделить это число на сорок лет, прошедших от первого приключения до того момента, когда обрываются мемуары, то получается менее четырех женщин в год: рацион почти аскетический. Упомянуты, по всей видимости, не все приключения, а только наиболее интересные; сам Казанова говорит, что знал несколько сот женщин.

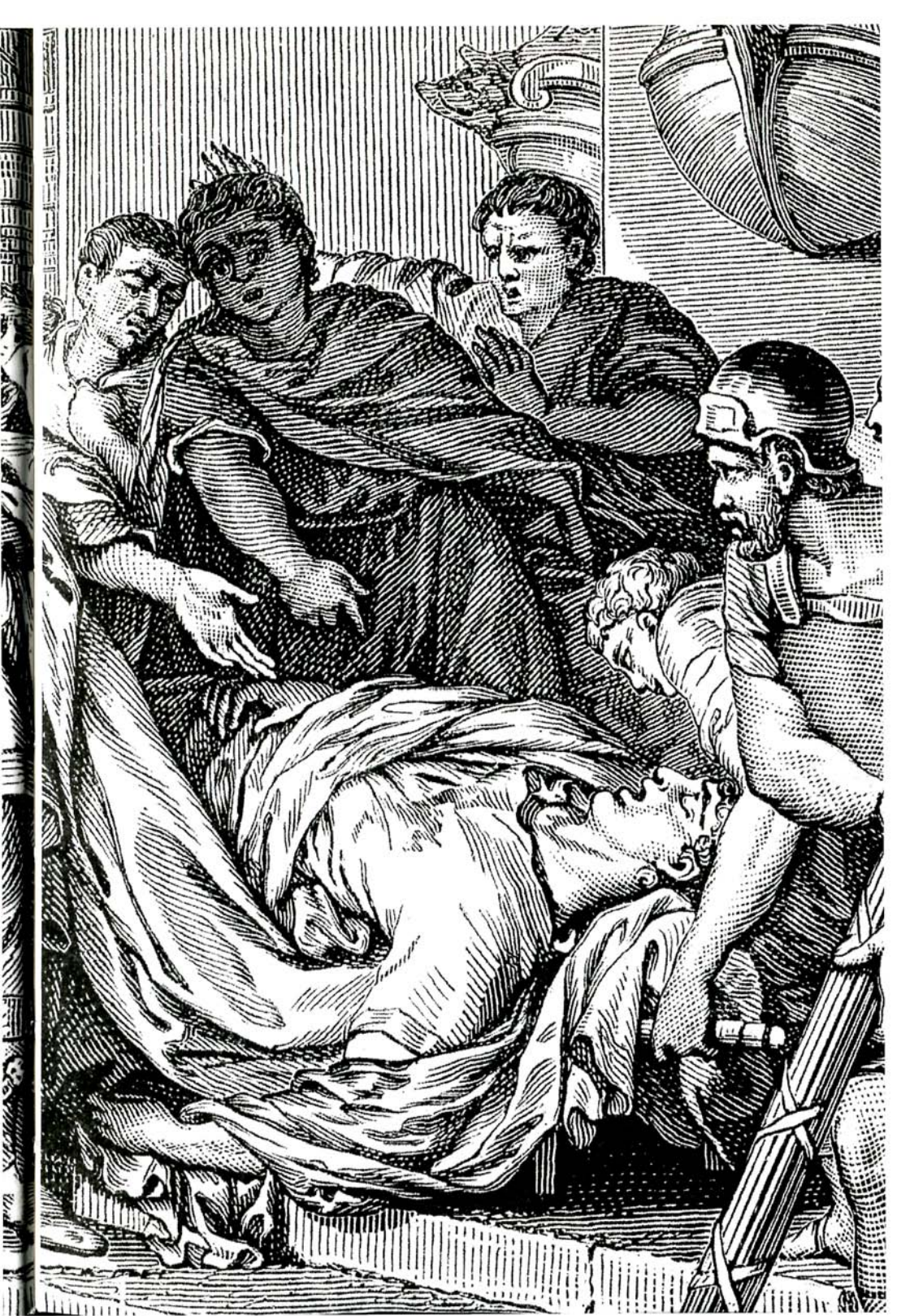
Слуга — такой же неотъемлемый комический двойник Дон Жуана, как Санчо Панса при Дон Кихоте. Как подчеркивает Отто Ранк, слуга не только критикует, оценивает или подменяет хозяина, он тот, кто испытывает страх, кто живет по земной, а не сверхчеловеческой шкале ценностей. Казанове слуга нужен именно для того, чтобы чувствовать себя хозяином, хоть он и уверяет Генриетту, что лучше обходиться без слуг, ибо все они — воры и шпионы. К некоторым, служившим у него подолгу, как Ледюк и Коста, он искренне привязан и описывает их как рыцарей удачи: «Он отчасти плут, распутник, смел до дерзости, смышлен и необразован, наглый лжец, в чем, кроме как мне, никогда не признается. Но у этого дурного гражданина одно большое достоинство: он слепо выполняет мои приказания, презрев опасность, он не страшится не только палочных ударов, но даже виселицы, правда, только на изрядном отдалении» (HМV, II, 347). Доверие хорошо в меру — Коста Казанову обокрал, присвоив драгоценности и деньги, выманенные у маркизы д'Юрфе.

В Швейцарии у Казановы появляется «гувернантка» тридцати пяти лет («*ma bonne*»), одновременно и нянька и любовница. Она руководит им, помогает выпутаться из сложной любовной передриги, проведя ловкую контринтригу, достойную Фигаро: она посылает на свидание вместо венецианца его слугу Ледюка. Как в комедии, женщины и лакеи руководят мужчинами.

Тот, кому нечего терять, выигрывает. Проигравший попадает в ад. Командор, указывающий туда дорогу, предстает как трагический

¹⁰ Казанова ошибочно считал его женщиной.

двойник Дон Жуана, как символ власти. Закалывая отца донны Анны, Дон Жуан убивает Отца, уничтожает родительский и государственный авторитет. Напротив, финальный поединок со статуей — свидание с невестой-смертью. Образ командора связывает темы любви, смерти и страха, Эрос и Танатос. Последний обед в опере Моцарта предстает как свадебная трапеза, Дон Жуан ожидает статую, горя почти любовным нетерпением, он дает ей руку, как при венчании, и становится добычей дьявола, проваливаясь под землю.

О связи с духами и путешествии в подземный мир речь пойдет позже. Пока скажем только, что легенда об оживающей статуе, столь важная для культуры XIX в. (Пушкин, Мериме), возникает на периферии жизни и творчества авантюристов (так, С. Заннович перевел на итальянский «Пигмалиона» Руссо). XVIII век испытывал слабость к механизмам и автоматам, заводные куклы Вокансона — лучший тому пример. В философской традиции люди рассматриваются как думающие машины. В «Икозамероне» Казанова описывает крылатых почтовых лошадей, передвигающихся как автоматы. Но венецианец, при всех своих алхимических увлечениях, предпочитает не мериться силами с неживой материей, а сосредоточиться на живых. Он вылечивает похожую на восковую статую девушку, страдавшую от отсутствия месячных: хирурги регулярно делали ей кровопускание, а Казанова, лишив ее невинности, помогает ей обычным способом избавиться от избытка крови (ИМЖ, 232—233).

*
* * *

На первый взгляд, миф об Эдипе имеет к авантюристам не большее отношение, чем к любому смертному. Выше уже говорилось об их комплексе брошенного ребенка, отказе от матери и отца и поиске «истинных» родителей. Но Казанова к тому же почти браврирует нарушением одного из самых древних табу — инцеста. Можно предположить, что его мир настолько мал, что во всех странах он встречает одних и тех же людей, и с течением времени дочери занимают место матерей (Лукреция и Леонильда; Ирен, ее мать и дочь). Чем старше становится венецианец, тем более юные особы привлекают его, и в конце мемуаров он интересуется уже собственными внуками (которые одновременно доводятся ему дочками). Но, во-первых, как показывают разыскания казановистов, в большинстве случаев Джакомо тешит свое тщеславие, по датам он вряд ли мог быть всеобщим отцом. Во-вторых, слишком демонстративны его заявления, что, когда они с дочерью Леонильдой почти инстинктивно соединились, не в силах противиться влечению, то, к удивлению своему, не

почувствовали ни вины, ни угрызений совести, ничего (НМV, III, 842). Пассаж из мемуаров почти дословно совпадает с аналогичными рассуждениями из «Икозамерона», где инцест описывается как естественный природный закон: «...мы сделали мужем и женой, без всякого тому противления или какого-либо соглашения»¹¹.

В литературной традиции, от «Царя Эдипа» Софокла до «Ста лет одиночества» Гарсиа Маркеса, модель мифа, кроме центрального ядра (бой отца с сыном и кровосмешение), включает и постоянные сопутствующие мотивы: основание рода или государства (воцарение), разгадывание тайны и слепота (физическая или духовная), одиночество. Некоторые мотивы мы обнаруживаем в судьбе Казановы: провидческий дар, который он приписывает общению со своим демоном, одиночество в конце жизни в замке Дукс. Другие мотивы возникают в «Икозамероне», утопии, целиком построенной на инцесте, как сформулировал немецкий казановист Гельмут Бертрам¹². Эдуард и Элизабет, брат и сестра, попавшие в подземный мир, дают начало роду людей, размножающихся в геометрической прогрессии: у них рождаются только двойняшки, мальчик и девочка, которые вступают в брак между собой. Правда, когда их становятся уже тысячи и возникает государство в государстве, Эдуард заменяет инцестуальный брак кросскузенным. Но у коренных жителей, мегамикров (т. е. великих разумом и малых телом), инцест сохраняется, ибо они — гермафродиты, рождающиеся на свет парами, и жить не могут без своего неразлучника. Постепенно люди-великаны подчиняют себе подземный мир, приютивший их. Эдуард предстает как Робинзон, заново изобретающий и приносящий в дар туземцам дары цивилизации, в том числе два главных: порох и книгопечатание. Но одиночество героев, окруженных почестями и поклонением бесчисленного потомства, только усиливается. Случай возвращает их обратно на землю, где они тоже всем чужие. У них хватает сил рассказать свою историю, но далее, как в сказках, брат и сестра, сохранившие молодость и здоровье в подземном мире, на земле стремительно дряхлеют и умирают.

Легенды о Вечном жиде, так же как о Фаусте, сравнительно мало распространены во французской культуре Просвещения. Литературных текстов, кажется, нет, исследователи нашли лишь несколько народных вариантов истории о чернокнижнике. Во второй половине века Вечный жид появляется в немецкой и английской традиции (Шиллер, Гёте, Льюис)¹³. За Вечного жиды якобы выдавали себя Сен-Жермен и Калиостро; во всяком случае, о них обоих рассказывали, что их слуга на вопрос, действительно ли хозяин беседовал с Пила-

¹¹ *Casañova G. Icosameron. Paris: F. Bourin, 1988. P. 70.*

¹² *Bertram H. Utopie et l'inceste. L' Icosaméron de Casanova // Lendemains, 1996, sept., n. 81.*

¹³ *Brunel P. Dictionnaire des mythes littéraires. Paris: Éd. Du Rocher, 1988.*

том или Карлом Великим, отвечал: «Не могу знать. Я служу у барина всего триста лет». Сам Сен-Жермен, по свидетельству барона Глейхена, действовал тоньше: рассказывал о Франциске I с подробностями, которые мог знать только очевидец, и, заворожив слушателей, случайно проговаривался: «И тут я сказал ему...» Ситуация резко изменится после революции, когда тысячи эмигрантов начнут скитаться по Европе. Тогда честный авантюрист Ф. М. Гримм, весьма чутко улавливающий и отражающий настроения эпохи, будет поминать в письмах страннический посох и удел Вечного жида¹⁴. А в начале XIX в. поляк на русской службе граф Ян Потоцкий выведет Вечного жида в написанном по-французски романе «Рукопись, найденная в Сарагосе» и образ этот прочно закрепится в романтической культуре. Агасфер останется символом мистического бунтаря, то сливающегося с Дон Жуаном и Фаустом, то противопоставленного им, олицетворяющего то Каина, то страдающего Христа.

Литературные персонажи Дон Жуан и Фауст впервые встретились в художественных текстах XIX в.¹⁵, но в авантюристах Просвещения, алхимиках и соблазнителях, воплотились черты их обоих. Любовь и познание оказываются синонимами, как в Библии («Адам познал Еву, жену свою»), ибо ими движет страсть к познанию нового. При этом оба они в поисках идеала губят любящих их женщин, обоих ждет страшный конец от когтей дьявола (в народных легендах черт убивает алхимика). С этой точки зрения обе легенды развивают библейскую тему плотской любви как дьявольского искуса, получающую в прозе XVIII в. и авантюрную и мистическую трактовку (так, в романе Казота «Влюбленный дьявол» юноша под руководством каббалиста вызывает черта, и тот, трижды преобразившись, является в облике юной девушки, Любви).

Подобно Дон Жуану, Фауст также окружен двойниками: с одной стороны — Мефистофель, с другой — он сам в облике юноши. Но если Дон Жуан воплощает зло, то Фауст впускает зло в мир.

Дон Жуан и Фауст бросают вызов не только Богу, нарушая установленные им законы, переделывая созданный им мир, но и времени. Они существуют в настоящем, где нет ни прошлого, ни будущего, ибо каждое мгновение уничтожает предыдущее, стирает память о нем. Как только Фауст хочет его остановить, он гибнет.

В своем повседневном поведении молодой Казанова предстает как типичный итальянец — ловец мгновений, живущий только сегодняшним днем¹⁶. Напротив, пожилой Джакомо пытается запечатлеть в мемуарах ускользающие дни и годы. В отличие от Дон Жуана он

¹⁴ Ф. М. Гримм к Н. П. Румянцеву, Гота, 13 марта 1793 г. — РГБ. Ф. 255. Карг. 7. Ед. хр. 42. Л. 29—30 об.

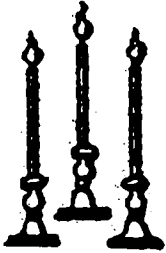
¹⁵ *Dabezies A. Le Mythe de Faust. Paris: A. Colin, 1972.*

¹⁶ *Poulet G. Etudes sur le temps humain, IV. Mesure de l'instant. Paris: Plon, 1968.*

помнит все, он испытывает потрясение, увидав через много лет надпись на оконном стекле в женевском трактире: «Ты забудешь и Генриетту». Венецианец остро чувствует условность отсчета времени, ибо вынужден соотноситься с двумя взаимоисключающими системами, итальянской и французской. Первая ориентирована на природу, вторая — на социальное поведение. Итальянцы в XVIII в. отсчитывают часы от захода солнца, французы — так, как это принято сейчас. Поэтому, как пишет Казанова, одним важно, что солнце заходит всегда в одно и то же время, тогда как для других важен распорядок дня, постоянное время завтраков, обедов и ужинов. Кроме того, в Венеции год начинается не 1 января, а 1 марта, и иногда Казанова невольно запутывает читателя, давая даты то по одному, то по другому календарю. Но более всего выбивает венецианца из колеи Россия, ибо солнечный цикл на севере принципиально иной, чем на юге. Зимний петербургский день для него столь короток, что он путает утро и вечер, теряет день, проспав по ошибке более суток. Белые ночи также докучают ему. Пушка Петропавловской крепости, стреляющая в полдень, его раздражает, ибо воплощает военный авторитарный режим правления, который хочет подчинить себе солнце. Потому главная реформа, которую он предложил Екатерине II и над обоснованием которой трудился на склоне лет, — это переход от юлианского к григорианскому календарю. Императрица, по его словам, отвергла проект, дабы не вызвать возмущения в стране, и предпочла систему двойных дат.

В мире мегамикров год в четыре раза короче земного, но время отнюдь не идет быстрее, а, напротив, останавливается, ибо там нет ни болезней, ни старости. Как показала Шанталь Тома, анализируя «Икозамерон», утопический мир, геометрически размеренный и предсказуемый, скучен: Эдем (а именно там, под землей, куда обычно помещают ад, по уверениям Казановы, находится земной рай) предстает как место заточения, подобное если не Пьюмби, то замку Дукс. Поиск рая — мистическая цель масонства; но обретение его для Казановы и героев его романа оборачивается карой.

ЛИТЕРАТУРА И АЛХИМИЯ

Сила Дон Жуана — в списке его побед, сила Фауста — в договоре с дьяволом, то есть опять-таки в письменном тексте, составленном другим. Казанова сам пишет мемуары, не передоверяя дело слуге, и потому вполне логично в приключениях, связанных с алхимией и каббалистикой, он играет роль искусителя. История его взаимоотношений с маркизой д'Юрфе — это история Фауста, изложенная Мефистофелем. Дьявол по традиции ироничен и насмешлив; Казанова, с сочувственной улыбкой изображая свою жертву («Я покинул ее, унося с собой ее душу, сердце, разум и остатки здравого смысла», ИМЖ, 430), выставляет самого себя в неприглядном свете. Но чем старательнее венецианец превращает в мемуарах магический обряд в шутовской карнавал, тем больше хочется отнести к нему всерьез. Потому что подобное «антиповедение», как говорилось выше, характерно для алхимиков, потому что определение масонской тайны, которое дал Казанова, вошло в соответствующие словари: «Тайна масонства нерушима по природе своей, ибо каменщик, владеющий ею, не узнал ее от другого, но разгадал сам [...] Сумев постигнуть ее, он остерегается разделить открытие свое с кем бы то ни было, даже и с лучшим другом-каменщиком: ведь если недостало таланту проникнуть в нее, то тем более не получит он никакой пользы, услышав ее изустно» (ИМЖ, 95). И далее Казанова продолжает: «Те, кто по бесчестью своему и нескромности не постеснялись разгласить происходящее в ней [в ложе — А. С.], все ж не разгласили главного. Да и как могли они разгласить то, что им самим неизвестно? Знай они тайну, не разгласили бы и обрядов». Герман Гессе в «Паломничестве в страну Востока» формулирует это несколько иначе: тот, кто рассказывает тайну, забывает ее.

Все казановисты единодушны: Казанова — человек земной, отнюдь не мистического толка, и маркизу он попросту дурачил. Про масонские обряды он умолчал, про розенкрейцеровские рассказал, выдавая их за свое изобретение и представляя полной бессмыслицей. Только после того, как был предан гласности рецепт изготовления золота, сообщенный им принцу Карлу Курляндскому, он поместил его в «Историю моей жизни». Лишь в примечании упомянул венецианец о том, как в Париже занимался алхимией с принцессой Ангальт-Цербстской, матерью Екатерины II. Но вычленим из мемуаров историю маркизы д'Юрфе и рассмотрим как повествовательное единство¹. Тогда мы получаем возможность, во-первых, по-новому прочесть ее в контексте «Истории моей жизни» и «Икозамерона», сопоставив с аналогичными эпизодами, а во-вторых, сравнить со схожими сюжетами в алхимических и розенкрейцеровских легендах, а также в литературных сказках XIV—XIX вв.

В век Просвещения масонство было по преимуществу мистическим, и многие ложи (в том числе русские, входившие в систему Меллиссино) всерьез занимались алхимией. Это подразумевало не только химические опыты, но и духовное совершенствование. Целью было получение философского камня, способного исцелять «прокаженные» металлы, превращая их в благородное золото, а кроме того — универсальной панацеей, или жидкого золота, врачующего все болезни и в идеале дарующего бессмертие. По сути, это одно и то же вещество в твердом и жидком состоянии.

«Великое делание» предполагает четыре стадии, по числу стихий (земля, вода, огонь, воздух): черную, красную, желтую (или, реже, зеленую) и белую. Позднее их число сократилось до трех. Стадия чернения — это первичная материя, хаос, разъятие. Символически представляется либо как инцестуальный брак (соединение мужского и женского начала) и гибель плода их союза, либо как расчленение монарха или убиение его собственным сыном. Белая стадия — очищение: душа после смерти освобождается от телесной оболочки и возрождается. Белый содержит все цвета спектра, и потому он соотносится не только с луной и серебром, но и с павлином. Красную стадию символизирует солнце, это химический брак белого и красного, короля и королевы.

Преобразование материи не может осуществиться без преображения духа, и потому алхимический процесс интерпретируется как инициация, очищение и преображение адепта, поиски истинного «я», приход к истине через разорение и разочарование, через духовную смерть и воскресение (наиболее подробно это сопоставление

¹ Исторический разбор их отношений см.: *Compigny de Bordes A. Casanova et la marquise d'Urfé. 1757—1763. Paris: Champion, 1922.*

рассмотрел Карл Густав Юнг в книге «Психология и алхимия»²). Старинные трактаты, как правило, высмеивают «химиков», «раздувателей мехов» («les souffleurs»), безумцев, становящихся добычей обманщиков, и превозносят истинных «философов».

В истории маркизы д'Юрфе соединяются два сюжета: эротическая и мистическая инициация юноши (т.е. самого Казановы), обретающего тайное знание и супругу-мать, и метаморфоза, превращение старухи в юную красавицу. Французская литературная сказка использует сходную конструкцию (с переменной ролей) с конца XVII в., начиная от «Рике с хохолком» Шарля Перро: после свадьбы девушка обретает ум, а подземный король — красоту.

Представим действующих лиц. Жанна д'Юрфе, урожденная Камю де Пуэнкарре (1705—1775), была любовницей Регента, Филиппа Орлеанского. В 1724 г., за год до рождения Казановы, она вышла замуж за Луи-Кристофа де Ларошфуко. Муж закрывал глаза на любовные увлечения жены, удовольствовался объяснением, что дети, родившиеся в его отсутствие, зачаты от стихийных духов (ибо все в роду, начиная с алхимика Анн д'Юрфе, увлекались оккультными науками), и дабы вовсе ей не докучать, погиб на войне. Маркиза была богата и скупа, удачно спекулировала ценными бумагами. Поссорившись с дочерью, она затеяла против нее судебный процесс. В 1757 г., когда она познакомилась с Казановой, ей было 52, ему — 32 года. В мемуарах венецианец представляет ее семидесятилетней старухой, уточняя, что она была «красивая, но такая, как я сейчас», вводя тем самым тему двойничества. В эту пору Казанова находится в зените славы: совершив побег из венецианской тюрьмы со свинцовой крышей (Пьомби), он приезжает в Париж, где благодаря покровительству кардинала де Берниса и собственной предприимчивости становится финансистом, фабрикантом и секретным агентом французского правительства. Венецианец организует лотерею Военного училища, заводит шелковую фабрику, совершает инспекционную поездку в Булонь и две — в Голландию, где добывает денег для казны. Он богатеет, добивается французского подданства. Он сознательно создает себе репутацию человека солидного и состоятельного, избегая упоминать о прежних своих успехах в роли врачаветеля.

Увертюра. Познакомившись с графом де Латур д'Овернем, Казанова сперва прельщается его юной любовницей Бабетой, но после уже поминавшейся сцены в карете делается его приятелем. Из-за острой шутки граф вызывает венецианца на дуэль и получает удар шпагой: дружеские, почти любовные отношения скрепляются кровью. Неделию спустя Казанова вылечивает графа от ломоты, начертав ему на бедре знак Соломона, и тот знакомит его со своей теткой, маркизой д'Юрфе.

² Jung C. G. Psychologie et l'alchimie. Paris: Buchet — Chastel, 1970.

Хиромант

Куриозное и краткое изъяснение любопытства достойных наук физиогномии и хиромантии. Переведено с немецкого языка.

Прибавление с французского языка. М., 1786

Завязка. Маркиза показывает Казанове богатейшую алхимическую библиотеку и прекрасно оборудованную лабораторию, где произрастает химическое «дерево Дианы», а под атанором горит неугасимый огонь. Она уверяет, что владеет философским камнем, но Казанова пускает в ход испытанное оружие — каббалистику. Молниеносно делая вычисления и составляя математические пирамиды, венецианец получает от своего духа, Паралиса, ответ на любой вопрос. Маркиза д'Юрфе решает, что она не сможет достичь высшего знания, если не превратится в мужчину, и что Казанова один способен ей помочь. Она дает званые обеды, на которых венецианец знакомится с друзьями маркизы и устраняет конкурентов, которые могли бы соперничать с ним в знании наук оккультных (Сен-Жермен) или любовных (король щеголей д'Арзиньи), а заодно вытесняет всех близких ей людей (трапезы предстают как поединки). Слуги принимают его за мужа; венецианец и маркиза обмениваются клятвой розенкрейцеров.

Основная часть. Казанова делает три попытки перевоплотить маркизу, причем все неудачи сваливает на тайные козни Сен-Жермена, с которым соперничает также и в секретных дипломатических делах.

1. Казанова обещает переселить душу д'Юрфе в мальчика, графа д'Аранда (на самом деле его зовут Джузеппе Помпеати, он сын бывшей любовницы венецианца, Терезы Имбер). В 1759 г. Казанова попадает в тюрьму за долги, но госпожа д'Юрфе вызволяет его оттуда (устойчивый мотив: заточение, суд, угроза смерти). В 1761 г. слуга Коста исчезает с табакерками и деньгами, данными маркизой для освобождения из тюрьмы инквизиции в Португалии великого Кверилинта, главы розенкрейцеров (персонаж, выдуманный Казановой).

2. 1762 г. Замок д'Юрфе, затем Аахен. Танцовщица Марианна Кортичелли, изображающая девственницу из древнего рода Ласкарис, дважды соединяется с Казановой в присутствии маркизы: она должна родить сына, в которого и переселится душа д'Юрфе. Дабы посоветоваться с духом и произвести обряд очищения, Казанова принимает ванну вместе с маркизой, извлекает из воды присланное с Луны письмо. Венецианец забирает у Кортичелли все подаренные ей драгоценности, та протестует, и Казанова выпроваживает ее. В конце года недоброжелательница Казановы предаст историю гласности, печатая мемуар (первая письменная фиксация).

Кульминация. 1763 г. Марсель. Казанова прогоняет вышедших из повиновения авантюриста Пассано, которого нанял играть роль Кверилинта, и своего младшего брата. Он приносит дары морю, то бишь присваивает ларец с семью металлами (пресловутая шкатулка авантюриста). С помощью Марколины, изображающей ундины, он соединяется в ванне с маркизой: один раз успешно, дважды — «обманываемая Венера». Теперь она должна произвести на свет сына, то есть

самое себя. Маркиза предлагает венецианцу брак, дабы он официально стал ей мужем, а затем, после переселения души, — отцом.

Развязка. Казанова уезжает в Англию и возвращает ненужного более Джузеппе Помпеати. Там он якобы узнает о смерти д'Юрфе. На самом деле она умерла на десять лет позже и давала себя дурачить многочисленным проходимцам, в том числе Пассано. Казанова-мемуарист умерщвляет ее в тот момент, когда она должна была бы родить, ибо еще год назад заметил: «Я опасался, как бы добрейшая г-жа д'Юрфе не умерла или не образумилась, что для меня было бы одно и то же» (НМV, II, 716). Именно в этот момент Казанова терпит самое обидное поражение в своей жизни: куртизанка Шарпийон безжалостно дурачит его, вытягивая деньги и отдаваясь всем, кроме него (Пьер Луис использовал эту историю в романе «Женщина и паяц», 1898). Он чувствует приближение конца: «В этот роковой день в сентябре 1763 г. я начал умирать и перестал жить. Мне было 38 лет» (НМV, III, 221—222). Ему грозит виселица, его гложет сифилис.

Эпilog. Граф де Сен-Жермен на глазах у венецианца обращает серебро в золото. Он утверждает, что мог бы превратить маркизу д'Юрфе в мужчину, и предлагает Казанове излечить его; тот отказывается от его услуг. Позднее родственники маркизы будут обвинять венецианца в том, что он выудил у нее миллион ливров.

Химера перевоплощения соблазнила отнюдь не одну маркизу. В течение десяти лет венский поклонник тайных наук Фишер пытался добиться физической и духовной регенерации, сообщая обо всех этапах Жану Батисту Виллермозу. Фишер принадлежал к ложе «истинных масонов», которым философский камень и универсальная панацея были нужны не для того, чтобы разбогатеть или исцелиться. Они верили, что алхимические операции производят «философское дитя, создатель которого с его помощью продлит свои дни, излечит болезни и одухотворит, так сказать, свое тело, если у него хватит решимости и веры искать жизнь вплоть до обьятий смерти»³.

При всей своей экстравагантности история хорошо вписывается в повествовательную логику мемуаров. Казанова ищет свое место в жизни; родиться для него значит обрести семью, которой он всегда был лишен: отца, мать, жену. Магическое перевоплощение г-жи д'Юрфе прямо соотносится с серией магических исцелений: Казановы-мальчика, г-на Брагадина, герцогини Шартрской и г-жи дю Рюмен. До восьми лет Джакомо ничего не помнил, не говорил, мало что понимал. Бабка, единственная женщина, которую Казанова слушался беспрекословно, везет его на остров Мурано к колдунье, которая излечивает мальчишку, поместив в сундук (как металлы в ларец).

³ Виллермоз к Карлу Гессенскому, 8 июля 1781. — *Joly A. Un mystique lyonnais et les secrets de la franc-maçonnerie.* Paris: Demeter, 1986. P. 158. Напомним также о создании гомункулуса в «Фаусте» Гёте.

Ночью вместо старой ведьмы мальчику является прекрасная фея и велит хранить тайну. Исцеление сопровождается обильным кровотечением: этот мотив постоянно сопутствует перелому ситуации, переходу в иное состояние, любви (дефлорация, месячные, выкидыш) и дуэли; Ш. Тома сравнивает склонность к вампиризму некоторых любовниц Казановы с привычками мегамикров, питающихся грудным молоком, не отличимым от крови.

Когда в 21 год Казанова оказывается в родной Венеции на нижней ступеньке социальной лестницы, он спасает от сердечного приступа сенатора Брагадина, которому стало дурно в гондоле (снова возникает мотив воды). Юноша объясняет, что лечение ему посоветовал его дух, и опять-таки благодаря каббалистике он завоевывает сердца Брагадина и двух его друзей, Дандоло и Барбаро. Все трое — убежденные холостяки и женоненавистники, ибо, полагают они, иначе нельзя вступить в связь со стихийными духами. «Я вам всем заменю жену», — обещает Казанова. «Я обязан тебе жизнью», — говорит Брагадин Джакомо и делает его своим приемным сыном (т. е., как в случае с маркизой д'Юрфе, Казанова доводится ему супругом, отцом и сыном).

В первый свой приезд в Париж Казанова излечивает от прыщей герцогиню Шартрскую и отвечает на ее вопросы с помощью своего оракула. Он влюблен, но боится признаться, дабы не рисковать своим положением при ней. Через десять лет он подобным образом вылечит голосовые связки г-жи дю Рюмен, прописав ей строгое соблюдение режима и ванны; он уверяет, что не стал ее любовником, хотя служанка думает обратное, и нынешние казановисты склонны скорее верить ей. До того Казанова использовал ванну для того, чтобы в Чезене выудить деньги у крестьянина Франчии, обещая магическим путем обнаружить клад, а заодно и соблазнить его дочку Жавотту.

Итак, подытожим основные повторяющиеся мотивы: вода, кровь, омоложение (исцеление), любовное приключение, инцестуальный брак, шкатулка (деньги), магия (обман). Отметим еще два, достаточно важных: скверный запах и черный цвет. Все соперники Казановы (шевалье д'Арзиньи, Пассано) дурно пахнут, от них несет старостью или болезнью. Все авантюристы называют соперника «черным»: так Казанова аттестует Сен-Жермена и Пассано, уверяет, что Кортичелли и малыша Помпеати превратили в черных гномов; так Пассано именуется его самого.

Когда Лоренцо да Понте в своих мемуарах пересказал историю г-жи д'Юрфе, то превратил ее в комическое либретто, свой излюбленный жанр. Он сжал повествование с семи лет до одного дня и, сконцентрировав события, выделил опорные моменты: Казанова якобы обещал омолодить богатую старуху и жениться на ней. В доказательство своего дара он дал «магический» напиток молоденькой актрисе, загримированной под старуху, и накрыл ее черным одеялом:

под ним она разгримировалась и омолодилась. Старуха обрадованно выпила свою порцию, куда было подмешано снотворное, и уснула, а Казанова бежал с ее драгоценностями. И тут он совершил непростительный для обманщика промах: доверил ценности слуге, который исчез с ними. Этот эпизод да Понте якобы рассказывает со слов Казановы, а вот финал, по его словам, он наблюдал лично: постаревший венецианец повстречал в Вене прохожую лакея, набросился было на него, но вынужден был пойти на мировую⁴.

Изложенная подобным образом история мистического перевоплощения стала напоминать сатирическую волшебную сказку. Сопоставим ее с текстами Джеффри Чосера, Вольтера, Жака Казота и Шарля Нодье, а также с галантными сказками «кребийоновского цикла», показывая (в традиции формалистов), как один сюжет порождает множество фабул.

В «Рассказе Батской ткачихи» из «Кентерберийских рассказов» Чосера (XIV в.) рыцарь короля Артура приговаривается к отсечению головы за изнасилование поселянки. Королева обещает его помиловать, если он за год узнает, чего женщины желают более всего. К концу срока, так и не найдя ответа, он видит в лесу танец 24 красавиц (фей), но, подойдя ближе, встречает лишь уродливую старуху, которая предлагает свою помощь. Считая себя уже покойником, рыцарь соглашается выполнить первое ее желание. Старуха предстает перед судом королевы и дает правильный ответ: женщины более всего хотят властвовать и находят в том высшее удовольствие (мы еще вспомним эту формулу, когда речь пойдет о «гинекоκραтии» в России XVIII в.). В награду за спасение рыцарь обязан жениться, и старуха-философка легко доказывает ему, что лучшей супруги не сыскать, ибо: а) все равны перед Богом, аристократ и простолудин, а личные достоинства превыше славы предков; б) бедность предпочтительнее богатства, поскольку открывает дорогу в рай; в) старая и уродливая будет верной женой, в отличие от молодой и красивой. Побужденный красноречивыми словами, рыцарь подчиняется жене, и тогда она, велев поднять занавески, превращается в красавицу.

Вольтеровская переделка этого сюжета появилась в 1763 г. под названием «Что нравится дамам». Отметим наиболее важные отличия. Вводится время повествования: зимний вечер, когда солнце ушло в негритянские страны, в черноту («В то время, как дневное божество на Африку свой пламень обращает...»⁵) — пора сказок и утраченной веры в чудеса. Герой красив, молод и беден, подобно авантюристам, и также приезжает из Рима в Лютецию (Париж) в платье паломника (в подобном одеянии предстают перед Казановой Кали-

⁴ *Da Ponte L. Mémoires. P. 166—170.*

⁵ *Вольтер. Что нравится дамам. // Французская литературная сказка XVII—XVIII веков. М.: Худож. литература, 1990. С. 428 (пер. Н. Шаховской).*

остро и его жена). Насилие показано как искушение красотой («всеоружье всевозможных чар», «вводят даже праведного в грех», «попутан бесом») и превращается в покупку (20 золотых). Мартон — соблазнительница, а не жертва (в духе Манон Леско или «влюбленного дьявола» Бьондетты). При этом рыцарь разбивает корзину яиц, а черный монах ворует его коня и кошелек (подчеркнем алхимические символы: золото, яйцо, чернота, разъединение). Любовь приводит героя на порог смерти, причем женщины искушают, выносят смертный приговор и спасают. Они оказываются вечной загадкой, которую мужчина обязан разгадать. Встреча со старухой происходит ночью в лесу, и потому в духе Проппа ее хочется определить как хозяйку леса. Она черна лицом и страшна; добавим: как законный брак («на чертовой мне бабушке жениться»). Вольтер, как обычно, рифмует опорные понятия: *vie — envie* (жизнь — желание), *flammes — amants* (адское пламя — любовники), *désir — rire* (вожделение и смех — атрибуты дьявола, но каббалисты запрещают неопитам смеяться: так поступает Казанова с Латуром д’Овернем и старуха — с рыцарем Робером: «А вы не смейтесь: речь не о пустом»). У Чосера и у Вольтера старуха равно исполнена мудрости, но во втором варианте она не только учит юношу (как маркиза д’Юрфе — Казанову), она предстает как автор («она искусно строила рассказы») и одновременно как авантюристка («*l’affreuse aventurière*»). По дороге рыцарь мечтает утопить старуху (что заставляет предположить, что они пересекают реку, границу чужого мира, а также вспомнить о любовном соединении в воде), а в хижине он уже сам думает о смерти. Она обращается к мужу «сын мой». Уродство старухи и ее скверный запах мешают исполнить супружеский долг, но едва рыцарь, закрыв глаза и заткнув нос, свершил деяние, равное чуду, тьма сменяется ярким освещением (но не дневным светом!), хибара превращается в хоромы, а карга — в прекрасную фею. Итак, проповедская схема вполне соблюдена: пособничество и нанесение ущерба (насилие и воровство — *viol — vol*) — предварительное испытание (трудная задача, поиск волшебного помощника) — основное испытание (брак и метаморфоза). Разница, пожалуй, в том, что хозяйка леса сама становится чудесной супругой, замещая тем самым королеву (старуха подчеркивает: «Вы сами, государыня, ужели [...] сильнее любите, чем я люблю?»).

В финале Вольтер шутливо берет под защиту народные верования и фантазии, противопоставляя их унылой рассудочности и здравому смыслу. Насколько он при этом серьезен? Жан Фабр писал о связи Вольтера с традицией черного романа, сопоставлял его с Казотом и Потоцким⁶. Эдуард Гиттон вслед за ним считает, что фернейский патриарх принадлежал к тем авторам французского Просвеще-

⁶ *Fabre J. Idées sur le roman : De Madame de la Fayette au Marquis de Sade. Paris: Klincksieck, 1979. P. 243—245.*

ния, кто предпочитал иронию и парадокс логике и рационализму, и в этом смысле предвосхищал идеи романтизма⁷. Это не единственная сказка Вольтера, которую можно интерпретировать в мистическом ключе. В «Белом и черном» рассказывается о борьбе в мире двух начал, доброго и злого, которые уравнивают друг друга, но равно приводят человека к гибели. Эта сказка, так же как «Кривой крючник» и «Cosi sancta», формулирует те же идеи о свободе выбора и непостижимом предопределении, об иллюзорности всего происходящего (волшебное превращение — лишь частное применение общего правила), об относительности добра и зла, которые звучат в философских романах «Задиг» и «Кандид».

В своей стихотворной сказке Вольтер опирается не только на Чосера, но и на традицию галантной волшебной повести 1730—1740-х годов, идущую от «Танзаи и Неадерне» Кребийона-сына. В произведениях Фужере де Монбронна, Бре, Каюзака, Шеврие, Вуазенона, Казота и других соединяются темы инициации и метаморфозы. Волшебное превращение как бы материализует страх бракосочетания, предстающий как импотенция. Тех, кто отвергает любовь старой и злой феи, превращают в собаку, чайник, канале, софу, биде, ванну, на самое нужное место ему подвешивают шумовку или бубенчик. Только соединившись с феей, принц получает возможность жениться на принцессе.

Тема метаморфозы трактуется весело и пародийно, но это — одна из ключевых тем алхимии. Все еще более запутано в случае с Казотом. «Красавица по воле случая» написана для того, чтобы отбить у героя и читателей охоту верить в фей, но преподносят этот урок сами феи. Исходная ситуация восходит к «Дон-Кихоту»: герой стремится сказку сделать былью (ее также использовал Виланд в сказочной повести «Дон Сильвио де Розальва», 1764). После смерти отца юный принц Халилбад проникается нежностью к матери, которая кладет его спать рядом со своей постелью (смягченный мотив incesta). Все вечера напролет он слушает сказки (как в сказке Вольтера, взаимопроникают время действия и время повествования). Весь мир он воспринимает как волшебный сад и потому отвергает очаровательную невесту, которую ему предлагают, — он хочет жениться на фее.

Первый повествовательный блок (незадавшиеся любовные отношения с ложной героиней) в варианте Казота удваивается. Умирает королева. В столицу приходят две старые цыганки, которые, прознав про страсть принца к феям, разыгрывают перед окнами дворца странный ритуал. Халилбад тотчас распознает вечную молодость под ужащающей телесной оболочкой, а цыганки еще более распалют его: чтобы вкусить наслаждение, надо преодолеть величайшее отвращение.

⁷ *Voltaire. Romans et contes en vers et en prose*, éd. E. Guittou. Paris: Le Livre de poche, 1994. P. X.

Теперь уже старуха обманывает юношу, дабы похитить у него ларец с драгоценностями (зеркальная перемена ролей по сравнению с Казановой и д'Юрфе). Ночью, несмотря на все ароматы и притирания, цыганка нестерпимо воняет (от страха ее пронесло), и разъяренный Халилбад вышвыривает обманщицу в окно. Она повисает на дереве.

В ту пору прилетают феи вместе с принцем-сиротой, чью страну разорили враги. Они возводят в саду шатер и превращают цыганку в юную красавицу. Халилбад униженно молит ее выйти за него замуж. А та объясняет пораженной напарнице, что для омоложения надо зарыться в навоз, произнести заклинание: «То, что смердит, счастье сулит», и дух поможет тебе. Как в алхимических текстах, земля уподобляется женщине, роженице: «Не будь навоза, земля давно стала бы бесплодной старухой, какой еще вчера была я»⁸; обычно получение философского камня описывается как закапывание семени в землю, которое умирает и прорастает.

Феи разоблачают обманщицу прямо перед свадебной церемонией, страшный карлик с черных болот срывает с нее не только наряд, но и молодое тело. Обратная метаморфоза должна приучить принца к мысли, что прекрасная женщина — самое великое чудо, и заставить его жениться на принцессе.

Не вполне понятно, когда Жак Казот написал эту сказку. Вышла она в 1776 г., через четыре года после опубликования «Влюбленного дьявола», и посвящена, по сути, той же проблеме: опасностям, которые подстерегают адепта на первой, «черной» стадии. По легенде, розенкрейцеры порицали автора романа за то, что он раскрыл их тайнства, а он, видимо, познакомился с учением позднее и прошел посвящение в 1778 г. Тогда под влиянием мартинистов он считал, что схватка сил добра и зла на Земле идет в душе человека, который решает, что есть добро и что есть зло. Бог все передоверяет адептам, истинным земным царям, коих немного, всего восемь во Франции, и Казот в их числе⁹ (мы уже упоминали о сходной трансформации манихейских идей в «Белом и черном»). В письме к своему другу Путо от 8 мая 1792 г. Казот вспоминает, что после выхода в свет «ученого сочинения “Влюбленный дьявол”» одной из первых принялась искать знакомства с ним «наставница французских Медей» маркиза д'Юрфе. «Она всю жизнь общалась с духами, я мастерски изобразил их, и мы оба нашли в другом знатока, то бишь человека загадочно-го»¹⁰. Как мы видим, за год до своей смерти г-жа д'Юрфе вынудила писателя играть ту же роль, что прежде исполнял Казанова.

⁸ Казот. Красавица по воле случая. // Французская литературная сказка XVII—XVIII веков. С. 631 (пер. А. Андрес).

⁹ Milner M. Le diable dans la littérature française de Cazotte à Baudelaire. 1772—1861. Thèse; Paris: J. Corti. 1960. Т. 1. P. 106—107.

¹⁰ Œuvres badines et morales historiques et philosophiques de Jacques Cazotte. Paris: J. F. Bastien. 1817. Т. 1. P. LIII.

Коротко упомянем романтическую трактовку этого сюжета, принадлежащую перу Нодье, большого почитателя Казота, ибо тут мы выходим за принятые хронологические рамки. В «Фее хлебных крошек» (1832) в обрамлении дана иная интерпретация странной истории: это рассказ безумца. Сирота Мишель еще подростком обручается со старой нищенкой, исполненной мудрости, знающей все языки; залогом их союза становятся 20 золотых (та же сумма, что у Вольтера). Он странствует, делается плотником, строителем Соломонова храма. После брака «фея хлебных крошек» превращается в вечно юную красавицу, царицу Савскую, в которую был влюблен Соломон, потом вновь исчезает¹¹. Мишель присутствует при торжественной собачьей свадьбе, его облыжно обвиняют в убийстве пса-губернатора острова. Он приговорен к смерти, но отвергает руку юной девушки, желающей его спасти (тот повествовательный блок, что в сказке Вольтера был в начале, здесь перенесен в конец). В итоге Мишель попадает в сумасшедший дом, где он, счастливый, ждет окончательного соединения со своей женой.

Перейдем теперь к аналогичным сюжетам в алхимических легендах, которые последовательно используют метафоры, связанные с омовением, браком и рождением, уподобляя процесс зачатия и вынашиванию плода. Как сформулировал Парацельс, всякий, кто хочет проникнуть в царство господне, должен войти в свою мать и в ней умереть. Отец — огонь, мать — земля, дети — металлы, прокаженные или благородные. Получение золота равносильно исцелению и обретению бессмертия. Сам же философский камень — не мужчина и не женщина, а гермафродит. Сцене соития иногда предшествует эпизод купания философской четы в алхимическом фонтане или отмывания девственности, из которой выходит чернота¹².

Наибольший интерес для нас представляет алхимический роман епископа Жана-Альбера Белена «Приключения неизвестного философа, взыскивающего и обретающего философский камень» (1646)¹³. Он написан от первого лица, действие происходит в «одном западном городе» (Париже). Герой знакомится с некоей дамой, бесконечно древней и ученой, знающей все языки и металлы. Она бедна, ибо не хочет провоцировать преследующую ее судьбу (та же ситуация, что в произведениях Чосера, Вольтера, Казота и Нодье, и обратная той, что в мемуарах Казановы). Герой, жаждущий истины, входит в огромные рас-

¹¹ Здесь наш сюжет наиболее отчетливо сближается с темой второй части «Фауста» Гёте, также пропитанной мasonicкой символикой: путешествие в страну первозданных мифов, обретение Елены Прекрасной.

¹² *Eliade M. Le Mythe de l'alchimie. Paris: L'Herne, 1990; Flamand E. Ch. Érotique de l'alchimie. Paris: Le Courrier du livre, 1989.*

¹³ *Belin. Les Aventures du philosophe inconnu en la recherche et invention de la pierre philosophale, suivies de l'Apologie du grand œuvre [1646], éd. S. Matton. Paris: Retz, 1976.*

ходы, предлагает ей свое состояние, руку и сердце; любовь — лучший способ передачи знаний. Подготовка «великого делания» и свадьбы идет одновременно; герою — 30 лет (почти как Казанове), старухе — 144 года (12 x 12), но она еще способна родить и должна помолодеть. Как замечает героиня, то будет «достойный сюжет для комедии и романа», и действительно, все происходит, как в уже знакомых нам комедиях: рушится очаг, алхимический порошок украден, вместо старухи остается лишь запах серы.

Далее герой странствует, терпит бедствия «на море и на суше, на небесах и в аду». В третьей части романа он попадает к «алхимикам, а не философам», избравшим ложный путь. Они наперебой перечисляют 12 вариантов первичной материи, избранной для получения философского камня, в том числе знакомый нам по Казоту навоз и экскременты (Казанова использовал для начертания магического знака мочу Латугра д'Оверня). Герой смеется над ними. Затем на него нападают бандиты, он переплывает море, заболевает дурной болезнью, то есть становится неспособен к любви (Казанова изгоняет Пассано именно потому, что тот прямо перед магической операцией подцепил дурную болезнь). И тогда он слышит голос покойной матери: оставь все, ищи Бога и благодать. В части четвертой, «Философия», соответствующей последней стадии великого делания, возвращается Дама Алхимия, но уже в облике Прекрасной дамы, матери-супруги. Герой обращается к ней «любезная возлюбленная и милая мама», он пьет молоко мудрости из ее груди (вспомним излюбленный напиток мегамикров). В романе героиня меняется на каждой стадии пути от земной алхимии к духовной; на первой ступени мужчина может увидеть Даму Алхимию только в облике старухи, она меняется вместе с ним.

Следующая алхимическая легенда также принадлежит духовному лицу, канонику сэру Джоржу Рипли (George Ripley, 1415—1490); мы ее приводим по пересказу К. Г. Юнга¹⁴. Благородный король по природному бессилию не может иметь наследников (ср. аналогичные проблемы в зачине галантных сказок; у Казановы они начинаются в середине жизненного пути). Он может заново возродиться с помощью древа Христова (золотое дерево алхимиков, приносящее золотые плоды, т.е. философский камень; вспомним дерево Дианы маркизы д'Юрфе и висение на дереве цыганки у Казота). Тогда он решил вернуться в чрево матери и раствориться в первичной материи. Мать одобрила его замысел и спрятала его под платьем до тех пор, пока он вновь не возродился в ней (инцестуальный брак, смерть и возрождение). Появившийся на свет принц, дитя Луны и Солнца, соединился с выкупленной девственницей (вновь, как в текстах Казановы, Вольтера, Казота, появляется юная девушка, не тождественная фее-

¹⁴ Jung C. G. Psychologie et l'alchimie. P. 521—523.

матери). Король становится исцелителем всех болезней, искупителем всех грехов (т. е., как принято в духовной алхимии, философский камень символизирует Христа).

«Химический брак Христиана Розенкрейца»¹⁵ весь посвящен интересующей нас проблеме, но мы рассмотрим только «пьесу в романе»: представление, которое играется на свадьбе короля. Царь негров разорил страну кузины старого короля, спаслась только юная принцесса (ср. упоминание сироты в сказке Казота и упоминание страны негров в начале стихов Вольтера). Сын короля помогает ей отвоевать престол, но коварный негритянский царь нападает вновь, захватывает принцессу, обнажает ее, сечет, приговаривает к смерти, заточает в темницу, дает ей отраву, от которой она становится прокаженной¹⁶. Далее появляется хор безумцев; деву поочередно истязают эконом и монах (ср. черного монаха у Вольтера). В финале принц убивает негра на поединке и женится на принцессе¹⁷.

Подобная конструкция: алхимическая пьеса в романе — встречается и в «Икозамероне» Казановы. Сюжет представления, играемого опять-таки перед королем, иной, напоминающий пьесы, которые рассматривались выше: скупец воспылал страстью к алхимии и разоряет семью и детей, лишая их необходимого. Жерар Лауати в докладе на конференции в Будапеште, посвященной Казанове (1996), убедительно показал автобиографический характер этого утопического романа, сопоставив путешествие брата и сестры в подземный мир, совершаемое в тонушем свинцовом ящике, с бегством Казановы из Пьомби и темой заточения. Но если прочесть книгу как алхимическое произведение, то свинец предстанет как первичная материя, прокаженный металл; иное значение приобретают инцест и временная смерть, гермафродитизм мегамикров, их разделение по цвету кожи (красный, синий, пестрый и т. д.), питание кровавым молоком, убиение змей в эдемских садах. Как пишет Чуди в трактате «Пламенеющая звезда» (1766), настольной книге для масонов-алхимиков, центр земли, где горит неугасимый огонь, и есть идеальный атанор. В одной из вставных новелл романа Муи «Соглядатай» (1736) путешествие в подземный мир связано с темой алхимического преобразования человека: приехавший в Египет каббалист Мозайд проника-

¹⁵ La Bible des Rose-Croix, éd. B. Gorceix. Paris: PUF, 1970.

¹⁶ О мистической связи проказы и «превратностей добродетели» мы писали применительно к пьесе Клоделя «Благовещение Марии». — Строев А. Ф. Католическая традиция во французской литературе XX века // Французская литература. 1945—1990. М.: Наука, 1995. С. 198—223.

¹⁷ О пьесах XVI—XIX вв. на алхимические темы см.: Kahn D. «Sur la scène du théâtre chimique»: alchimie, théâtre et théâtralité; Kahn D. L'Alchimie sur la scène française aux XVIe et XVIIe siècles; Guénot H. Quelques images de l'alchimiste dans le théâtre français classique et romantique // Chrysopoeia, 1988, janvier / mars. T. II. Fasc. 1.

ет через Великую пирамиду в подземелье, где четверо негров плавят металл. Старец извлекает из него мозг и бросает в тигель, потом заставляет самого каббалиста пройти очищение пламенем, и тот становится неуязвим для огня¹⁸. Каббалист сподобился лицезреть и другого старца, Хузаила, министра Семирамиды, царицы Египетской (так у Муи!), сообщающегося с духами, знающего тайны великого делания и бессмертия. Мозаид возвращается на землю, ищет чудесный фонтан, где бьет источник Метаморфозы (Chryseil), намеревается совершить путешествие к центру земли, спустившись через вулкан Этну. После смерти любимой женщины он приезжает в Париж, переходит в католичество и удаляется в монастырь, где слыет святым, ибо его не берет огонь. Последние десять лет Мозаид проводит в склепе, и однажды туда проникает вода, заполняет его пустой череп, и он становится черным. Мозаид умирает, обретая бессмертие. Оставаясь человеком, герой превратился в тигель. Биган, герой основной линии романа, пользуется покровительством алхимика, который делится с ним своим богатством; попав в тюрьму, он сам выдает себя за знатока «царской науки».

В фантастическом романе Муи «Ламекис, или Необычайные приключения египтянина во внутренней земле, а также открытие острова сильфов» (1735—1736) мы также встречаем царицу Семирамиду, тайны египетских мистерий и целый подземный мир, куда путь ведет через священные пещеры и куда женщинам хода нет (темы, вошедшие в моду после «Сета» аббата Террассона). Алхимические мотивы тонут в сказочном антураже и многочисленных приключениях: неугасимый подземный огонь, спуск сквозь огненную гору, разноцветные жители (синие, розовые и белые, почти как в «Икозамероне»), бой пса со змеем. Но Муи не забывает отметить, что речь идет о производстве золота, объясняя, что жидкость течет по жилам земли, что жидкое золото исцеляет раны, а в качестве питья предохраняет от болезней, что в центре всего находится естественный тигель, созданный природой.

Вернемся теперь к рассказу Казановы о маркизе д'Юрфе, чтобы постараться понять его роль в «Истории моей жизни». Как мы видим, рассказ довольно точно соответствует алхимическим легендам и связанной с ними, но развивающейся параллельно сказочной традиции. Казанова ищет себя и находит имя, во всяком случае — его розенкрейцерский вариант: Парализе Галтинард. В Париже венецианец идентифицировался со своим незримым советчиком Паралисом и даже получал письма на его имя. Позже он создал себе титул: шевалье де Сейнгальт. Поскольку именно так он именовал себя, когда ходил представляться французскому послу в Лондоне в 1763 г., то возможно, как полагают комментаторы мемуаров, это имя значилось

¹⁸ Современный читатель вспомнит «Дочерей огня» Нерваля и «Круги развалин» Борхеса.

Лохань Месмера

Lacroix P. XVIII-me siècle. Lettres,
sciences et arts: France 1700-1789.
Paris, 1879

на патенте о французском подданстве, о котором он хлопотал (HNV, II, 137), оно фигурирует и на титульном листе его книг. Видимо, оно представляет собой анаграмму розенкрейцерского: *Paralísée Galt-in-ard-e* = *Se-in-galt*. Паралис рифмуется с Семирамис (Семирамидой) — тайным именем г-жи д'Юрфе.

Перед Казановой-мемуаристом стоит та же проблема двойственного статуса повествования, что перед Вольтером и Казотом. Если автор относится к чудесам серьезно, то сам себя выставляет в странном свете, если нет, то дискредитирует свой рассказ. Казанова тоже в какой-то степени обыгрывает ситуацию «Дон-Кихота»: осмотр библиотеки д'Юрфе связан с соответствующей главой романа Сервантеса. Но если Белен, Вольтер и Казот развивают уже упоминавшуюся в связи с «Дон Жуаном» параллель между любовью и познанием, то венецианец отчетливо сопоставляет эрос и мимесис, искусство повествования. Дважды, в разговоре с маркизой д'Юрфе и с юной женевской богословкой, Казанова использует как синонимические понятия логос (слово) и фаллос, носитель животворящего семени.

Рассказ Казановы хорошо вписывается в модель волшебной сказки: предварительное испытание, где роль девушки-искусительницы играют граф де Латур д'Овернь и его любовницы (с теми же устойчивыми мотивами обмана и денег), затем основное, брачное, разбитое на несколько этапов: отсечение других претендентов, замена друзей и родственников д'Юрфе новой семьей (д'Аранда — Помпеати, Ласкарис — Кортичелли) и, наконец, мистический брак в воде. Но развязка иная и смысл иной. В сказках и алхимических легендах соединение со старухой вылечивает от бессилия, в «Истории моей жизни» оно его провоцирует. В первом случае брак спасает от смерти, во втором ведет к ней. Обманув Венеру два раза из трех при мистическом соединении с маркизой, венецианец не уходит от расплаты — мести богини любви. Ему так и не удается овладеть содержанкой Шарпийон, защитой в ночную рубашку, как в саван. Казанова убивает в повествовании маркизу и сам оказывается на грани смерти. Он — алхимик, не сумевший превратиться в философа, оставшийся на первой, черной стадии страданий и анализа (разъятия). На его глазах серебро превращается в золото, но чудо совершено не им. Каждому воздается по вере его.

ОБРАЗЦОВОЕ ГОСУДАРСТВО ЛОТЕРЕИ

Ce monde-ci n'est qu'une loterie
De biens, de rangs, de dignité, de droits,
Brigués sans titres et repartis sans choix.

Voltaire

В первой части мы уже говорили о том, что сообщество игроков — такое же космополитическое государство, как Республика Словесности или мир театра. Нет необходимости доказывать важность понятия игры в культуре после классических работ Й. Хейзинги («Номо ludens», 1938), Р. Кайюа¹, Р. Мози² и Ю. М. Лотмана³. Из последних работ об игре во французской культуре Просвещения отметим сборник «Игра в XVIII веке»⁴, а также монографии О. Грусси⁵ и Дж. Данкли⁶. Мы затронем лишь две темы: игра как выбор социальной стратегии поведения и как способ переустроить общество.

Игра открывает доступ во всякое общество и де-факто вводит равновесие. «Говорят, что она уравнивает сословия», — писал Лабрюйер.

Игра равняет всех. Бок о бок там найдешь
Дворян и буржуа, лакеев и вельмож...
И тот, кто был судьбой обижен в час рожденья,
Находит иногда в игре вознагражденье, —

¹ *Caillois R.* Les jeux et les hommes. Le masque et le vertige (1958). Paris: Gallimard, 1967.

² *Mauzi R.* Écrivains et moralistes du XVIIIe siècle devant les jeux de hasard // *Revue des sciences humaines*, 1958.

³ *Лотман Ю. М.* Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX в. // *Труды по знаковым системам* 7, 1975. С. 120—142.

⁴ *Le Jeu au XVIIIe siècle.* Aix-en-Provence: Edisud, 1976.

⁵ *Grussi O.* La Vie quotidienne des joueurs sous l'Ancien Regime. Paris: Hachette, 1986.

⁶ *Dunkley J.* Gambling a social and moral problem in France, 1685—1792. SVEC, 1985. Vol. 235.

утверждал Жан-Франсуа Реньяр⁷. Как показал Робер Мози, сочинители эпохи Просвещения усматривают в игре два противоположных принципа наслаждения: покой и переменчивость. В первом случае игра противопоставляется работе и трактуется как возможность забыть-ся, отвлечься от забот и трудностей. Во втором — скуке, неподвижности, она вносит в жизнь элемент непредсказуемости и, добавим, превращает ее в приключение. Опасность, риск усиливают остроту ощущений, горечь проигрыша необходима, ибо дает ощутить сладость выигрыша. Первое занятие — развлечение, приятное и зачастую доходное времяпрепровождение, хотя здесь светское общение важнее результата; второе — пагубная страсть. Потому так часто выходили указы, запрещающие азартные игры и во Франции (по Джону Данкли, 2 запрета и 12 ордонансов в XVIII в.), и в России, — их обвиняли в том, что они разрывают социальные узы, губят семьи и состояния, едва ли не становятся новой религией, в том, что они дают преимущество низшим сословиям перед высшими, перераспределяя богатства⁸. Игре бросают почти те же обвинения, что предъявляли авантюристам.

Два отношения к игре лишь отчасти объясняются существованием двух типов карточных игр, «коммерческих» и азартных. Конечно, для того же Казановы светская партия в «три семерки» у князя Чарторыского сильно отличается от фараона в игорном доме, хотя в обоих случаях он будет образцово хладнокровен (разве только мысли его будут заняты дуэлью или его опоят — тогда в дурмане он проиграется в дым). Тут действуют две противоположные концепции счастья, две модели поведения: аккуратное буржуазное накопительство или аристократическое расточительство, авантюрный расчет на случай.

Обе они хорошо представлены в комедиях. Флориндо, герой «Игрока» (1750) Карло Гольдони, написанного, как большинство творений на подобную тему, на основе личного опыта⁹, — не шулер, а честный игрок. Своим неправдоподобно счастливым финалом комедия напоминает «Честного авантюриста». Флориндо старательно высчитывает доход от шкуры неубитого медведя. Выгоднее вложить деньги в игру, которая ежедневно приносит сто цехинов, чем приобрести четырехпроцентную ренту. За год можно разбогатеть, купить поместье, титул, построить особняк, обставить по последней моде,

⁷ Реньяр Ж. Ф. Комедии. М.: Искусство, 1960. С. 92 (пер. М. Донского).

⁸ Екатерина II к П. С. Салтыкову, 7 (18) июля 1763 г.: «Доходят до меня неприятные-из Москвы слухи о начавшейся по отъезде моем разорительной карточной игре [...] Такие неумеренные игры ни к чему боле не служат, как только к единственному разорению старых дворянских фамилий и к обогащению деревнями фабрикантов[...] Прикажете накрепко смотреть, чтоб ни в какия большия азартныя игры не играли» (Письма императрицы Екатерины Великой к фельдмаршалу П. С. Салтыкову. М., 1886. С. 15).

⁹ Писатели бывали азартней героев: Реньяр проигрывался дотла, Княжнин тоже; Державин, впрочем, выигрывал, и крупно.

все женщины в городе будут бегать за ним... Обыгранный плутами, Флориндо разоряется; тут, как полагается, полиция арестовывает шулеров, деньги возвращают, а с ними и невесту Росауру.

Напротив, для Валера, героя «Игрока» (1697) Жана-Франсуа Реньяра, карты и невеста исключают друг друга. Когда он выигрывает, то превозносит свое излюбленное занятие: его жизнь — сплошной праздник, он летит от наслаждения к наслаждению, принося повсюду радость и богатство, в руках новоявленного алхимика медь обращается в золото; он ценит свободу превыше домашнего очага.

Валер

Но если рассмотреть вопрос со всех сторон,
То я, мне кажется, для брака не рожден.
Ну согласись, Эктор, что может быть на свете
Скучнее, чем семья? Жена, родные, дети! —
Тоска, не правда ли? И пусть меня простят,
За то, что мне милей свобода!

Эктор

И разврат.

Валер

Ты знаешь сам, Эктор, что ничего нет краше
Привольной, холостой игрецкой жизни нашей.
Ты посуды: игрок, уж так заведено,
Ест блюда лучшие, пьет лучшее вино,
В театре, в опере — он первый завсегда,
Он радость всем несет, и, щедрый и богатый,
Он может без труда с отвагою лихой
Медь сделать золотом!

Эктор

А золото — трухой.
*Действие 3, явл. 6*¹⁰

Проигравшись, Валер тотчас кается и вспоминает о горячо любимой невесте; чувство обратно пропорционально деньгам. Он смел, он истинный дворянин, презирающий шулеров и проходимцев, он владеет шпагой и не боится дуэли; даже карточные его баталии слуга описывает как ратные подвиги.

Ах, что творится там! Крик, шум, зубовой скрежет.
Как он тузит тузов! Бьет дам! Валетов режет!
Он, проклиная рок, бросается, как лев,
На эскадроны пик, червей, бубен и треф...
Но он в стратегии и тактике горазд
И, значит, жизнь свою недешево продаст.

*Действие 4, явл. 2*¹¹

¹⁰ Реньяр Ж.-Ф. Указ. соч. С. 91.

¹¹ Реньяр Ж.-Ф. Указ. соч. С. 109—110.

Страсть к картам оказывается сильнее любви, все попытки превратить Валера в добропорядочного семьянина оказываются тщетными, он теряет невесту, благорасположение отца и наследство, ему остается утешаться философскими рассуждениями слуги и опять-таки игрой.

В ироикомической поэме Майкова «Игрок ломбера» (1763) карточный поединок описывается как баталия в духе Гомера. Но, в отличие от Валера, ее герой предпочитает расчет удаче: «игра без мастерства как тело без души». А совершив, подобно Одиссею, аллегорическое путешествие в иной мир, Леандр встречает шулера, отстаивающего право на плутовство. На подобный путь толкала кавалера де Грие Манон Леско. Как пишет Жан Стар, шулер убивает миф о равенстве шансов, лежащий в основе игры¹². Тем самым он уподобляется философу, показывающему лживость общественных связей, он попирает их, как племянник Рамо. Он нарушает общественный договор и создает игру второго уровня, с новыми правилами, где он всемогущ, где он поправляет фортуна. Герои трактата Анжа Гудара предстают как тайные властелины мира, чье микросообщество живет по своим циничным законам. Характерно, что шулера ссылаются на пример государства: Гудар напоминает об афере Джона Лоу, сыгравшего в банк со всей Францией, персонаж Майкова уподобляет игру тязбе, а плута — судье:

Подбор не воровство, подбор одно уменье,
 Чтоб можно доставать у ближнего именье.
 Иль могут быть дела безбожны и мои?
 Коль многи за сукном сидящие судьи,
 Приличные к делам указы подбирают;
 И много ли они тем делом погрешают?
 Не через толь слывет искусной всяк судья?
 Иль виновен я один, что так искусен я?¹³

Для Казановы игра и любовь — занятия равноправные, если не взаимозаменяемые; и то и другое требует средств («Не имея довольно денег, дабы померяться силами с игроками или доставить себе приятное знакомство с актеркой из французского или итальянского театра...», ИМЖ, 600), они не обогащают, а разоряют. Библиштейн в письмах к нему рассудительно и безуспешно призывал избегать и того и другого¹⁴. «Страсть к игре, — утверждает венецианец, — сильнее любви к женщи-

¹² Sgard J. Tricher // *Le Jeu au XVIIIe siècle*. P. 251—258.

¹³ Игрок ломбера, поэма Василия Майкова. 2-е изд. М.: Моск. университет, 1765. С. 15.

¹⁴ «Ради Бога, любезный друг, подумайте серьезно о сыскании места и побыстрее; остерегайтесь земляков, они самые зловредные [...] Держитесь сдержанно и с достоинством, работайте, компаний избегайте; никаких игр, никаких женщин, никаких гулянок; вспомните о наших беседах и убедитесь в успехе...» (Библиштейн к Казанове. СПб, 9 декабря 1765 г.) — Stroeve A., Watzlawick H. Casanova et Bilistein // *L'Intermédiaire des casanovistes*, année XIII, 1996. P. 41.

нам; в Спа у игрока нет ни времени любоваться девичьими прелестями, ни отваги чем-либо жертвовать ради них» (HMV, III, 539). Однажды Джакомо превращает партию в поединок на выживание, ибо заключает пари, что проиграет тот, кто первый бросит карты, и на третий день его искусного, но менее выносливого соперника уносят. Перед побегом из Пьомби венецианец говорит, что он поставил жизнь на карту.

Если, соперничая в игре с мужчинами, Казанова стремится выиграть, то женщинам (или их мужьям) он старательно проигрывает. Иногда они играют на пару, образуя на краткий миг счастливый союз. Но когда венецианец стареет и та же Ирен оборачивает свое искусство против него, он заставляет ее вернуть деньги под угрозой разоблачения и тем расписывается в своем бессилии. На этом мемуары кончаются.

Венецианцу нередко крупно везет и в карты, и в лотерею, ему доводится срывать банк, он входит в долю с мошенниками и легко распознает тех, кто передергивает, но сам, как уверяет, играет честно. Приемный отец Брагадин дал ему совет никогда не понтировать, а только держать банк, быть тем самым всегда на стороне Фортуны, против которой сражается игрок¹⁵. Казанова не очень ему следует, ибо выигрывает и проигрывает в обоих вариантах. Но его привлекает сам принцип, ибо он предпочитает быть режиссером, а не актером. Его манит другой тип игры (или поведения), где он не будет полагаться на случай («попасть в случай» на языке XVIII в. значило оказаться в фаворе), а станет управлять судьбой, заставит людей играть по заранее вычисленным им правилам, с выгодой для себя и пользой для них. В этом случае люди превращаются в выигрышные номера. Так в бириби, прообразе рулетки, вместо номеров на игорном поле нарисовано 36 фигур. Игроки по очереди тянут фишки из мешочка. В 1763 г. в Генуе Казанова срывает банк, три раза кряду поставив на Арлекину, — хозяйка дома, за которой он ухаживал, была одета в костюм Арлекины.

Наиболее подходящая игра такого рода — лотерея. По цели и правилам она вполне буржуазная, но авантюрист организует ее и разоряется с привычным блеском, ибо делает из лотерейного колеса Фортуны инструмент для отбора людей и перераспределения благ, для создания идеального государства или языка.

В отличие от карт, лотерея — игра социальная. Математический расчет заменяет ловкость рук, партнером выступает не человек, а автомат, за которым стоит государство. И мы снова возвращаемся к теме Командора и к столь частому в романтической прозе мотиву игры с дьяволом, нечистой силой, привидением.

¹⁵ Подобное наставление частенько встречается в русской романтической прозе, в том числе у В. Ф. Одоевского.

Калиостро консультирует
трех дам по поводу
французской королевской лотереи
*Menut de Saint-Mesmin J.J. Le gros et vrai Cagliostro,
ou Le régulateur des actionnaires de la loterie royale.*
Paris, 1818

Лотереи бывают двух типов: вещевые и цифровые. Первый тип существовал еще в Древнем Египте и в императорском Риме, где ценилась не только стоимость призов, но и сам факт того, что ты счастливчик и любим богами. При исходном равенстве шансов результаты игроков были прямо противоположными. Подчеркивая это, император Гелиогабал ввел шуточные и унижительные призы: с помощью дощечек разыгрывались десять медведей и десять мух, десять мер золота и десять мер песка. В Италии лотерею используют поначалу как коммерческий прием, помогающий сбыть партию залежавшегося товара вместо того чтобы его уценять. В XVI в. итальянцы, прибывшие в свите Екатерины Медичи, завозят игру во Францию. Связь с торговлей, то есть истинно буржуазным помещением капиталов, подчеркивают рекламные проспекты. Так, «Лотерея, или Новая рискованная, но верная коммерция, где, рискнув всего одним эку, можно стать богатым» (1657)¹⁶ утверждает, что розыгрыши лотереи проводятся в Венеции на корабле, ибо подобное помещение капиталов похоже на морскую торговлю, только тут выигрыш больше (мы помним, как в Голландии Казанова узнавал при помощи каббалы, вернется ли из плавания корабль с грузом). Далее рассказывается про служанку, выигравшую землю ценой 200 тысяч ливров и тем самым избавившуюся от неволи и бедности (главная приманка — вы можете изменить свою судьбу). Организатор, некто Пешт, получил королевскую привилегию, предлагает в виде призов недвижимость и предметы роскоши: особняк за 108 тысяч ливров, 22 дома, картины, драгоценности, мебель, посуду — атрибуты богатой жизни для соблазнения бедняков. Такой тип лотереи обеспечивал фиксированную прибыль организаторам, как минимум 15%. Но с 1687 г. частные лотереи были во Франции запрещены.

Второй тип, цифровой, был для организаторов более рискованным¹⁷. Он возник в Генуе, где первоначально служил для избрания по жребию сенаторов, пяти из девяноста кандидатов. На выпавшие номера заключались пари, каждой цифре присвоили женское имя. Таким образом, колесо Фортуны не только метафорически, но и этимологически связано с идеей республики игроков, с распределением государственных должностей и выбором женщин.

На развитие лотереи во Франции XVIII в. повлияла деятельность Джона Лоу, красочно изображенная в одной из глав «Персидских писем» Монтескье. Лоу стал делать деньги на людских ожиданиях и надеждах; ценные бумаги (акции) усилили знаковую функцию денег в противовес символической. Ранее только менялы и ростовщики делали деньги с помощью денег, теперь это презренное и осуждаемое

¹⁶ *La Loterie ou nouveau commerce de hasard très fidele, par lequel risquant seulement un Ecu, on peut tout d'un coup devenir riche.* [Paris, 1657].

¹⁷ *Betbeze J.-P. Le Loto.* Paris: PUF, 1982.

религией занятие стало достоянием всего общества. Спекуляция и игра на бирже стали страстью; многие нажили состояние, слуги стали богаче господ (во всяком случае горбун, подставлявший во дворе Компании свой горб для заключения сделок, сколотил круглую сумму). Джон Лоу (1671—1729), именуемый биографами «честным авантюристом», бежавший из английской тюрьмы после смертного приговора, немало скитавшийся, в 1716 г. спас французскую казну от неминуемого банкротства¹⁸. Стоимость акций основанной им «Компании Миссисипи» возросла во много раз и обесценилась в 1720 г., в тот момент, когда генерал-контролер финансов Лоу был на вершине власти и славы, — хороший пример того, как действует «колесо Фортуны». Ведь по средневековым и ренессансным представлениям, в подлунном мире, где царит хаос стихий, Фортуна все постоянно перемещает, она — двигатель истории, тогда как в мире квинтэссенции все остается неизменным. Эти два закона, переменности и постоянства, случайности и неизбежности, управляют вселенной. В какой-то степени их моделируют организаторы лотерей¹⁹.

По совету финансистов Пари-Дюверне Вольтер при всей своей азартности не стал вкладывать деньги в акции Лоу. Он отыгрался в 1729 г., когда сумел разорить государственную лотерею. Генерал-контролер финансов Ле Пеллетье-Дефорж организовал ее для многочисленных обладателей ренты городской ратуши (по сути, ренту с XVI в. выплачивала королевская казна, и еще во времена Фронды парижане бунтовали из-за задержки выплат). Математик Ла Кондамин в шутку доказал за обедом, что тот, кто купит все билеты, в каждый тираж будет получать по миллиону ливров, а Вольтер сумел раздобыть необходимые средства и через подставных лиц повернуть операцию. Правда, потом пришлось отправиться в путешествие, пока не уляжется гнев властей²⁰.

Поскольку генуэзская лотерея была делом рискованным, братьям Кальзабиджи пришлось дожидаться помощи Казановы, чтобы в 1757—1758 гг. организовать в Париже лотерею Военного училища, уговорив все того же Пари-Дюверне²¹. В каждом тираже из девяноста номеров выпадало пять счастливых, можно было ставить на один

¹⁸ Oudard G. La très curieuse vie de Law, aventurier honnête homme. Paris: Plon, 1927; Hyde M. John Low, un honnête aventurier. Paris: Hachette, 1947.

¹⁹ Dubois Cl. G. Constance et instabilité dans «Dom Juan» de Molière // Don Juan. Tirso, Molière, Pouchkine, Lenau. P. 58—59.

²⁰ Donvez J. De quoi vivait Voltaire ? Paris, 1949. P. 26—27; Pomeau R. D'Arrouet à Voltaire. Oxford, Voltaire Foundation, 1985. P. 259—260.

²¹ Гельмут Вацлавик подчеркивает, что Раньери Кальзабиджи, сделавший все расчеты, был источен болезнью и потому весьма непрезентабелен — Watzlawick H. Casanova et les loteries // Etre riche au siècle de Voltaire, éd. J. Berchtold et M. Porret. Genève: Droz, 1996. P. 161—171.

номер, два, три или четыре (организаторы иногда не принимали ставки на пять номеров, избегая излишнего риска). Казанова сумел снять все возражения Государственного совета, опасавшегося проигрыша, ибо математические расчеты обещали прибыль в размере $\frac{1}{6}$, но не гарантировали ее. Как утверждает венецианец, проект прошел экспертизу д'Аламбера, а также, видимо, Дидро, ибо сохранилась его рукопись, посвященная анализу лотереи Военного училища²². В награду Казанова получил несколько лотерейных контор, которые он впоследствии продал. Вольтер накопил на восемьдесят тысяч ливров билетов этой лотереи, но неизвестно, выиграл ли он.

Сам Казанова счастливые номера угадывал неплохо, однажды в Венеции он получил пять тысяч; выигрывали и девицы по подаренным им билетам. Тот же дар был у Калиостро, но он приписывал его не удаче, а тайному знанию. У него якобы была рукопись, раскрывающая каббалистические операции, необходимые для того, чтобы играть в лотерею наверняка. В 1777 г. в Англии он предсказывал знакомым выигрышные номера, чем навлек на себя зависть и преследования²³. Поскольку в каббалистике каждой букве алфавита соответствует цифра, искушение магических вычислений дожило до наших дней: во Франции до сих пор издаются руководства по игре в Национальную лотерею (наследницу организованной Казановой), где по методу «старых итальянских рукописей» предлагается использовать свой гороскоп или переводить в номера ключевые понятия увиденных снов²⁴.

Для привлечения игроков лотерея обычно превозносится как самый честный способ быстрого обогащения. Казанова-организатор прельщал монархов и потому использовал другой аргумент: государственную пользу. Семь лет спустя, в 1764 г., он вновь помог Кальзабиджи, но уже в Берлине, когда Фридрих II решил запретить у себя лотерею. Венецианец представил ее как наилучший и популярный налог, собираемый добровольно и употребляемый на общее благо (на

²² *Diderot D.* Calcul de la loterie de l'École Militaire // Œuvres complètes. Paris: Hermann, 1975, t. 2. P. 454—455.

²³ Lettre du comte de Cagliostro au peuple anglais. Londres, 1787.

²⁴ *Roberts.* L'Astrologie au service de la loterie nationale: méthode pratique permettant à toute personne de choisir suivant sa date de naissance les numéros qui lui sont favorables à la loterie nationale et horoscope mensuel. Paris: La Diffusion scientifique, 1984; La loterie dévoilée ou l'astrologue fortuné devin, contenant une liste générale de tous les songes et visions nocturnes, avec le nom des choses et des numéros auxquels elles se rapportent, pour s'en servir aux tirages de la loterie royale de France et des pays étrangers. Traduit de l'italien d'Albumaz de Carpenteri, avec la figure Pentagone pour la cabale mathématique. Nouv. éd., augmentée de nombres sympathiques, des partisans de chaque numéro, de leurs adversaires, du jeu des pairs et impairs et des numéros des mamelouks, ainsi que des tirages de la loterie royale de France, par M. Peregrinus. A Venise, 1822 [Viels-Maisons: Faire savoir, 1986].

театры или училища), т. е. едва ли не с прибытком возвращаемый обществу. Но в Петербурге Казанова преуспеть не смог, хотя, думается, устройство лотереи было истинной целью его бесед в Летнем саду с Екатериной II, а не реформа календаря. Но Петр Лефорт, внучатый племянник сподвижника Петра I, так плохо организовал лотерею в пользу Воспитательного дома, что исхитрился разориться на этом прибыльнейшем деле и ввести в расход казну на сорок пять тысяч рублей. Императрица не изменила отношения к лотереям как к мошенничеству, хотя ей продолжали подавать заманчивые проекты²⁵. В анонимном «Мемуаре об устройении геновской лотереи, рассматриваемой в качестве одной из важнейших отраслей финансов Государя» (ок. 1767 г.) лотерея оценивается как род налога, сходный с тем, которым облагаются предметы роскоши. При этом она улучшает не только состояние государственных финансов, но и нравственность подданных, ибо, уверяет автор, игра забирает шальные деньги, которые иначе были бы потрачены на «удовлетворение слепых страстей и слабостей, питаемых ложными потребностями»²⁶.

В проекте, составленном в 1770 г. в Гааге по-французски Квентеном и де Неорбергом и переданном вице-канцлеру А. М. Голицыну и императрице через русского посла Д. А. Голицына, авторы предлагают создать лотерейный банк. Капитал формируется посредством продажи акций, тиражи проводятся в течение двадцати лет. Организаторы обязуются ежегодно отчислять казне 12 тысяч гульденов на богоугодные дела. На выигрыши идут проценты по вкладам и часть капитала; если вкладчик не выиграл ничего, то по истечении срока ему выплачивается $\frac{3}{4}$ исходной суммы. Несмотря на рекомендацию князя Д. А. Голицына, Екатерина II поставила на письме резолюцию: «Терпеть не могу лотереи»²⁷. Десять лет спустя императрица в тех же выражениях отказалась участвовать в лотерее, которую Бомарше в рекламных целях обещал провести среди первых четырех тысяч подписчиков полного собрания сочинений Вольтера: «Смертельно ненавижу лотереи, они у меня запрещены»²⁸. Думается, что подобное отношение объясняется не только презрением к организованному

²⁵ Историю этого несчастливого предприятия Лефорт излагает в письме к Екатерине II от 23 июля 1763 г. (АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 1406). В 1766 г. императрица простила ему долги, и он вынужден был покинуть Россию. Позже семья Лефортых пыталась безуспешно прибегнуть к покровительству Ф. М. Гримма.

²⁶ *Mémoire sur l'établissement de la loterie genevoise, considérée comme une des plus puissantes branches de Finance d'un souverain.* — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 6164. Проект включает историю проведения лотерей, анализ разновидностей, используемых во Франции, Австрии, Германии и Голландии, подробное описание, примеры, образцы необходимых документов, в том числе государственного указа.

²⁷ «J'abhore les lotteries» — Д. А. Голицын к А. М. Голицыну, Гаага, 18 мая 1770 г. — РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 1117. Л. 154 об.

²⁸ Екатерина II к Ф. М. Гримму, 14 (25) мая 1780 г. — СБРИО. Т. 23. С. 177.

Завершение туалета

*Retif de la Bretonne N. La découverte australe par un homme-volant.
ou Le Dedale français. Leipzig*

надувательству, но и стремлением императрицы сохранить личные отношения с подданными, нежеланием ассоциироваться с механическим колесом Фортуны. Ей хотелось, чтобы про нее говорили, что она обогащает, а не разоряет подданных. Казанова в мемуарах рассказывает, что во время поездки в Ригу государыня предложила местному дворянству партию в фараон и тотчас проиграла десять тысяч рублей (сцена вымышлена венецианцем, но весьма показательна с точки зрения окружавших Екатерину II легенд).

Корреспондент императрицы Гримм ее точку зрения разделял. Он отговаривал своих питомцев Николая и Сергея Румянцевых от рискованного плана карьеры, называя его лотереей, где за всю жизнь можно не дожидаться своего выигрыша в миллион, — Гримм предпочитал получать гарантированные проценты с капитала²⁹ (правда, когда через пять лет Румянцев выиграл 400 ливров в лотерею в пользу госпиталей, а Гримм — ничего, друзья поделили доход и приобрели билеты лондонской лотереи³⁰). Напротив, ближайший друг Гримма Дидро в своем отношении к лотерее гораздо ближе к Казанове, чей проект он поддержал. Этих двух одаренных математиков равно привлекали неразрешимые задачи: философа — квадратура круга, авантюриста — возведение в квадрат куба. Дидро разрабатывал в 1775 г. машину для автоматической шифровки и дешифровки текстов, Казанова, по мнению экспертов, на столетие обогнал всех в области криптографии, работая с переменными шифрами. Для них обоих математика была формой философского исследования мира: «искусство расчетов состоит в нахождении одной-единственной формулы, выражающей взаимодействие нескольких величин, и [...] определение это равно справедливо и для морали и для математики» (ИМЖ, 359). При этом лотерея служила теоретической моделью человеческой жизни, вероятности которой можно подсчитать и предсказать. Когда Дидро анализировал книгу Депарсье «Опыт о продолжительности человеческой жизни» (1745), он решал среди прочих финансовую задачу, ибо эта работа помогала рассчитать стоимость пожизненной ренты. Философ не чурался карт, любил триктрак, в 1760 г. перевел с английского драму Эдварда Мура «Игрок» (1753), где адская страсть к игре доводит героя до безумия и самоубийства. В последние годы жизни он написал стихотворение «Юный продавец лотерей», шутливо развивая все ту же метафору любовь — игра:

Mais de la superbe machine
Le pouvoir merveilleux décline
De jour en jour; c'est son défaut

²⁹ Гримм к Н. П. Румянцеву, Париж, 11 сентября 1783 г. — РГБ. Ф. 255. Карт. 7. Ед. хр. 29. Л. 20—21.

³⁰ Гримм к Н. П. Румянцеву, Париж, 10 августа и 11 декабря 1783 г. — РГБ. Ф. 255. Карт. 7. Ед. хр. 36.

Je vous en prévins. Blonde ou brune
Vous n'avez que le temps qu'il faut,
Si vous voulez faire fortune
A mon loto³¹.

В проекте, поданном генерал-контролеру финансов, Дидро предложил сделать лотерею всеобщей, обязательной и прогрессивной. Каждый налогоплательщик был обязан приобрести лотерейный билет, но в соответствии со своими доходами он платил большую или маленькую сумму. Наибольшими поборами облагались духовные лица как люди холостые и для государства бесполезные. Так как выигрыш от стоимости билета не зависел, то лотерея представляла собой проект не только всеобщего налогообложения, но и перераспределения доходов в пользу малоимущих. Третья часть выигрышей выплачивалась в форме пожизненной ренты. Осуществление проекта привело бы если не к революции, то к кардинальной социальной реформе³².

Отстаивая в Совете проект лотереи Военного училища, Казанова убедил оппонентов, что можно делать деньги как на надеждах, так и на страхе людей: тому лучший пример процветание страховых обществ. Принудительная лотерея Дидро заставляет вспомнить не только о подписке на государственные займы, но и о «Лотерее в Вавилоне» Борхеса, где доведена до совершенства идея Гелиогабала: лотерейная Компания берет власть в стране, лотерея становится тайной, бесплатной и всеобщей, новой религией. Тиражи усиливают власть случая, вносят хаос в космос: люди выигрывают перемену участи, вплоть до тюрьмы и смерти.

Дидро всегда любил комбинаторику и парадоксальные идеи. В «Нескромных сокровищах» (гл. 19) описывается клавишин, создающий гармонию цветов, придуманный Луи Бертраном Кастелем. Подбор цветовых мелодий философ в шутку предлагал использовать для создания женских нарядов, но при желании в нем можно усмотреть прообраз «игры в бисер»: модель культуры как сочетания разноплановых художественных элементов. Лотерея вполне может превращаться в текст, а книга — в азартную игру. Казанова рассказывает, как в Париже, в доме Ламбертини, мошенники обыграли дам при помощи книги, где на двести призовых страниц приходилась тысяча пустых. Игрок, поставив эку, совал наугад иголку в закрытую книгу, и если попадал на выигрышную страницу, то получал приз, а если на пустую — проигрывал.

Своеобразный род лингвистической лотереи процветал в прециозных салонах Парижа XVII в. На каждом билете значился неоло-

³¹ CL. 1778, janvier; *Diderot D. Œuvres complètes*. Paris: Club français du livre, 1971. Т. 12. P. 493—495.

³² *Diderot D. Projet de loterie // Œuvres complètes*. Paris: Hermann. Т. 2. P. 440—454.

гизм, который завсегда должен был ввести в обиход. Мы помним, как Казанова щеголял новинками парижского аргю в Италии и России. Джакомо разработал несколько планов дальнейшего усовершенствования лотерей, рассматривая игру как налог на излишние деньги, которые иначе были бы потрачены еще более скверным способом («*Projet d'une nouvelle méthode au bénéfice du loto de Rome*», 1770; «*Calcul des proportions pour régler les paiements des gains des seize cas possibles de hasards du nouveau règlement de la loterie publique de Venise*»). Но наиболее радикальный проект, заменяющий числа слогами («Грамматическая лотерея»), видимо, навеян каббалой³³. Поскольку Казанова использует в виде расчетной монеты крейсеры, он, вероятно, намереваясь на склоне лет предложить план австрийскому императору. По его мнению, отобранные им тысяча триста слогов покрывают большую часть французской лексики, а три тысячи слогов дали бы в сумме все слова всех языков мира. Игрок может выбрать любое слово из двух, трех или четырех неповторяющихся слогов (например: фор-ту-на, пишет венецианец), сообщить его организаторам и ждать, не выпадет ли оно в одном из тиражей в течение года (в каждом тираже называют 90 слогов). У игрока, доказывает Казанова, больше шансов на выигрыш, чем в обычной лотерее, но главные преимущества в другом. Для одних лотерея послужит хорошим стимулом, чтобы научиться читать и писать, другие попробуют интерпретировать слова, составляемые из слогов, выпадающих в очередном тираже, появится отличный материал для гороскопов и прогнозов. Кроме того, в ней могут принять участие все европейцы, используя слова их родного языка. Тем самым, лотерея объединит страны и народы.

Проект Казановы превращает лотерею в ежемесячный оракул и машину по созданию универсального языка. Она напоминает механизм, созданный профессором-прожектером в «Гулливере» Свифта: на многочисленных параллельных барабанах написаны все имеющиеся слова, каждый их поворот создает новые комбинации и фразы. Записывая все осмысленные сочетания, можно получить связанные тексты. Со временем аппарат воспроизведет все имеющиеся произведения и напишет новые. Идея восходит к философской машине алхимика и богослова Раймонда Луллия («*Ars magna*»), складывавшей во фразы основные понятия и категории, распределенные по частям речи. Луллий считал, что машина настолько неопровержимо и наглядно доказывает существование Бога, что, по легенде, отправился с ее помощью обращать в христианство неверных и был ими убит.

Идея дожила до XX в., породив, с одной стороны, идею культуры как огромной книги, бесконечной библиотеки («Книга песка» и «Вавилонская библиотека» Борхеса), а с другой — филологические студии и литературные эксперименты. В. Б. Шкловский в статье «О

³³ *Lahouati G. Miser sur les mots // Europe, № 697, 1987, mai. P. 125—132.*

сюжете в кино» (1923) описывал якобы изобретенную в Америке машинку для изготовления сценариев, состоящую, подобно свифтовской, из катушек с лентами. На одной значились профессии, на другой возраст персонажей, на третьей страны света, на четвертой — действия: целуются, лезет на трубу, сбивает противника с ног, бросается в воду, стреляет и т.д. Другим языком здесь изложены некоторые идеи «Морфологии сказки» Проппа и яacobсоновского определения поэтической функции языка как проекции оси выбора на ось эквивалентности. В 1960-е и 1970-е годы структуралистские работы, в первую очередь посвященные нарратологии, в той или иной степени ориентировались на идею компьютерного создания текстов, а Ю. М. Лотман утверждал, что культура как семиотический механизм является прообразом искусственного интеллекта. «Компьютерное» письмо, основанное на порождении и переборе вариантов, пробовали в те же годы французские новороманисты (А. Роб-Грийе, М. Бютор).

Мечта об универсальном языке, который поможет всем народам понимать друг друга и жить в мире, была отнюдь не чужда Казанове. Поиск идеального языка, как показывает Умберто Эко³⁴, исторически шел в нескольких направлениях. Существовала влиятельная мистическая и розенкрейцерская традиция, где восстановление Соломонова храма мыслилось как антитеза разрушению Вавилонской башни. Раскрытие языка природы могло вестись через расшифровку тайного смысла древнего сакрального языка, иврита (каббала) или египетских иероглифов. Лингвистический подход предполагал либо создание всеобщей грамматики, подобной той, что в XVII в. написали в Пор-Рояле, либо сравнительного и этимологического словаря всех известных языков, дабы затем на его основе составить грамматику и разрешить проблему праязыка. Второй путь опробовала Екатерина II, которую привлекли идеи Кур де Жеблена. В 1785 г. академик Паллас составил программу и анкету для сбора лингвистического материала, разосланную не только по российским провинциям, но также в Америку и Китай. Отовсюду императрице присылали материалы для штудий, словари редких языков, в том числе бретонского, преподнесенного ей маркизом де Сераном через Гримма³⁵. Вышедший в результате «Сравнительный словарь всех языков и наречий, собранных десницею всевысочайшей особы» (СПб, 1787—1789) утопическую задачу разрешить, увы, не мог.

Лингвистические проблемы приобрели особую остроту во время Французской революции. Гибель старого режима сопровождалась ломкой языка, появлением множества проектов реформ и словарей неологизмов. Один из них, выпущенный немецким ученым Л. Снет-

³⁴ Eco U. *La recherche d'une langue parfaite*. Paris: Seuil, 1994.

³⁵ Маркиз А. Л. де Серан к Гримму, [Версаль], 15 декабря 1785 г. — СПбОИИ. Ф. 203. Оп. 1. Ед. хр. 188.

лаге, вызвал резкую критику Казановы. В своем предсмертном сочинении «К Леонарду Снетлаге» (1797) он не без остроумия доказывал, что французский язык мог бы обойтись без терминов «гильотинировать», «заключить в карцер», «революционный трибунал». Разумеется, Казанова борется не со словами, а с идеями, ему не по вкусу ни террор, ни всеобщее равенство голодных и обездоленных³⁶. Но в финале брошюры он возвращается к идее языкового братства и предлагает свой путь для воссоздания праязыка: его надо сотворить естественным путем, как любовь дает жизнь ребенку. Казанова предлагает отобрать младенцев обоего пола и воспитывать в единении под началом молчащих воспитателей. Дети вырастут и, общаясь, изобретут свой язык, который не может быть иным, чем тот, на котором изъяснялся Адам. Правда, добавим, подобные опыты уже пытался проводить Фридрих II, и, разумеется, безуспешно.

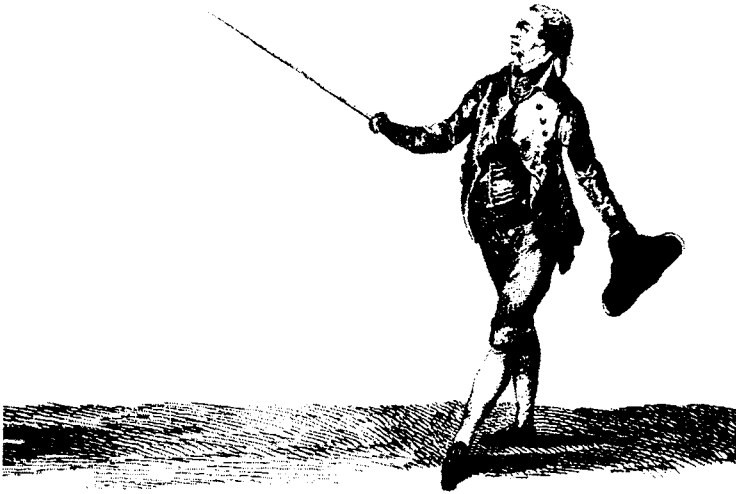
Другой вариант универсального языка Казанова предложил в «Икозамероне», ибо мегамикры унаследовали от Адама не только шестое чувство, но и праязык. В их языке всего шесть гласных (а, е, i, о, u, ou), произносимых на семь разных тонов (на письме они передаются разными цветами), что в результате дает алфавит из 42 букв. Гельмут Вацлавик предположил, что венецианец придумал подобный язык потому, что в старости потерял из-за сифилиса зубы и согласные произносил плохо. Рассказывать он уже не мог — пришлось писать.

Музыкальный язык мегамикров, который Казанова сравнивает с семью нотами гаммы, опять-таки приводит на ум цветное пианино, тем более что Эдуард, герой «Икозамерона», предложил новый тип письма, напоминающий нотную азбуку. В языке 29 479 слов, есть склонения и спряжения, три рода. Но что необычно: тон для беседы задает хозяин дома, а при дворе — король, и пока государь не появился, придворные вынуждены молчать либо пользоваться языком жестов, который мегамикры придумали для общения в воде, но он более бедный. Но, как мы помним, именно язык жестов Казанова считал языком любви.

³⁶ Подробнее об этом см.: *Строев А. Ф. Старый Казанова (Язык и революция) // Вопросы литературы, 1989. № 7. С. 103—115.*

Глава 3

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ

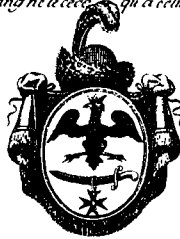
Encyclopédie ou Dictionnaire raisonne des sciences,
des arts et des métiers.

Recueil de planches, sur les sciences,
les arts libéraux, et les arts mécaniques.

Paris, 1762-1771

Türkische
B r i e f e
und
G e d i c h t e
nebst einer Comödie
die
Türkische Heyrath
betittelt.

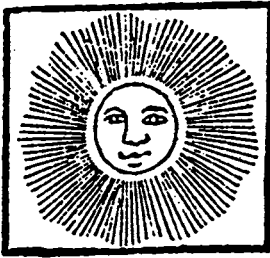
*Je compte tant des Héros, combien des Yeux
Et mon Sang ne le cede qu'à celui des Dieux.*

Zweyter Theil.

Berlin,
bey Arnold Weber 1777.

ИНОСТРАНЦЫ в РОССИИ

Что заставляет иностранца ехать в Россию? В мифологии XVIII в. это бедная варварская страна, в которой владычествуют богатые и просвещенные господа. Там можно стремительно сколотить состояние. Учитель фехтования, герой одноименного романа Александра Дюма, заявит в начале следующего века: «Меня уверяли, что Россия — истинное Эльдorado для всякого художника, преуспевающего в своем ремесле»¹. В царствование Елизаветы Петровны, в 1752—1754 гг. бригадир Лафон подает проект о призывании «изгоняемых за веру из Франции ремесленных людей на поселение в Россию». Он предлагает основать на Украине или на Волге большое поселение, Новую Галлию. Но медлительный Сенат откладывает дело в долгий ящик². Лафон проживал в доме графа М. И. Воронцова, и через пару лет приехавший в Петербург шевалье д'Эон обозвал его в донесении болтуном и авантюристом, правда, потом добавив, что в России бригадир живет уже более тридцати лет³.

В духе идей физиократов Екатерина II рассматривала сельское хозяйство как главный источник богатства страны. Она писала в «Наказе» (1767—1768), что «Россия не только не имеет довольно жителей, но обладает еще чрезмерным пространством земель, которые ни

¹ *Dumas A. Maître d'Armes. Paris, 1840. Т. 1—3.* Автор широко использует мемуары XVIII в., в том числе Казановы и графа де Сегюра.

² АВ. Т. 3. С. 316, 350. Т. 25. С. 206; *Писаревский Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке. М., 1909. Т. 5. С. 30—31; *Bartlett R.* Human Capital. The settlement of foreigners in Russia 1762—1804. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

³ ААЕ. СР. Russie. Vol. 52. Fol. 409—410.

населены, ниже обработаны» (гл. XII «О размножении народа в государстве»)⁴. В 1762—1763 гг. императрица издает несколько указов для привлечения иностранцев в страну. 22 июля (2 августа) 1763 г. создается Канцелярия олекунства иностранных колонистов под началом Г. Г. Орлова, переселенцам гарантируются права и привилегии. Начинается усиленная вербовка в Европе, в первую очередь в Германии, но также во Франции; несколько бюро по найму открывается в Голландии. Печатные проспекты превозносят достоинства колоний, создающихся на юге России. Земли богаты, обильны вином и зерном. Удачное географическое расположение способствует развитию сельского хозяйства и торговли, климат ничуть не хуже французского. Каждый колонист получит пятьдесят десятин земли, дом, инвентарь, скот, запас провизии. В течение 30 лет он освобождается от уплаты налогов. Он вправе исповедовать любую веру, католическую или протестантскую⁵. Императрица позволяет поселениям жить по своим законам и предоставляет им определенную автономию по отношению к русским властям. Эти обязательства, в частности, и послужили отправной точкой для проектов Бернардена де Сен-Пьера и Казановы. Позднее, в марте 1764 г., Екатерина II изменит указ: колонии обязаны подписать и соблюдать внутренний устав и подчиняться российским законам⁶.

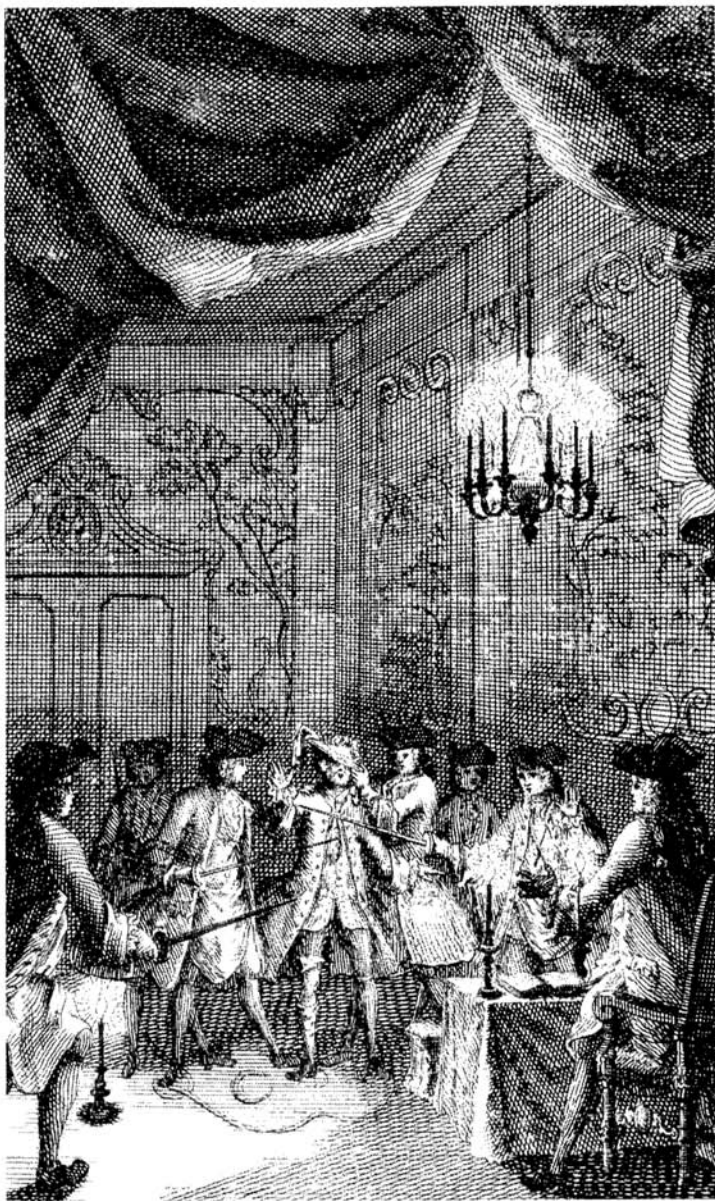
Осуществление грандиозной операции возлагается на дипломатов. Послы сперва пытаются действовать самостоятельно, но без большого успеха (получив деньги, нанятые рекруты убегают, суда не добираются до места назначения); потом они прибегают к услугам профессиональных «вызывателей». Так, в 1765—1766 гг. русский дипломатический агент Иоганн Фациус, впоследствии консул в Кельне и в австрийских Нидерландах, отправил в Россию шесть (по другим сведениям — десять) тысяч немецких поселенцев. Вербовка была делом небезопасным, русских агентов преследовали и арестовывали во Франции, в Германии и в Австрии. В исследованиях, посвященных узникам Бастилии, Франц Функ-Брентано называет немалое их число⁷. Тем не менее с 1764 г. активно действовали разветвленные сети

⁴ *Екатерина II. Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения.* СПб: Сенат, 1768. С. 166.

⁵ *Estrée P. d'. Une colonie franco-russe au XVIIIe siècle // Revue des Revues, 1896, № 19, 1 oct. (II série).* P. 1—16.

⁶ *Писаревский Г. Указ.* соч. С. 54.

⁷ *Funck-Brentano F. Les Lettres de cachet à Paris: Étude suivie d'une liste des prisonniers de la Bastille.* Paris: Imprimerie nationale, 1903. P. 366, 369, 370, 373; *Funck-Brentano F. Archives de la Bastille.* Paris: Plon, 1892; *Archives de la Bastille, documents inédits, éd. Ravaisson-Mollien.* Т. 19 (1765—1769). Paris: G. Pedone, 1904. P. 170—235; *Люблинская А. Д. Бастильский архив в Ленинграде. Аннотированный каталог.* Л.: ГПБ, 1988, № 22—27, 625.

Масонский ритуал

*Perau Q.L.C. Les secrets de l'ordre des francsmaçons.
Amsterdam, 1745*

вербовщиков, ибо занятие приносило немалый доход: от одной до трех марок с головы. С государевыми вызывателями конкурировали частные, действовавшие на свой страх и риск и старавшиеся содрать деньги не только с русского двора, но и с переселенцев. Самую крупную сеть вербовщиков возглавлял барон Канно де Борегар, живший попеременно во Франции, в России и в Голландии, где, разбогатевав, он купил замок. В полицейских архивах сохранилось его описание: 35 лет, рост 5 футов 6 дюймов, лицо рябое и смуглое, носит русский мундир. Под его началом служил капитан Жан Батист Кост де Сабревилль, уроженец Фрибурга (Швейцария), арестованный в Париже 2 сентября 1766 г. Через год его перевели в тюрьму Бисетр и только там обнаружили, что его настоящее имя Кабюссон, что он раньше служил конюхом у маркиза де Пюизье, министра иностранных дел, украл у хозяина двести луидоров, был приговорен к смерти, замененной пожизненной каторгой, откуда бежал в 1761 г.

Франсуа-Пьер Пикте, служивший при канцелярии опекунства иностранных колонистов, нанимал квалифицированных рабочих в Гамбурге и во Франции (за его деятельностью в 1765 г. внимательно следили французские дипломаты⁸). Он координировал деятельность агентов Зонтага и парижанина Леруа де Глажи, под его началом действовали капитан Гогель, уроженец Монбельяра⁹, и Сен-Флорантен. Последнего арестовали в Париже в 1765 г. Когда два года спустя его повезли из Бастилии в Бисетр, он смертельно ранил тюремщика и перерезал себе горло. Сен-Флорантен был замешан в деле швейцарца Давида Соломона де Рапена (ок. 1711—1778), полковника на службе у Фридриха II и руководителя прусской шпионской сети, действовавшей во Франции. Он был офицером в армиях разных стран, в том числе во французской; его арестовали в г. Везель за шпионаж, но он бежал из тюрьмы. В первый раз попал в Бастилию в 1764 г. Несмотря на опасности, полковник Рапен продолжал усиленную вербовку. Как значилось в его следственном деле, русские власти поручили ему наем колонистов, чтобы «населить Астраханское царство»¹⁰. Одновременно он развернул агитацию в приграничных французских гарнизонах, подстрекая солдат дезертировать в Пруссию. Французская полиция, не на шутку встревоженная его деятельностью, подстроила ему ловушку, заманила на французскую территорию под предлогом вымышленного набора рекрутов для испанских колоний и арестовала. 20 ноября 1765 г. Рапен был отправлен в Бастилию вместе со своим секретарем, капитаном прусской армии Луи Друаром. В тюрь-

⁸ ААЕ. СР. Russie. Vol. 77 et 78; С6РИО. Т. 140. С. 461, 479, 481.

⁹ Десять лет спустя члены семьи де Гогель придут в Петербург в свите принцессы Вюртембергской-Монбельярской, ставшей вскоре великой княгиней Марией Федоровной, супругой Павла, и обоснуются в России.

¹⁰ *Funck-Brentano F. Les Lettres de cachet à Paris. P. 370.*

ме он выдал всех известных ему русских вербовщиков, в том числе Коста де Сабревиля. В декабре 1767 г. Рапена перевели в Венсенский замок, где он и умер через десять лет.

С Рапеном сотрудничал эльзасец Фридрих Рольваген, лейтенант армии герцога Брауншвейгского. Он распространял в Эльзасе проспекты о русских поселениях, с помощью двух подручных, Жана де Босса и Квентена Бенжамена Кулета де Оярива, организовал отправку немецких и французских колонистов. Всего уехало четыре тысячи семей, еще три тысячи собирались в путь, когда в сентябре 1766 г. Рольваген был арестован вместе со стряпчим Жаком Дюбуа. В Бастилии он провел три года (освобожден 18 августа 1769 г.).

Едва ли не самой колоритной фигурой среди вербовщиков был парижанин Менье де Прекур де Сен-Лоран (р. ок. 1714). Согласно донесениям полиции, рост 5 футов два дюйма, волосы светлые, голос хриплый¹¹. В 1734 г. он начал служить у поставщика провианта, потом попал к генеральному откупщику Савалету, затем в 1748 г. стал инспектором полиции, наблюдавшим за парижскими девками и содержанками (1748—1757). Он не был чужд изящной словесности и, по мнению Поля д'Эстре, писал свои донесения живо и интересно (некоторые из них опубликованы)¹². В 1757 г. он неожиданно исчез: его числят без вести пропавшим и предполагают, что он погиб, конвоируя арестанта из Парижа в замок Иф. Но в 1765 г. он появляется вновь, представляясь генерал-адъютантом французских стрелков и «директором Екатеринбургской колонии иностранцев в Астраханском царстве»¹³. Он завербовал около 970 семей.

Обширен список русских агентов. В 1765 г. в Бастилию попадают скульптор Шарль Жозеф Респет, по прозвищу Рашет, член римской Академии Сан Лукка, швейцарские часовщики Франсуа и Жак Феррье, судейский клерк Ж. Б. Гобер и прусский лейтенант Шарль де Сайе. Поль д'Эстре упоминает также антрепренера Лембека и лионца Шануана, унтер-офицера Леду де Сент-Круа и актера из Гавра Кордые. Большое число французов было завербовано за пределами Франции, в Гамбурге и Франкфурте, из числа дезертиров и протестантов.

Ситуацией, разумеется, пользуются самозванцы. В 1768 г. некий барон Штейн, искатель философского камня, присваивает себе чин тайного советника, должность «главного балы Астраханского царства» и вербует колонистов. Но когда он добирается в Россию, его в апреле 1769 г. высылают из столицы¹⁴.

¹¹ Observation sur la levée de colonies russes, ou l'émigration de colonies françaises. — *Estrée P. d'*. Une colonie franco-russe. P. 16.

¹² *Estrée P. d'*. Un policier homme de lettres. L'inspecteur Meusnier (1748—1757) // *Revue retrospective*, 1872 (juillet—décembre).

¹³ *Estrée P. d'*. Une colonie franco-russe. P. 7.

¹⁴ СПбВ. 1769, апрель. № 29—31; *Писаревский Г.* Указ. соч. С. 103—104.

Операция обошлась России в два миллиона семьсот тысяч рублей, но результаты дала. В 1766 г. правительство прекращает массовый набор, приглашая индивидуально только квалифицированных ремесленников. Общее число переселенцев оценивается по-разному. Согласно Г. Писаревскому, в списках от 14 февраля 1769 г. числится 2946 семей, приглашенных правительством, 1523 семьи, отправленные бароном де Борегаром, и 1530 семей, вызванных Пикте и Леруа. Р. Барлетт, проанализировавший официальные русские источники, подсчитал, что с 1762 по 1775 г. прибыло 30 623 человека¹⁵.

Екатерина II гордилась иностранными поселениями. Она писала Вольтеру 14 (25) июля 1769 г.: «знайте, что моя прекрасная колония в Саратове насчитывает 27 тысяч душ [...], что там у каждого округа церковь своего вероисповедания, что там мирно возделывают поля и не платят податей в течение тридцати лет»¹⁶. Но в дальнейшем поводов для радости стало меньше. По оценке Мартина Бри, французского консула в Москве, из многих тысяч колонистов к 1777 г. оставалось не более 4—5 тысяч семей. Остальные погибли от голода и болезней, были перебиты Пугачевым или уведены в рабство татарами¹⁷.

Иностранцы в России как бы распределяли между собой профессии. Немцы были по преимуществу крестьянами и ремесленниками (подобно Шиллеру и Гофману из «Петербургского проспекта» Гоголя или герою рассказа Лескова «Железный характер»), учеными и дипломатами, государственными деятелями¹⁸. Немецких ученых (историков, математиков, физиков) было много в Императорской Академии наук. Среди русских послов немало выходцев из Германии: М. М. Алопеус, А. Я. Будберг, К. Я. Бюллер, Ф. М. Гримм, А. И. Крюднер, И. И. Местмахер, И. А. Остерман, И. А. Тизенгаузен, семьи Струве, Нессельроде, Штакельберг и пр. Итальянцы были придворными певцами и музыкантами, французы — скульпторами, художниками и актерами. При Екатерине II действовало несколько постоянных иностранных трупп (французская, итальянская, испанская, немецкая), но приглашались они и раньше: мать Казановы Дзанетта играла на петербургской сцене в 1735 г.¹⁹ Конечно, такое разделение по профессиям довольно условно, ибо многие французы выписывались в Россию в качестве крестьян или ремесленников, но по дороге

¹⁵ Писаревский Г. Указ. соч. С. 112; Bartlett R. Op. cit. P. 66.

¹⁶ Best. D15775.

¹⁷ État de la colonie française à Moscou et dans ses environs avec une notice sur son commerce dans cette partie de l'Empire de Russie, par le Sr Martin Brie, consul à Moscou, au commencement de 1777. — AN. Affaires étrangères, B/1/480. Fol. 213—224.

¹⁸ Кабузан В. М. Немецкое население в России 18—20 вв. // Вопросы истории, 1989, № 12.

¹⁹ Перетц В. Н. Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе Анны Иоановны в 1733—1735. СПб, 1917.

Билет для маскараду дворянского 1766 г.

Соловьев Н.В. Придворная жизнь 1613-1913.

Коронации, фейерверки, дворцы.

Спб., 1913

на Волгу, в Саратов, они оседали в Москве, где шли в учителя. Поскольку иностранная иммиграция при Екатерине II, в отличие от эпохи Петра I, была задумана как сельская, а не городская, иностранцы попадали в столицы не благодаря, а скорее вопреки государственной политике. Французы владели книжными лавками и модными магазинами, служили поварами и парикмахерами²⁰. В конце века, особенно после революции, многие французские офицеры перешли на русскую службу. Корпус, сформированный под началом Конде, участвовал в боях против революционной Франции (ирония судьбы — в XVII в. Великий Конде перешел на сторону Испании и сражался против своей родины). Хотя части просветителей было отказано, и среди них Наполеону Бонапарту, иностранцы показали себя храбрыми воинами во время второй русско-турецкой войны (в первую очередь принц Нассау-Зиген, отличившийся при взятии Очакова и произведенный сперва в контр-адмиралы, потом в адмиралы; принц де Линь, Роже Дамас). Они проявили недюжинные административные таланты: герцог де Ришелье и авантюрист Иосиф де Рибас, женившийся в России на Анастасии Соколовой, побочной дочери И. И. Бецкого, стали основателями и первыми правителями Одессы²¹.

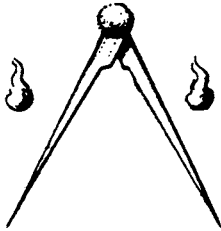
Именно с притоком чужеземцев, как мы увидим далее, связывались многие надежды и разочарования первых десяти лет царствования Екатерины II. По концепции французских экономистов физиократов аббата Бодо, маркиза Мирабо, Мерсье де ла Ривьера, чью точку зрения поддерживал Дидро, иностранные поселения должны были показать России путь к цивилизации, стать образцом свободной экономической деятельности и процветания, способствовать образованию третьего сословия²². На карту ставилась репутация российской империи и западной науки.

²⁰ Подробнее см.: *Rjéoutski VI. La communauté francophone de Moscou sous le règne de Catherine II // RES, 1996. Т. 68. Fasc. 4. P. 445—461.*

²¹ Подробнее см.: *Миллер К. Французская эмиграция и Россия в царствование Екатерины II. Париж, 1933.*

²² *Goggi G., Dulac G. Diderot et l'abbé Baudeau: les colonies de Saratov et la civilisation de la Russie // Recherches sur Diderot et Encyclopédie. Т. 14, 1993. P. 23—83; Goggi G. Civilisation et expériences de référence: à propose de la genèse du fragment politique Sur la Russie // Studi settecenteschi. Т. 14, 1994. P. 329—398.*

УТОПИСТЫ ПРИ ДВОРЕ ЕКАТЕРИНЫ II

Более других иностранцев Екатерину II интересовали французские философы. Не только потому, что государыня издавна увлекалась их сочинениями. Еще в 1760 г., когда состоявший при Петербургской академии Струбе де Пирмонт в своих «Российских письмах»¹ оспорил Монтескье, доказывая, что Россия страна не деспотическая и что крепостное право — благо для крестьян, Екатерина Алексеевна высмеяла его, делая пометы на полях книги. Философы властвовали над общественным мнением Европы, их поддержка значила не меньше, чем удачно заключенный дипломатический договор. О своей внешнеполитической репутации императрица начинает заботиться сразу после восшествия на престол: завязывается переписка с Вольтером, д'Аламбер получает приглашение стать наставником великого князя, а Дидро — печатать Энциклопедию в России. Вскоре Екатерина II покупает библиотеку Дидро, узнав, что тот не мог собрать достойного приданого для дочери. При этом императрица оставляет книги философу в пожизненное пользование, более того, производит его в личные библиотекари и выплачивает пенсию.

Со своей стороны, философов притягивает страна, открывающая гигантское поле для практического применения их теорий, привлекает возложенная на них миссия: создать образ монархини, поборницы просвещения, которая прислушивается к их советам. Оговоримся, правда, что само понятие просвещенного монарха Дидро было чуждо: по его мнению, подобный правитель может принести России непоправимый вред, ибо приучит подданных доверять государственной воле больше, чем закону.

¹ *Strube de Piermont F. H. Lettres russiennes. Saint-Petersbourg, 1760.*

В век Просвещения существовало два противоположных подхода к России, связанных, с одной стороны, с противоборством философских концепций Вольтера и Руссо, а с другой — со сменой геополитических представлений. Согласно первой точке зрения, Россия расположена на Севере Европы («К нам свет из северной приходит днесь страны», — писал фернейский патриарх в послании к Екатерине II). Это страна дикарей, закаленных в боях, выносливых, неприхотливых, переимчивых и сметливых. Они находятся в начале исторического пути, который приведет их к вершине цивилизации, т. е. к парижской культуре (как бы иронично ни относился к ней Вольтер). Благодаря деятельности Петра I и его духовной преемницы, Екатерины II, Россия уже двинулась по пути европеизации. Судьба Франца Лефорта служит доказательством того, что Россия — земля обетованная, ждущая законодателя и правителя. Необходимо только большое число иноземных наставников, готовых обучить этих взрослых детей (сравнение русских с дикарями и детьми — устойчивый мотив путевых дневников и воспоминаний о России, написанных иностранцами)².

Напротив, Жан-Жак Руссо утверждал, что у каждой страны своя специфика; чтобы стать великой державой, Россия должна не копировать европейцев, а искать свою дорогу. Потому в «Общественном договоре» (1762) Руссо категорически отрицал полезность петровских преобразований, опять-таки прибегая к педагогической метафоре. По его мнению, Петр I, насильственно превращая народ в немцев или англичан, вместо того чтобы сделать из них истинных русских, поступил как дурной воспитатель, искусственно ускоряющий процесс обучения: его ученик блистает в детстве, а в зрелые годы остается ничтожеством. Не в цивилизации нуждался народ, а в закалке. Теперь же, предсказывал Руссо, Россия попадет под иго азиатов, татар, которые затем подчинят всю Европу. Как народ должен искать и защищать свою национальную самобытность, философ показал на примере малой страны в «Рассуждениях о правлении в Польше» (1772). В России точку зрения, близкую к Руссо, отстаивали Е. Р. Дашкова, М. М. Щербатов, Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков³.

В отличие от Севера, Восток французы эпохи Просвещения воспринимали как древнюю цивилизацию, имеющую право не походить на них и не слишком склонную к переменам. По мере военного и политического продвижения России на Восток ее специфическая пограничная роль становится все более очевидной. Но отметим, что при этом Руссо занимал твердую антирусскую позицию, а Воль-

² *Stroev A.* Mythes politiques français et russes au XVIIIe siècle // *La Lettre et le politique*. Paris: Honoré Champion, 1996. P. 119–128.

³ *Monnier A.* La naissance d'une idéologie nationaliste en Russie au siècle des Lumières // *RES*. 1979. Т. 52. Fasc. 3. P. 265–272; *Зорин А. Л.* Ж.-Ж. Руссо и национальная утопия «старших архаистов» // *НЛО*, 1996, № 20. С. 56–63.

L'Impératrice.

Екатерина II

Двор императрицы Екатерины II.
Ее сотрудники и приближенные.
СПб., 1899

тер поддерживал действия русской армии в Польше, вдохновлял восточную политику Екатерины II. Императрица поощряла фернейского патриарха, а сочинения женеvского гражданина запрещала к продаже, видела в них призыв к общеевропейскому походу против России, который мог быть использован французской дипломатией (и, увы, действительно использовался).

Философы и власть стремились к сближению, но едва они переходили от слов к делу, то немедленно наступало взаимное разочарование. Одним, в частности Вольтеру, императрица вовсе не позволила приехать⁴, путешествие других кончилось конфузом. Диалог длился с первых до последних дней царствования, в ход шли все жанры: письма, трактаты, беседы, комедии и мемуары. Екатерина II предлагала собеседнику роль придворного философа. Когда же тот принимал ее и начинал строить воздушные замки, оторвавшись от российской почвы, его изгоняли, освобождая место для следующего. Разумеется, роль мазохистская, как показал Леопольд Захер-Мазох в новелле «Дидро в Петербурге», превратив философа в говорящую обезьяну. Избежать подобной участи мог только такой ловкий царедворец, как Фридрих Мельхиор Гримм, который, по мнению Дидро, столь же искусно обрабатывал людей, как Фальконе — статуи⁵.

Обоюдные недоразумения и разочарования происходят от того, что сталкиваются два мифа: всеильной философии Просвещения и убогого философа-утописта. Согласно первому, законы разума универсальны и применимы ко всем странам. Мерсье де ла Ривьер полагал, что ему хватит двух лет, чтобы утвердить в России неизблемые принципы законодательства, приспособив их к местным нравам и обычаям⁶. Чужеземец призван наставлять самодержавного монарха, который воплотит в жизнь его советы. Тем паче, что политическая и экономическая теория физиократов на деле доказала свою эффективность: Мерсье де ла Ривьер, губернатор Мартиники, привел к процветанию остров, разоренный англичанами. Заморский советник, вознесенный наверх, мог рассчитывать на власть и богатство или даже мечтать о создании небольшого государства, где сам он стал бы просвещенным правителем.

Мечта о философском завоевании, даровании народу разумных законов, экономических и политических свобод, столь дорогих для физиократов, предполагала жесткое администрирование сверху. Но

⁴ В письме к Вольтеру от 25 сентября (6 октября) 1769 г. Екатерина II отклоняет его предложение о поездке в Россию. — Best. D15943.

⁵ Дидро к Э. Фальконе, июль 1767 г. — *Diderot D. Correspondance*. Т. 7. Р. 196.

⁶ Мерсье де ла Ривьер к Н. И. Панину, СПб, 15 ноября 1767 г. — *Бильбасов В. А. Никита Панин и Мерсье де ла Ривьер, 1762—1767 // РС, 1891, ноябрь—декабрь*. С. 283—324, 507—529.

Екатерина II, в отличие от Петра I, отнюдь не желала потрясать основы государства и писать законы кнутом. Ее политическое кредо: живи и давай жить другим. А философов она воспринимала такими, как их рисовала мифология Просвещения: люди не от мира сего, непрактичные, увлекающие читателей Европы и не знающие, что делается у них дома, страдающие манией преследования и манией величия, чудаковатые до безумия. Екатерина II предпочитала видеть вокруг себя людей практического склада, а утопистов — в Европе, дабы они прославляли ее царствование из своего прекрасного далека.

Философы, отправлявшиеся просвещать Россию, вызывают насмешки и нападки со всех сторон. Враг энциклопедистов аббат Фрерон в 1774 г. напечатал в своем журнале сатирический портрет «апостолов и миссионеров философии», боготворящих государей, которые платят им пенсии, кричащих, что французская нация вырождается под ярмом деспотизма и что свобода, науки и процветание нашли убежище на Севере. Он изобразил Дидро, отправившегося в Петербург, как экстравагантного рассеянного чудака, чуждого реальному миру, который будет иностранцем в любой стране. Более того, Фрерон уверял, что это сознательная маска: «К тому же, уязвленный тем, что перед ним никто не трепетал, он пробегал общественные парки, здания, картинные галереи, одетый самым причудливым образом; здесь в халате, там в желтых туфлях, повсюду в ночном колпаке, извещающая по приезду в каждый город, что забыл свой парик там, откуда только что прибыл: и все это, дабы придать себе вид значительный и по-философски рассеянный. Со всех сторон вопрошали, что это за необычайный человек, а его служитель Г**** [Гримм] отвечал: Это знаменитый Д**** [Дидро]»⁷.

Мифы загоняют обе стороны в ловушку, ибо навязывают стереотипы поведения императрице и философам, определяют горизонт ожидания собеседников. Скандальный провал в России Мерсье де ла Ривьера, видного физиократа, приехавшего по рекомендации Дидро и князя Д. А. Голицына, подтвердил требования жанра и закрепил традицию.

В середине 1760-х годов, когда массовую иммиграцию сменяют индивидуальные вызовы, Екатерина II активно зазывает иностранных ученых. В апреле 1765 г. маркиз д'Аржанс из Экс-ан-Прованса посылает императрице свою книгу об историческом прогрессе литературы и человеческого знания⁸. «Ваше правительство, значит, не любит философию; сверх того, я слыхала, что во Франции принято поносить философов, дабы придать себе более весу, — пишет государыня д'Аламберу в 1766 г. — Мы даем ученым спокойно заниматься

⁷ *Année littéraire*, 1774. Т. 7, lettre 5. P. 117—118.

⁸ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 1. См. Приложения, с. 370—371.

наукой и никого не сжигаем». И добавляет, что Леонард Эйлер прибыл с сыном в Россию⁹. В марте 1767 г. швейцарский натуралист Альбрехт Галлер подумывает последовать примеру Эйлера и Дидро: продать Екатерине II свою библиотеку из 9 тысяч книг и приехать в Петербург, дабы закончить естественную историю Сибири, начатую Иоганном Георгом Гмелином, и написать новую историю Петра I¹⁰. В январе 1767 г. Григорий Орлов пишет Руссо и предлагает ему убежище в России; философ отказывается¹¹. В феврале 1767 г. Мармонтель присылает императрице философский роман «Велизарий», запрещенный во Франции. В мае 1767 г., во время плавания по Волге, Екатерина II вместе с придворными перелагает роман на русский — и тотчас ставит о том в известность писателя. Сама она выбирает для перевода девятую главу, посвященную взаимоотношениям монарха и народа. Когда в сентябре 1768 г. роман выходит в России, царица отправляет его автору¹². Мармонтель горячо одобряет ее выбор, в котором видит желание сделать счастливыми двадцать миллионов подданных, объяснить им, что абсолютна только власть законов, что тот, кто хочет править самовластно, — раб и что государь должен быть един со своим народом¹³.

В 1767 г. Екатерина II активно работает над окончательной редакцией «Наказа». Она нуждается в людях, которые, во-первых, могли бы прочесть и одобрить текст, а во-вторых, помочь претворить его в жизнь. Первый выбор падает на Чезаре Беккариа, чью книгу «Трактат и преступлениях и наказаниях» (1765) императрица использовала при написании «Наказа» (ее французский перевод опять-таки был запрещен)¹⁴. Для Екатерины II это лучшая рекомендация, и когда во Франции также запретят перевод «Наказа», она будет этим гордиться, как лучшим доказательством процветания свободы и философии в России. При этом, как показал Ю. М. Лотман, императрица заимствовала у итальянского автора в первую очередь техническое решение юридических проблем, отбросив то, на чем они базировались, — теорию естественного права и общественного договора. Совершенно так же Екатерина II применила для описания самодержавия положения, разработанные Монтескье для монархического образа

⁹ Екатерина II к д'Аламберу, [после августа 1766 г.] — СБРИО. Т. 10, С. 133.

¹⁰ СБРИО. Т. 10. С. 173—174.

¹¹ *Journal encyclopédique*, 1 juillet 1767. Т. V, part 1. P. 128.

¹² СБРИО. Т. 10. С. 187—188, 268—270.

¹³ Мармонтель к Екатерине II, Аахен, 12 сентября [1768 г.] — BL, Add Mss, 21514; *Marmontel J. F. Correspondance*. Clermont-Ferrand: Institut d'études de Massif central, 1974. Т. 1. P. 231—234.

¹⁴ В 1769 г. по-русски будет опубликована книга ученика Беккариа, Джачинто Драгонетти «Рассуждение о добродетелях и награждениях». См. также: *Venturi F. Beccariaen Russe // Europe des lumières*. P. 145—159.

правления¹⁵. Итак, через И. П. Елагина государыня приглашает маркиза Беккариа, обещает ему шесть тысяч дукатов и еще четыре тысячи на дорогу, интересуется, знает ли он французский, прочит ему роль личного советника по вопросам, разработанным в его книге, обещает ему консультанта для объяснения местных условий¹⁶. Беккариа соглашается, колеблется и остается в Италии с молодой женой. Затем императрица просит графа Н. И. Панина пригласить на русскую службу начальника полиции немецкого города Альтона Иоганна Петера Виллебрандта, автора «Краткого описания полиции» (1765)¹⁷. Исправному исполнению законов Екатерина II придавала не меньшее значение, чем их составлению, тем более, что в ведении управы благочиния находилось общее наблюдение за порядком. По свидетельству графа де Сегюра, она начинала рабочий день с полицейских донесений. По ее просьбе Дидро начал их петербургские беседы с истории парижской полиции. В 1768 г., уже после отъезда Мерсье де ла Ривьера, скульптор Фальконе написал императрице, что ей нужен профессиональный юрист, а не законодатель, и рекомендовал скромного парижского адвоката де Виллье, сопровождавшего знатного физикрата¹⁸. Екатерина II взяла адвоката на службу на три года.

Напротив, Мерсье де ла Ривьер заботился о законотворчестве более, чем о проведении его в жизнь, и намеревался побыстрее преобразовать Россию. Недоразумение первое: императрица полагала, что приглашает изгнанника, тайком отправившегося в Россию, тогда как бывший губернатор Мартиники получил в министерстве двухлетний отпуск. Она надеялась увидеть философа-бессребренника, который охотно поступит на службу, а Мерсье де ла Ривьер нашел жалованье слишком скромным и напомнил, что получал во Франции сорок тысяч экю, не считая наградных. Екатерина II ждала советника, который поможет отшлифовать «Наказ», а губернатор ехал управлять страной. Его путешествие из Парижа в Петербург длилось три месяца вместо полутора, и он прибыл только осенью 1767 г., когда императрица уже отправилась в Москву, дабы произнести речь перед Уложенной комиссией и понаблюдать за началом законотворческой работы. Несмотря на задержку, еще в дороге Мерсье де ла Ривьер писал, что в России надо все переделать и заклинал Екатерину НИ ничего не предпринимать до его прибытия. Он уверял, что за ним следит вся Европа, именовал себя и своих спутников «шестью мэтрами», прибывшими преобразовать страну¹⁹. Государыня предоставила графу

¹⁵ Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII — начала XIX в // Избранные статьи. Таллин: Александра, 1992. Т. 2. С. 40—99.

¹⁶ СБРИО. Т. 10. С. 183—185.

¹⁷ Willebrandt J. P. L' Abrégé de la police, 1765. См. СБРИО. Т. 10, С. 242.

¹⁸ Фальконе к Екатерине II, 16 июля 1768 — СБРИО. Т. 17, С. 52—55.

¹⁹ В переписке с Екатериной II и Дидро Фальконе обстоятельно перечисляет все промахи Мерсье де ла Ривьера. — СБРИО. Т. 17.

Панину укоротить заносчивого «мэтра», и вскоре ей донесли из столицы, что «де-ла-Ривьер убавил маленько спеси: только он говорит и много о себе думает, а похож он на доктура»²⁰.

Заносчивое поведение Мерсье де ла Ривьера выглядит смешным и нелепым: как пишет Екатерина II, «автор “Основного порядка вещей” сбился с панталыку»²¹. Более того, философ кажется опасным: императрица утверждает, что он рассуждает как атеист; позднее в Петербурге будут упрекать в безбожии Дидро. Свободомыслящих людей подозревают в распространении вольнодумства и вольнолюбия. Именно в эту пору Екатерина II утверждала в «Наказе», что цель самодержавного правления — не отнять естественную вольность, но направить к получению наибольшего от всех добра (гл. II, 13). И далее уточняла, что в государстве, т. е. в собрании людей, в обществе живущих, вольность есть право делать то, что законы дозволяют (гл. 5, 38). Она писала, что «равенство всех граждан состоит в том, чтобы все были подвержены тем же законам» (гл. 5, 34)²², что следует «избегать случаев приводить людей в неволю» (гл. XI, 253)²³, выступала за свободу торговли, регламентируемой государством²⁴. Но, разумеется, императрица была далека от того, чтобы строить экономическую и политическую систему государства на основе свободного предпринимательства, как то проповедовали физиократы, она не решалась отменить крепостное право, основу империи, как предлагал Мерсье де ла Ривьер. Сам философ, далекий от республиканских идей, был сторонником монархического образа правления и выступал за разделение исполнительной и законодательной власти. В. Бильбасов выдвинул даже гипотезу, согласно которой Н. И. Панин, желавший заменить самодержавие аристократической формой правления на манер Швеции, не допустил философа к императрице и представил его в невыгодном свете. Но других чужеземных утопистов также подозревают в распространении опасных идей — и не без оснований: о свободе в России рассуждают д’Эон, Бернарден де Сен-Пьер, Дидро, барон Билиштейн и др.

Граф Сигизмунд фон Редерн (ок. 1715—1789), гофмаршал двора вдовствующей королевы прусской, куратор Берлинской Академии, полагал, что для процветания мощной монархии необходимы собственные колонии. Он совершил немало путешествий, потратил годы на создание в Германии Индийской компании, собрал пайщиков и стал главой торгового дома, но не смог наладить его деятельность

²⁰ Екатерина II к Н. И. Панину, 28 января 1768 г. — СБРИО. Т. 10. С. 279.

²¹ Екатерина II к Фальконе, 14 декабря 1767 г. (оригинал по-французски). — СБРИО. Т. 17. С. 31.

²² *Екатерина II. Наказ.* С. 99.

²³ Там же. С. 164.

²⁴ Там же. С. 247—248.

из-за жесткой налоговой политики Фридриха II. Он решил попытаться счастья во Франции, где Людовик XV предоставил ему подданство, и в России, куда прибыл в июле 1769 г. Он хорошо подготовил поездку, еще зимой написав в Петербург, что у него есть два проекта, политический и торговый, которые он может изложить только лично, и просил, чтобы императрица официально пригласила его якобы для подготовки расширенного издания «Наказа». Екатерина II согласилась. Поскольку граф приехал в начале русско-турецкой войны, то он тотчас подал план покорения Крыма и взятия Константинополя. Затем 22 августа (2 сентября) 1769 г. фон Редерн представил проект создания гигантской внешнеторговой компании. Она должна была находиться вне российской юрисдикции и вне государственной администрации, подчиняться только ему и императрице, обладать своим флотом, армией и земельными владениями, правом открывать и завоевывать новые территории, вести военные действия и подписывать соглашения, монополий внешней торговли и особыми привилегиями²⁵. По меткому замечанию Екатерины II, Компания становилась государством в государстве, причем Российской империи отводилась роль ее младшей сестры. Императрица по пунктам разобрала проект, не оставив от него камня на камне. Она пыталась растолковать фон Редерну, что в стране земли предостаточно и завоевывать Индию нужды нет, а надо создать компанию для торговли с Персией, куда любой мог бы вложить деньги²⁶. Для укрощения прожектера государыня опять-таки обратилась к графу Панину: «Заставьте гр. Редерна делать проект о персидской коммерции; наденьте узду на необузданные его мысли. Проект его компании бешеной: аглинская Ост-Индская компания шенок против его, да и она села на шею правительству»²⁷. Через месяц Екатерине II пришлось отвергать уже следующий план фон Редерна, посвященный торговым путям через Украину, Польшу и Данциг, причем она использовала те же формулы, что и в деле Мерсье де ла Ривьера²⁸. Далее, по свидетельству императрицы, немец по-

²⁵ Octroi ou lettres patentes accordées par S. M. l'Impératrice de toutes les Russies, Catherine Seconde à M. le comte de Redern pour l'établissement de la compagnie du grand commerce maritime dans les différentes parties de la Russie et pour poursuite des grandes vues de découvertes de Pierre le Grand de glorieuse mémoire. Donné à S.-Petersbourg, le sept. 1769.

²⁶ СБРИО. Т. 10. С. 358—360.

²⁷ Письма и записки императрицы Екатерины II к графу Н. И. Панину, изд. Я. К. Грот. М., 1863. С. 158.

²⁸ Екатерина II к Н. И. Панину, 30 сентября (11 октября) 1769 г.: «Если он вовсе не хочет трудиться над планом торговли с Персией, а будет сбиваться с панталыку, то станет бесполезной обузой. Соболагодолите уведомить его, что либо он проект изготвит, либо получит отставку» (оригинал по-французски) — СБРИО. Т. 10. С. 383—384.

казал себя столь же бестолково корыстолюбивым, как француз, ибо начал сватать сына за самых богатых наследниц России, а главное, продолжал подавать неисполнимые проекты. Граф фон Редерн представил доклад в Академию наук, предложив реорганизовать ее и, по сути, вверить математикам и метафизикам управление государством. Президент Академии, граф Владимир Орлов, был тем немало озадачен и флегматично заметил, что у этого человека много знаний и воображения, но нет здравого смысла. Наконец, он напрямик ответил фон Редерну, что Академия не претендует на то, чтобы управлять миром (далее мы увидим, как подобные идеи преломились в проектах Ивана Тревогина). Императрица вынесла окончательный приговор: Редерн — человек весьма сведущий, но отмеченный печатью безумия²⁹. Из России граф уехал в Польшу, откуда в мае 1770 г. прислал описание политической ситуации страны и предложил объединить усилия Берлинской и Петербургской Академий для немецкого издания «Наказа»³⁰. Затем он перебрался в Данию, где безуспешно пытался приобрести земли, а заодно уговорить датский флот, находящийся в Черном море, принять участие в войне против Турции. Он рвался присоединиться к флотилии Алексея Орлова, но в 1771 г. решил вернуться в Германию³¹.

Иными словами, всякий прожектер улавливает веяния времени, но выражает их в гротескно-преувеличенной форме. Очень характерно соединение в один узел внутренних реформ, внешнеполитических и торговых проектов — так поступает большинство иностранных утопистов и авантюристов. Но именно над этим комплексом проблем билась императрица и ее правительство. Не случайно писала она в ответе фон Редерну о зоне естественных экономических интересов: «Торговля России не нуждается в завоеваниях, но ей будет полезно, чтоб ее товары по достоинству оценили там, где сама природа нас к этому побуждает и где к тому же это с легкостью можно произвести вместо того, чтобы искать приключений вне этой зоны»³². Екатерина II была противницей монополии в сфере торговли и не желала впутывать государство в коммерческие предприятия. Она предпочитала завоевывать новые земли силой оружия, не полагаясь на помощь негоциантов, и начертала резолюцию на поданном ей через графа Н. И. Панина анонимном «Мемуаре о коммерции, каковую можно установить между Россией, Западной Индией и Китаем»: «Это дело купцов — торговать, где им вздумается, я же не дам ни

²⁹ СБРИО. Т. 10. С. 386—387.

³⁰ Редерн к Н. И. Панину, 22 мая 1770 г. — АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. R 49. Л. 3—3 об. См. Приложения, с. 372—376.

³¹ Редерн к Екатерине II, [1771], Редерн к Н. И. Панину, Копенгаген, 27 июля 1771 г. — АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. R 49. Л. 5—6 об.

³² СБРИО. Т. 10. С. 358—360.

людей, ни кораблей, ни денег и навсегда отказываюсь от всяких земель и владений в Западной Индии и Америке»³³.

Другое дело, что зона интересов России в XVIII в. стремительно увеличивается и будет расширяться до конца столетия: вспомним Персидский поход Валериана Зубова, прерванный Павлом I, и казаков, посланных императором в Индию³⁴. В нее включается не только Балтийское и Черное море, но и Тихий океан — Америка и Япония.

Когда в 1795 г. французский эмигрант Жан Доминик Жозеф д'Огар (1747—1808), бывший морской офицер, склонный к мистике и богословским штудиям, послал Екатерине II мемуар о торговле с Японией, государыня назвала его невеждой, первым безумцем Европы и добавила: «Молю Бога, чтобы он не оказался в придачу одним из первых шарлатанов на свете»³⁵. Но благодаря рекомендации Ф. М. Гримма д'Огар приехал в 1796 г. в Россию, где продолжал работать над своим проектом³⁶. Через год он был определен в петербургскую Публичную императорскую библиотеку, создавал «депо манускриптов», впоследствии стал вице-директором. Способствовал обращению в католичество многих русских аристократок.

Внешнеполитическую программу развития России сформулировал Сумароков в одах Екатерине II, предсказывая: «Скоро сон мой будет явен // Бред мой истиной внемли»³⁷. Он утверждал, что надо двигаться не на Запад, а на Восток³⁸, соединяя силу оружия и торговли, которая способствует обогащению и процветанию страны:

Горы золото изливают,
Златом плещет океан;
Села степи покрывают
И пустыни многих стран. [...]
За протоком океана
Россия зрю американа
С азиатских берегов. [...]
Зыблется престол под ханом,

³³ Оригинал резолюции по-французски. *Mémoire sur le sujet d'un commerce à établir de la Russie, aux Indes Orientales et à la Chine* // Письма и записки императрицы Екатерины II к графу Н. И. Панину. С. 140—141; РГБ. Ф. 222 (Панин). Карт. XVII. Ед. хр. 5. Л. 3.

³⁴ О разведывании торговых путей в Индию см. ниже в главе о Бернардене де Сен-Пьере.

³⁵ Екатерина II к Гримму, 5 января 1796 г. — СБРИО. Т. 23. С. 667.

³⁶ *Mémoire raisonné sur le commerce de la Russie au Japon et les mesures qu'il est tems de prendre pour parvenir à le faire un jour exclusivement* [...] Pétersbourg, novembre 1796. — РНБ. Ф. 537 (Огар). Оп. 1. Ед. хр. 3.

³⁷ Дифирамб государыне Екатерине II [...] 24 ноября 1763 г. // *Сумароков А. П.* Полн. собр. соч. в стихах и прозе. 2-е изд. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1787. Ч. 2. С. 59.

³⁸ См.: *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750—1770-х гг. М.; Л.: АН, 1936. С. 141—142.

Огонь от севера жесток,
И Российским Тамерланом
Устрашает весь восток.

*(«Дифирамб государыне императрице Екатерине II
на день тезоименитства, 24 ноября 1763 г.»)³⁹*

В «Оде» Екатерине II от 21 апреля 1764 г. Сумароков выдвигает лозунг крестового похода, обращения неверных в истинную веру:

От тьмы греховной их избавим,
Познают Бога там цари,
И там бессмертному поставим,
На пользу смертных, алтари. [...]

Уже глас Севера я внемлю,
Мы блата в сушу претворим,
Селением покроем землю,
Восток России покорим:
Дойдем до жаркого мы Юга⁴⁰.

В «Оде» Екатерине II от 28 июня 1768 г. он пишет о мирной торговой экспансии:

Законов и царей где нет,
Прости туда свою державу!
Обрящешь тамо новый свет
И новую России славу.
Спряги со западом восток! [...]

С курильских мелких островов
Устави нам торги с Нифоном [Японией] [...]

Византия, Архипелаг
Увидят ли Российский флаг?
И то нам должно быть вскоре.
Увидев Росски корабли,
Америка, не ужасайся⁴¹.

Отметим, что и внутриполитические проекты преобразования страны отнюдь не нейтральны с политической точки зрения. Обычно в них предлагаются два пути: образование и освобождение народа. Французские просветители, в первую очередь Дидро и Гримм, сотрудничают с Екатериной II и И. И. Бецким для создания системы всеобщего обучения, от начальной школы до университета, присылают планы в 1770-е годы⁴². Они делают акцент не на теории воспитания, а на практических шагах и предлагают использовать для России не французскую католическую, а немецкую протестантскую систему образования. Как известно, в своей реформе Екатерина II использовала австрийскую модель педагогических училищ и образцовых школ, чей

³⁹ Сумароков А. П. Указ. соч. С. 58—59.

⁴⁰ Сумароков А. П. Указ. соч. С. 64—65.

⁴¹ Сумароков А. П. Указ. соч. С. 89—90.

⁴² Толстой Д. А. Городские училища в царствование императрицы Екатерины II // Сб. отд. русского языка и словесности имп. АН. СПб, 1886. Т. 41. № 2. С. 1—214.

опыт в 1780-е годы распространял Янкович де Мириево. У французских дипломатов, враждебно настроенных по отношению к России, все педагогические проекты вызывали опасения. 7 июня 1765 г. французский посланник маркиз де Боссе сообщал герцогу де Пралену из Петербурга об открытии под попечительством И. И. Бецкого школы для 80 детей с учителями-французами: «Если это учреждение продолжит свою деятельность, то будет опасным для Европы. Оно создаст здесь третье сословие — питомник ремесленников, купцов и мореплавателей, на котором зиждется сила империи»⁴³.

Второй путь, более утопичный, предусматривал создание поселений вольных колонистов, лучше всего швейцарцев: они-де послужат очагами свободы, которая затем распространится в России⁴⁴. Дидро развивал этот план в написанных им главах о России для «Истории обеих Индий» аббата Рейналя⁴⁵. Философ предлагал также преобразовать Уложенную комиссию в постоянно действующий парламент и тем самым заложить в России начатки демократии и законодательной власти.

Но, съездив в Петербург и проведя зиму 1773—1774 гг. в беседах с императрицей, Дени Дидро стал весьма скептически относиться к возможности цивилизовать Россию. По его мнению, обширность территорий и отсутствие дорог не позволяют управлять страной из единого центра. Суровый климат и длительная зима, останавливающая сельские работы, располагают население к лености и пьянству. Иноземные ученые, переселенные на русскую почву, вянут, как экзотические растения на морозе. Лучшее, что может случиться с Российской империей, — это ее крушение, распад на дюжину мелких государств: тогда порядок, наведенный в одном из них, послужит примером для других.

Распространение в России республиканских идей всячески подерживалось французскими дипломатами. В конце царствования Елизаветы Петровны шевалье д'Эон написал мемуар «Рассуждение о легкости революции в России по смерти императрицы, с Планом, коему надобно было бы следовать, чтобы преуспеть, и о возможности осуществления его в дальнейшем», где призывал «отменить позорное рабство» и совершить «революцию в форме правления, сделав его свободным». Но для того, чтобы ослабить, а не усилить страну: «Свобода, единожды проникнув в Российскую империю, заставит ее власть в анархию, подобную польской [...] Всякий русский, кто получил образование и путешествовал, сотни раз вздыхал над несчаст-

⁴³ ААЕ. СР. Russie. Т. 77. Fol. 292—293; СБРИО. Т. 140. С. 499.

⁴⁴ Маркиз де Боссе к герцогу де Пралену, Петербург, 23 августа 1765 г.: «Поговаривают об огромной эмиграции швейцарцев, которые покинут свои горы, чтобы поселиться на берегу Каспийского моря». — ААЕ. СР. Russie. Vol. 78. Fol. 41.

⁴⁵ *Duchet M.: Diderot et l'Histoire des deux Indes*. Paris: Nizet, 1976; *Goggi G.* Op. cit.

ной долей в частных со мной беседах. Те, кто читает французские брошюры, а тем паче английские, объявляют себя приверженцами самой смелой философии и противниками, вместе с друзьями своими, деспотического и тиранского государства, в котором они живут»⁴⁶. Д'Эон сохранил интерес к республиканским идеям и включил в шестой том своих «Досугов» перевод английского сочинения XVII в. «О превосходстве свободного государства», где в главе «Конституция правовой республики» отстаивается принцип верховной власти народа⁴⁷.

После переворота, приведшего на трон Екатерину II, французский посол барон де Бретей доносил в Версаль: «Форма правления тяготит большую часть русских, беспременно все хотят освободиться от деспотизма, и я такого мнения, что если императрица потеряет сына, то ей, дабы удержаться, придется отдать власть нации; в частных и доверительных беседах с русскими я не забываю дать им почувствовать цену свободы и свободы республиканской — крайности по вкусу нации, ее грубому и жестокому духу; хотя будущее непроницаемо, я льщусь надеждой увидеть, как обширная и деспотическая Империя разлагается в Республику, управляемую группками сенаторов. Самым счастливым днем мой жизни будет тот, когда я стану свидетелем этой революции»⁴⁸. Вернувшись на родину, посол развил эти идеи в «Мемуаре о России» (1763), доказывая, что «надо постараться сокрушить русскую нацию с помощью ее самой»: «Уже двадцать лет, как правительство неосторожно отпускает многих молодых людей учиться в Женеву. Они возвращаются с головой и сердцем, наполненными республиканскими принципами, и вовсе не приспособленными к противным им законам их страны»⁴⁹.

Как мы видим, у императрицы были основания подозревать скрытый умысел в благородных планах, тем более что тайная дипломатия частенько вербовала писателей и философов. Но в первую очередь Екатерина II стремилась защитить репутацию — свою и своей страны. Она предлагает просвещенной публике собственную версию того, почему европейские проекты проваливаются в России: виноваты не ученики, а учителя. Она старательно подбирает зрителей-очевидцев, в первую очередь известных иностранцев, и подсказывает, как относиться к происходящему, подобно тому как персонажи ее комедий прямо обращаются к зрительному залу. Императрица в

⁴⁶ *D'Éon. Réflexion sur la facilité d'une révolution en Russie à la mort de l'impératrice avec le Plan que l'on aurait dû suivre pour réussir et la possibilité de l'exécution par la suite.* — AAE. MD. Russie. Vol. 9. Fol. 376.

⁴⁷ *Les loisirs du chevaliers d'Eon de Beaumont.* Amsterdam, 1774. Т. 6. P. 137—194

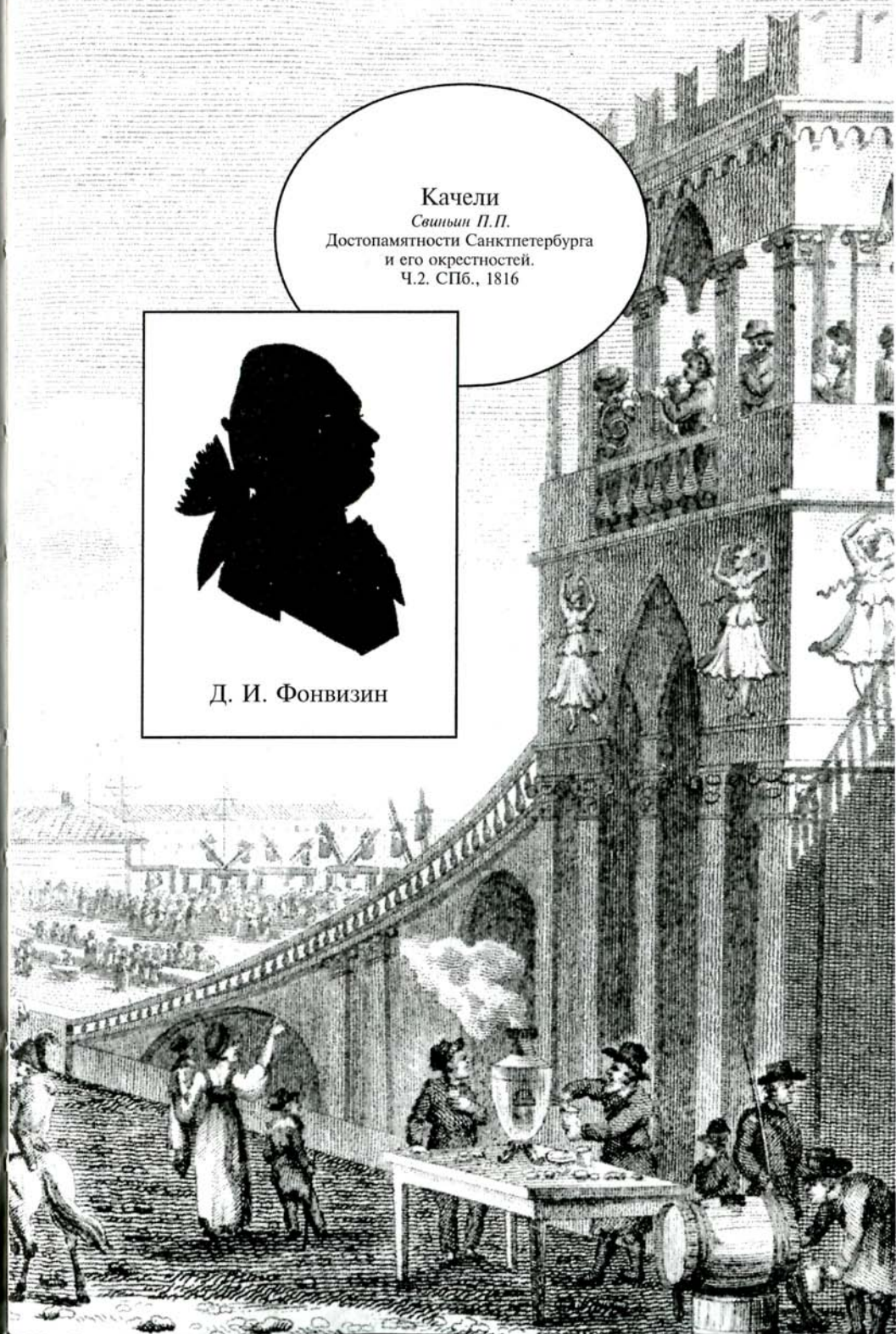
⁴⁸ Москва, 5 (16) декабря 1762 г. — AAE. CP. Russie. Vol. 72. Fol. 339v*; С6РЮ. Т. 140. С. 127.

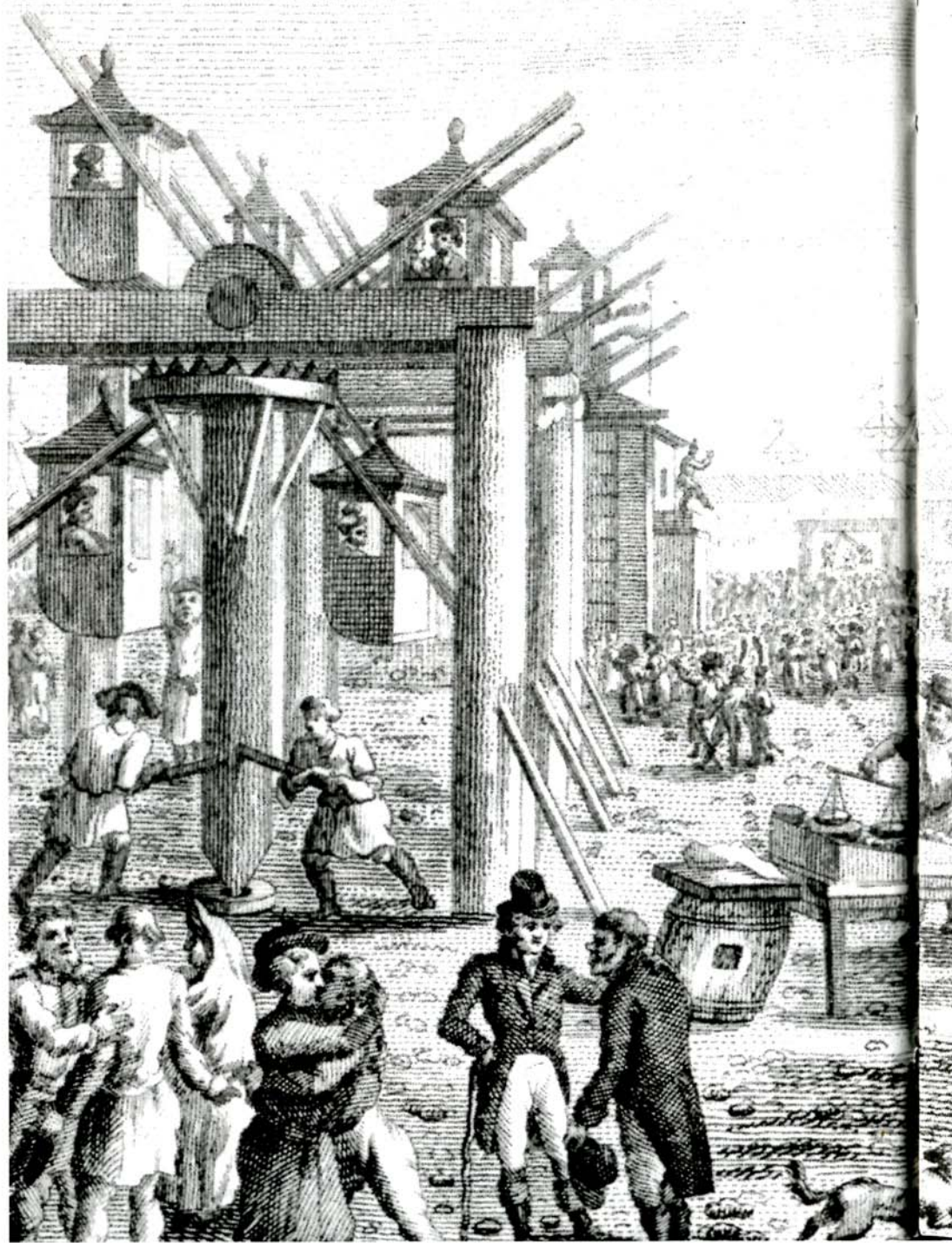
⁴⁹ *Mémoire sur la Russie, remis par M. le Baron de Breteuil à son retour de Pétersbourg.* 1 septembre 1763. — AAE. MD. Russie. Vol. 9. Fol. 367r*, 366v*

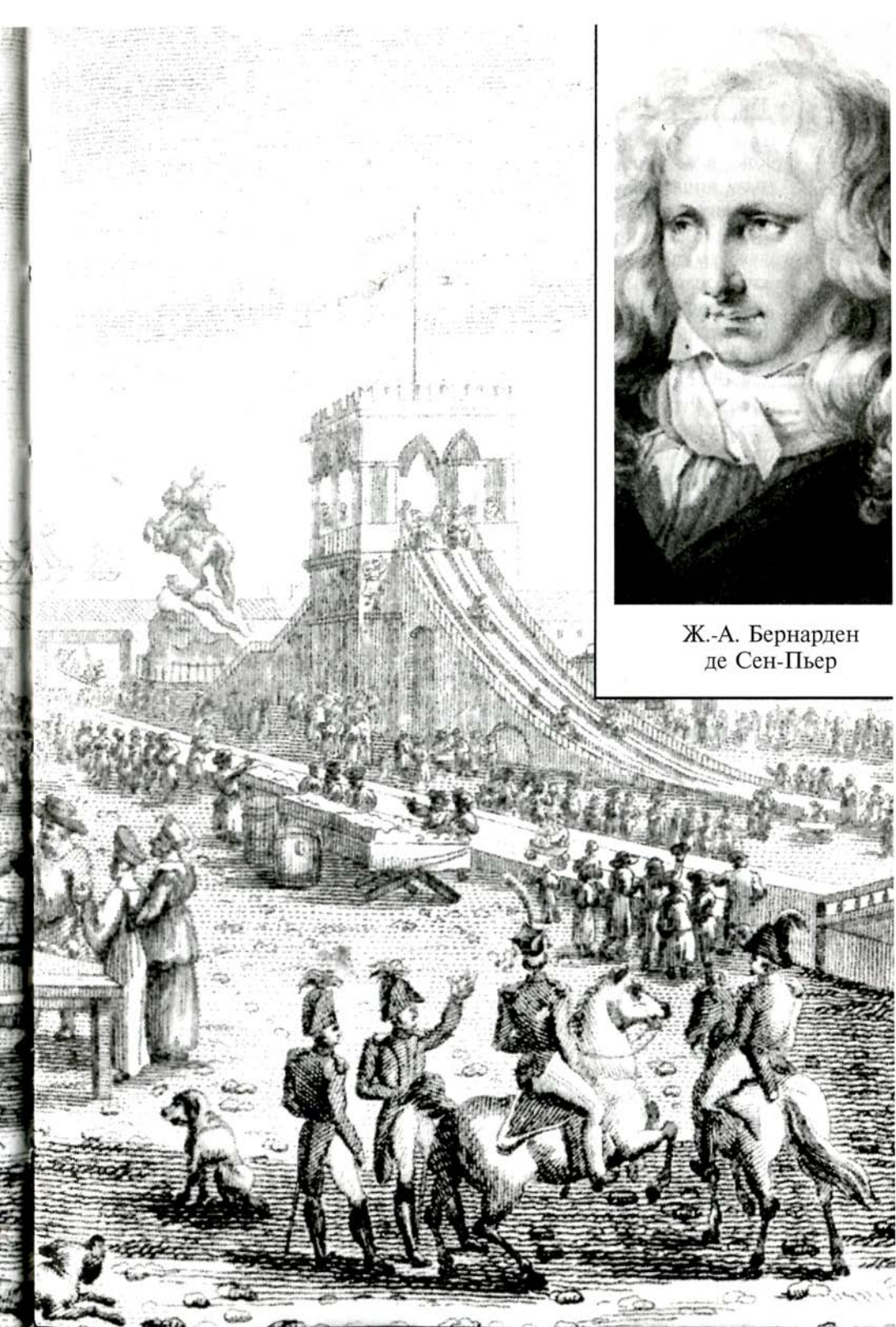
Качели
Свищев П. П.
Достопамятности Санктпетербурга
и его окрестностей.
Ч. 2. СПб., 1816

Д. И. Фонвизин

Ж.-А. Бернарден
де Сен-Пьер

комических тонах излагает историю в письмах, посылает копии третьим лицам, как, например, Фальконе. Она пишет комедии и рассказывает анекдоты о философах иностранным дипломатам, в частности послам Франции и Австрии графам де Сегюру и фон Кобенцлю. Тем самым она порождает новые тексты: мемуары и драматические пословицы своих «карманных посланников». Обнаружив удачную формулу или позаимствовав ее из полемики Вольтера и Руссо, Екатерина II многократно пускает ее в ход. Таков, в первую очередь, образ «человека на четвереньках». 30 августа 1755 г. Вольтер, прочитав «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми», пишет Руссо: «Я получил, милостивый государь, вашу новую книгу о роде человеческом [...] когда читаешь ваше сочинение, берет охота ходить на четвереньках». Фернейский патриарх иронически изображает философа как человека, впавшего в детство, превратившегося в дикаря, в первобытное существо. Письмо Вольтера немедленно попадает в печать, красное словцо становится публичным и порождает пьесу. Шарль Палиссо в комедии «Философы» (1760) разоблачает энциклопедистов, в первую очередь Дидро, Гримма и Руссо, как шарлатанов и обманщиков. В кульминационной сцене Криспен, пародируя Руссо, ходит по подмосткам на четвереньках и жует лист латука:

Pour la philosophie un goût à qui tout cède
 M'a fait choisir exprès l'état de quadrupède;
 Sur ses quatre piliers mon corps se soutient mieux,
 Et je vois moins de sots qui me blessent les yeux [...]
 En nous civilisant, nous avons tout perdu,
 La santé, le bonheur et même la vertu.
 Je me renferme donc dans la vie animale;
 Vous voyez ma cuisine, elle est simple et frugale.

*[Il tire une laitue de sa poche]*⁵⁰

Екатерина II переосмысливает расхожую формулу: недотепами оказываются иностранцы, не считающие русских за людей. В комедии «Передняя знатного боярина» (1772) на четвереньках разгуливают заморские просители: турок Дурфедгибасов, «пастух во дворянстве», едва ли не бляющий, как его овцы, и француз Оранбар (читай — Мерсье де ла Ривьер): «Я пришел сюда за тем: я бул в свой земля и думал тамо, что здесь все ходят едаки *[он показывает, как ходят на четвереньках]*. Я добро человек, сердца хорошо, много знай, много читай; я и пошел сюда, дабы поднять всех вам на два нога, и для того сошинил l'évidence, что лучше ходи на две ноги, а не как на четыре, так буди пригожа, лица видна: едак на четыре ходить шей вытянуть, горло и борода болеть будит... Ето évidence, Messieurs, évidence!»⁵¹. Оранбар

⁵⁰ Palissot Ch. Les Philosophes // Théâtre du XVIIIe siècle. Paris: Gallimard (Bibliothèque de la Pléiade). 1974. Т. 2. Р. 199.

⁵¹ Передняя знатного боярина // Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 1, СПб, 1901. С. 172.

трусоват и скуп, он едва знает страну, но тем не менее дает советы по любому поводу, в том числе, как победить турок. Через два года императрица напишет Вольтеру, вернув остроумию автору: «И г-н де ла Ривьер, который шесть лет назад полагал, что мы ходим на четвереньках и соблаговолил приехать с Мартиники, дабы поднять нас на задние лапы, также прибыл не вовремя»⁵². Шутливый образ блаженной страны дураков и блаженного философа соединяются воедино.

В комедиях, письмах и устных рассказах Екатерина II обвиняет чужеземных прожектеров в том, что они всё хотят переиначить. «Мой прожек хорошо и не трудно. Он немножно все что прежде делано испортит: и все так ново делать буделись», — уверяет Оранбар⁵³. Государыня рассказывала графу де Сегюру, что Мерсье де ла Ривьер вбил себе в голову, что его призвали управлять страной и просвещенным разумом своим вывести страну из мрака варварства⁵⁴. Она категорически отказалась использовать предложения Дидро, для осуществления которых, по ее словам, пришлось бы все перевернуть вверх дном. «Вы пишете на бумаге, которая все стерпит, — якобы сказала она философу по свидетельству графа де Сегюра, — я же, бедная императрица, имею дело с человеческой кожей»⁵⁵. Иностранцы пишут историю России, не зная языка, как Сенак де Мейян, вообще не разбираются в особенностях страны. «Что до торговли с Японией, то по мне у него нет ни тени представлений о местных условиях», — отзывается императрица о проекте шевалье д'Огара⁵⁶.

В комедии Екатерины II «Имянины госпожи Ворчалкиной» (1772) банкрот Некопейков предлагает множество способов обогащения: «Я столько примыслил доставить России денег [...], что всякий, кому они понадобятся, иметь будет только труд поднимать их с улицы, где они валяться станут»⁵⁷. В частности, он сочинил проекты об учреждении почты на голубях, об употреблении крысыных хвостов вместо веревки, об извозе зимою в степных местах на куропатках, где их много, а лошадей мало, а также о создании внешнеторговой компании, где все расходы относились бы на счет казны, которая поставит корабли, а доходы шли пайщикам. Похоже, что императрица вспомнила о проектах фон Редерна и о собственном горьком опыте создания в 1763 г. на паях Средиземноморской компании. Как утверждает Некопейков, «вы не можете мне поверить, как чист и волен тогда

⁵² 2 (13) ноября 1774 г. — Best. D19188.

⁵³ Передняя знатного боярина. С. 172.

⁵⁴ *Séguir L.-Ph. de Mémoires, souvenirs et anecdotes*, éd. F. Barrière. Paris: Firmin Didot, 1859. Т. 1. P. 442.

⁵⁵ *Séguir L.-Ph. de*. Op. cit. P. 444—445.

⁵⁶ СБРИО. Т. 23. С. 667.

⁵⁷ Имянины госпожи Ворчалкиной // Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 1. С. 59.

ум, когда пуст карман и кошелек»⁵⁸. Граф фон Кобенцль перефразирует его слова, высмеивая Мерсье де ла Ривьера в драматической поэмке «Маньяк Власти» (1789). «Мой господин превыше всех государей, — уверяет слуга Голодный, — ибо с момента рождения только и делает, что поучает их. У него ни пяди земли, но он знает, как увеличить стоимость чужих владений; порой у него нет ни гроша в кошельке, но он самый великий финансист на свете. Он в жизни не видал ни боевых кораблей, ни полков, но если соизволит встать во главе армий и флотилий какой-нибудь державы, то завоеует весь мир; одним словом, он универсальный гений, сосредоточивший в себе все знания, необходимые для управления империей»⁵⁹. Создавая сатирические портреты философов, Екатерина II и граф фон Кобенцль, по-видимому, опять-таки следуют за Вольтером, который, полемизируя с данной Руссо оценкой России, издевался над «законодателями, которые повелевают вселенной на листе бумаги и со своего чердака отдают приказания королям», над «придворными и деревенскими сумасшедшими», которые «в мыслях управляют страной в две или три тысячи миль, а справиться с экономкой не могут»⁶⁰. Подобно философам, Некопейков кончает плохо: его изгоняют, хотят сделать из него шута. Символично, что Дидро привез из России эту комедию, видимо, подаренную царицей, и подписал на титуле перевод названия: «*La femme boudeuse ou La grondeuse*». В 1775 г. он продал ее Королевской библиотеке вместе с другими русскими книгами, поставив крест на своих планах, связанных с Петербургом.

Сама логика повествования подсказывала Екатерине II колоритные подробности. Так, гротескный рассказ о пребывании в Петербурге Мерсье де ла Ривьера, который якобы снял три соседних дома, дабы разместить там подчиненные ему министерства и департаменты, и даже повесил на дверях комнат соответствующие таблички, появился спустя тридцать лет в комедии Кобенцля и мемуарах Сегюра. В. А. Бильбасов справедливо считает данный эпизод маловероятным; у дипломатов, видимо, был один общий источник — рассказ императрицы.

Но иностранные дипломаты, защищая репутацию императрицы, играют с ней злую шутку, упоминая о ее склонности к прожектерству и невольно показывая правоту философов. Граф де Сегюр утверждает в «Мемуарах», что Екатерину II привлекало множество скороспелых планов, которые она не могла реализовать, ибо хотела все-

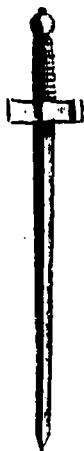
⁵⁸ Там же. С. 60.

⁵⁹ Gros-Jean ou La Régimanie, proverbe, par M. le comte de Cobenzel, ambassadeur de l'Empereur auprès de la cour de Saint-Petersbourg (1789) // Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 4. СПб: АН, 1901. С. 223—224.

⁶⁰ *Voltaire*. Pierre le Grand et J.-J. Rousseau [1765] // Dictionnaire philosophique.— Œuvres complètes de Voltaire. Paris: Garnier frères, 1879. P. 220.

го сразу: «создать третье сословие, привлечь иностранную торговлю, улучшить ведение сельского хозяйства, [...], покорить Персию, продолжать постепенно завоевывать Турцию [...] и распространить свое влияние на Европу»⁶¹. Ему вторит граф Людольф в «Письмах о Крыме» (1787): «В этой стране постоянно появляются новые планы; они могут быть лишь вредными, если они не выполняются с мудростью и если не представляют никакой действительной пользы; но я замечаю, что это самая обильная проектами в мире страна»⁶².

Чтобы довести до абсурда идеи Мерсье де ла Ривьера, граф фон Кобенцль излагает целую программу шутовских реформ. Чтобы сделать людей счастливыми, господа Маньяк Власти предлагает установить полное равенство, уничтожить города, которые только умножают роскошь, предписать всем жителям единообразные парики, платье и питание, а главное — радикально уменьшить их число, дабы увеличить их долю от общих богатств. Если антиурбанистические идеи, которые появляются также в утопическом романе князя М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую», войдут в моду в следующие века, то уравнилельные идеи восторжествуют в год выхода пьесы — 1789⁶³. В 1798 г. Томас Роберт Мальтус в «Опыте о принципах народонаселения» докажет, что прирост населения обгоняет рост производства, а потому должен быть ограничен.

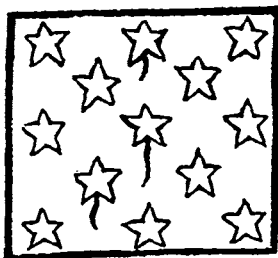

⁶¹ *Séguir L. -Ph. de. Souvenirs et anecdotes sur le règne de Louis XVI.* Paris: Fayard, 1909. P. 169.

⁶² РО. 1892, март. Т. 2. С. 159—160.

⁶³ М. М. Щербатов, напротив, предлагал регламентировать одежду и посуду в соответствии с чинами, доводя до логического предела принципы «Табели о рангах».

КАК ПЕРЕДЕЛАТЬ МИР. АВАНТЮРИСТЫ, ФАВОРИТЫ И САМОЗВАНЦЫ

25 июля 1785 г. восьмилетний великий князь, будущий император Александр I, писал по-французски сочинение по истории Рима, заданное, вероятно, его наставником Фредериком Сезаром де Лагарпом. Он начал фразой: «Рим был основан 2537 лет тому назад Ромулом, авантюристом, населившим его сбродом из всех соседних племен. Так возник народ, впоследствии столь славный»¹. На вечный город ориентировалась Москва, считавшая себя третьим Римом, и Санкт-Петербург, город святого Петра². Брату Александра, великому князю Константину, Екатерина II предназначала трон Константинополя, второго Рима. Новая христианская империя должна была быть создана на обломках Османской Порты. Детское сочинение будущего императора приобретает символический смысл: великое государство, образец для подражания как для России, так и для всего западного мира, было создано авантюристом.

Авантюрист — продавец иллюзий, его предназначение — делать людей счастливыми, обещая исполнить их мечты и сокровенные желания. Он постоянно ищет страну, где мог бы воплотить свои проекты. Если он не находит ее, то создает: либо на бумаге, сочиняя историю вымышленного государства, как Казанова, Тревогин и Псалманаазаар, либо на политической карте. Искатель приключений нередко возносится на самый верх, становясь если не королем, как Теодор I фон Нейхоф, правивший Корсикой в 1736 г., то претендентом

¹ Amsterdam, собрание П. А. Дидерихса, № 134 G3.

² Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык Средневековья. М.: Наука, 1982. С. 236—249.

на трон, как Степан Заннович, Степан Малый и княжна Тараканова, или на пост главы республики, как Билиштейн и Бернарден де Сен-Пьер. Когда Вольтер в «Кандиде» описывает обед в Венеции, на котором собралось восемь низложенных монархов, он поминает и хорошо знакомых нам искателей приключений.

Однако в центре цивилизованного мира до тех пор, пока Французская революция и Наполеон не перевернули Европу вверх дном, свободных престолов на было. Они могли появиться только на окраине Европы, на Севере, Востоке или Юге, там, где проходили границы сфер влияний. Там сталкивались интересы больших государств, желавших короновать своего ставленника в маленькой стране. Она могла бы послужить буфером между империями, а при удачном стечении обстоятельств — контролировать торговые пути, ибо возникают подобные «государства Санчо Пансы» либо на острове (Корсика), либо на побережье (Балканы и Причерноморье, Прибалтика, Приаралье). Авантюристов притягивали государства с нестабильной политической системой и непредсказуемым порядком престолонаследия (Россия, Польша), христианские страны, находящиеся под властью Турции (Молдавия и Валахия, Трансильвания, Черногория). Наибольший интерес представляла Россия — страна, на протяжении столетия изменившая тип культуры и социального устройства, значительно расширившая свои границы. Интересы одних авантюристов совпадали с целями российской политики, другие, напротив, выступали как ее противники. Показательно, что активность их возрастала в период войн и общественных потрясений.

Мы уже говорили о том, что многие утопические проекты искателей приключений, вплоть до грамматической лотереи, направлены на объединение людей, создание горизонтальных связей внутри Европы. Тем яснее эта черта проявляется в их политических сочинениях. В трактате «Мир в Европе может установиться только после долгого перемирия, или Проект всеобщего замирения» (1757), созданном в начале Семилетней войны, Анж Гудар заявляет, что литераторы и ученые призваны сформулировать законы политики и вырвать ее из рук государственных мужей, не знающих иных решений, кроме военных. Нынче, пишет он, все проблемы улаживают с помощью пушечных ядер, народы состоят из полков, общество разбилось на батальоны. Гудар развивает идеи «Проекта вечного мира» аббата де Сен-Пьера (1713), которые позднее кратко изложит и дополнит Жан-Жак Руссо. Сен-Пьер предлагал превратить христианские государства в единую республику по образцу Швейцарии и Голландии и создать систему европейского равновесия, которое должен поддерживать постоянно действующий Арбитражный совет, прообраз Европарламента. Гудар утверждает, что война губит богатство и процветание, созданные искусством и наукой, и что сила государств зависит от мощи их политического союза. Дабы сохранить мир в европей-

ской республике, он предлагает установить всеобщее перемирие на двадцать лет, сохраняя армии и объединяясь против агрессора. Другими словами, он излагает систему коллективной безопасности, столь популярную в XX в.

Подчеркнем два аспекта в его рассуждениях. Государства не могут существовать поодиночке, мир родится из баланса сил в объединенной Европе. Республику эту создадут писатели и ученые, заменив государство, превращенное в армию Республикой Словесности.

Авантюристы довольно скоро почувствовали притягательность России, которая казалась им страной головокружительных взлетов и падений. Шевалье д'Эон писал в начале «Непредвзятой истории императрицы Евдокии Федоровны» (1774): «История России полна событиями необычайными, и нет нужды углубляться во тьму древности, дабы отыскать в ней те ужасающие чудеса, что поражают воображение и ум, даже самый легковверный [...] Самые быстротечные возвышения и самые стремительные падения, кажется, чередуются в этой империи, как будто провидение избрало ее, чтобы изъяснить чувствительней, чем где бы то ни было, как непрочно людское величие, ему подвластное»³. Этот пассаж и большую часть книги д'Эон заимствовал из анонимного мемуара, представленного в 1731 г. во французское Министерство иностранных дел⁴; но важно, что формула сохраняла актуальность в царствование и Анны Иоанновны, и в эпоху Екатерины II, и, разумеется, в правление Павла I.

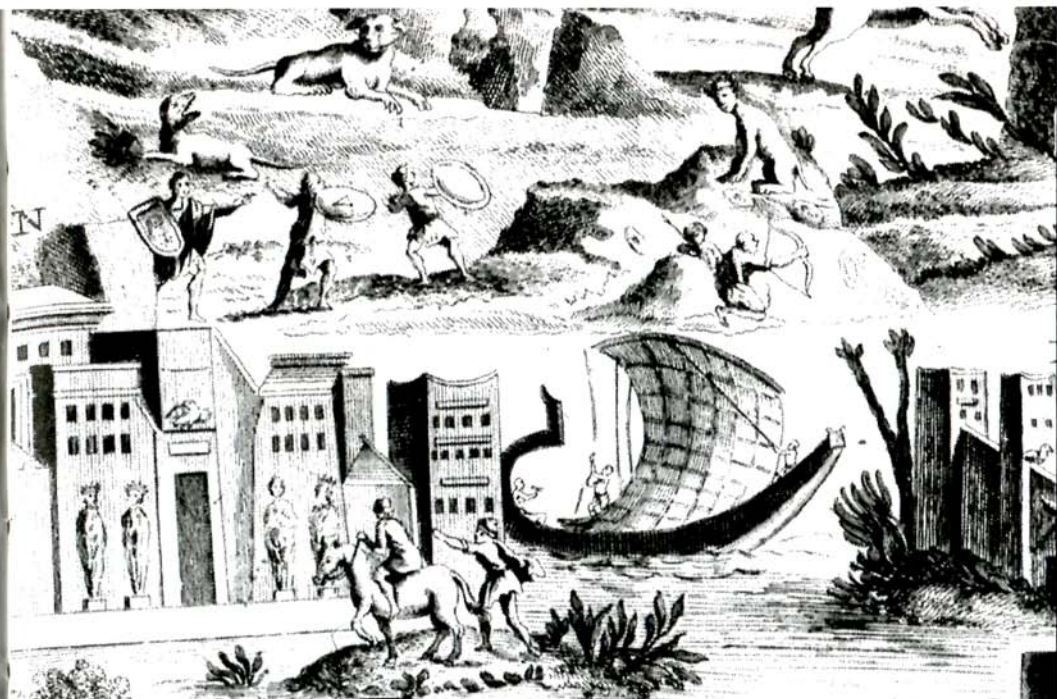
Для Франции примером подобной судьбы служил Александр Данилович Меншиков. Жан-Франсуа де Лагарп в трагедии «Меншиков, или Ссылные» (1775) рисует не баловня фортуны, а человека значительного, умного карьериста, друга детства Петра, правившего при трех императорах и поплатившегося за то, что сам метил на трон («jusqu'au grand nom du Czar je voulais m'enlever»⁵). Меншиков сперва думал жениться на вдове Петра I, Екатерине, потом выдать свою дочь замуж за Петра II, но был смещен и сослан с семьей в Сибирь. В трагедии это только экспозиция, основное действие занимает выдуманная Лагарпом история кровавого любовного соперничества. Более интересен роман, вышедший при жизни Меншикова: «Князь Ковшимен, татарская история» (1710), который, возможно, принадлежит перу аббата де Шуази⁶. Трансформация жизни фаворита Пет-

³ Les Loisirs du chevalier d'Éon de Beaumont. T. 6. P. 1.

⁴ Histoire anecdote d'Eudoxia Feodorowna, première femme de Pierre Ier, empereur de Russie, 1731. — ААЕ. MD. Russie. Vol. 1. Fol. 129—140.

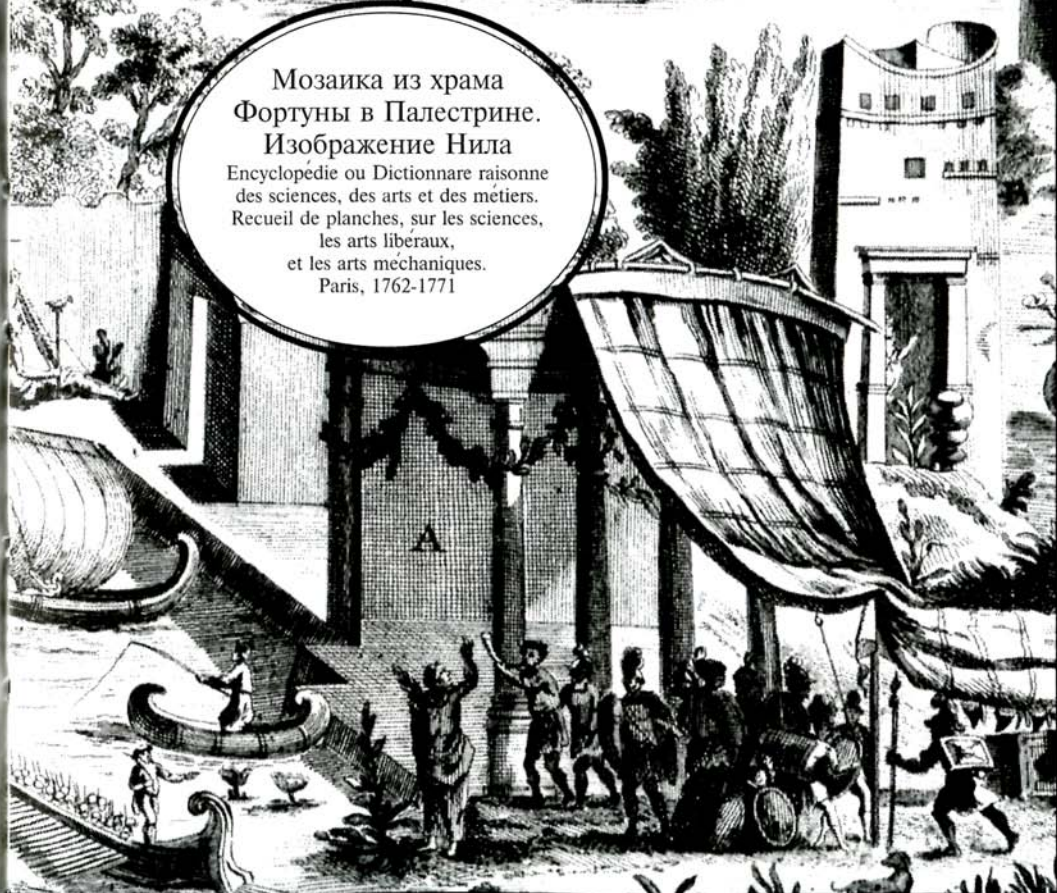
⁵ *La Harpe J.-F. de. Menzikoff ou les exilés. Tragédie.* Paris: Cambert et Baudouin, 1781. P. 42.

⁶ *Virolle R. Histoire polonoise et moscovite dans la littérature romanesque française du XVIIIe siècle // Ex Oriente lux, Bruxelles, 1990. P. 175—186.* Роман приписывается также французскому инженеру Жозефу Гаспару Ламберу, состоявшему на русской службе с 1706 г.

Мозаика из храма
Фортуны в Палестрине.
Изображение Нила

Encyclopédie ou Dictionnaire raisonne
des sciences, des arts et des métiers.
Recueil de planches, sur les sciences,
les arts liberaux,
et les arts mécaniques.
Paris, 1762-1771

ра I по законам восточной повести дала удивительный результат: логика вымышленного повествования позволила предсказать трагическую смерть царевича Алексея (правда, когда в романе отец отправляет сына на плаху, в последний момент солдат по доброй воле подменяет осужденного, и царевич остается в живых). Вероятно, источником этого эпизода послужил разнесшийся по Парижу в 1705 г. слух, что Петр I повелел казнить Алексея, но Меншиков подменил его солдатом и, когда царь перестал гневаться, представил ему спасенного сына⁷. История эта явно фольклорного происхождения и, видимо, как считал С. М. Соловьев, восходит к песням и легендам об Иване Грозном. Французский писатель дал литературную форму древнему сюжету о поединке отца с сыном, который входит составной частью в истории легендарных государей или богатырей (Эдип, Кухулин, Зигфрид, Илья Муромец) и сделался в России одним из неперенных элементов мифа о великом правителе — кровавом тиране (Иван Грозный — Петр I — Сталин)⁸. Таким образом, в «Князе Ковшимене» тема восхождения фаворита соединилась с мотивами подмененного царевича и злого царя — опорными элементами легенды о самозванце.

Трудности западного авантюриста, приехавшего на ловлю счастья и чинов в Россию, проистекают из того, что социальная ниша оказывается занятой. При дворе сложилась система фаворитизма, тогда как народ порождал все новых и новых самозванцев.

При дворе Людовика Возлюбленного Казанове делать было нечего: ему оставалось лишь искать расположения верховной фаворитки, маркизы де Помпадур, либо поставлять государю любовниц. Фридрих II прельстился мужской красотой венецианца, но тот отверг посулы, о чем потом жалел, встретив каноника, удачно сделавшего карьеру этим путем. Не то в России. Почти весь век правят женщины, чего в России не было ни до, ни после: Екатерина I, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, Елизавета Петровна, Екатерина II. Иностранцы пишут о царящей в России «гинекокрации»⁹. Но, памятуя о Бироне, Лестоке и маркизе де ла Шетарди, Екатерина II не хочет брать в фавориты иноземцев, она хочет слыть истинной русачкой. В ее царствование отбор и перемена фаворитов веняют динамику в иерархическую структуру общества. Петровская «Табель о рангах», уравнившая все роды государственной службы (придворная, военная, статская), твердо установила очередность прохождения степеней со-

⁷ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. С. 115—116. Напомним, что Алексей, приговоренный к смерти, умер в темнице в 1718 г.

⁸ См.: Успенский Б. А. История sub specie semioticae // Успенский Б. А. Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 50—59.

⁹ Masson Ch. F. Ph. Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul Ier. Paris: Ch. Pougens, 1800—1803.

циальной лестницы и разделила людей по разрядам («чин чина почитай»), тогда как призрак монаршей милости обострял соперничество, позволял надеяться на обходные пути. Подобно тому как война выдвигает одаренных генералов, императрица создавала государственных мужей. При этом, разумеется, у Екатерины II были и бездарные фавориты, и талантливые сподвижники. Но лучшие, Орловы и Потемкин, люди необычайно яркие, напоминали авантюристов своей бесшабашностью, мужской удалью и богатырской статью, недюжинной силой, отвагой, умением соблазнять, богатым воображением и ненасытностью во всем: славе, власти, деньгах, женщинах. Они все схватывали на лету. 25 июня 1771 г. императрица писала госпоже Бьелке о Григории Орлове: «Удивительно, сколько он знает, и его природная острота простирается так далеко, что слыша о каком-нибудь предмете в первый раз, он в минуту подмечает сильную и слабую его сторону и далеко оставляет за собою того, кто сообщил ему об этом предмете»¹⁰. В отличие от авантюристов, екатерининские фавориты не только мечтают, но и действуют, поражая всех дьявольской энергией и работоспособностью. Они любят грандиозные планы (греческие проекты Орловых, а затем Потемкина, персидский поход Валериана Зубова), им не дают покоя лавры Александра Македонского, они выигрывают сражения, освобождают христиан из-под власти турок, поднимают народы на восстание (Алексей Орлов), завоевывают новые земли и обживают их, строят города (Потемкин). Фавориты воплощают то, к чему стремятся авантюристы.

Исключительным примером восхождения чужеземца, но, подчеркнем, православного, может служить карьера серба Семена Зорича (1745—1799). Источники по-разному излагают его биографию, но во всех пересказах она изобилует романскими топосами. Юный крестьянин (или даже пастух, для соблюдения требований жанра), пригожий, смелый, он поступает в русскую армию благодаря содействию дяди. Он покрывает себя славой в войне с турками, но, раненый, попадает в плен и проводит в Турции четыре года (по другим сведениям, он попал в рабство еще мальчиком). Вернувшись в Россию, Зорич по протекции Потемкина, рассчитывавшего приставить к императрице верного ему человека, делается в 1777—1778 гг. фаворитом Екатерины II. Вознесясь и возгордившись, новоиспеченный генерал решил устранить своего покровителя и соперника и был за то удален от двора после одиннадцати месяцев царствования. Став богачом благодаря щедротам императрицы, он снискал репутацию заядлого игрока (Пушкин поминает его в «Пиковой даме»), гуляки, мота и любителя делать долги. В своих владениях в местечке Шклов он вел себя как самодержец, окружил себя свитой авантюристов, приехавших со всего света: фран-

¹⁰ Цит. по: Соловьев С. М. История России. Кн. 14. Т. 28. М., 1994. С. 522.

цузы, итальянцы, немцы, сербы, греки, молдаване, турки (и среди них хорошо известные лица: Премислав-Марко и Ганнибал Занновичи, Галльен де Сальморанк)¹¹. Искатели приключений завидовали и подражали генералу, не упуская случая надуть его.

У западных рыцарей удачи немало общего с русскими самозванцами¹². В XVIII в. появляются десятки поддельных Иоаннов Антоновичей и Петров III, «маркиз Пугачев», как называл его Вольтер, — лишь один из многих. Мелькали и лжеграфини Дашковы, как доносил в Версаль в 1765 г. французский посол. Сходство фигур происходит из сходства социально-психологических характеров, способности принять роль, навязанную обществом («карнавальная» царь, наделяемый на время высшей властью). Кроме того, многие авантюристы выступают в роли самозванцев (С. Заннович, Тревогин), и твердую границу провести трудно. Различие объясняется тем, что русские самозванцы действуют в принципиально иной культурно-исторической среде, их иначе воспринимают и оценивают.

Авантюристы создают легенду, самозванцы заимствуют. Первые ориентируются на книжную традицию, вторые остаются внутри фольклора, но структура текстов схожа. Мы видели, как в мемуарах Казановы перерабатываются алхимические трактаты и волшебные сказки; в других случаях он заимствует эпизоды из авантюрных романов, в частности из «Жиль Блаза», или превращает картину в сценку (эпизод с горничной г-жи Кайзерлинг в Митаве, возможно, навеян «Шоколадницей» Лиотара). Калиостро и Сен-Жермен заимствуют эпизоды своих легенд из розенкрейцерской агиографии, в первую очередь из «Fama fraternitatis» («Братская молва, или Собратство достохвалного ордена розенкрейцерского», 1614). Наиболее характерные мотивы Калиостро сконцентрировал в мемуаре, представленном на суде по делу «ожерелья королевы», но их использует большинство авантюристов: тайна рождения (брошенный сын государя или вельможи), воспитание на Востоке (или путешествие на Восток), спуск в подземный мир и посвящение в таинства пирамид, скитания, необходимость скрываться от преследований врагов, знание наук и языков, в том числе мертвых и священных, перемена многих профессий, общение с духами, бесплатное лечение всех страждущих, отказ от земной

¹¹ Барсуков А. Шкловские авантюристы // Барсуков А. Рассказы из русской истории XVIII в. СПб, 1885. С. 243—284.

¹² Из посвященной им обширной литературы особо отметим уже упоминавшуюся книгу К. В. Чистова, а также работы: Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык Средневековья. М.: Наука, 1982. С. 201—235; Мильников А. С. Искусшение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники. М.: Наука, 1991; Ingerflom Cl. S. Les représentations collectives du pouvoir et l'« imposture » dans la Russie des XVIIIe—XXe siècles // La Royauté sacré dans le monde chrétien. Paris: Éd. de l'EHÉSS, 1992. P. 157—164.

С. Г. Зорич
Русские портреты XVIII и XIX столетий.
Спб., 1906

пищи. Разумеется, варианты зависят и от авантюриста (так, для Монброна, д'Аржанса, Казановы и С. Занновича Турция заменяет Египет), и от аудитории: понятно, что Казанова кажется иным маркизе д'Юрфе, чем принцу де Линю.

Чтобы претендовать на трон, самозванец должен его потерять. Устойчивая легенда (ее русский вариант подробно исследован К. В. Чистовым) рассказывает о государственном перевороте или покушении, произошедшем в детстве или юности, подмене или изгнании, рабстве или тюремном заточении, скитаниях инкогнито и паломничестве по святым местам (Польша, Царьград, Египет, Иерусалим), нищете и страданиях. Чтобы отыскать дорогу на родину, которую призван преобразить самозванец, или попасть в идеальный мир, подобно героям утопических романов Бернардена де Сен-Пьера и Казановы, надо возродиться после смертельной опасности, претерпеть испытание унижением, голодом и холодом, пересечь море.

Авантюрист играет роль, самозванец живет ею. Первого просят о вполне конкретных чудесах: вернуть молодость и красоту, отыскать клад, изготовить золото и алмазы, даровать стране свободу и независимость, обогатить государственную казну, не увеличивая налогов. Второй призван восстановить царство Божие на земле и вернуть золотой век, он должен воплотить утопические мечты крестьян. После ареста Пугачева во Франции разнесся слух, что он предложил императрице отпустить его, дабы он завоевал для нее Китай¹³, как Ермак — Сибирь: даже в железной клетке самозванец почитается всемогущим. По российским представлениям, все разумное действительно, все действительное неразумно. Законны только добрые цари и хорошие законы (те, что соответствуют народным чаяниям); те государи, что обманывают эти ожидания, воспринимаются как узурпаторы (Борис Годунов, Екатерина II) или Антихристы (Иван Грозный, Петр I), а их указы как подложные. Напротив, указы Пугачева, жалующего волей и землей, считаются подлинными, родимые пятна или клейма — царскими знаками, а казачьи атаманы — придворными, графами Чернышевыми или Паниными. Как показал Б. А. Успенский, самозванчество, с одной стороны, подпитывается фольклорной «игрой в царя», а с другой — поведением монархов (Ивана Грозного и Петра I), ставящих на престол вместо себя подставное лицо, дабы вознести его и убить (как князя Владимира, боярина Федорова или Симеона Бекбулатовича), или создающих «всепьянейшую и всешутейную» государственную иерархию с князем-папою и князем-кесарем во главе. О том, что в периоды коренных социальных переделов в поведении общества и государя усиливается карнавальное

¹³ Гримм к С. П. Румянцеву, Париж, 20 января 1775 г. — РГБ. Ф. 255. Карг. 7. Ед. хр. 40. Л. 2—2 об.

Шарль де Линь
Двор императрицы Екатерины II.
Ее сотрудники и приближенные.
СПб., 1899

начало, вслед за М. М. Бахтиным писали В. В. Иванов¹⁴, Д. С. Лихачев и А. М. Панченко¹⁵; Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский несколько уточнили их тезис, подчеркнув связь смеха и жестокости, насильственное вовлечение зрителей в представление¹⁶. Позднее С. С. Аверинцев писал о дьявольской природе смеха (и шире — карнавальной традиции), доказывая, что он не освобождает, а порабощает, примиря с действительностью¹⁷. Вспоминая павловское царствование, мемуаристы уверяли, что никогда так не дрожали от страха и так не смеялись. В русской традиции публика не отделена от актеров, кровавое шутовство воспринимается особенно остро потому, что ты от него не защищен. Деление мира на земщину и опричнину ясно подчеркивает исконное представление о том, что кромешный мир подстерегает тебя сразу за порогом дома. В чужом пространстве ты должен одеваться, говорить, вести себя наоборот: выворачивать платье наизнанку или вовсе скидывать его, плакать на свадьбе и смеяться на похоронах. Дуальная (чтобы не сказать манихейская) организация пространства, где рай и ад, свой и чужой мир предстают как двойники с обратным знаком, где нет места ни для католического чистилища, ни для нейтрального существования, приводят к тому, что в обществе создаются зоны антиповедения: временные (святки), пространственные (кабак, баня), социальные (скоморошество, юродство, самозванчество). В разных контекстах они воспринимаются как непристойные, колдовские или праведные. Анализируя средневековую агиографию, Б. И. Берман показал, что жестокость входит составной частью в понятие святости¹⁸, подобно тому, добавим, как страх неразрывно связан со смехом. Думается, что бахтинская концепция карнавала (или антиповедения), универсального смеха, проникающего во все сферы бытия, более применима к России, нежели к Западной Европе. Если говорить о XVIII в., то венецианский карнавал, длящийся значительную часть года, театрализует жизнь горожан, но не отменяет социальную иерархию, не разрушает обыденное существование. Российское антиповедение сидит в каждом, от холопа до царя, от пьяницы до подвижника, и прорывается бунтами, сотрясающими страну.

¹⁴ *Иванов В. В.* Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Труды по знаковым системам 6, 1973, С. 5—44.

¹⁵ *Смеховой мир Древней Руси.* Л., 1976; 2-е изд. — *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984.

¹⁶ Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы, 1977, № 3, С. 148—167.

¹⁷ *Аверинцев С. С.* Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ. М.: 1992. С. 7—17.

¹⁸ *Берман Б. И.* Читатель жития. Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия // Художественный язык Средневековья. М., 1982. С. 159—183.

Народ снабжает самозванца биографией, которая почти не меняется на протяжении двухсот лет, ибо она относится не к конкретной личности, а к идеальному спасителю. Всякий новый Лжедмитрий или Петр III отождествляется со своими предшественниками, использует их славу и подвиги. У легенды, как в фольклоре, нет автора, аудитория знает его так же хорошо, как исполнитель, предлагающий свой вариант; самозванец плоть от плоти ее. Напротив, истории авантюристов напоминают литературные тексты, следующие жанру, но отличные друг от друга. Автор использует канон, трансформирует его. Он уже не равен публике: авантюрист, как правило, простолюдин, тогда как зрители — сильные мира сего, аристократы и богачи. Истории самозванцев всегда кончаются трагически, тогда как авантюристы довольствуются тюрьмой. Их, как комедиантов, не принимают всерьез, их освистывают, изгоняют со сцены, но не казнят.

Если перевести легенду о приходе самозванца, в частности Петра III, на язык литературного мифа, то ему достается роль явившегося с того света невинно убиенного мужа, который призван покарать нечестивцев, своих палачей и восстановить справедливость. Другими словами, он — Каменный гость, мстящий Дон Жуану, или, точнее, неверной жене: как показал К. В. Чистов, самозванчество XVIII в. во многом идет под лозунгом борьбы против «бабьего царства».

Авантюристам трудно в России еще и потому, что и в роли врача-лечебника они смотрелись плохо. До начала XVIII в. в стране было очень мало профессиональных врачей, обходились знахарями, повивальными бабками да баней. Е. П. Карнович верно заметил, что Калиостро, который не достиг успеха в петербургском свете, не мог рассчитывать на влияние толпы, ибо в своих пышных нарядах он казался простому люду важным барином, а не колдуном. «Известно также, что наш народ всегда предпочитал, да и теперь еще предпочитает в качестве колдуна “ледащего мужичонка”, и чем более он бывает неказист и неряшлив, тем более может рассчитывать на общее к нему доверие. [...] Как заморский врач, Калиостро в Петербурге мог найти для себя весьма ограниченную практику, и опасным для него соперником был даже знаменитый около того времени Ерофеич, с успехом лечивший не только простолюдинов, но и екатерининских царедворцев и тоже открывший своего рода жизненный эликсир, который и доньне удержал за собою прозвище своего изобретателя»¹⁹. Императрица держалась того же мнения: заморский маг Калифалкжерстон может подчинить себе одного хозяина дома, даже не всю семью, тогда как на поклон к шаману сибирскому съезжается весь Петербург.

Это отнюдь не значит, что в Западной Европе вовсе не было крестьян-знахарей, а в России — иноземных врачей. «Санктпетербург-

¹⁹ Карнович Е. П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. СПб: Суворин, 1884. С. 133—134.

ские ведомости» от 13 июля 1772 г. (№ 56) сообщают, что в Париже в июне месяце всех взбудоражил пришлый немецкий крестьянин, исцелявший прикосновением. Улица вокруг его дома была полна людей, рассказывали друг другу невероятные слухи, будто слепые прозрели, глухие прослышали, а хромые начали ходить. День его держали в полиции и потребовали исцелять под надзором. Когда обман открылся, крестьянин уехал в Англию.

Ф. М. Гримм проанализировал эту историю в «Литературной корреспонденции» (июль 1772): «А поскольку, как знает любой, кто умеет читать, история — всего лишь вечное повторение тех же событий, то бедный Иисус Христос из Цвейбрюкена едва не затмил своего божественного предшественника [...]. Я не посоветовал бы какому-нибудь умнику разоблачать подлинность его чудес: его задавила и растоптала бы толпа слепых, глухих, хромых и увечных почитателей, объединенных верой и надеждой. Малый денег не брал. [...] Он исцелял прикосновением и требовал от больного только верить в Бога. Если больной не выздоравливал, это значило, что он плохо верил»²⁰.

Через десять лет в письме к Н. П. Румянцеву Гримм просит сообщить подробности о крестьянине, который пользуется в Германии воскурениями и якобы вылечил принцессу из дома Нассау, ибо его одолевают расспросами весьма влиятельные особы²¹. В 1779 г., когда Россию посетил Калиостро, «Санктпетербургские ведомости» много рассказывали о Месмере и магнетизме, регулярно печатали объявления, что живущие на Большой Морской, у его сиятельства графа Остермана «французские глазные лекари» братья Пеллье «искусство свое ежедневно подтверждают, возвращая зрение множеству слепых»; к сему присовокуплялись списки исцеленных²².

В Европе частенько появлялись поддельные принцы, их имена постоянно мелькают в уголовной хронике. Еще в XVII в. Бризасье, секретарь французской королевы Марии-Терезии, написал королю Польши Яну Собескому письмо о том, что он его побочный сын и хорошо бы папеньке хлопотать за него перед Людовиком XIV, дабы его сделали герцогом и пэром. К просьбе Бризасье присовокупил подложное письмо Марии-Терезии, ее портрет с бриллиантами на 25 тысяч ливров и еще вексель на сто тысяч экю. Ян Собеский дары принял, Людовику XIV написал, но тот, разумеется, обратился за разъяснениями к жене, чем вызвал немалое ее удивление. За подлог Бризасье был отправлен в Бастилию (1676—1678), потом признан сумасшедшим, освобожден и в 1682 г. выслан в Польшу, где он нашел скверный прием. Все же Ян Собеский, сжалившись, дал ему денег на

²⁰ СЛ. Т. 10. Р. 3—5.

²¹ Гримм к Н. П. Румянцеву, Париж, 11 сентября 1783 г. — РГБ. Ф. 255 Карт. 7. Ед. хр. 29. Л. 20—21.

²² СПбВ, 27 сентября (8 октября) 1779, № 78.

то, чтоб добраться до Москвы, где он и умер, когда готовился ехать дальше, в Индию²³.

О многих самозванцах упоминает Казанова, причем точность его рассказов полностью подтверждается полицейскими донесениями и газетными заметками. Венецианец конкурентов не любил и в 1745 г. разоблачил на острове Корфу своего денщика, выдававшего себя за принца Ларошфуко, хотя весь гарнизон ему поверил. В сравнении с комедийной ситуацией, описанной нами выше, роли перевернулись: там хозяйский слуга противостоял залетному авантюристу, здесь юный Джакомо отказался признать в собственном слуге герцога и пэра и избил наглеца палкой, рискуя попасть под арест. В 1750-е годы во Франции и Италии Казанова встречался с Карлом Ивановым, сыном часовщика из Нарвы, именовавшим себя принцем Курляндским, и, как уверяет, пострадал из-за того, что мошенник использовал его имя в денежных делах (а у венецианца нередко возникали проблемы из-за платежей по векселям).

В 1764 г. «Санктпетербургские ведомости» сообщают: «Франция. Из Парижа от 13 августа. Некоторый Арап, который здесь долгое время жил под именем наследного принца, находящегося в нижней Эфиопии королевства Анголы, посажен в тюрьму, Бисетр называемую, где с ним конечно не будет поступлено как с принцем. Он 22 числа прошедшего месяца, поутру во втором часу взят под караул полицейским офицером. Сей обманщик будучи в Копенгагене и Гамбурге немало наделал и там проказ. Сказывают, что он самый подлый человек и своим мотовством нажил себе несколько тысяч ливров долгу»²⁴.

Мы помним, как в 1776 г. обер-офицер Лицын выдавал себя в Париже за польского принца. В ноябре 1780 г. высылают из России некоего Иосифа Абаиси, именовавшегося принцем Палестины. По указу Екатерины II его снабжают одеждой, немалыми деньгами на дорогу (сто червонцев голландских и двести пятьдесят рублей) и под надзором фон Роде, сержанта Семеновского полка, довозят до Риги, дабы впредь обратно не впускать²⁵. В Шклове в 1780-е годы живет принц Изан-бей, якобы помогавший Зоричу, когда тот был в турецком плену, а потом бедствовавший в Париже²⁶. В павловскую эпоху надзор за иностранцами ужесточается, о чем говорят следственные дела о поддельных маркизах и баронессах, о девицах Клод и Элизабет Виндквист, выдававших себя за дочерей графа Орлова (1797), и др.²⁷

²³ *Choisy F.-T. de. Mémoires pour servir à l'histoire de Louis XIV.* Paris: Mercure de France, 1979. P. 212—216, 398 (note).

²⁴ СПбВ, 31 августа (11 сентября) 1764, № 70.

²⁵ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Раздел 18. Ед. хр. 3477. См. Приложения, с. 377—378.

²⁶ *Энгельгардт Л. Н. Записки.* М., 1867.

²⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 3043, 3137, 3264.

Кажется, что на долю заезжих авантюристов в России остаются только роли мошенников. Почва благодатная. Екатерина II писала Гримму 11 (22) декабря 1781 г.: «Чего вы хотите, как ни убивайся, как ни протестуй против нашей доверчивости ко всяким авантюристам, все бестолку, она вошла в привычку и никак от нее отделаться, разве что следующее поколение от нее избавится»²⁸. Донесения французских дипломатов на первый взгляд это подтверждают: они в один голос честят соотечественников, которые не желают подчиняться посольству. Луи Александр де Ла Мессельер, секретарь посольства в 1757 г., пишет в мемуарах, что тучи французов «после разногласий с парижской полицией прилетели разорять северный край»²⁹. Его непосредственный начальник, маркиз де л'Опиталь доносил в Версаль кардиналу де Бернису, что «много учителей языка и гувернеров, устроившихся у русских вельмож, и прочих авантюристов, но мало негодяев, я не знаю, что делать с подобной сволочью, зачастую позорящей нацию и посольство Франции»³⁰. Дипломаты объясняют ситуацию отсутствием должного надзора за французской колонией в те десять лет, когда дипломатические отношения между двумя странами были прерваны. Тем не менее тридцать лет спустя граф де Сегюр, посол в Петербурге (1784—1789), также клеймил авантюристов: «Правду сказать, уже много лет, как в России изобиле весьма мало почтенных французов. Среди них встречаются женщины легкого поведения, авантюристы, горничные, лакеи, ловко скрывающие свою прежнюю профессию и невежество за вежливыми речами»³¹. По его воспоминаниям, среди них попадались весьма изобретательные плуты. Так, самозванный граф де Верней, развлекавший столичную знать забавными рассказами, пением и музицированием, был вынужден срочно покинуть город, ибо в домах, которые он удостаивал своим посещением, стали недосчитываться серебряных ложек, часов, табакерок или драгоценностей (увы, карьере Ивана Тревогина в Париже в эти же годы также сгубило столовое серебро). Выехать из России он не мог, ибо паспортом запастись было недосуг, а потому явился рано поутру к рижскому генерал-губернатору и устроил скандал из-за таможенных проволочек, уверяя, что только что прибыл из Польши. Губернатор спросонья велел вышвырнуть наглеца из пределов империи, чего тот и добивался.

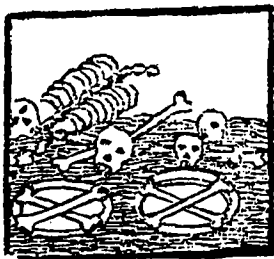
²⁸ СБРИО. Т. 23. С. 223.

²⁹ *La Messelière L. A. de. Voyage à Pétersbourg*. Paris: V^{nc} Panckoucke, 1803. P. 124.

³⁰ Маркиз де л'Опиталь к кардиналу де Бернису, СПб, 14 июня 1758 г. — ААЕ. СР. Russie. Vol. 56. Fol. 309r^o-v^o. Я благодарю В. Я. Береловича, указавшего мне эту депешу.

³¹ *Séguir L. Ph. de. Mémoires, souvenir et anecdotes*. Paris: Firmin Didot, 1859. Т. 1. P. 365.

РЕСПУБЛИКА АВАНТЮРИСТОВ. БЕРНАРДЕН ДЕ СЕН-ПЬЕР

В реальности ситуация выглядела несколько иначе, чем ее описывали дипломаты. Авантюристы-прожектеры: шевалье д'Эон, Джованни-Микеле Одар, Джакомо Казанова, Пьер-Франсуа Пикте, барон Шарль-Леопольд Андреу де Билиштейн и Жан-Анри Бернарден де Сен-Пьер — старались преуспеть, разрабатывая планы колонизации окраин и развития внешней торговли России, т. е. действовать в духе государственной политики.

Юношеские странствия Бернардена в точности соответствуют маршруту путешествий авантюристов Республики Словесности: Голландия — Германия — Россия — Польша. Даже недоразумения, случившиеся с ним, весьма показательны: в 1761 г. в Голландии будущий писатель предъявляет рекомендательное письмо от генерала графа де Сен-Жермена, а его принимают за адепта знаменитого алхимика и чудотворца, который, как мы помним, в 1760 г. был в Голландии с секретной дипломатической миссией.

В Петербург Бернарден де Сен-Пьер прибыл в сентябре 1762 г., вскоре после восшествия на престол Екатерины II. Приехал никем не званный, без денег и без рекомендаций, на одном корабле с труппой комедиантов¹. Бернарден, сменив, как положено, имя и став шевалье де Сен-Пьером, входит в доверие к графу Миниху, к французам на русской службе генералу Даниелю де Боске и Александру де Виль-

1 О Бернардене де Сен-Пьере и России см.: *Maury F.* Etude sur la vie et les œuvres de Bernardin de Saint-Pierre. Paris: Hachette, 1892; *Souriau M.* Bernardin de Saint-Pierre d'après ses manuscrits. Paris: Société française d'imprimerie et de librairie, 1905; *Кобеко Д. Ф.* Из истории французской колонии в Петербурге // ЖМНП, 1883, № 3; 1884, № 5.

буа, начальнику артиллерии. Он попадает в инженерные войска. Его главный козырь, как утверждают французские биографы, — умение нравиться всем. Деньгами его ссужает придворный ювелир женевец Луи Дюваль. Офицерское звание позволяет представиться ко двору и, согласно легенде, поддержанной первым биографом писателя, Эме-Мартеном, Бернарден многого ждал от аудиенции². Вильбуа, двадцать лет служивший Екатерине Алексеевне, якобы видел в нем потенциального фаворита, соперника Орловых. Но, по рассказу Эме-Мартена, Сен-Пьер растерялся и должно впечатление на императрицу не произвел. В 1765 г. Вильбуа пришлось уйти в отставку и уступить свою должность Григорию Орлову³. Годом раньше покинул Россию Бернарден де Сен-Пьер⁴, когда над ним нависла угроза брака: генерал де Боске предложил ему руку своей племянницы м-ль де Латур. При выходе в отставку он, как принято, был произведен в следующий чин, стал капитаном, получил денежное вознаграждение, почему, видимо, и намекал впоследствии на особое расположение к нему императрицы.

Литературную деятельность Бернарден де Сен-Пьер начал в России с составления проектов. Были предложения, достойные если не Мюнхгаузена, то Некопейкова: например, доставка срочной почты с помощью пушечных ядер летом и на коньках зимой. Наиболее известен его «Проект компании для открытия пути в Индию через Россию», поданный Екатерине II в 1763 г. через Григория Орлова. В нем он предлагал почестями и деньгами привлечь в Россию людей, которые были вынуждены, подобно ему, покинуть родину. Можно обеспечить их свободу и процветание, основав колонию на берегу Аральского моря. «Колония авантюристов будет признана русским двором как суверенная вольная республика, управляемая по собственным законам, сама выбирающая советников магистратуры и чиновников»⁵. Сто пятьдесят дворян и сто пятьдесят ремесленников образу-

² *Aimé-Martin L.* Mémoire sur la vie et les ouvrages de J.-H. Bernardin de Saint-Pierre. Paris: Lefèvre, 1826.

³ «Санктпетербургские ведомости» 22 марта 1765 г. опубликовали указ об увольнении для поправления здоровья «генерала фельдцеймгмейстера Александра Никитича Вильбоа», а 11 мая — о его полной отставке.

⁴ «Санктпетербургские ведомости» (№ 35—37 от 30 апреля до 11 мая 1764 г. по ст. стило) печатают объявления об отъезде «инженерного капитана шевалье де Сен-Пьера, живет на Литейной стороне в Инженерном корпусе». А когда Бернарден был уже в Польше, появилось объявление, что у ювелира Людовика Давида Дюваля, живущего на Адмиралтейской стороне в Садовой улице против Летнего дворца в доме придворного кофешенка Осипа Моисеева, пропал 27 июня из горницы футляр, в котором были 12 перстней с бриллиантами (6 (17) августа, № 63).

⁵ *Bernardin de Saint-Pierre.* Projet d'une compagnie pour la Découverte d'un passage aux Indes par la Russie, présenté à Sa Majesté l'Impératrice Catherine II // Œuvres posthumes, éd. L. Aimé-Martin. Paris: Lefèvre, 1833. P. 39.

ют государство, призванное завоевать и цивилизовать дикий край и юные народы. Оно будет уравновешивать русский деспотизм и разнужданную татарскую вольницу. Авантюристы поставят под свой контроль торговлю Индии с Россией, а в идеале и со всей Европой.

Хотя в тот же год Екатерина II приказала обследовать и описать восточное побережье Каспийского моря, план Бернардена понравиться ей не мог. Во-первых, по причине своей неосуществимости: добраться водным путем из Петербурга до Персидского залива можно только на географической карте той эпохи. Автор и сам признается: «Эта мысль тотчас приходит в голову при первом взгляде на географическую карту»⁶. Во-вторых, план был дорог: Бернарден просил заем в 150 тысяч рублей без малейшей гарантии, что сможет его вернуть. И, наконец, замысел прямо противоречил фундаментальному принципу авторитарного правления, которое Екатерина II считала единственно приемлемым для России.

Уехав в Польшу в июне 1764 г., Бернарден де Сен-Пьер, как истинный авантюрист, тотчас предал свою прежнюю государыню. Он стал секретным агентом французского посла, поддерживал противников русской партии, а когда королем при поддержке Екатерины II был избран Станислав-Август Понятовский, постарался добиться его расположения (позднее так же добивались благосклонности польского короля и активно поддерживали его противников Казанова и С. Заннович⁷). Но, не получив ни в Варшаве, ни позднее в Берлине подходящей должности, Бернарден несолоно хлебавши вернулся в Париж. Рекомендации французских дипломатов помогают ему получить только место на судне, отправляющемся в Индийский океан, на остров Иль-де-Франс, ныне остров Маврикий.

В июне 1771 г. Бернарден возвращается в Париж после семимесячного путешествия. У него нет ни должности, ни денег, одни лишь долги, которые он наделал в России, Польше и Пруссии. Другьям-кредиторам он может предложить только «несколько скверных кораллов и посредственных раковин»⁸. Русский посол в Берлине князь Владимир Сергеевич Долгорукий отказался от раковин, которые Бернарден предложил ему в письме от 3 июля, и уверил в ответном послании от 17 августа 1771 г., что не торопит его с уплатой пятисот ливров. Посол го-

⁶ *Œuvres posthumes*. P. 33. Правда, через два года кабинет-секретарь Григорий Теплов предложил комиссии по коммерции поискать новые торговые пути, изучая географические карты — *Фирсов Н. Н.* Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Очерки из истории торговой политики. Казань: Имп. ун-т, 1902. С. 72.

⁷ *Fabre J.* Stanislas-Auguste Poniatowski et l'Europe des Lumières. Paris: Université de Strasbourg, 1952. P. 289.

⁸ Бернарден де Сен-Пьер к П. М. Эннену, 3 июля 1771. — *Correspondance de J.-H. Bernardin de Saint-Pierre*, éd. L. Aimé-Martin. Paris: Ladvocat, 1826. T. 1. P. 157.

тов подождать, пока министр морских дел и колоний не выполнит своих обещаний⁹. Как известно, Бернарден в своем «Путешествии в Россию» назвал русских «непостоянными, ревнивыми, вороватыми и грубыми, уважающими только тех, кто им внушает страх», сделав исключение только для семей Долгоруких и Воронцовых¹⁰.

В августе Бернарден подал министру Пьеру-Этьену Буржуа де Буину прошение о возмещении 1300 ливров, израсходованных во время путешествия. Но морской министр приказал выплатить ему только 800 ливров и жалованье за полгода¹¹. Осенью 1771 г. «капитан инженерных войск» отказался продолжить дипломатическую карьеру, последовать в Неаполь за своим давним покровителем, бароном де Бретеем, и покинул его дом. У него остался последний шанс — обработать и опубликовать свой путевой дневник. «Не потому, что я хочу стать литератором, подобная карьера малопривлекательна и никуда не ведет», — спешит он оправдаться в письме к своему другу Эннену¹².

Несмотря на все уверения, Бернарден связывает с книгой большие надежды. «Я развлекся сочинением записок об Иль-де-Франсе, которые выйдут в конце года, — пишет он Луи Дювалю 27 июля 1772 г. — Я приберегу для вас экземпляр. Я там рассказываю о рабе, который носил ваше имя и которому я даровал свободу. Все говорят, что книга будет удачной. Ваш соотечественник [Жан-Жак Руссо] и г-н д'Алаамбер меня в том уверяют. Но я сомневаюсь. Если все получится, я, может быть, попрошу вас передать один экземпляр Ее Величеству, которой я также многим обязан»¹³.

После выхода в свет «Путешествия на Иль-де-Франс» (1773) автор, тщетно добивавшийся должности в Военном училище, понадеялся, что сочинение его станет событием для всей Европы и правительства будут наперебой предлагать места тому, кто «смело стал на защиту человечества»¹⁴. Но продавалась книга плохо и надежд не оправдала. 12 февраля 1773 г., даже прежде чем послать книгу Эннену, Бернарден отправляет в Петербург с голландским кораблем один экземпляр Дювалю¹⁵, а второй через Неккера препровождает Екатерине II. В этот год Бернарден часто бывает у Неккерова, советуется о своих литературных планах, читает у них в салоне отрывки из «Путешествия»¹⁶. Но правильно ли он выбрал посредника? Ведь когда сам Нек-

⁹ Amsterdam, Собрание Дидерихса, 134 Ах. Л. 1.

¹⁰ *Bernardin de Saint-Pierre. Œuvres posthumes.* P. 25—26.

¹¹ *Maury F.* Op. cit. P. 94.

¹² 29 декабря 1771 г. — *Correspondance.* Т. 1. P. 169.

¹³ *Sainte-Beuve C.-A. Causeries du lundi.* Paris: Garnier frères, 1853. Т. 6. P. 434.

¹⁴ *Souriau M.* Op. cit. P. 148.

¹⁵ См. письмо Дювала к Бернардену от 24 июня 1773 г. — *Aimé-Martin L. Mémoire sur la vie et les ouvrages de J.-H. Bernardin de Saint-Pierre.* P. 438.

¹⁶ *Tahhan-Bittar D. La Correspondance de Bernardin de Saint-Pierre. Inventaire critique.* Paris, 1970 (thèse), № 230, 232.

кер решит в 1781 г. преподнести императрице свою книгу «Отчет для короля», он прибегнет к услугам Фридриха Мельхиора Гримма¹⁷.

Книгу Бернарден де Сен-Пьер посылает вместе с письмом:

Государыня

Французский офицер, имевший честь служить в инженерном корпусе Вашего Величества в 1763 году, осмеливается преподнести Вам экземпляр путевых записок, которые он только что опубликовал. Он был обязан выказать свое почтение государыне, равно отличной своей смелостью и умом; он был обязан отдать дань признательности за благодеяния, которых удостоило его в России Ваше Величество.

Побывав скорее по воле жребия, чем по воле судьбы, на противоположных концах света, я счастливи нынче преподнести Вам бескорыстное свидетельство моей признательности и моего уважения к Вам, Государыня, соединяющей то, что составляет славу великих монархов: мощь воине державы и доброе управление внутри нее.

Если б не столь естественное желание обосноваться на родине, где мне обещают место, я желал бы служить под началом Вашего Величества. Я сделал все, что дозволило мне здоровье, и долгое время сокрушался, что не могу более лично служить Вам. Но все же я имел удовольствие принести имя Вашего Величества в страну, где знали одни победы Ваши и куда по причине отдаленности не долетала весть о достоинствах Ваших, об уме, талантах и, осмелюсь сказать, о прелестях Вашего Величества.

Мне остается только, Государыня, пожелать Вам счастья. Вы были самой грозной правительницей Севера и Востока, будьте же самой любимой. Вы положили начало счастью Ваших подданных, даровав свободу части народа, внушив дворянам терпимость и вкус к искусствам. Пусть долгое царствование даст Вам время усовершенствовать дело рук Ваших! Пусть имя Ваше будет благословенно в народах, которые Вы стараетесь просветить и осчастливить.

Это искренние пожелания того, кто с глубоким уважением пребывает, Государыня, Вашего Величества покорнейшим, почтительнейшим и послушнейшим слугой

де Сен-Пьера

Париж, 2 февраля 1773 г., Отель Бурбон, ул. Ла Мадлен Сент-Оноре¹⁸.

Бернарден по-своему аранжировал расхожие мифы эпохи Просвещения. Как обычно, большая часть письма посвящена хвале Северной Семирамиде и собственным усилиям по прославлению ее

¹⁷ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 1021 и 1020. Л. 54.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. Р 65. Л. 1—2; *Stroev A. Une lettre inédite de Bernardin de Saint-Pierre à Catherine II (2 février 1773) // DHS, № 26, 1994. P. 239—250.*

имени во всем цивилизованном мире. Превознося мудрость правительницы, писатель кокетливо подчеркивает ее прелести. Бернарден настойчиво твердит о своем бескорыстии и, как принято, ссылается на здоровье, мешающее служить в России. Отметим также типичную для авантюристов апелляцию к судьбе и скрытую параллель между Севером и Югом («Побывав скорее по воле жребия, чем по воле судьбы, на противоположных концах света»). В сочинениях Бернардена Россия предстает как страна дикарей, которую, подобно экзотическим странам, надо цивилизовать и просветить. Потому в неоконченной повести «История регентши Анны» он, свободно обращаясь с историей, переносит русскую императрицу на берега Амазонки, где Анна Иоанновна задает капитану голландского корабля и французу, похожему на автора, истинно русский обед из икры, грибов, стерляди и медвежьих лап. Ее дочь, Софья Брауншвейгская, выходит замуж за индейца-философа, доказывающего, что доля дикаря предпочтительнее королевской, ибо сын природы живет в согласии со всеми, его племя едино, как один человек, он любит жизнь и не боится смерти¹⁹.

Возможно, одним из источников повести, вольно трактующей русскую историю, послужил слух, разнесшийся по Парижу в 1771 г., после смерти восьмидесятилетней г-жи д'Обан или Мальдак. Молва утверждала, что она — принцесса Брауншвейгская, жена царевича Алексея, которую мучил муж-тиран и девять раз пытался отравить. Когда она была на сносях, он ударил ее ногой в живот; принцесса потеряла сознание, а потом прикинулась мертвой. Она чудом спаслась с помощью графини де Кенигсмарк, матери маршала де Сакса, уехала в Париж, а оттуда в Америку. Она нашла приют в Луизиане, где вышла замуж за пехотного капитана д'Обана, родила ему дочь. Наследница восточной империи, простирающейся от Швеции до Китая, и сестра императрицы Западной империи владела небольшой плантацией и десятью неграми. Когда через десять лет семья приехала в Париж, в Тюильри принцессу узнал маршал де Сакс и сообщил королю, а тот австрийской императрице; но принцесса отправилась на остров Бурбон, не желая расставаться с мужем и дочерью, где жила до их кончины в 1757 г. В конце жизни она вернулась в Париж, и австрийский двор платил ей 45 тысяч ливров пенсии, из которой она три четверти раздавала бедным. Гримм рассказывает об этом в «Литературной корреспонденции» (июнь 1771 г.), уточняя, что все это роман и что подобный вымысел всегда пользуется успехом в Париже, где невозможно ничего проверить. «В течение суток здесь все истинно, о самых смелых и даже самых ложных вещах говорят с пылом и жаром, не терпящим даже тени сомнения; на другой день их забывают с той же легкостью, с какой излагали накануне»²⁰. Слух, разу-

¹⁹ Souriau M. Op. cit. P. 29—30.

²⁰ CL. T. 9. P. 329.

меется, был вскоре опровергнут, сам Гримм приводит разъяснения, данные августейшей особой (Фридрихом II или Екатериной II, по мнению М. Турне²¹), а заодно анализирует механизм порождения легенд: «Из этих наблюдений следует, что в мире немало авантюристов и авантюристок, кои, испытав громкие удары судьбы или необычайные перемены, покидают родную страну и в местностях, удаленных от первой их сцены, живут уединенно и скрытно. Но чем более удаляются они от общества, тем сильнее подстрекают его любопытство; разыгрывается воображение, чудеса обретают право на существование, ткуются великолепные сказки, герой или героиня которых не считают нужным их опровергать, и вот они преобразились в принцев, не зная ни выгод, ни тягот монаршей доли»²². История тем не менее оказалась живучей. 1 февраля 1778 г. ее упомянет «Journal encyclopédique», сославшись на рассказ о путешествии в Америку, а 15 мая редактор публикует пришедший из Петербурга материал, где история эта названа «полностью вымышленным романом», «материей для драмы в нынешнем вкусе» и объясняется, что ребенок (Петр II) благополучно родился, что Алексей с женой обращался скверно, но не бил, что она действительно умерла и деревянную чурку вместо нее не хоронили и что негоже «принуждать принцессу крови бежать в Англию как какую-нибудь авантюристку»²³.

В одном из набросков «Путешествия на Иль-де-Франс», опубликованном М. Сурио, Бернарден де Сен-Пьер вспомнил о России и обещал рассказать, как намеревался «основать республику на берегу Аральского озера»²⁴. В письме к императрице он вновь обращается к прежним идеям, но хвалить Екатерину II за то, что она даровала свободу части народа, и советовать продолжить благодеяния было не вполне уместно. Осенью 1773 г. разразилось восстание Пугачева, и государственная была весьма далека от либеральных идей.

Прочла ли императрица книгу? В Национальной (бывшей Публичной) библиотеке Санкт-Петербурга хранятся два экземпляра. Первый, без гравюр, изданный в том же 1773 г., принадлежал фавориту Екатерины II А. Д. Ланскому. Второй, посланный Бернарденем де Сен-Пьером (амстердамское издание, с гравюрами)²⁵, переплетен

²¹ Фридрих II писал д'Аламберу 30 ноября 1771 г., что самозванка, выдававшая себя за принцессу, была тотчас разоблачена в Брауншвейге. «Поверьте, что в России убивать умеют, и если при дворе кого-то отправляют на тот свет, ему уже не воскреснуть» — *Œuvres de Frédéric le Grand*. T. XXIV. Berlin: R. Decker, 1854. P. 552.

²² *CL*. T. 9. P. 395.

²³ A Saint-Pétersbourg, le 12 Avril 1778 // *Journal encyclopédique*, 1778, 15 mai. Vol. IV. P. 136—139

²⁴ *Souriau M.* Op. cit. P. 28.

²⁵ *Voyage à l'Isle de France, à l'isle de Bourbon, au cap de Bonne-espérance avec des observations nouvelles sur la nature et sur les hommes par un officier du roi*. T. 1—2. Amsterdam et se trouve à Paris chez Merlin, libraire, rue de la Harpe, à Saint Joseph, 1773.

в красный сафьян, на котором вытиснен двуглавый орел и Георгий Победоносец. В книге разрезана только часть страниц, в первом томе две закладки. Нет никаких оснований считать, что их оставила императрица; тем не менее выделенные места соотносятся с двумя основными темами письма: репутация и свобода. Первая, бумажная закладка лежит на странице 98 (письмо 5): «Как странно, что мы плохо еще знаем наш дом. Тем не менее все мы в Европе жаждем всемирной славы. Богословы, воины, литераторы, художники, монархи усматривают в том высшее счастье». Страница 204 (конец письма 12) заложена тесемкой: «Досадно, что Философы, которые столь смело восстают на злоупотребления, о рабстве негров вспоминают лишь с улыбкой. Неужели хуже убивать людей, не разделяющих наши убеждения, чем мучить целую нацию, услаждающую нас? Чувствительные дамы, вы плачете на Трагедиях, а то, что служит к увеселению вашему, пропитано слезами и окрашено кровью людей!»

Екатерина II не ответила Бернардену де Сен-Пьеру, ибо, как мы помним, ее беспрестанно «бомбардировали» книгами. Если даже допустить, что императрица запомнила молодого офицера, репутация обаятельного фантазера не могла способствовать тому, что новое сочинение будет принято всерьез. Но тринадцать лет спустя писатель, несмотря ни на что, вновь пробует преподнести свои сочинения Екатерине II, распространять их в России. После того как первое издание «Этюдов о природе» принесло ему за год более десяти тысяч франков, Бернарден получил возможность расплатиться с долгами, и в 1786 г. он возобновил переписку с Луи Дювалем и князем Долгоруким. В письме к ювелиру от 7 января 1786 г. он осведомлялся о дипломате, о генералах де Боске и де Вильбуа, обещал вернуть деньги и прислать свою книгу: «Я бы осмелился преподнести экземпляр Ее Императорскому Величеству, но боюсь, что этот знак уважения не доставит ей удовольствия, ибо, переслав ей в 1773 г. экземпляр моего «Путешествия на Иль-де-Франс» через г-на Неккера, тогда банкира, я не был удостоен ответом, что меня премного огорчило»²⁶.

И все-таки в письме от 3 марта 1786 г. Бернарден, вероятно, попросил у князя Долгорукого протекции, ибо в ответном послании от 4 апреля дипломат ему отказал. «Я вынужден сказать вам, что императрица не любит, когда ей адресуют сочинения,— объяснил посол.— Нам даже запрещено ей их посылать. Именно поэтому она вам и не ответила: я знаю только одного человека в Париже, которому доверено посылать ей то, что он сочтет заслуживающим внимания; если вы сможете с ним познакомиться, то, наверное, добьетесь успеха. Только пусть все останется между нами, прошу вас на меня не ссылаться, я не хочу быть скомпрометированным. Это имело бы для меня серьезные последствия, тогда как я действую исключительно в ваших ин-

²⁶ *Sainte-Beuve C.-A., Op. cit. P. 436.*

тересах, доверяя вашему образу мыслей. Этот человек — г-н Гримм. Его имя вам, разумеется, известно.

Ваше «Путешествие на Иль-де-Франс» доставило мне премного удовольствия тем, как оно написано, и потому я с нетерпением жду обещанного вами сочинения»²⁷.

Думается, князь Долгорукий ничего не преувеличил, желая смягчить отказ. Когда в 1776 г. русский посол в Париже князь И. С. Бярятинский начал во множестве пересылать в Петербург дары французских сочинителей, Екатерина II через вице-канцлера И. А. Остермана велела ему впредь адресовать авторов к С. Г. Домашневу, директору Академии наук, который оценит достоинство книг и определит, заслуживают ли они монаршего внимания»²⁸.

Но Бернардену, видимо, не хотелось обращаться к Гримму, которого его литературный наставник Руссо считал своим заклятым врагом. Писатель ограничился тем, что расплатился с кредиторами, не упустив случай послать дюжину книг в Россию. «Я охотно воспользуюсь тем, что вы предлагаете взять десять или двенадцать экземпляров моей книги в счет долга. Я надеюсь тем самым сделать ее известной в России, где, за исключением князя Долгорукого, которому я послал три экземпляра, ее никто не знает. Итак, два экземпляра я посылаю вам и вашей супруге [...] и еще десять, которые легко сможете продать по 10 ливров штука, по их парижской цене», — пишет он Дювалю 10 июня 1786 г., отправив книги неделей раньше с кораблем «*La Dame-Sophie*»²⁹.

Несмотря на разочарования, писатель не забывает ни Россию, ни Долгоруких, ни свои мечты. Морис Сурио пересказывает неоконченную повесть о приехавшем в Россию индейце (чьим прототипом был сам автор), который сделался фаворитом Екатерины II, подружился с княгиней Долгорукой, маршалом Минихом и генералом Вильбуа. Герой затем перебрался в Париж, стал писателем, а после с помощью друга-масона отправился на берега Амазонки. В архиве Бернардена, хранящемся в муниципальной библиотеке Гавра, остался также фрагмент романа, действие которого происходит в Ледовитом океане, и набросок «История юного князя Долгорукого»³⁰. Позднее, в письме к баронессе Юлии Крюднер от 29 апреля 1790 г. Бернарден де Сен-Пьер изложил план романа в духе «Поля и Виргинии» о генерале Минихе, ее деде, опять-таки развивая темы переменчивости русской

²⁷ Le Havre, № 165. Fol. 58.

²⁸ И. А. Остерман к И. С. Бярятинскому, СПб, 9 (20) августа 1776 г. — АВПРИ. Ф. 93. Оп. 6. Ед. хр. 316. Л. 3—3об.

²⁹ *Sainte-Beuve C.-A.* Op. cit. P. 438; *Souriau M.* Op. cit. P. 33; Le Havre, № 165. Fol. 58.

³⁰ Le Havre, № 441, liasse 8. Fol. 1—2; № 87. Fol. 99.

фортуны, контраста цивилизации и сурового климата, ибо всеильный временщик был, подобно Меншикову, сослан в Сибирь³¹.

Проект утопического государства вновь возник уже после революции в неоконченном романе «Амазонка», куда писатель намеревался включить также «Историю индейца» и «Историю регентши Анны» (создавался, видимо, в 1800—1805 гг.)³². В нем соединились события и люди из трех временных пластов: поездка Бернардена в Голландию в 1760 г., перед путешествием в Россию, проект колонизации Амазонки (1778 г.) и недавний опыт. Пожилой герой романа бежит из революционного Парижа в Амстердам, оставив жену и детей. Он спасается от угрозы неминуемого ареста, от голода, грабежей и террора, покидает город, где всерьез предлагают казнить стариков, чтоб не кормить их. На корабле «Европа», которым правит кормчий Дюваль (знакомое имя!), он отправляется в Америку. Все нации и профессии собрались в новоявленном ковчеге, плывущем завоевывать Новый свет. Судно терпит крушение в устье Амазонки, дикари спасают пассажиров, и они попадают в государство, основанное белыми переселенцами. В Республике друзей 120 тысяч жителей, она спрятана в лабиринте лесов. Плодородная земля дает два урожая в год, все животные приручены, киты послушно перевозят людей, летучие рыбы доставляют почту (у Казановы, как мы помним, с этим справлялись летучие лошади). В центре поселения находится Пирамида, разделенная на двенадцать частей по числу племен, ее четыре двери строго охраняются. Внутри расположены зал аудиенций, зал суда, свод законов, архив и библиотека, где герой первым делом обнаруживает книги Бернардена де Сен-Пьера.

В 1803 г. писатель вновь пробует разыграть «русскую карту». Захватывая роскошное издание «Поля и Виргинии», он рассылает по Европе проспект книги и письма с предложением подписаться на нее (хотя в предисловии к книге он будет утверждать обратное). В том числе он обращается к Марии Федоровне, Александру I и Елизавете Алексеевне³³. Он вновь напоминает о своей службе в России, но репута-

³¹ «Книга будет изобиловать контрастами: между величественною судьбою и одиночеством обездоленного изгнанника, который видел у ног своих всю Российскую империю и видел империю Оттоманскую на краю гибели в результате своих побед; между ужасной сибирской зимой и теплою страной, где живет его любезная внучка» (*Эфрос А.* Юлия де Крюднер и французские писатели // Литературное наследство. М., 1939. С. 95); *Ley F.* Bernardin de Saint-Pierre, madame de Staël, Chateaubriand et madame de Krudener (d'après les documents inédits). Paris: Montaigne, 1967. P. 62—65.

³² *Bernardin de Saint-Pierre.* L'Arcadie et l'Amazonie, prés. par R. Trousson. Paris — Genève: Ressources, 1980 (réimpr. de l'éd. 1833).

³³ *Дабига В.* Бернарден де Сен-Пьер и его письмо к императрице Марии Федоровне от 17 октября 1803 // РС. 1892. № 8. С. 297—306. Материалы гаврского архива свидетельствуют, что Бернарден через аббата Николая переправил письма секретарю Марии Федоровны М. И. Полетике и бывшему статс-секретарю Павла I Ф. Энжелю — *Le Havre.* № 121. Fol. 23.

ция просителя уже изменилась: «расставшись с армией ради литературы», он превратился в известного писателя (его «пастораль» якобы снискала одобрение вдовствующей императрицы), удрученного старостью и бедностью, книгами собирающего деньги на пропитание детей («Добрый прием, оказанный мне в России, много раз наводил меня на мысль обрести там последний приют моей старости...»). Ответа опять-таки не последовало, а результат был. Вся императорская семья значится в списке подписчиков издания «Поля и Виргинии» 1806 года, причем каждый оплатил четыре дорогих нумерованных экземпляра. Если к этим двенадцати прибавить три, приобретенных Дювалем-сыном, два — Николаем Демидовым и его женой, урожденной баронессой Строгановой, и еще два — проживавшей в Риге Юлией Крюднер, можно считать, что Россия собрала почти треть всех денег. Остальные 47 подписчиков, среди которых был и Жозеф Бонапарт, взяли только по одному экземпляру.

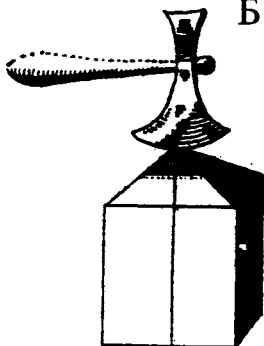
Через несколько месяцев после смерти Бернардена де Сен-Пьера, в мае 1814 г., когда Александр I вступил в Париж во главе русских войск, вдова писателя преподнесла императору еще один экземпляр «Поля и Виргинии» и обратилась с просьбой о помощи. Благодаря заступничеству бывшего наставника императора, Фредерика Сезара де Лагарпа, пожалованного в ту пору орденом Андрея Первозванного и генеральским чином, вдова получила десять тысяч франков. В тот год столько французов прислало просьбы о вступлении на русскую службу и сочинило произведения, воспевающие Александра I, что пришлось для их рассмотрения создавать специальную комиссию во главе все с тем же Лагарпом³⁴.

³⁴ АВПРИ. АД, III -11, 1814. Ед. хр. 31.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАВИГАЦИЯ.

БАРОН БИЛИШТЕЙН

Если французская внешняя политика XVIII в. во многом строилась на мирной колонизации (такова, в частности, была цель «Компании Миссисипи» Джона Лоу), расширении сфер коммерческих интересов, то Россия сперва завоевывала, а потом уже думала об освоении территорий. Разумеется, в большинстве случаев политика и торговля преследовали единые цели. Одной из задач русско-турецкой войны 1769—1774 гг., которую французские дипломаты называли коммерческой¹, была свобода торговли на Черном море. Проекты барона Библиштейна позволяют проследить изменение политической конъюнктуры в Европе.

Лотарингский экономист, барон Шарль Леопольд Андреу де Библиштейн (Bilistein, 1724—1777?) по характеру своему напоминает «честного авантюриста» Карло Гольдони, но в отличие от него после долгих странствий он так и не нашел страны, готовой воплотить его мечты об идеальном государственном устройстве. Сам он прочно забыт, печатные источники о его жизни скупы и противоречивы. Его предки прибыли в XVI в. из Голландии и обосновались в городе Нанси. Герцог лотарингский Карл в 1564 г. пожаловал им дворянство. Шарль-Леопольд, возможно, доводился сыном Никола-Франсуа де Библиштейну, великому балли и интенданту владений принца Зальма (Северная Вестфалия), но в книге о лотарингском дворянстве, вышедшей в 1756 г., нашего героя нет².

¹ *Sorel A. La Question d'Orient au XVIIIe siècle. Les origines de la triple alliance.* Paris: Plon, 1878.

² *Pelletier A. Nobiliaire ou Armorial général de la Lorraine et du Barrois en forme de dictionnaire.* Nancy: Thomas, 1758. P. 60. Я благодарен Рене Али, предоставившему мне сведения о жизни Библиштейна в Лотарингии. Николай в мемуарах утверждает, что Библиштейн был сыном врача из Нанси. — *Heier E. L. H. Nicolay.* La Haye: M. Nijhoff, 1965. P. 151—156.

Десять лет Библиштейн провел в Нанси, жил в Вестфалии. В начале Семилетней войны, в 1757—1759 гг. он написал изрядное число сочинений. Часть их утрачена, часть сохранилась в русских архивах, подложкины было опубликовано в конце войны в Амстердаме: «Опыт о герцогствах Лотарингском и Барском» (1762), «Опыт о городе Нанси, столице герцогства Лотарингского» (1762), «Воинские учреждения для Франции, или Французский Вегеций» (1762), «Военные фрагменты, служащие продолжением Французского Вегеция» (1763), «Опыт лотарингской навигации» (1764)³.

Джакомо Казанова в «Истории моей жизни» о Библиштейне не упоминает, а в «Диалогах с принцем» рассказывает, что Биленфельд (венцианец перепутал имя), «человек умный, знающий математик и великий инженер-гидравлик», покинул родину, не желая становиться французским подданным. Он мечтал предложить свои знания просвещенному монарху, князю или республике — всем, кто сможет обратить их в дело⁴.

В 1758 г. Библиштейн заехал в родной Нанси, но зиму 1758—1759 гг. провел в земле Северный Рейн — Вестфалия. Потом отправился в Голландию, где и познакомился с Казановой (венцианец пробыл там с октября 1759 г. по февраль 1760 г.). В ту пору многие авантюристы собрались в этом финансовом и масонском центре Европы, практически монополизировавшем бесцензурное издание и перепечатку французских книг: Сен-Жермен, Бернарден де Сен-Пьер, граф Андре Тотт, «Золтыкоф». Библиштейн предложил Генеральным штатам прорыть канал на реке Маас, но те отвергли проект под предлогом возможного противодействия Пруссии. Лотарингец передал свои сочинения амстердамским издателям Х. Констапелю и Е. ван Харремельту, познакомился с книгопродавцем Яном Мейером.

После публикации трактатов о Лотарингии трудности еще больше возрастают, ибо французская цензура останавливает распространение книг. Библиштейн приезжает хлопотать ко двору Людовика XV и 25 сентября 1763 г. отправляет из Версаля письмо к Мальзербу, первому президенту Палаты косвенных сборов, предлагая исправления и сокращения, уверяя, что его нельзя заподозрить в безбожии⁵. Барон утверждает, что намерен обосноваться в Лотарингии и Станислав Лещинский живо интересуется его делами. Но герцог лотарингский и бывший король польский, тесть Людовика XV, уже предпри-

³ *Essai sur les duchés de Lorraine et de Bar* (1762), *Essai sur la ville de Nancy, capitale du duché de Lorraine* (1762), *Institutions militaires pour la France, ou le Vegèce français* (1762), *Fragments militaires pour servir de suite au Vegèce français* (1763), *Essai de navigation lorraine* (1764).

⁴ *Casanova. Dialogues avec le prince.* — HМV, I, 1256.

⁵ *Schmit J.-A. Andreu de Bilistein et la censure française // Journal de la société d'Archéologie lorraine, 1874 (23e année).* P. 41—44.

нял немалые работы по благоустройству провинции, а потому отказался от услуг земляка. Разочаровавшись в отчизне, Билиштейн отправляется в Германию. В декабре 1763 г. Фридрих II одобряет предложение о соединении Мааса и Рейна, и лотарингец представляет переработанные мемуары о строительстве каналов и новых городов, общем развитии северо-западных немецких земель, написанные им еще в апреле 1759 г. («*Essai de la jonction de la Meuse au Rhin et du Rhin à l'Embs à faire dans les Duchés de Clèves et de Gueldres. Avril 1759, retouché en Décembre 1763*», «*Essai sur les Duchés de Clèves et de Gueldres, Principauté de Meurs, comtés de la Marck, D'Oost-Frise Tecklenbourg, Lingen &^a Avril 1759. Retouché en Décembre 1763*»), а также практические предложения по возведению «Канала Фридриха Великого» («*Gross Fredericks Kanal. Exécution pratique. Décembre 1763*»⁶).

Конек Билиштейна — исследование ресурсов и путей развития небольших государств. Разработка конкретных деталей его интересовавала меньше, чем созданная им универсальная система, призванная изменить лицо Европы. Она охватывала сферу управления, армию, промышленность, торговлю, транспорт, градостроительство и, по мнению Билиштейна, с учетом местных условий подходила для всех стран: «все государства, подобно людям, схожи между собой, за исключением небольших различий, о которых нам говорят знания и опыт»⁷. Он следует Бэкону, который сформулировал общественные законы, подобно тому, как Ньютон открыл законы природы. Политика и война — «науки наук, истинный философский камень», мало кто посвящен в их тайнства⁸. Как все авантюристы Республики Словесности, Билиштейн — воинствующий дилетант, он уверяет, что человек разумный и чувствительный лучше всякого профессионала: «Монах изобрел порох, солдат — искусство книгопечатания»⁹.

Два рычага, по мнению Билиштейна, призваны перевернуть мир: личная заинтересованность и политическая навигация. Общее процветание начинается с индивидуального, необходимо заинтересовать людей, открыть перед каждым дорогу к почестям и богатству (та же формула, что у Бернарденна, восходящая, видимо, к Монтескье). Гражданин посвятит себя служению обществу, если он будет наслаждаться свободой, основой всех преобразований, и всеобщим миром.

⁶ АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Ед. хр. 55634.

⁷ *Bilistein. Essai sur les Duchés de Clèves et de Gueldres, Avril 1759 — Décembre 1763.* — АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Оп. 6. Ед. хр. 5634. Л. 41. Пользуюсь случаем поблагодарить советника МИД РФ С. Л. Турилову, оказавшую мне неоценимую помощь при работе в фондах АВПРИ.

⁸ *Fragments militaires pour servir de suite au Vegèce français ou institutions militaires pour la France, avec un plan de reforme, par Mr Andreu de Bilistein, Amsterdam, 1763.* P. 5.

⁹ *Institutions militaires pour la France, ou le Vegèce français, par Mr Andreu de Bilistein. Amsterdam, E. van Harrevelt, 1762.* P. IV.

«Все мы звенья общей единой цепи, все сцеплены, все должны изо всех сил поддерживать друг друга»¹⁰.

Билиштейн одобрительно отзываясь о плане европейского мира, разработанном Генрихом IV и министром Сюлли, о его модификациях, предложенных аббатом де Сен-Пьером и Руссо. По его мнению, в балансе европейской политики Франция может быть сильной только за счет ослабления Англии.

Чтобы обеспечить процветание, развитие транспорта, экономики и торговли, Билиштейн хочет преобразовать Европу на манер Голландии, страны его предков. Основу экономического, а в будущем политического и военного союза создаст международная система каналов, которая соединит земли Лотарингии, Франции, Германии и Австрии, свяжет воедино пространство между Атлантическим океаном, Средиземным и Черным морями. Многочисленные транспортные артерии консолидируют государства, дадут толчок развитию промышленности и торговли, причем не только континентальной, но также и внешней, с Африкой и Левантом. Они позволят быстро перебрасывать войска, рядом с каналами возникнут новые города.

Разумеется, когда Билиштейн предлагает проект, он дает полное описание страны (Лотарингии, герцогства Клевского и т. д.): оценка географического положения, политическая ситуация, людские ресурсы, состояние финансов и армии, развитие сельского хозяйства и ремесел, потребление предметов роскоши. Но наибольшее внимание он уделяет торговле, способам распознавать истинное богатство страны и расчетам будущего процветания¹¹. Система Билиштейна основана на достаточно авторитетной в XVIII в. точке зрения, которую, в частности, разделял Кондильяк; согласно ей, богатство зависит в первую очередь от скорости оборота средств и товаров, от обмена, а не производства. Потому во Франции под руководством Д. Ш. Трюдена, директора департамента мостов и дорог, а затем его сына Ж. Ш. Ф. Трюдена де Монтиньи активно строят широкие дороги (к 1782 г. проложили около 6000 лье новых дорог), отлаживают регулярное сообщение между городами с помощью дилижансов и речных судов. Скорость движения увеличивается в два-три раза (в карете проезжали сорок километров в день, в дилижансе — сто). Продолжается строительство каналов, правда, не столь интенсивное, как предлагал Билиштейн¹². Если сравнить современные планы европейских водных путей, мы обнаружим, что все его замыслы были осуществлены в основном в XIX в. (правда, каналы были построены не всегда в тех местах, где он предлагал)¹³. Бер-

¹⁰ *Fragments militaires*. P. 5.

¹¹ *Bilistein*. *Essai sur les Duchés de Clèves et de Gueldres*. Л. 41—48 об.

¹² *Arbellot G.* *La grande mutation des routes de France au milieu du XVIIIe siècle // Annales*, 1973, № 3. P. 765—791; *Lepetit B.* *Chemins de terre & voies d'eau. Réseaux de transports et organisation de l'espace en France 1740—1840*. Paris: EHESS, 1984.

¹³ *Navigación intérieure*. Paris: Éd. maritimes et outre-mer, 1979. P. 48—49.

нардено де Сен-Пьеру, прокладывавшему водный путь из Петербурга в Индию, повезло меньше. О навигации и торговле как средстве соединения людей размышлял в те же годы шевалье д'Эон («Общий мемуар о российской торговле» [1766], «Наблюдения над торговлей и навигацией в целом»)¹⁴.

В июне 1764 г. Билиштейн, проживающий в герцогстве Клевском, напоминает Фридриху II о посланных зимой сочинениях. В июле он направляет королю доработанный план, после того как муниципальные советники обследовали местность. Лотарингец просит принять его на службу и поручить ему прокладку Канала Фридриха Великого, который должен связать Маас с Рейном. Вторая очередь соединит Рейн с Липпе и Эмсом. Далее канал протянется до Везера, потом к Эльбе и Одере, объединив тем самым всю Германию. Барон предлагает также возвести города Фридрихсштатт и Фридрихсбург, обещает, что строительство канала обойдется в двести тысяч гульденов, а даст ежегодный доход в сто тысяч.

В ту пору Билиштейн во второй раз встречается с Казановой, жившим в Берлине с июля по сентябрь 1764 г. и так же тщетно искавшим теплого места при прусском дворе. Год спустя в Петербурге барон рассказал венецианцу, что предложил королю прорыть канал на Маасе, который, в противовес тому, что он предлагал раньше Голландии, дал бы все преимущества Пруссии, но Фридрих II, поразмыслив полгода, отказался, дабы не ссориться с Генеральными штатами¹⁵. Г. Л. Николаи утверждает, что эксперты дали отрицательное заключение, назвав план химерой. К одному из писем к Казанове Билиштейн приложил экземпляр «Альтонской газеты» (*Gazette d'Altona*), где был напечатан королевский ответ¹⁶. Но теперь лотарингцу надо было искать новое поле деятельности.

Ничего не зная об этом, Ф. М. Гримм в «Литературной корреспонденции» от 15 апреля 1764 г. предсказал судьбу Билиштейна. Рецензируя его книгу «Опыт лотарингской навигации», он в шутку написал, что автор, предлагающий решительную переделку мира, «должен присоседиться к трудам Петра I, соединить через центр Российской империи Черное море с Балтийским, а оттуда воротиться в Парижский госпиталь»¹⁷. В первый раз, пусть не впрямую, барон назван безумцем.

¹⁴ *Mémoire général sur le commerce de Russie, 1766; Observations sur le commerce et la navigation en général // Les loisirs du chevaliers d'Éon de Beaumont. T. 5. P. 79—363. T. 4. P. 74—137.*

¹⁵ *Casanova. Dialogues avec le prince. — HMV, I, 1256.*

¹⁶ Билиштейн к Казанове, Санкт-Петербург, 30 октября (10 ноября) 1765 г. Письма Билиштейна хранятся в фонде Казановы в Государственном архиве в Праре — *Stroev A., Watzlawick H. Casanova et Bilistein // L'Intermédiaire des casanova-vistes, année XIII, 1996. P. 33—46.*

¹⁷ *CL. T. 5. P. 490.*

В Берлине Билиштейн сводит знакомство с русским послом В. С. Долгоруким, приятелем Бернардена де Сен-Пьера, и с канцлером, графом М. И. Воронцовым, возвращавшимся на родину после путешествия по Европе — двухлетней почетной ссылки. Барон изложил ему свои идеи, вручил книги и рукописи для ознакомления и передачи императрице. Из них, как он считает, особый интерес представляли до нас дошедшие «Политические и военные путешествия» и «Исследование страны» («Voyages politiques et militaires», «Reconnaissance intérieure d'un pays»), которые могли бы быть применены к России. Книги — визитные карточки произвели должное впечатление, подтвердили репутацию европейской знаменитости и придали основательность блестящим замыслам. 7 января 1765 г. Билиштейн отправляет в Петербург мемуар и письмо к Екатерине II, где просится на русскую службу: «Мои познания в области политической навигации и каналов, надеюсь, позволят мне возглавить работы по соединению морей или рек, для которого обширная империя российская предоставляет такие возможности»¹⁸. Не дожидаясь официального ответа, Билиштейн решается ехать, рискуя все испортить¹⁹. К счастью, императрица по письменной рекомендации канцлера соизволила приказать принять лотарингца в службу и велела князю Долгорукому дать ему денег на дорогу. М. И. Воронцов пишет о том проезде из Либавы 4 (15) февраля 1765 г. своему племяннику А. Р. Воронцову, послу в Лондоне, будущему президенту Коммерц-коллегии и канцлеру, надеясь, что тот знает барона «по репутации его сочинений», и присовокупляет: «Оный Билиштейн дворянин из Лотарингии и весьма в статских и политических делах искусен, и мы можем его с пользою во многих делах употреблять»²⁰.

В Петербурге Билиштейн благосклонно принят императрицей и с ее дозволения 17 (28) мая 1765 г. представляет условия, на которых хотел бы служить: должность советника коммерции, по рангу равную полковничьей, и жалованье в две тысячи рублей, оплаченные командировки, деньги на обустройство, а в случае его смерти пенсия в тысячу рублей жене-англичанке Анне Хигинс и детям, буде они родятся²¹. Екатерина II накладывает положительную резолюцию и «Санктпетербургские ведомости» сообщают 19 (30) августа 1765 г. (№ 66): «Перед недавним временем Ее Императорское Величество прибывшего сюда господина барона Билистена для превосходного его знания во многих делах, всемилостивейше по-

¹⁸ АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Ед. хр. 5634. Л. 49—56 и Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. В 121. Л. 1.

¹⁹ Билиштейн к М. И. Воронцову, Берлин, 20 января 1765 г. — АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. В 121. Л. 3, помета «получено 15 (26) января».

²⁰ АВ. Т. 31. С. 450.

²¹ АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. В 121. Л. 6.

жаловать соизволила советником коммерц-коллегии с пожаловани-
ем в год по 2000 рублей»²².

Билиштейн рьяно принимается за дело, отправляется в октябре в поездку и в ноябре представляет планы каналов, соединяющих Петербург и Москву, Волгу и Дон^{22а}. В письмах Казанове, перебравшемся из Петербурга в Варшаву, он с удовольствием пишет об обилии работы, сообщает новости о жене, ждущей ребенка, об общих петербургских знакомых. По возвращении в Россию граф Воронцов был вынужден подать в отставку, обязанности руководителя дипломатического ведомства перешли к графу Никите Ивановичу Панину, воспитателю великого князя Павла. Именно у него и его брата, генерала Петра Панина, ищет и находит покровительство Билиштейн. Он сотрудничает с графами Захаром и Иваном Чернышевыми, начальниками над военной и морской коллегиями. Панины и Чернышевы противостоят екатерининским фаворитам братьям Орловым и объединяются вокруг малого двора. Билиштейн удостоивается чести обедать у великого князя. Он знакомится с юным князем А. Б. Куракиным, внучатным племянником Паниных, другом детства Павла Петровича, отправляющимся на учебу в Европу. Он частенько обедает у полковника артиллерии Петра Ивановича Мелиссино, знакомится с его братом Иваном, обер-прокурором Синода, с обер-егермейстером Семеном Кирилловичем Нарышкиным. Он водит дружбу с польским и испанским посланниками, с академиком Леонардом Эйлером. Отметим один важный момент: все упомянутые русские дворяне — масоны, причем П. И. Мелиссино, полиглот, хлебосол, отменный химик и выдающийся артиллерист, был одним из руководителей набиравшего силу ордена, основателем своей собственной системы. Она была близка к розенкрейцерству и состояла из четырех высших степеней: Темный свод, Мастер и шотландский рыцарь, Философ, Служитель храма; последняя ступень вела к истинным истокам благодати, к познанию Бога и природы посредством алхимии, каббалы, астрологии и божественной магии²³. С Мелиссино коротко сошелся Казанова, Калиостро посещал его в свой приезд в Петербург; о его ложах рассказывают в мемуарах секретарь французского посольства в Петербурге Корберон и французский офицер на русской службе Шарль Массон²⁴. Не исклю-

²² «Календарь или Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве» за 1768—1772 гг. числит среди членов коммерц-коллегии коллежского советника Карла Леопольда Билиштейна.

^{22а} *Bartlett R.* The recruitment of Foreign Canal Engineers for Russia under Catherine II // Study Group on Eighteenth-Century Russia. News letter, 1976. Т. 4. P. 43—48.

²³ *Le Forestier R.* La Franc-maçonnerie templière et occultiste au XVIIIe et XIXe siècles. Paris: Table d'Emeraude, 1987. Т. 1. P. 155—156

²⁴ Un diplomate français à la cour de Catherine II. 1775—1780. Journal intime du chevalier de Corbéron. Paris: Plon, 1901. Т. 1—2; Masson Ch. F. Ph. Mémoires secrètes sur la Russie. Т. 3. P. 426.

чено, что Билиштейн тоже был масоном, но никаких сведений об этом нам обнаружить не удалось.

После первых удач наступает трудное время. Проекты каналов отменены. Коммерц-коллегия, сетует Билиштейн, занята рассмотрением частных вопросов, а не генеральных планов, время проходит, а с ним и лучшие годы, способности притупляются, и незаметно стареешь, так ничего и не сделав. Барон просит императрицу назначить его членом Комиссии по коммерции, к которой перешло общее руководство внутренней и внешней торговлей, а также, добавим, рассмотрение государственных доходов и всех финансовых вопросов в целом. Там накоплено много мемуаров, написанных иностранцами, и у него будет откуда черпать информацию, ибо, подчеркивает Билиштейн, гораздо легче предложить усовершенствования, чем воплотить их в жизнь²⁵. На прошении резолюции нет. А когда в Комиссии по коммерции рассматривают предложения по экономическому развитию страны, о том, чтобы улучшить дороги и речные русла, прорыть каналы «для сообщения рек», отменить таможи и внутренние сборы внутри государства, то Г. Н. Теплов, составляя сводную программу, перенес на потом пункт об «облегчении внутренней коммуникации», как весьма дальновидный, но «в нынешнем веке невозможным кажется»²⁶.

На всякий случай барон пытается войти в милость к польскому королю Станиславу-Августу. Осенью 1765 г. и весной 1766 г. он пересылает Казанове в Варшаву свои книги и рукописи, дабы тот преподнес их королю и польским магнатам. Но венецианец, удачно начавший карьеру при дворе и метивший в тещы к королю, теряет всякую надежду преуспеть после дуэли с Браницким, а самое главное — после того, как о нем пошли малоприятные слухи. Подобные разговоры о нем начались и в Петербурге, Билиштейн пытался, как мог, защищать репутацию друга. Казанова получил высочайшее повеление покинуть Польшу; в виде прощального подарка Станислав-Август уплатил его долги. Рекомендация венецианца могла только повредить лотарингцу. Узнав о смерти Станислава Лещинского, Билиштейн понял, что на родине, в Лотарингии, грядут перемены, и написал Казанове, что не прочь был бы принять в них участие²⁷.

Заскучав, лотарингский экономист решает переменить поприще и ударяется в архитектуру. Пользуясь покровительством И. И. Бецкого, директора Академии художеств и Канцелярии от строений домов и садов, он подает генеральный план переустройства и украшения

²⁵ Mémoire de Charles Léopold de Bilistein conseiller au Collège de Commerce. — АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. В 121. Л. 4—5.

²⁶ Фирсов Н. Н. Указ. соч. С. 73.

²⁷ Билиштейн к Казанове, Санкт-Петербург, 21 марта (1 апреля) 1766 г. — L'Intermédiaire des casanovistes, 1996. P. 45.

Петербурга. В декабре 1766 — январе 1767 г., в момент приезда Этьена Фальконе, Билиштейн подыскивает наилучшее место для будущего Медного всадника и разрабатывает свой вариант памятника. В серии из восьми мемуаров он предлагает возвести одновременно два монумента: Петру I и Екатерине II²⁸. Напомним, что Бецкой задумал воздвигнуть памятник Екатерине II вскоре после ее воцарения и 23 августа 1762 г. представил Сенату программу создания монументов и, в частности, воздвижения бронзовой конной статуи императрицы. В 1763 г. о том рассуждала академическое собрание, свои проекты представили М. В. Ломоносов и Я. Я. Штелин²⁹. Через год И. И. Бецкой предложил Сенату свой вариант памятника Петру I³⁰. Переговоры с Фальконе через Дидро Бецкой начал в 1765 г., завершились они в августе 1766 г. при помощи посла в Париже князя Д. А. Голицына, в сентябре скульптор отправился в Россию. Но Бецкой намерен сам возглавлять сооружение памятника и потому, видимо, приказывает Билиштейну подготовить исходный проект.

Лотарингец хочет добиться того, чтобы местоположение статуи олицетворяло деяния императора; бессознательно он соотносит их со своими собственными планами «политической навигации». Билиштейн рассматривает поочередно все площади Петербурга, их возможное усовершенствование и заключает: лучшая находится между Адмиралтейством и Сенатом. Именно там и будет установлен Медный всадник. Но Билиштейн предлагает воздвигнуть конную статую над Невой, на своеобразном подиуме — на молу, вынесенном в реку. Он подробно описывает, в какую сторону должна смотреть статуя, правым глазом бросая взор на Адмиралтейство и обширную страну, которой император сделал доступными «все военные и политические науки, искусства и ремесла, мануфактуры, торговлю, соединение морей и рек, плавание во всех морях мира». Левым глазом статуя будет взирать на Петропавловскую крепость и здание двенадцати коллегий, на покоренную Петром I Прибалтику. Пространство приобретает символический характер: справа — Русь, прошлое, слева — Европа, будущее. Своим поэтическим описанием Билиштейн оживляет статую и сообщает ей божественный дар: она видит весь мир с птичьего полета. Все прохожие, все корабли приветствуют гигантскую фигуру³¹.

Но буйное воображение не позволяет барону остановиться на чем-то одном. Он еще раз пересматривает все площади в поисках места

²⁸ Большая часть опубликована К. К. Злобиным (СБРИО. Т. 17. С. 331—361), последние остались в архивах. — РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 181—204) и АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. В 121. Л. 7—13. См. также: *Грот Я. К.* Императрица Екатерина II в своей литературной переписке // СБРИО. Т. 13. С. XX.

²⁹ *Смагина Г. И.* Памятник Екатерине II в Санкт-Петербурге // *Екатерина Великая: Эпоха российской истории. Тезисы докладов.* СПб, 1996. С. 271—274.

³⁰ СБРИО. Т. 17. С. 361—366.

³¹ СБРИО. Т. 17. С. 341—343.

для памятника Екатерине II. Как один из вариантов он предлагает переустроить Гостиный двор, соорудить там восьмиугольную площадь с Екатерининским столпом в центре³²; в XIX в. памятник императрице на высоком цоколе поставят неподалеку. Наконец, Билиштейн убеждает всех, что лучшее место — это Сенатская площадь, и переделяет свой план. Он предлагает установить там памятник государыне, а статую Петру I соорудить напротив, на другой стороне Невы³³.

Как всегда, Билиштейн промахивается, чуть-чуть не попадая в цель. В январе 1767 г., т. е. одновременно с мемуарами, которые Билиштейн направляет государыне, Бецкой предлагает Фальконе создать памятник Екатерине II. Скульптор предлагает несколько вариантов, в 1768 г. он делает модель, но разбивает ее, обидевшись на иронические реплики Бецкого и поняв, что сама императрица не уверена, нужен ли ей памятник³⁴. 5 мая 1768 г. Бецкой извещает Сенат об окончательном решении государыни: поставить памятник Петру I на Сенатской площади. Но даже четыре года спустя, в 1772 г., д'Аламбер в письме к Екатерине II утверждает, что российские подданные поручили Фальконе «возвести вам рядом с Петром I бессмертный монумент»³⁵.

Разрабатывая свой проект памятника, Бецкой предложил изобразить Петра верхом на коне, в греческом одеянии и с фельдмаршальским жезлом в руках; уточняя, куда должна смотреть статуя, он использовал предложения Билиштейна³⁶. Фальконе не терпел дилетантских приказов, поданных под видом советов, но не мог напрямую высмеять директора Канцелярии от строений, а потому отыгрался на Билиштейне, идеальном козле отпущения. 15 апреля 1769 г. он написал ответ на проект, переданный ему Билиштейном более двух лет назад, и отправил его Екатерине II. Фальконе своей иронией заставляет двигаться Медный всадник, представляя, как он крутится во все стороны, смотря одновременно налево, направо, вперед и назад. «Если вы решили, что должность ваша — подавать идеи, то станете притчей во языцех», — предупредил скульптор земляка³⁷. Оживший истукан прикончил бедного безумца — императрица взяла сторону Фальконе: «Правый и левый глаз Петра Великого меня очень насмешили; это более нежели глупо»³⁸.

³² СБРИО. Т. 17. С. 359.

³³ Билиштейн к Екатерине II, Санкт-Петербург, 24 января 1767 г. — АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. В 121. Л. 7.

³⁴ СБРИО. Т. 17. С. XVIII—XX. *Réau L. E. M. Falconet*. Paris: Demotte, 1922. Т. 2. P. 405—421.

³⁵ Париж, 30 октября 1772 г. — СБРИО. Т. 13. С. 281.

³⁶ *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб, 1889. Т. 2. С. 1474.

³⁷ *Projet d'une statue équestre // Œuvres d'Etienne Falconet statuaire*. Lausanne: Société typographique, 1781. Т. 1. P. 55—64.

³⁸ Екатерина II к Фальконе, 15 мая 1769 г. — СБРИО. Т. 17. С. 71.

Несчастья преследуют Билиштейна, умирает жена, он остается с двумя маленькими детьми, Павлом и Екатериной. Работа Уложенной комиссии будит в нем новые надежды, он составляет несколько мемуаров, до нас не дошедших, но все втуне. Билиштейн решает круто изменить свою жизнь после начала русско-турецкой войны (1769—1774), вспомнив, что должность у него полковничья. В конце 1769 г. он через генерала П. И. Панина подает императрице план своей деятельности на новом поприще, и Екатерина II с легким сердцем отпускает его³⁹. Видимо, тогда же он пишет сочинение о развитии южных областей империи и распространении на юг Европы политических интересов России, о котором упомянет впоследствии⁴⁰. Благодаря покровительству графов Паниных его отныне числят по ведомству Коллегии иностранных дел и командируют во вторую армию, под командование П. И. Панина, для «ведения особой корреспонденции и дел на иностранных языках»⁴¹. Вероятно, Никита Панин рассчитывал приобрести дополнительный источник информации с театра военных действий, а Петр Панин видел в бароне будущего историка своих побед: «Билиштейна с удовольствием по вашему последнему письму ожидаю и по последней мере надеюсь воспособствоваться в нем свидетельством на будущие времена всем упражнениям здешней армии»⁴². В апреле 1770 г. Билиштейн добирается в ставку Петра Панина в Харьков почти одновременно с князем А. Б. Куракиным, и с этого момента коллегия посылает ему жалованье в армию. Барон принимает участие в осаде и взятии Бендер осенью 1770 г. После отставки генерала П. И. Панина Билиштейн инспектирует крепости на Черном море и в Бессарабии, а затем отправляется в первую армию, под начало графа Румянцева. С декабря 1770 г. по март 1771 г. он пишет в Яссах, столице Молдавии, мемуар о будущем покоренных княжеств: «В интересах ли Российской империи сохранить провинции Молдавии и Валахии на правах собственности или на правах протектората?» («Est-il de l'intérêt de l'Empire de Russie de

³⁹ См. Билиштейн к Екатерине II, СПб, 9 (20) февраля 1772 г. — АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. В 121. Л. 15—16.

⁴⁰ «В другом месте я достаточно писал о том, что наша внутренняя политика должна перенести центр тяжести на наши южные области, которые я считаю самими многообещающими в империи, дабы соответствовать нашей внешней политике и поддерживать ее, ибо она также должна охватывать южную часть Европы» — «Est-il de l'intérêt de l'Empire de Russie de conserver les Provinces de Moldavie et de Valachie à titre de propriété ou à titre de protection?», note O. — РГБ. Ф. 222 (Панин). Карт. 16. Ед. хр. 14.

⁴¹ АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Ед. хр. 4856. Л. 2—6.

⁴² Харьков, 29 марта (9 апреля) 1770 г. — Письма графа П. И. Панина к брату его гр. Никите Ивановичу во время первой турецкой войны при Екатерине Великой // РА, 1888. Кн. 3. С. 322.

conserver les Provinces de Moldavie et de Valachie à titre de propriété ou à titre de protection?»⁴³.

Уточним политическую ситуацию. В январе 1769 г. Екатерина II обращается с манифестом к православным народам, находящимся под властью Османской Порты. Императрица призывает их восстать и бороться за свое освобождение, обещая помощь и покровительство России для сохранения прав и привилегий, которые они завоюют с оружием в руках. Осенью и зимой 1769 г. русские войска занимают Молдавию и Валахию, жители присягают России. В октябре Екатерина II пишет Бибикову: «Новая молдавская княжна вам кланяется. Вся Молдавия учинила нам присягу...»⁴⁴. В ноябре-декабре 1769 г. духовенство и бояре обоих княжеств посылают депутации в Петербург; в многочисленных грамотах они благодарят императрицу за освобождение от османского ига и надеются на помощь и поддержку. В марте 1770 г. государыня принимает обе депутации, обращается к ним с манифестом и обещает покровительство «христианам» (тогда как в черновике стояло «нашим верным подданным»; на дипломатическом языке «покровительство», о котором просили депутации, означало «присовокупление» их земель к «пространству империи»⁴⁵). Начиная с 1769 г. в европейских дипломатических кругах упорно циркулируют слухи о будущей независимости Молдавии и Валахии. Об этом доносит из Парижа 1 ноября 1769 г. русский поверенный в делах Хотинский. Английский министр иностранных дел, граф Рочфорд, пишет послу в Петербурге лорду Каткарту (30 июня 1769 г.), что русский план создания из Татарии (Крыма), Молдавии и Валахии независимых государств для ограждения от Турции, а также образования великого княжества Финляндского, которое послужит заслоном от Швеции, противоречит принципу умеренности, который должен бы лежать в основе российской политики⁴⁶. Граф Н. И. Панин предлагает прусскому послу Сольмсу проект союза России с Пруссией и Австрией против Турции и частичный раздел Польши. После разгрома Турции области, оставшиеся за ней, вместе с Константинополем «могли бы образовать республику»⁴⁷.

Военные успехи вселяют надежду на крах турецкой империи. В 1770 г. Россия громит Турцию на суше и на море: при Ларге и Кагу-

⁴³ РГБ. Ф. 222 (Панин). Карт. 16. Ед. хр. 14.

⁴⁴ СБРИО. Т. 10. С. 389; *Уляницкий В. А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII века. М.: А. Гатциг, 1883. С. 137.

⁴⁵ *Дружинина Е. И.* Ключук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: АН, 1955. С. 122—123.

⁴⁶ СБРИО. Т. 12. С. 460—461; *Соловьев С. М.* История России. Кн. 14. Т. 28. М., 1994. С. 333, 339—340; *Брикнер А.* История Екатерины II. М.: 1991. Т. 1. С. 330.

⁴⁷ *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 14. С. 374

ле, в Чесменской бухте. Алексей Орлов во главе русского флота реализует план, намеченный его братом Григорием: поднимает греков на борьбу против Османской Порты, пытается прорваться с моря к Константинополю. Вольтер, радостно приветствующий победы русского оружия, предлагает в письмах к Екатерине II перенести столицу империи с Севера на Восток, из Петербурга в Константинополь. Россия уже видит себя наследницей древней Эллады. Война предстает как новый крестовый поход против неверных, и потому внимание Петербурга вновь привлекают планы европейского мира, разработанные Сюлли и аббатом де Сен-Пьером, ибо предложенные ими союзы должны были быть направлены против Турции⁴⁸.

Ситуация способствует появлению самозванцев, что прекрасно понимала Екатерина II: «Признаться же должно, что в самое то время множество Греков, Сербин и прочие единоверные авантюрьеры начали соваться ко многим с планами, с проектами, с переговорами...» — писала она 6 (17) мая 1769 г. Алексею Орлову⁴⁹. В 1770 г. Феликс Антуан Кастриотто, именующий себя «потомком правителей Албании», просит Екатерину II возвести его на престол. Следуя ее великим правилам, он станет орудием, которое позволит его народу вкусить то счастье, которым наслаждаются россияне. А за потомка Скандерберга все поднимутся, как один. «Если Провидению будет угодно, чтобы под покровительством Вашего Императорского Величества я вернул то, что принадлежало моим предкам, то я словом и честью обязуюсь быть верным вассалом российской короны». В конце письма Кастриотто, уроженец Португалии, проживающий в Голландии, обещает впоследствии предоставить документы, подтверждающие его права на трон, и сетует, что князь Д. А. Голицын, русский посол в Голландии, не ответил на его ходатайство⁵⁰.

В 1767 г. в Черногории Степан Малый выдает себя за Петра III, чтобы объединить народ на борьбу с турками. Провозглашенный царем, он мудро правит, проводит реформы: определяет границы страны, дарует свод законов, организует регулярную армию, отделяет церковь от государства, создает школы. Про него писали, что он пользуется поддержкой масонов (так, во всяком случае, интерпретирует упоминание Востока А. С. Мильников⁵¹). В 1768 г. Екатерина II, весьма обеспокоенная действиями «призрака», возвращением с того света убиенного мужа, приказывает арестовать Степана и установить строгий пограничный контроль, чтобы он не мог проникнуть в Рос-

⁴⁸ Зорин А. Л. Русская ода конца 1760-х — начала 1770-х годов, Вольтер и «греческий проект» Екатерины II // НЛО, 1997. № 24. С. 5—29

⁴⁹ СБРИО. Т. 1. С. 15 (в письме говорится о Степане Малом).

⁵⁰ Ф. А. Кастриотто к Екатерине II, Лейден, 9 августа 1770 г. — АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 1—2.

⁵¹ Мильников А. С. Указ. соч.. С. 138.

сию. На следующий год генерал князь Ю. В. Долгорукий предпринимает поход в Черногорию, разоблачает самозванца, сажает под арест, а потом выпускает его, оставляет во главе черногорцев и даже дарит ему мундир, ибо тот действует в интересах русской политики. В 1770 г. Степана Малого ранят, он слепнет, а три года спустя гибнет от руки подосланного турками убийцы⁵².

Австрия и Пруссия, обеспокоенные успехами России, отнюдь не стремятся ее поддерживать, а Франция, практически монополизировавшая торговлю с Турцией, всецело на стороне Порты. В сентябре 1770 г., после встречи Иосифа II и Фридриха II, Австрия и Пруссия предлагают России посредничество для заключения мира с Турцией. Россия посредничество отвергает, но соглашается принять добрые услуги («официи»), ибо в стране недород и началась чума. Государственный совет разрабатывает «примирительный план», предусматривающий, в частности, свободу торговли на Черном море, независимость Крыма и дунайских княжеств. В марте 1771 г. на заседаниях Государственного совета Екатерина II настояла: «...непременно стараться одержать при мире признание независимости отложившихся от Порты татар и равномерно же Молдавии и Валахии»⁵³.

Именно в этот момент Билиштейн работает над своим мемуаром. По его мнению, и речи быть не может о возвращении Турции завоеванных территорий, как Россия была вынуждена сделать после двух предыдущих войн. Сейчас Россия могла бы и в одиночку довести до победного конца войну против неверных и уничтожить Порту, но это нарушит равновесие сил в Европе. Все великие державы предпочтут нейтралитет Османской империи, не входящей ни в какой политический и военный союз, ее разделу. Сохранение Молдавии и Валахии под властью России потребует денежных расходов и отправки туда большого числа людей; удаленные провинции только ослабят империю, послужат яблоком раздора, поводом для новых войн. Гораздо предпочтительнее, считает Билиштейн, образовать православное государство, создать «естественного и вечного союзника», который послужит непреодолимым барьером, ограждающим от Турции и Австрии. Лучше всего было бы поставить во главе его отпрыска из младшей ветви российской императорской фамилии, но такового пока нет. Отдавать чужеземному принцу жалко, поэтому надо «создать из двух провинций, Молдавии и Валахии, единую су-

⁵² Соловьев С. М. Указ. соч. Т. 14. С. 295—302; Бажова А. П. Русско-южнославянские отношения во второй половине XVIII века. М.: Наука, 1982. С. 90—100. А. П. Бажова предположила, что под именем Степана Малого скрывался граф Степан Петрович, майор русской службы в 1747—1759 гг., подавший в отставку в 1763 г. Но рижская пограничная канцелярия доносит, что в декабре 1777 г. — июне 1778 г. Петрович уже в чине полковника совершил поездку в Вену с женой и служителем (АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Ед. хр. 3512).

⁵³ Цит. по: Уляницкий В. А. Указ. соч. С. 140.

веренную Республику, свободную и независимую, с единым названием, единой столицей и единым Верховным судом». Получив конституцию для внутренней и внешней политики, которую предусматривает система Билиштейна (в качестве образца он упоминает Голландию), жители новорожденной республики не пожалеют сил и средств, дабы отстоять ее независимость. Признанная всеми державами, страна впишется в общую систему равновесия сил, Европа станет гарантом ее существования. Тем самым Россия решит свою главную политическую задачу: навсегда избавится от турецкой угрозы и от ее влияния на европейские дела. Тогда границы России, от Балтийского до Черного моря, были бы прикрыты кордоном небольших государств, слабых и находящихся под ее влиянием: Швеция или Финляндия, Курляндия, Польша и некая новая страна, прообраз Румынии. Система Билиштейна весьма напоминает ту, что возникла после второй мировой войны.

Аналогичные аргументы для сходной цели использовал за шестьдесят лет до того венгерский авантюрист и дипломат Янош-Михаил Клемент (или Жан-Мишель Клеман, 1669—1720). В опубликованном на французском языке сочинении «Выведение прав Трансильванского княжества» («Deduction des Droits de la principauté de Transylvanie», 1712) он поддерживал интересы князя Ракоци на переговорах, приведших к заключению Утрехтского мира (1712). Клемент доказывал необходимость предоставления независимости Трансильвании, находившейся под властью Турции, апеллируя не столько к истории, сколько к нуждам современной политики, ибо, по его мнению, подобное буферное государство обеспечит мир в этой части Европы, разведав великие державы, чье соперничество обеспечивает баланс сил. Увы, к доводам венгерского политика прислушались не более, чем к уроженцу Лотарингии, и кончил он не лучше. В 1714 г. Клемент перешел на службу к Габсбургам, потом стал двойным агентом Вены и Берлина, запутался в предательствах и заговорах, обвинил принца Евгения Савойского в намерении убить прусского короля, был разоблачен и казнен⁵⁴.

Билиштейн проницательно советует опасаться посредничества третьих стран. Заключенный с их помощью мир будет невыгоден России, ибо ее победы обратили посредников в завистливых соперников. Россия должна взять пример с античного Рима и напрямую предложить мир Турции, которая, как утверждает барон, «предпочитает вести переговоры в военном лагере, с оружием в руках, когда две армии сошлись лицом к лицу; это как завет пророка и символ веры. Такой способ ведения переговоров представляется мне наиболее простым и удачным». Именно так фельдмаршал Румянцев заключил в

⁵⁴ *Köpeczi B. Restitutio Transilvanie 1712. Une tentative pour rétablir la Principauté de Transylvanie. Budapest, 1993.*

Князь Август
Чарторыйский

Г. Г. Орлов

1774 г. Кючук-Кайнарджийский мир, после неудачи переговоров в Фокшанах и Бухаресте.

Билиштейн полагает, что Россия не должна мечтать о мировом господстве, ибо бесповоротно прошло то время, когда одна монархия повелевала всеми. Но в результате войны Россия станет доминирующей державой в Европе, арбитром государей и посредником между народами.

В момент создания проект развивал идеи, близкие Н. И. Панину, и не противоречил его политике. Как пишет Ключевский, глава русской дипломатии любил обширные и смелые планы, придавая меньшее значение разработке их практического осуществления, его привлекал мираж мира и гармонии между европейскими странами. Депеши прусского посла графа фон Сольмса, который сообщал Фридриху II о своих беседах с Паниным, подтверждают основательность плана Билиштейна. 8 (19) июня 1770 г. Сольмс пишет, что «императрица вовсе не намерена превращать Молдавию и Валахию в российские провинции», что она «намерена превратить ее в некую промежуточную державу»⁵⁵. 18 (29) марта 1771 г. он доносит, что Россия хотела бы превратить княжества в «изрядный барьер» между своими землями, австрийскими и турецкими, граница которых будет отодвинута до Дуная, и что, по мнению Панина, императрица желает отнять эти провинции у Порты, «дабы ими управляли местные господа, или, если так больше нравится, создать из них маленькие республики»⁵⁶.

Российские завоевания у многих рождали мысль о республиканской форме правления. Когда во Франции в доме Неккера зашла речь о намерении Екатерины II завоевать Грецию и Константинополь, граф Н. П. Румянцев якобы сказал: «Мне неизвестны намерения моей государыни, но Российская империя так уж обширна, что если предполагать раздвинуть ее границы до такой степени, необходимо будет, для управления ею, измыслить нечто более мудреное, чем все ухищрения деспотизма»⁵⁷. Не вполне понятно, когда мог происходить этот разговор, ибо Румянцевы впервые приехали в Париж только осенью 1775 г. Во всяком случае, в 1774 г. Вольтер писал г-же д'Эпине, что юным Румянцевым, отправившимся в Европу вместе с Гриммом, было бы полезно познакомиться с Женевской республикой⁵⁸.

Подобные идеи активно обсуждались молдавским и валашским дворянством. Молдавские бояре объявили при дворе Екатерины II,

⁵⁵ СБРИО. Т. 37. С. 302.

⁵⁶ СБРИО. Т. 37. С. 418, 419—420.

⁵⁷ *Бильбасов В. А.* Екатерина II и граф Н. П. Румянцев // РС, 1894, февраль. С. 70—95; март. С. 94—112.

⁵⁸ 8 июля 1774 г., Best. D19017.

что желали бы иметь «аристократическую республику»⁵⁹. В июле-августе 1772 г. на Фокшанском конгрессе Михаил Кантакузен подал несколько кратких мемуаров, подписанных волошскими боярами, графу Г. Орлову, прося о покровительстве и поддержке России, а также представителям Пруссии и Австрии. В последнем, от 24 июля (4 августа), он предлагает политическое объединение Молдавии и Валахии под властью австрийского принца⁶⁰. Румынская историография оценивает это предложение как первый национальный проект создания единого государства, которое возникнет только в середине XIX в. Обширное сочинение Билиштейна, более радикальное и обоснованное, было написано на год раньше. По всей видимости, лотарингец не только знал о надеждах местного дворянства, но и, возможно, прямо или косвенно повлиял на поданные ими прошения.

Как пишет Билиштейн в конце своего сочинения, «политические мемуары нынче редки и бесполезны, они появляются либо слишком рано, либо слишком поздно». Барон промедлил с подачей своего, и политическая ситуация переменилась. Летом 1771 г. Австрия подписывает договор с Турцией и открыто противостоит России. Союзница, Пруссия, настаивает на разделе Польши. Иосиф II и Фридрих II дают понять русской дипломатии, что Турция — полноправный член европейской системы и ее уничтожение нарушит баланс сил. Ведь традиционно политическое равновесие в Европе понималось как система противостояний и противоборств: Франции и Англии, Австрии и Пруссии, России и Турции. Осенью 1771 г. России угрожают общеевропейской войной⁶¹.

Подобную ситуацию проницательно предсказал Монтескье, утверждавший в «Размышлениях о причинах величия и упадка римлян» (1734; гл.23), что турецкая империя останется слабой, но не погибнет, ибо если какой-нибудь государь поставит ее существование под угрозу, то три торговые державы Европы выступят в ее защиту⁶².

Со своей стороны, граф Н. И. Панин пытается заключить союз против Турции, чтобы поделить ее территории. С апреля 1771 г. он соблазняет Австрию, предлагая ей Молдавию и Валахию⁶³. Импе-

⁵⁹ *Georgescu I. Istoria românilor*. New-York, 1989. P. 118. Я благодарю румынскую коллегу Ияну Михаилу за помощь в работе и ценные соображения, за сведения, найденные в румынских источниках.

⁶⁰ *Georgescu I. Mémoires et projets de réformes dans les Principautés roumaines (1769—1830)*. Répertoire et textes inédits. Bucarest, 1970. P. 5—6, 37—38.

⁶¹ Фридрих II к графу фон Сольмсу, Потсдам, 10 сентября 1771 г. — СБРИО. Т. 37. С. 498—499.

⁶² *Montesquieu Ch. Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*, éd. J. Charvet. Genève: Slatkine reprints, 1971. P. 278.

⁶³ См. донесения австрийского посла в Петербурга графа Лобковица от 12 апреля 1771 г. и от 24 июля 1771 г. — *Maria Theresia und Joseph II Ihre Correspondenz*, von Alfred Ritter von Arneth. Vienne, 1867. T. VIII. P. 310, 319; *Sorel A. Op. cit.* P. 169, 181.

ратрица Мария-Терезия отказывается, заявив, что «земли эти нездоровые, разоренные, открытые для турок, татар и русских, без единой крепости, наконец, земли, которые потребуют немало миллионов и людей, чтоб их удержать. Наша монархия может обойтись без подобного соглашения, которое обернется к ее полному разорению»⁶⁴. И все же австрийская дипломатия пересмотрит свою позицию: до февраля 1772 г. она будет обсуждать предложение России о переуступке дунайских княжеств⁶⁵. На секретных переговорах между Россией, Австрией и Пруссией также рассматривалась возможность передачи Молдавии и Валахии Польше, чтобы возместить раздел ее территорий, согласно плану, предложенному Фридрихом II в апреле — мае 1771 г.

В это время в Петербурге борются две партии: войны и мира. Екатерина II и братья Орловы настаивают на ведении войны до победного конца и на сохранении за Россией ее завоеваний, тем паче что Григорий Орлов, видимо, рассчитывает сам стать молдавским господарем, тогда как Панин призывает частично отказаться от новых земель ради всеобщего мира и настойчиво разъясняет Г. Орлову принцип европейского баланса сил⁶⁶. В октябре 1771 г. Панин предлагает Государственному совету снять требование о независимости Молдавии и Валахии. Месяц спустя Екатерина II соглашается с ним. После заседания Совета от 5 декабря 1771 г. это решение становится окончательным⁶⁷.

В ту пору полковник Билиштейн, как он себя именовал, женится на юной молдавской княжне Ирине Росетти. Ему 47 лет, ей 15—16, она богата, знатна, ее предок Антон Росетти сто лет назад был господарем Молдавии. С 1769 г. члены семьи Росетти участвуют в переговорах с Россией; один из их родственников по женской линии, Маноил Жени Росетти, в этот момент стал господарем Валахии (май 1770 г. — октябрь 1771 г.). Поскольку в XVIII в. молдавские девушки до замужества содержались почти что под замком и нередко своего суженого впервые видели в церкви, румынская исследовательница И. Михаила предположила, что Билиштейн познакомился в Яссах с братьями Ирины, занимавшими видные должности при дворе (родители умерли, когда ей было два года), вскружил им голову своими планами, и они заключили союз. Если по проекту Билиштейна княжества обретут независимость, то он

⁶⁴ Мария-Терезия к барону Г. ван Свитену. — *Maria Theresia und Joseph II.* Т. VIII. Р. 596 (note 453).

⁶⁵ Принц Кауниц, глава австрийской дипломатии, пишет 14 февраля 1772 г. «Заключение мое короткое: нам нужна вся Молдавия и Валахия» — *Sorel A. Op. cit.* Р. 222.

⁶⁶ Н. И. Панин к Г. Г. Орлову, 12 октября 1771 г.: «Мы теперь самым делом испытываем, что турецкая монархия есть действительным членом политической связи всей Европы и с нею одною, как прежде, так и ныне, нельзя иметь дело без того, чтобы другие по своим интересам не участвовали».

⁶⁷ Архив Государственного Совета. Т. 1. СПб, 1869. С. 116, 126.

благодаря родству с одним из наиболее влиятельных семейств может претендовать на высокую должность в стране и получит богатое приданое. Мемуары Николаи подтверждают, что Билиштейн разработал свой план вместе с молдавскими родственниками.

Возможно, что распространение республиканских идей в Молдавии отчасти связано с масонством, принесенным в страну русскими офицерами. В Яссах возникла воинская ложа «Марс», которой руководил П. И. Мелиссино. В начале XIX в. члены семьи Росетти принадлежали к ордену и активно боролись за независимость страны. Но в трактате Билиштейна не заметно масонской фразеологии.

Барон возвращается в Петербург и в феврале 1772 г. представляет проект императрице, утверждая, что делает это с дозволения фельдмаршала Румянцева, который прочел его сочинение. В сопроводительном письме он просит в награду за восьмилетние труды чин действительного статского советника и должность великого канцлера Молдавии. «Мои труды понуждают меня желать этого места, чтобы пуще послужить Вашему Императорскому Величеству и Империи, а заодно провинции оной. Тот, кто теперь занимает этот пост, не в тех летах и не в том положении, чтобы послужить отчизне своей в нынешних обстоятельствах. Осмелюсь сказать, что в надеждах своих диван и дворянство давно уже предназначают меня на это место; а брак мой с девицей из первейших семей провинции делает меня для того подходящим; все от милости Вашего Императорского Величества зависит»⁶⁸.

Ему кажется, что мечты сбываются, что он наконец сможет практически разрешить вопрос, поставленный им в другом мемуаре пятнадцать лет назад: «Должны ли государи сделать народы настолько полезными и счастливыми, насколько возможно?» («*Les souverains doivent-ils rendre les peuples autant utiles et autant heureux, qu'il est possible?*», август—октябрь 1757 г.).

Лотарингец сетует в письме к императрице на трудности избранной им карьеры. «Тогда как деяния военных у всех на слуху, политик должен умалчивать о делах своих. Система или работа, что могла бы принести ему славу и почести, зачастую более всего требует тайны, тогда как автор принужден томиться от безвестности и связанных с ней невзгод. Один подвиг решает судьбу и составляет репутацию военного, увековечивает его память. Тот, кто тщится снискать репутацию государственного мужа, всякий день нуждается в новых трудах: заслуги его вечно остаются неоцененными, а судьба неопределенной. Во всех странах мало людей, избирающих подобный род занятий. Долг политики — обеспечить им уважение и поддержку, ибо они дорого платят за них; но лишь этой наукой империи и государства ру-

⁶⁸ Билиштейн к Екатерине II, СПб, 9 (20) февраля 1772 г. — АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14 В. Ед. хр. 121. Л. 15—16.

ководствуются, процветают и приумножаются». Лотарингец добавляет, что совесть его чиста, ибо служил государыне во всех возможных жанрах, не боясь пролить за нее свою кровь.

Увы, Билиштейн не отдает себе отчета, что снискал в Петербурге иную славу. 5 (16) января 1772 г. Герман Лафермьер пишет графу А. Р. Воронцову: «Все знакомые собрались писать ему [поздравлять с браком. — А. С.], когда барон расстроил их планы, прибыв сюда неожиданно с мемуаром о Молдавии и Валахии, который должен представить императрице. Планы у него, как всегда, самые что ни на есть обширные и блестящие. Короче говоря, наиболее подходящее ему место — сумасшедший дом, а пребывание в армии, особенно у графа Румянцева, его вовсе лишило рассудка. По приезде, на другой день он представил нам преуморительную сцену на ужине у г-на Убриля⁶⁹, где все безжалостно потешались над ним весь вечер, а он и не приметил»⁷⁰. После заключения в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира Россия возвращает Молдавию и Валахию Турции, оставляя за собой право защищать религиозные права жителей, что Екатерина II им и обещала.

Бедный Билиштейн разрывается между детьми от первого брака, оставшимися в Петербурге, и новой молдавской семьей. Жена наотрез отказывается жить в столице, и он принужден сопровождать ее на родину. Через два года он расскажет об этом в письме к Н. И. Панину: «Супруга моя, с младенцем на руках и беременная, так привязана к своим землям, владениям, людям, что твердо пребывает в своем решении оставаться на родине и откажется последовать за мной, если я уеду. Признание это для меня не лестно, но истина дороже. Ваше Превосходительство соблаговолит отдать мне должное, ибо стоило вам в приказе два слова молвить, как привез я ее в Россию в 1772 г. Но не в моих силах было убедить ее там остаться. Не могу забыть, сколько страдал я и чего это мне стоило. Как же мне опять подвергаться таким невзгодам! Ее достоинства вызывают уважение, как могу ее покинуть! Ни религия, ни честь не позволяют того. У меня двое детей в Петербурге, которых я очень нежно люблю. Как различить с ними! Положение мое запутанное, описать его не могу, только чувствую»⁷¹.

Билиштейн подает прошение о переводе и в декабре 1772 г. получает дозволение отправиться в первую армию графа Румянцева на прежних условиях («для ведения особой корреспонденции»). Новая молдавская родня, видимо разочаровавшись в бароне, не спешила отдавать Ирине Росетти ее долю отцовского наследства: мол, деньги

⁶⁹ Я. Я. Убри, секретарь Н. И. Панина.

⁷⁰ АВ. Т. 7. С. 657—658.

⁷¹ Билиштейн к Н. И. Панину, Яссы, 1 декабря 1774 г. — АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Ед. хр. 4856. Л. 43—44.

все потратили на свадьбу, крестьяне-цыгане люди кочевые и все уехали, скот подох, столовое серебро куда-то заделалось, а белье за давностью лет истлело. По приезде из России в 1773 г. Билиштейн подал в суд, но диван отказывался вынести вердикт, несмотря на предписания фельдмаршала Румянцева, направленные в марте 1773 г. и ноябре 1774 г. В декабре 1774 г. Билиштейн пишет из Ясс Н. И. Панину, прося его о ходатайстве перед господарем Григорием Гикой, который сам решает судебные дела. Три года, с декабря 1772 г. по декабрь 1775 г., Билиштейн провел в Молдавии, живя на жалованье, которое регулярно высылал ему секретарь Н. И. Панина Денис Иванович Фонвизин⁷². У него рождаются две дочери, детей от первого брака он выписывает к себе и в 1774 г. покупает вместе с женой земли в Молдавии.

Многочисленные примеры того, как в молдавских судах разоряют французов, как властитель по прихоти своей выносит и отменяет приговор, мы находим в книге будущего революционера Жана-Луи Карра «История Молдавии и Валахии с описанием нынешнего состояния обеих провинций» (1777). Покинув в 1772 г. Францию из-за неладов с полицией и собратьями по перу, он проехал Грецию, Турцию, Украину, добрался в 1775 г. до Петербурга, где его рекомендовали в качестве гувернера господарю Григорию Гике. Карра прожил год в Яссах, воспитывая сына господаря и ведя заодно французскую переписку, но, не сумев сделать карьеру, уехал недовольный, честву молдаван на все корки.

Весной 1776 г. Билиштейн пытается еще раз переломить судьбу и приезжает в Париж. Со слов русского посла во Франции князя Барятинского мы знаем, что барон в Молдавии был несчастлив в спекуляциях и недоволен господарем. Поссорившись с женой, он покинул страну с сыном и дочкой от первого брака, отправив в Петербург прошение об отставке. 9 марта 1776 г. он подает в Версале графу де Вержену, министру иностранных дел, «Мемуар о приросте, какового Франция может добиться в торговле, распространив ту, что ведется в Леванте, непосредственно на Молдавию и Валахию»⁷³.

Если в предыдущем сочинении, доказывая, что России нет нужды оставлять за собой дунайские княжества, Билиштейн говорил об их бедности, то теперь он превозносит богатства Молдавии, рисуя ее как потерянный рай. Земли обильны злаками, лесом и вином (это он повторяет дважды), в горах — золотые жилы, серебряные и медные залежи, все, что душе угодно. У него есть небольшая карта Валахии, где отмечены все основные месторождения. Лотарингец использует

⁷² [11 (22) декабря 1772] — АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Ед. хр. 4856. Л. 19.

⁷³ *Mémoire sur l'accroissement que la France peut procurer à son commerce en étendant celui qu'elle fait aux Échelles du Levant aux provinces de Moldavie et de Valachie directement* — АВПРИ. Ф. 93. Оп. 6. Ед. хр. 312. Л. 108—112.

в своем сочинении «Описание Молдавии» Дмитрия Кантемира и вслед за ним утверждает, что жители ленивы, не знают ни торговли, ни ремесел, а бояре не разрабатывают рудники, боясь, как бы турки не забрали все себе.

После неудачи политического проекта Билиштейн стремится воплотить свою мечту экономическим путем, ориентируясь уже не на Россию, а на ее дипломатического противника, Францию. Соответственно меняется стратегия: вместо создания независимого государства предлагается колонизация, ибо, оставаясь под властью Порты, Молдавия и Валахия будут тесно связаны с Францией торговыми узлами. Лотарингец доказывает: незачем бороздить моря, исследовать оба полушария, рисковать людьми и деньгами в поисках колоний и новых возможностей для торговли. Перу находится не в Новом свете, а здесь, под руками.

Развивая коммерцию и промышленность, Билиштейн намерен переделать не только страну, но и жителей, которые станут работающими и предприимчивыми, когда получат возможность применить свои силы. Чудодейственную перестройку призвана осуществить Черноморская компания, которая монополизировала бы добычу полезных ископаемых, торговлю и будущую промышленность княжеств. Билиштейн вновь использует идеи и аргументы двадцатилетней давности: сходным образом он описывал богатства Лотарингии, золотые и серебряные рудники и будущее процветание. Его план напоминает деятельность Эдуарда, героя «Икозамерона» Казановы, который не только просвещает мегамикров, но и порабощает их, захватывает власть в подземном мире. Будущий директор Черноморской компании станет богатым и могущественным человеком, под чьим контролем окажется не только промышленность страны, но и вся торговля между Востоком и Западом.

При всей своей увлеченности Билиштейн достаточно объективно оценивает сырьевые ресурсы дунайских княжеств и перспективы развития торговли. Генерал русской армии Фридрих Вильгельм (Федор Васильевич) Бауер, составивший карту района, несколько позже опубликовал сходное описание страны, уделив больше внимания быту и нравам жителей, государственному устройству («Исторические и географические мемуары о Валахии», 1778)⁷⁴. Он также достаточно высоко оценил молдавские вина и посвятил немало места рассказам о золотоносных реках и рудных жилах. Не забыл упомянуть их и Шарль де Пейссонель, в 1750-е годы торговый консул Франции в Крыму, затем в Кандии и Смирне, еще в 1762 г. составивший для министерства подробный «Трактат о торговле на Черном море»,

⁷⁴ Mémoires historiques et géographiques sur la Valachie, avec un Prospectus d'un Atlas géographique et militaire de la dernière guerre entre la Russie et la Porte Ottomane, publié par Monsieur de B***. Francfort et Leipsic, H. L. Broenner, 1778.

опубликованный лишь через 25 лет⁷⁵. Пейссонель проанализировал все возможные статьи экспорта и импорта Молдавии и Валахии. Он доказывал, что для развития торговли с дунайскими княжествами Франция должна открыть там консульство, и также предложил создать Черноморскую компанию с центром в Константинополе. Сходные планы выдвигали многие. В июле 1757 г. французское посольство в Петербурге отправило в Версаль мемуар об открытии торгового дома на Черном море⁷⁶. В этом году была создана для торга из Темерниковского порта в Константинополь привилегированная компания Хостатова с товарищами⁷⁷. Шевалье д'Эон в «Общем мемуаре о российской торговле» (1766) рассказывает о Черноморской компании, которая должна была начать свою деятельность в России в 1760 г., и предлагает создать торговый дом в Марселе, который монополизировал бы деятельность в этом регионе («План торговли на Черном море»)⁷⁸. В 1763 г. тульские купцы Иван Володимеров, Ларион Лугинин, Михайла Пастухов и Михайла Грибанов создают компанию для торговли со Средиземноморьем; в долю входят Г. Н. Теплов и сама императрица, адмиралтейство дает тридцатипушечный фрегат и команду за казенный счет, пошлины уменьшаются на четверть. В 1766—1786 гг. комиссия о коммерции рассматривает проект учреждения большой купеческой компании для торгу в Средиземном море с привилегиями на 30 лет и уставным капиталом 500 тысяч рублей; но сам Теплов кладет его под сукно. Похоже, что этот опыт навсегда отворотил Екатерину II от участия в коммерции⁷⁹.

Бернарден де Сен-Пьер пишет в Петербург Дювалю (Париж, 24 ноября 1767 г.): «Здесь нынче человек, составивший проект Компании на Черном море; если он преуспеет не более, чем в своих российских предприятиях, жалко мне его акционеров, коли он таковых сыщет»⁸⁰. В 1779 г. Grimm переслал Екатерине II составленный во Франции мемуар о развитии русской торговли на Черном море⁸¹. В 1780 г. в Министерство иностранных дел Франции поступает извлечение из мемуаров барона де Тотта, посвященное французской торговле на Черном море⁸². Полностью его мемуары о турках и татарах, о том, как

⁷⁵ *Traité sur le commerce de la Mer Noire*, par M. de Peyssonel, ancien consul général de France à Smirne. Paris: Cuchet, 1787. Т. 1—2. В архиве Министерства Иностранных дел Франции поданный Пейссонелем трактат датирован 1768 годом — ААЕ. MD. Turquie. Vol. 14.

⁷⁶ ААЕ. СР. Russie. Vol. 52. Fol. 434 et ss.

⁷⁷ *Фирсов Н. Н.* Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России. С. 277.

⁷⁸ *Les Loisirs du chevalier d'Éon*. Т. 5. P. 192—194.

⁷⁹ *Фирсов Н. Н.* Указ. соч. С. 285.

⁸⁰ *Sainte-Beuve C.-A.* *Causeries du lundi*. Т. 6. P. 429—430.

⁸¹ СБРИО. Т. 44. С. 53—54.

⁸² ААЕ. MD. Turquie. Vol. 14.

он был консулом в Крыму во время русско-турецкой войны, как помог укрепить Дарданеллы и сделать их неприступными для русского флота, были опубликованы позднее⁸³.

Со своей стороны, Молдавия и Валахия не жалели усилий для того, чтобы преодолеть турецкую монополию на торговлю и проникнуть на европейский рынок. По подсчетам румынских исследователей, в конце XVIII в. были поданы десятки мемуаров и записок на эту тему, но турецкая монополия будет отменена только в 1829 г., после Андрианопольского мира.

Граф де Вержен, которому Билиштейн вручил свой мемуар, в восточном вопросе разбирался отменно, недаром он был послом в Константинополе с 1755 по 1768 г., а в 1767 г. представил в Версаль графу де Шуазелю докладную записку о торговле на Черном море⁸⁴. План Билиштейна, предполагавший своего рода экономический союз с Молдавией и Валахией, имел ряд недостатков. Во-первых, Черноморская компания вступила бы в конкуренцию с французскими торговыми домами, прочно обосновавшимися в Турции. А ведь ради их поддержки Франция была готова во время войны послать свой флот к берегам Леванта. Во-вторых, активное проникновение на Балканы могло вызвать противодействие как со стороны Турции, так и со стороны России. Версаль ответил отказом.

Билиштейну ничего не остается, как попросить у князя И. С. Бяратинского паспорт для возвращения в Петербург: поскольку ответа на прошение об отставке он не получил, то может считать себя состоящим на службе. Князь берет у него для ознакомления мемуар, велит снять копию и посылает ее вице-канцлеру графу И. А. Остерману вслед за своим донесением⁸⁵.

В Петербурге мемуар Билиштейна не мог снискать одобрения, ибо в корне противоречил торговым и политическим интересам России. В июне 1776 г. лотарингец вновь обращается к Н. И. Панину с просьбой о помощи: денег нет ни на житье в столице, ни на дорогу, вещи все заложены. Он сам виновен в своих несчастьях, но, быть может, милостивая государыня соизволит простить его прегрешения и даст ему отставку по всей форме, чтоб на детей не пал позор отцовского увольнения со службы.⁸⁶ В июле барон получает отставку и паспорт для возвращения в родную Лотарингию со старшим сыном и дочерью⁸⁷, а также остаток жалованья, 559 рублей⁸⁸. Но в списках

⁸³ Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares. Amsterdam, 1784. Т. 1—4.

⁸⁴ Константинополь, 29 января 1767 г. — ААЕ, MD, Russie. Vol. 7. Fol. 197—200 (copie).

⁸⁵ АВПРИ. Ф. 93. Оп. 6. Ед. хр. 312. Л. 65—68.

⁸⁶ АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Ед. хр. 4856. Л. 50.

⁸⁷ Черновик императорского указа, завизированный Н. И. Паниным и И. А. Остерманом — АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Ед. хр. 4856. Л. 56.

⁸⁸ АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Ед. хр. 4856. Л. 60, 61.

отъезжающих, которые печатают «Санктпетербургские ведомости», ни в этот год, ни в следующий он не числится. По всей видимости, Билиштейн снова отправился к жене, ибо в 1777 г. он принимает участие в судебном процессе в Молдавии. 24 сентября 1777 г. суд выносит решение в пользу Ирины Росетти, она получает денежную компенсацию и право выкупить треть отцовского имения. Но странное дело: через неделю, 30 сентября, Ирина идет на мировую со старшей сестрой Марией и отказывается от всего, что ей присудили, причем подписывается она своей девичьей фамилией⁸⁹. О Билиштейне в договоре не упоминается, и с той поры всякий след его теряется. Жюстен Ламуре, автор статьи о Билиштейне в биографическом словаре XIX в., утверждает, что жена «сперва тщетно пыталась принудить его перейти в другую веру, а потом погубила: он пал жертвой преданности своей религии»⁹⁰. История кажется абсурдной, ибо Росетти — такие же христиане, как Билиштейн, только они православные, а он — католик или протестант. После шести лет брака и двух детей можно найти лучший предлог, чтоб избавиться от опостылевшего мужа. В тот же 1777 год по приказу султана убили господаря Гику: приехавший из Константинополя чиновник пригласил его к себе, попросил выйти сына и врача под предлогом государственной тайны. Тут же выскочили из соседней комнаты трое янычар, накинудли удавку и отрубили господарю голову, а посланец публично зачитал фирман, обвиняющий князя в измене⁹¹. Совершенно так же, от удавки и кинжала турецкого «капуджи», погиб в своем дворце в 1799 г. князь Константин Ханджерли: придворные и слуги застыли, услышав слово «фирман»⁹².

Убить Билиштейна могли либо из-за наследства, либо потому, что это была наиболее простая и действенная форма развода: при наличии двух малых детей расторгнуть церковный брак крайне трудно. Посмотрим на ситуацию глазами жены. Выдали Ирину замуж без любви, ей 21 год, мужу 53. Денег у него ни гроша, работать не умеет, ничего до конца не доводит, только всех советами донимает, бумагу с чернилами изводит да свечи без меры жжет. Чужак, приживал, то бросает жену, то возвращается, а характер не золото: самовлюблен без меры, со всеми разругался, упрямый и слабый. Но человек чести. Если предположить, что Ирина увлеклась кем-нибудь, кто

⁸⁹ *Rosetti R. Cronica Bohotinului // Extras din Analele Academiei Române. Seria II. 0. XXVIII: Memoriile secđiunii istorice, 1905. P. 30.*

⁹⁰ *Michaud. Biographie universelle ancienne et moderne. Paris: A. Thoisnier Desplaces, 1843. T. 4. P. 323.*

⁹¹ *Notice sur Grégoire Ghika, hospodar de Moldavie, communiquée aux auteurs de ce journal par M. Carra // Journal encyclopédique, 1778. Vol. VIII (15 novembre 1778). P. 129—139.*

⁹² *Djuvara N. Le Pays roumain entre l'Orient et l'Occident. Les principautés danubiennes au début du XIXe siècle. Paris: Presses Orientalistes de France, 1989. P. 23.*

был ей ближе по возрасту, по крови, по языку, по интересам, а Билиштейн о том прознал или застал их врасплох, то не стал бы молча сносить позор. Но какая уж тут дуэль... Любownik мог пустить в ход нож. Или напротив, после выигрыша процесса барон вновь загорелся несбыточными планами, решил вложить деньги в какое-нибудь выгодное дело. Да так он семью по миру пустит! Если допустить, что его убили, тогда становится понятно, почему Ирина пошла на мировую, и выходит, что Билиштейн погиб между 22 и 30 сентября 1777 г. Ирина Росетти через несколько лет вторично вышла замуж, родила мальчика. Сын Билиштейна от первого брака, Павел, по свидетельству Ж. Ламуре, служил в России в Измайловском полку⁹³.

Именно в эту пору проекты Билиштейна начинают реализовываться. В 1778 г. король Людовик XVI, ознакомившись с книгами барона, приказывает начать реконструкцию города Нанси. В 1779 г. после рождения великого князя Константина и появления той самой младшей ветви императорского дома, о которой мечтал Билиштейн, Екатерина II предлагает Австрии союз против Турции, дабы посадить внука на константинопольский трон. Греческий проект, разработанный А. А. Безбородко и пересланный Иосифу II 10 (21) сентября 1782 г., предусматривал создание независимого государства на стыке трех империй: Российской, Австрийской и Турецкой. Оно должно было называться Дакия и объединить три провинции: Молдавию, Валахию и Бессарабию; правитель должен был быть греческой веры⁹⁴. По всей видимости, Екатерина II предназначала престол князю Григорию Потемкину.

Разумеется, то был не первый и не последний проект раздела Турции. Румынский историк Грандафир Джуvara насчитал их сто, начиная от крестовых походов и Раймонда Луллия⁹⁵. В 1777 г. Жан-Луи Карра выпустил «Частный политический опыт, в котором предлагается раздел европейской Турции»⁹⁶. До этого он подал мемуар о Молдавии и Валахии в Министерство иностранных дел, предлагая свои услуги⁹⁷. Уже там он утверждал, что если сделать княжества цивилизованной страной, передав их Австрии (или Пруссии, добавил он при публикации), то этот блаженный край станет источником

⁹³ См. также рассказ Ш. Массона о том, как в 1780-е гг. он составил в Петербурге протекцию Павлу Билиштейну — *Массон Ш.* Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М.: НЛО, 1996. С. 86—87, примечание автора.

⁹⁴ Joseph II und Katarine von Russland. Ihr Briefwechsel, Herausgegeben von Alfred Ritter von Arneth. Wien: W. Braumüller, 1889. P. 153.

⁹⁵ *Djuvara T. G.* Cent projets de partage de la Turquie. Paris: Félix Alcan, 1914.

⁹⁶ *Essai particulier de politique dans lequel on propose un partage de la Turquie européenne, par Monsieur C***.* A Constantinople, 1777.

⁹⁷ *Dissertation géographique, historique et politique sur la Moldavie et la Valachie —* AAЕ. MD. Turquie. Vol. 13. Fol. 69—78

большого и постоянного дохода, а урон для французской торговли с Константинополем будет, как он считает, невелик. Недовольный тем, что при разделе Польши Франции не перепало ничего, Карра в «Частном политическом опыте» предлагал воспользоваться слабостью Турции и устроить новый передел: отдать Австрии Валахию, Болгарию, Сербию, Боснию и Словению, Пруссии — Молдавию, Курляндию и Данциг, России — только Крым (и так у нее слишком много земли), Франции — острова Греческого архипелага, Морею, Кипр и Кандию. Остаток, т. е. Македонию, Албанию, Грецию и Константинополь, передать Венецианской республике, чтобы не создавать слишком сильной монархии.

В том же 1777 г. адвокат, журналист и публицист Симон Никола Анри Ленге, редактор «Политической и литературной газеты» (*Journal politique et littéraire*), автор многотомных «Политических, гражданских и литературных анналов», напечатал послание графу де Вержену, где объявлял, что политическое равновесие нарушено, Север взял вверх. Потому в «Проекте изгнания турок из Европы и нового политического равновесия» он также предлагал Франции поживиться на новом переделе карты мира, используя Пруссию как барьер против России, а Австрию — как барьер против Порты. Польшу надо усилить, а Англию, вечного врага, постараться изолировать⁹⁸.

Еще через пять лет барон де Вальднер представил обширный проект, предлагая Франции заключить союз с Голландией и Венецией, дабы не только поделить европейскую часть Турции, но и завоевать Египет. К сему прилагался план сооружения Суэцкого канала с перечислением необходимых войск, сил и средств⁹⁹.

Вновь планы передела Европы окажутся на повестке дня во время второй русско-турецкой войны. Тогда Вольней получит золотую медаль от императрицы за поддержку и идеологическое обоснование русской политики: во имя дела просвещения Турция должна быть повергнута и поделена, а Россия призвана унаследовать константинопольский престол («Размышления о нынешней войне с турками», 1788)¹⁰⁰. «Да приведется нам узреть, как императрица празднует открытие века философии, просвещения и добродетели для возрожденного Востока», — восклицает он в благодарственном письме к Гримму¹⁰¹.

Потемкин вновь мечтает о Молдавии и Валахии. А. А. Безбородко в начале войны пишет докладную, что в случае победы польско-

⁹⁸ Lettre de M. Linguet à M. le comte de Vergennes. Londres, 1777 ; *Projet d'expulsion des Turcs de l'Europe et d'un nouvel équilibre politique (s.d.)*. — *Djuvara T. G. Cent projets de partage de la Turquie*. P. 308—314.

⁹⁹ ААЕ. MD. Turquie. Vol. 15. Fol. 50—135.

¹⁰⁰ *Considérations sur la guerre actuelle des Turcs, par Mr de Volney*. Londres, 1788.

¹⁰¹ Граф К. Ф. де Вольней к Гримму, Париж, 28 января 1788 г. — РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 1—2.

Г.А.Потемкин
Двор императрицы Екатерины II.
Ее сотрудники и приближенные.
СПб., 1899

му королю дунайские княжества отдавать не надо: «Распоряжение подобное расстроило бы совсем план отчасти уже нами с императором положенный. Сей государь доведен до того, что соглашается довольствоваться из Молдавии Хотинном и из Валахии Банатом Крайовским, не прекословля в случае удачи из Молдавии, Валахии и Бессарабии основать область независимую под владетелем веры там господствующей». На что Потемкин делает приписку: «Это все походит на журавля, который еще на воздухе»¹⁰².

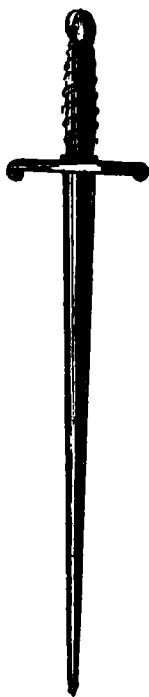
Поскольку Россия в конце века вынуждена воевать на два фронта, одновременно с Турцией и Швецией, то доходит дело и до идеи Библиштейна об образовании слабого буферного государства на севере империи. Задачу эту призван был выполнить барон Георг (или Горан) Магнус Спренгтпортен (1741—1819), друг старости Казановы, шведский военный, промотавшийся в Париже, послуживший Голландии и в итоге в 1786 г. подавшийся в Россию, где получил чин генерал-майора. В 1788 г. во время шведской кампании Россия рассчитывала на него. Спренгтпортен написал проект Финляндской республики, план восстановления независимости страны, но войска, которыми он командовал, потерпели поражение. В Швеции он был заочно приговорен к смертной казни. Автономное великое княжество Финляндское отошло от Швеции к России уже при Александре I, после войны 1808—1809 гг., и Спренгтпортен был назначен генерал-губернатором. Потому в Европе его именуют то предателем, то героем¹⁰³.

В записках о путешествии в астраханские степи и на Кавказ в 1797—1798 гг., а позднее в инструкции, составленной для географа Клапрота около 1807 г., Ян Потоцкий упоминает авантюриста Якова Райнеггса (1744—1793), автора «Исторического и географического описания Кавказа» (опубл. в 1796 г. в Готе по-немецки). Этот немец (настоящая фамилия Энхлих), видимо, помог России присоединить Грузию. Он был цирюльником в Лейпциге, актером в Вене, врачом в Венгрии, естествоиспытателем в Польше. Выучив турецкий язык, он приехал в Турцию, где, возможно, перешел в магометанство. Оттуда перебрался в Грузию, где вспомнил о европейской учености и решил облагодетельствовать край. Подобно герою «Икозамерона», он улучшил изготовление пороха и отливку пушек, открыл типографию в Тифлисе. Там он напечатал трактат австрийского экономиста Зонненфельса, который сам перевел на персидский, а царь Ираклий II переложил на грузинский. Государь, объединивший Ка-

¹⁰² Потемкин и Безбородко об отношении к Польше в начале второй турецкой войны // РА, 1888. Кн. 3. С. 184—186.

¹⁰³ Грот Я. К. Спренгтпортен, шведский эмигрант при Екатерине II // ЖМНП, 1885. № 1. С. 1—34, № 5. С. 1—33; Ордин К. Ф. Спренгтпортен, герой Финляндии // РА, 1887. № 4. С. 470—502; Watzlawick H. A companion in exile: general Sprengtporten // Casanova Gleanings, 1978. Vol. XXI. P. 47—54.

хетию и Карталинию, предложил Райнегтсу самому применить в Грузии принципы передовой науки и сделал его беєм и придворным врачом. В 1782 г. авантюрист приехал в Петербург, где вошел в милость к князю Потемкину. С русскими дипломатическими миссиями он совершает пять путешествий на Кавказ и склоняет царя подписать Георгиевский трактат (1783), признававший вассальную зависимость Грузии от России. Возможно, Райнегтс вел двойную игру: он уговаривал Петербург подчинить весь Кавказ, выдавал себя там за полномочного русского посла, а между тем хранил бумаги, выданные ему английскими дипломатами¹⁰⁴. Умер он в Петербурге, где получил чин коллежского советника, должность директора хирургического училища и неременного секретаря Медицинской коллегии¹⁰⁵.

¹⁰⁴ Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М.: Наука, 1966. С. 165—166, 185.

¹⁰⁵ Potocki J. Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase, éd. D. Bauvois. Paris: Fayard, 1980. P. 142—143, 229, 247—248; Месяцеслов. СПб, 1792. С. 86.

ПРОСТРАНСТВО УТОПИИ. ВОСТОЧНЫЙ ПРИНЦ

Авантюристов и самозванцев притягивает пространство удачи: столицы, дворы или модные курорты, где можно найти доступ к власти, предрешающим, получить официальную аудиенцию или встретиться как будто ненароком в саду, как Казанова с Екатериной II. Венецианец ценит возможность представиться государю по всем правилам этикета, даже если тот ещё ребенок, его обескураживает нарочитая простота Фридриха II и Станислава-Августа. Авантюриста завораживают люди, олицетворяющие фортуна: монархи, принцы, фавориты, он мечтает видеть их в парадном облачении, а застаёт чаще всего в обыденном наряде. Повстречать государя проще, когда он путешествует или отправляется на отдых, зачастую инкогнито. Дорога, истинная отчизна искателей приключений, создает атмосферу непринужденного общения, интимности и творчества. Эта магия действует на всех. Недаром граф де Сегюр и принц де Линь столь увлеченно описывали свои путешествия с Екатериной II по России, на юг: в письмах, мемуарах, стихах, шуточных путевых журналах. Сама императрица превращала поездки в коллективные занятия литературой, иногда весьма серьезные. Просвещение путешествует по России вместе с Екатериной II: там, куда ступает ее нога, как по мановению волшебной палочки возникают города, села, парки, сады, подданные делаются счастливыми. «Потемкинские деревни» естественно вписывались в эту атмосферу сказки, театральных представлений; сравнение с «Тысячью и одной ночью» — лейтмотив рассказов о поездках императрицы. Граф де Сегюр вспоминал в мемуарах: «Города, деревни, усадьбы, а иногда и простые хижины были так изукрашены цветами, расписанными декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор и они представляли какими-то дивными горо-

дами, волшебными созданными замками, великолепными садами»¹. Само пространство требовало преобразования: по замыслу Потемкина и Екатерины II, Крым, завоеванный у Турции, должен был стать новой идеальной Россией, Новороссией, а столица юга, Екатеринослав, — новым Петербургом, там намеревались возвести собор выше, чем базилика Святого Петра в Риме². В Крыму получают поместья знатные иностранцы, такие как принц де Линь или принц-авантюрист Карл-Генрих Нассау-Зигенский (1745—1805 или 1808). Этот сорвиголова, странствующий рыцарь Просвещения, удравший в пятнадцать лет на Семилетнюю войну, юношей совершивший кругосветное плавание вместе с Бутенвилем, штурмовавший с моря Гибралтар на плавучей батарее, понравился Потемкину, и тот в 1787 г. подарил ему земли на берегах Днепра и в Крыму, в том числе пустынный остров, размером девять на пять верст. Почувствовав себя Робинзоном, принц вознамерился создать образцовую колонию: выписать волов, отправить солдат обрабатывать поля, развести виноградники, построить пивоварню и солеварню, завести рыболовство, конный завод и т.д. Правда, в итоге он выписал из-за границы только двух почтарей-трубачей для князя Потемкина. Побочный отпрыск знатного рода, он мечтал о королевстве. После кругосветного путешествия принц Нассау-Зиген рассказывал в Париже, как туземная царица предложила ему руку и трон; он хотел основать новое царство на юге Африки и даже, говорят, получил на то от французского короля жалованную грамоту.

В России XVIII в. центр перемещается вместе с императрицей. Иначе происходит в Европе, где столица и город нередко разведены (французский король был вынужден оставаться в Версале, а не в Париже, ибо там, где появлялся монарх, не взимались пошлины с горожан). В летнее время роль столиц отчасти переходит к маленьким курортным городкам. Это такое же важное промежуточное пространство со своими правилами поведения, как уединенный домик на окраине столицы. На воды приезжают не столько лечиться, сколько присутствовать на всевропейском рауте, где беседуют философы и монархи, уравненные новым титулом: пациент. Так, в Спа, неподалеку от Льежа, летом 1781 г. проживают граф Фалькенштейн (австрийский император Иосиф II), принц Генрих Прусский, Мария-Кристина Лотарингская эрцгерцогиня австрийская, принцесса Фредерика Оранская-Нассау, принц фон Зальм-Зальм, герцог д'Аренберг, принц Шарль Жозеф де Линь, барон Карл Сигизмунд фон Зекендорф, графиня Салтыкова, граф и графиня Брюс, графы Румян-

¹ *Séguir L. Ph. de Souvenirs et anecdotes sur le règne de Louis XVI.* Paris: Fayard, 1909. P. 169; PA. 1907, № 10. С. 183.

² *Панченко А. М. «Потемкинские деревни» как культурный миф // XVIII век.* Сб. 14. Л., 1983. С. 93—104.

целые, Гримм, аббат Рейналь, чью «Историю обеих Индий» только что сожгли в Париже рукой палача, обеспечив ему славу и радушный прием у чужих монархов. Принц-епископ Льежский Франц Карл фон Вельбрюк приезжает в Спа вместе со свитой и иностранными посланниками³. «Городок Спа был европейской кофейней, — писал граф де Сегюр. — Из всех краев туда съезжались толпы будто бы для поправления здоровья, а на деле — в поисках удовольствий. Там чувствовали себя так вольно, как нигде на свете»⁴.

Пространство удачи может возникнуть случайно, но авантюристы немедленно ощущают его и мчатся туда стремглав. При появлении в Италии русской эскадры под командованием Алексея Орлова к нему стекаются искатели приключений. В 1770 г. в Ливорно вновь встречаются Джузеппе Даль Ольо, бывший виолончелист при русском дворе, затем дипломатический представитель Польши в Венеции, и Джакомо Казанова. Экс-музыкант принят фаворитом Екатерины II, а венецианец тщетно добивается места на адмиральском судне, утверждая, что без него Орлову в Константинополь не пробиться (что вообще-то и произошло). А вот к друзьям и соперникам Казановы, Анжу и Саре Гудар, как мы уже говорили, Орлов в Ливорно отнесся весьма благосклонно.

В начале 1770-х годов в европейских столицах начинает мелькать поддельная княжна Тараканова, или Елизавета Владимирская, как она себя называет. Самозваная дочь Елизаветы Петровны, дабы подкрепить свои права на престол, представила поддельное завещание императрицы. Неизвестный автор документа сформулировал будущую программу развития России: назначение государственного совета и дворянского совета, проведение мирной политики, постоянный контроль всех чиновников, создание школ, поощрение торговли и хозяйства в азиатской части империи. Княжна Владимирская предложила «по-сестрински» разделить страну: она возьмет себе юго-восток, а Екатерине II оставит северо-запад.

В 1775 г. княжне было 25 лет. Она была среднего роста, стройная, волосы черные, глаза карие, немного косые, нос с горбинкой. Она походила на итальянку, русского языка не знала, но говорила на французском, немецком и английском, уверяла, что знает арабский и турецкий. Историю свою Тараканова излагала в романном духе: родителей своих она не ведает, в девять лет ее из Германии привезли в Россию, а затем в Персию. Вместе с нянькой она скиталась на Востоке, спасаясь от преследований. Некий князь Гали помог ей в Испане, а затем отвез в Лондон и предоставил в ее распоряжение несметное состояние. Два года она жила в Англии, потом переехала

³ *Froidcourt G. de. L'abbé Raynal au pays de Liège (1781). Liège: Imprimerie Nationale des invalides, 1946. P. 28—39.*

⁴ *Ségur L. Ph. de. Souvenirs et anecdotes. P. 61.*

Стефан-Аннибал Заннович,
князь Албанский

в Париж; принц Лимбургский предложил ей руку и сердце. Она составила план русской торговли с Персией, собиралась поехать в Константинополь, чтобы способствовать заключению мира между Россией и Турцией. Князь Радзивилл сопровождал ее в Италию⁵.

«Авантюристка», как называла ее в письмах Екатерина II, доставляла императрице немало хлопот, в особенности когда стала искать поддержки в России и называть Пугачева своим братом (хотя Петр III доводился Елизавете Петровне племянником). В 1775 г. в Ливорно Алексей Орлов организовал ее похищение с помощью авантюриста Иосифа де Рибаса. Он предложил княжне помочь ей взойти на трон, соблазнил, разыграл обряд венчания и заманил на корабль. Доставленная в Россию, княжна скончалась в том же году в Петропавловской крепости. Но и Орлов вышел из фавора: Екатерина II не простила измены, ведь княжна забеременела. Граф был щедро награжден и отставлен от двора.

Степан Заннович писал во «Фрагменте из новой главы “Хромого Беса”» (1782) где, как мы помним, он под именем Варта беседует с Павлом Петровичем, Фридрихом Вильгельмом и графом Огинским: «Если философ, столь хорошо знающий уловки, к которым прибегают корысть и порок, дабы ввести в обман и в соблазн доверчивых и честных, всегда имел их пример перед глазами, бросился бы он в объятия принцессы Владимирской? Был бы он ослеплен ее прелестями, притязаниями и вымышленными богатствами, что подкрепляли их? Поддельная дочь императрицы Елизаветы, убежавшая якобы из сераля в Исфагане, где ее взрастили и воспитали, не показалась бы ему тогда интриганкой, с которой даже забавляться опасно?»⁶.

Самозванный принц Кастриотто, принц Албанский, Заннович скитался по Европе в поисках трона, окружая себя легендами. В концентрированном виде их преподнес будущий революционер Анахарсис Клоц, в ту пору Жан-Батист де Валь де Грас барон Клоц. Он познакомился с Занновичем в книжном магазине в Амстердаме, незадолго до ареста авантюриста и его самоубийства. В книге «Мечты галлофила» (1786), своеобразном эпистолярном романе, созданном на основе подлинных писем, Клоц сперва представил «главнокомандующего и патриарха черногорцев» как полубога: «В течение трех недель мне казалось, что я беседую с божеством», «Вы не такой, как про-

⁵ Донесение фельдмаршала князя А. М. Голицына Екатерине II, 31 мая 1775 г. — СБРИО. Т. 1. С. 171—182. Тараканова несколько раз меняла историю своей жизни. Нет нужды пересказывать все легенды, окружающие ее. Достаточно отослать к роману Г. П. Данилевского «Княжна Тараканова» (1883), пьесе Л. Г. Зорина «Царская охота» (1977) и повествованию Нины Молевой «Ее называли княжна Тараканова» (1993). Документы, найденные при ней, и материалы допросов хранятся в РГАДА (Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 531, 532, 533. Ф. 149. Оп. 1. Ед. хр. 80), опубли.: СБРИО. Т. 1. С. 169—196.

⁶ *Œuvres choisies du prince Castriotto d'Albanie*. 1782. P. 8.

чие смертные, человеческий язык не в силах воздать вам хвалу». Клоц сражен наповал, он превозносит их святой союз, платонический и нерасторжимый. Албанский принц богат и щедр, литературные таланты и химические познания помогли ему творить чудеса в Черногории и подчинить себе народ. Талантливый полководец, он в 15 лет громил венецианцев, а позднее ускользнул от превосходящих сил фельдмаршала Румянцова. Затем в примечаниях и последующих письмах Клоц нарисовал портрет «хамелеона» злодея и богохульника, готового сыграть «роль Мандрена или Каргуша», «невероятно ловкого авантюриста», которому Калиостро в подметки не годится: «Он жалел, что не ему поручили покупку славного ожерелья... Калиостро и супруги Ламот глупцы... все они просто новички...»⁷ Ролан Мортье подчеркивает, что Клоц, хваля и хуля, в обоих случаях изображает Занновича сверхчеловеком, попирающим законы людские и божеские⁸. У Клоца был дар все принимать всерьез и преувеличивать до гротескных размеров. По нашей классификации он — адепт, постоянно ищущий кумира.

Заннович действительно интриговал в Польше в 1775—1777 гг. То он поддерживал конфедератов, и в первую очередь графа Михаила Огинского, Радзивилла, Виельгорского, против короля, коего именовал символом и причиной упадка Польши, то писал письма Станиславу-Августу, уверяя, что он один способен с помощью денег сплотить конфедератов вокруг трона. Жан Фабр полагает, что он сам мечтал о польском престоле⁹. Обращаясь к монарху, С. Заннович утверждал, что якобы пользуется покровительством Фридриха II, короля Швеции Густава III и Екатерины II, расположением турецкого султана. Разумеется, сочинял, а может быть, и сам верил в это. Вместо поездки в Константинополь он издал в подражание Монтескье «Поэтические и философские сочинения турка» (1779)¹⁰. В Россию он действительно хотел приехать и дважды безрезультатно писал в конце 1775 г. о том Екатерине II из Дрездена и Варшавы (см. Приложения). Позднее он утверждал, что побывал в Петербурге в 1777 г., на титульных листах двух его книг, 1779 и 1783 гг., в качестве места издания значится Петербург и даже Императорская Академия наук¹¹ — опять-таки

⁷ Cloots J.-B. *Vœux d'un gallophile*. Nouv. éd. refondue suivie de *Mêlanges*; et d'*Anecdotes sur Stiépan-Annibal, soi-disant Prince d'Albanie, ou Supplément au livre des Liaisons dangereuses*; et d'un *Drame sur la mort de Voltaire*. Amsterdam, 1786. P. 186.

⁸ Mortier R. *Anacharsis Cloots ou L'utopie foudroyée*. Paris: Stock, 1995. P. 82—91.

⁹ Fabre J. Stanislas-Auguste Poniatowski et l'Europe des lumières. Paris: Université de Strasbourg, 1952. P. 289.

¹⁰ La poésie et la philosophie d'un turc. Amsterdam, 1779.

¹¹ *Lettere eroiche a Federico-Guiglielmo, principe ereditario della Prussia*. San Petersburgio, 1779; *Stiepan-Annibale d'Albanie à Frédéric-Guillaume de Prusse*. *Épître pathétique, philosophique, historique etc. ou l'Alcoran des princes destinés au trône*. Saint-Petersbourg: Imprimerie de l'Académie impériale, 1783.

мистификация. Правда, на русский язык действительно переводилась его любовная лирика и исторические сочинения, как отдельными изданиями, так и в журнале «Утренние часы»¹². В ноябре 1785 г. Заннович поместил объявление в приложении к «Кельнской газете» (*Gazette de Cologne*, LXXXVIII, 4): «Недавно перевели на немецкий язык новое славное сочинение, написанное по-французски Степаном Ганнибалом, Принцем и древним Пастырем Албании, и прочая, и прочая, озаглавленное: История революций, политики, торговли и войн в Российской империи, от Петра I до Екатерины II [...], напечатано в Лейпциге объединенными издателями, 1785, с географической картой» (неизвестно, вышло ли оно в действительности).

В письме из Регенсбурга от 3 августа 1785 г., адресованном придуманному им американскому купцу Томасу Бритману, Заннович уверяет, что в октябре отправится к русскому двору, предварительно переговорив с послом во Франкфурте-на-Майне графом С. П. Румянцевым, у которого намерен быть 8 числа. «Если приедете в Европу, я либо примчусь к вам из Петербурга, либо, если буду предводительствовать армией в Албании против турок, то пригласу вас к себе. Я люблю вас гораздо более, чем ваши 400 луидоров да и все луидоры мира», — уверял он корреспондента-призрака¹³.

Степан Заннович и впрямь состоял в переписке с наследным принцем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом. Он посвящал ему оды и трактаты, в том числе о воспитании будущего государя, образцово добродетельные и скучные («Воспитание», 1773, «Коран наследных принцев», 1783), — сам он этим заповедям не следовал. Заннович хотел играть роль ментора и чуть ли не близкого друга принца, послал ему в 1779 г. сочинение о коварстве женщин и о том, что без них лучше (что при прусском дворе звучало весьма двусмысленно). Фридриху-Вильгельму скандально изменила первая жена, за что была сурово наказана, но, несмотря на это, прусский принц с Занновичем не согласился и выступил в защиту прекрасного пола¹⁴. Подарки, которые принц Албанский осмеливался посылать принцам крови, возвращались обратно — считать его равней никто не желал. Подобно русским самозванцам, долмат Заннович естественно подхватывал чужую легенду, но, как западный авантюрист, он облакал ее в пись-

¹² Адонид с присовокуплением некоторых любовных стихотворений Кастриотта Албанского. Пер. с французского Александр Дмитриев. СПб: Брейткопф, 1783; История о Кастриотте Албанском, пер. с фр. яз. Д. А. /Иждивением А. Светушкина. М.: Сенатская тип., 1788; Утренние часы, СПб., 1788—1790. Ч. 1—4 (пер. стихов Занновича с французского И. Г. Рахманинова).

¹³ A Amsterdam. F. 5061, № 641 d. Stiepan Annibale.

¹⁴ *Lettre eroiche a Federico-Guiglielmo. 1779; La poésie et la philosophie d'un turc... augmenté... d'une épître du prince de Prusse au prince Castriotto d'Albanie sur le danger d'aimer les femmes. 1779.*

менную форму: после гибели Степана Малого он выпустил о нем книгу, поместив собственный портрет в виде полководца, побеждающего турок, и приписав себе его деяния: «Степан Малый, он Этьен-Пети или Стефано-Пикколо; лже-Петр III, российский император, появившийся в Великом Герцогстве Черногорском [...] в 1767, 1768 и 1769 гг.» (1784)¹⁵. Он настолько сжился с легендой, что в 1784 г. во время вооруженного конфликта между Голландией и Австрией осуществил политический шантаж на европейском уровне, потребовав значительные суммы, дабы набрать войска в Черногории или помешать им встать на сторону противника. Он предъявил счет Нидерландам, но тут на беду всплыла его давняя финансовая афера, которая поставила Голландию и Венецию на грань войны. Степан Заннович был разоблачен и арестован в Амстердаме. В очередной раз он предсказал близкую кончину, напечатав 14 апреля 1786 г. мемуар в свою защиту, обращенный к Генеральным Штатам: «Моя камера, та самая, где содержался за долги Теодор, корсиканский король, быть может, станет мне могилой»¹⁶. Степан вскрыл себе вены в тюрьме, а Фридрих-Вильгельм в тот год вззошел на престол.

Но, как свидетельствуют письма, хранящиеся в Амстердамском архиве, до последних дней Степан Заннович прельщал мужчин и женщин, убеждая, что добьется успеха в Польше, Пруссии или Албании. С армией в 90 тысяч албанцев и 45 тысяч черногорцев, вышколенных на прусский манер, он обрушится на Османскую Порту, рассказывал он барону Клоцу. Барон Хорбен пишет 22 мая 1785 г. из Регенсбурга принцу Албанскому, что завтра в семь прибудет к Его Высочеству, собрав все свои богатства, чтобы вместе с ним отправиться в Турцию биться с врагами или в Польшу, чтобы короновать Огинского, если только король прусский не соизволит покинуть сей мир на радость племяннику.

Наиболее интересный вариант легенды о Степане Занновиче предложил анонимный автор «Послания, писанного в Экс-ле-Бене в Савойе, 20 августа 1788 г., к г-ну де Бомарше от г-на Калиостро», где он связал воедино истории нескольких авантюристов и российскую политику на Балканах. Итак, слово псевдо-Калиостро, доказывающему Бомарше, что он ни в чем ему не уступает: «Стефано Пикколо Черногорский, более известный под именем принца Албанского и недавно умерший в амстердамских тюрьмах, намеревался совер-

¹⁵ Stiepan-Mali, c'est-à-dire Etienne-Petit ou Stefano-Piccolo le pseudo Pierre III, empereur de Russie qui parut dans le Grand-Duché de Montenegro, situé entre la Mer Egée, l'Albanie Turque et le Golfe Adriatique, en 1767, 1768 et 1769. Cinquième édition. A Mangalor forteresse du Nabah Hyder-Haly, sur les Côtes du Malabar, 1784.

¹⁶ Mémoire à LL. NN. PP. Les Seigneurs États Généraux de Pays-bas-uni, par Stiépan Annibale prince d'Albanie, 1786. P. 3.

шить в Албании революцию, подобную американской¹⁷. Он обладал всеми талантами, необходимыми для подобных предприятий: отважный, закаленный тяготами, умеренный во всем, любимый народом, рассудительный, когда вынашивал план, и горячий, когда исполнял его, он дал почувствовать землякам, потомкам знаменитых македонцев и неколебимых обитателей Эпира, что снискали славу Александру, он показал им, говоря я, до какого унижения дошел столь некогда великий народ: двенадцать тысяч человек примкнули к нему и поклялись в верности.

Тогда Стефано отправился инкогнито в Россию, дабы попросить помощи деньгами и снаряжением, но, к несчастью, заболел в Варшаве, да к тому же получил огорчительные письма с родины, призывавшие его тотчас обратно. Меня позвали лечить его, и в скором времени врач и больной стали друзьями. Он открыл мне свой секрет и вверил дела в Санкт-Петербурге, с тем большим основанием, что я именовался капитаном на испанской службе и мне, как военному, легче было получить доступ к русскому двору. Я справился с поручением и получил прямой приказ к графу Орл..., который находился с флотилией в архипелаге, куда я к нему и отправился. Мы со Стефано постоянно переписывались, и граф Орл... дал мне письма к маркизу Мар..., российскому посланнику в Венеции¹⁸, чтоб получить денег и купить в Арсенале республики сколько-то пушек и оружия. Получив подряд, я снабжал албанцев, как вы снабжали американцев¹⁹, но я так медлил с поставками, что мир между Россией и Портой был заключен в тот момент, когда на руках у меня был миллион венецианских дукатов, о которых я прескверно отчитался Стефано и вообще никак петербургскому кабинету, смерть графа Орл... все покрыва²⁰. Еще раз уточним, что Заннович был в Польше после окончания русско-турецкой войны, в 1775—1777 г., а Калиостро — в 1779-м, на обратном пути из России. Они, видимо, не встречались, хотя Эдуард ван Бима утверждает, что

¹⁷ В «Политическом и законодательном послании» (1782) Заннович объявил конгрессу Соединенных Штатов, что «Республику» Платона и «Утопию» Томаса Мора, какими бы они замечательными ни были, в жизнь воплотить трудно, а потому, в духе басни «Лягушки, просящие царя», предложил американцам короновать дубового истукана, окружив его почетом и строго соблюдая этикет («Lettre politique et législatrice de Warta. En reponse à la dernière lettre que le congrès de l'Amérique lui a adressé // *Ceuvres choisies du prince Castriotto d'Albanie*, 1782. P. 22—37). Выступая в роли «законодателя Нового света», Степан сатирически изображает польского короля, чья власть сведена к нулю «свободным вето», но, как всегда, авантюрист мечтает о статге — Кумире, Командоре, Медном всаднике.

¹⁸ Маркиз Ламбро Маруцци, банкир, поверенный в делах в России в Венеции (1768—1783), финансирует плавание эскадры А. Орлова.

¹⁹ Бомарше нажил большие деньги на поставках оружия во время войны за независимость.

²⁰ Lettre écrite de Aix-les-Bains, en Savoie, le 20 août 1788, à M. de Beaumarchais, par M. Cagliostro, Kehl, 1788. Цит по: *Tatin-Gourier J.-J.* Op. cit. P. 110—111.

«Степан был связан с своим собратом Калиостро, в защиту которого он написал мемуар, вышедший в Париже в 1786 г.»²¹. Князь Григорий Орлов скончался в 1783 г., а граф Алексей Орлов жил до 1807 г.

Сама же афера, при всей ее фантастичности, выглядит правдоподобной, ибо в 1775 г., во время похищения княжны Таракановой, маркиз Джорджио Кавалькабо, русский посланник при Мальтийском ордене, занимает денег у венецианца Джузеппе де Монтемури для снабжения российского флота. В апреле 1780 г. Монтемури из Парижа через князя И. С. Бярятинского пересылает в Петербург мемуар, прося об уплате долга и процентов²². К делу подключились А. А. Безбородко и Ф. М. Гримм, ведавшие платежами во Франции. В письмах Гримма к Екатерине II от 1781 и 1782 гг. Монтемури предстает обаятельным путешественником и прожектором, если не авантюристом: «Он уверял меня, что совсем было собрался основать колонию в России на берегу Черного моря, как его отвлекли арабы с горы Атлас», «Монтемури отправился из Туниса в Константинополь, откуда намеревается добраться до Астрахани. Говорят, что у этого господина обширные познания в области коммерции и что он всегда чувствовал слабость к России, где некогда хотел обосноваться»²³. Императрица заподозрила плутню в поданных счетах, но в 1782 г. велела уплатить²⁴.

Снова отметим параллель между славянским миром и Новым светом, возникшую в «Послании к Бомарше». Писательница и авантюристка Джустиниана Уинн, графиня Розенберг, любовница Казановы, в предисловии к роману «Морлаки» (1788) сравнила славян с первобытными туземными племенами, жителями недавно открытых островов: это такой же неведомый мир, ждущий своих исследователей. Любовный сюжет (страсть, ревность, убийства) служит в книге мотивировкой для описания быта и нравов балканских народов: Уинн проживала в Венеции, была близка с коллекционером Анже-ло Кверини и через него и Гримма получила разрешение посвятить роман Екатерине II (экземпляр ныне находится в Петербурге, в Публичной библиотеке)²⁵. Книга в XIX в. воспринималась как полезный этнографический источник, ей пользовался Мериме, когда сочинял «Гусли» — «Гюзлу»²⁶.

²¹ *Biema E. van. Un aventurier au XVIIIe siècle d'après les documents inédits des archives d'Amsterdam // La Nouvelle Revue, 1898. Т. 114. Р. 518.*

²² РГАДА. Ф. 11. Ед. хр. 1020. Л. 59—61.

²³ СБРИО. Т. 44. С. 171, 247.

²⁴ СБРИО. Т. 23. С. 210—211.

²⁵ Дж. Уинн к Гримму, Венеция, 10 февраля 1788 г. — СПбОИИ. Ф. 203. Оп. 1. Ед. хр. 203. Л. 2.; *Bulletin de bibliophile, 1858, sept. Р. 1226—1228.*

²⁶ *Brunelli B. Une amie de Casanova. Paris, 1928; Yovanovič Y. M. La «Guzla» de Prosper Mérimée. Paris, 1911. Р. 44—56.*

Подобно Степану Занновичу, малороссиянин Иван Тревогин (или Тревога, 1761—1790) похож одновременно на российского самозванца и западного авантюриста. Соперничает он не с государями, а с Творцом, ибо придумывает себе царство, сочиняет языки, историю и географию, создает законы и учреждения. После учебы в Харькове, обвинения в краже, работы в типографии Санкт-Петербургской Академии наук он издает журнал «Парнасские новости» (1782), разоряется, бежит от кредиторов, занимается в матросы, бедствует в Голландии и в 1783 г. попадает в Париж²⁷. Он обращается за помощью к послу И. С. Бярятинскому, приукрасив несколько свою историю. Потом живет в пансионе, дружит с секретарем посольства коллекционером П. Дубровским, ходит в библиотеки, составляет записку о парижских достопримечательностях. Чтобы придать себе весу в глазах французов, Тревогин решает выдать себя за принца Голкондского и принимает имя Нар-Толонда. За долги и кражу серебра он попадает в Бастилию (подобно поминавшемуся ранее принцу Ангольскому) и там решает твердо следовать легенде. В тюрьме ему устраивают самую простую проверку: вызывают врача, чтобы выяснить, обрезан он или нет. Во время следствия, на допросах Тревогин написал и изложил свою романизованную биографию, соединив топысы восточного авантюрного романа и эпизоды своей собственной жизни, полной приключений (А. Л. Топорков изящно сопоставляет текст Тревогина с романом Ф. Эмина «Непостоянная фортуна»). Наиболее традиционно начало: смерть отца, нападение врагов, предательство, потеря трона, рабство, бегство, скитания, страна негров — все то, что в разных вариантах мы видели в алхимической литературе, у Калиостро, Таракановой, у самозванцев. Правдивый рассказ о своей судьбе он позже составил уже по-русски, когда его переправили из Бастилии в Петропавловскую крепость. «Историю Ивана Тре-

²⁷ Его история подробно изложена в работах: *Старцев А.* Иван Тревогин — издатель «Парнасских новостей» // *Новый мир*, 1958. № 9. С. 278—284; *Светлов Л. В.* Неизвестный литератор XVIII века Иван Тревогин // *Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз.*, 1961. Т. 20. Вып. 4. С. 326—331; *Курмачева М. Д.* Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII — начало XIX века). М.: Наука, 1983. С. 221—235, 322—340; *Топорков А. Л.* История Ивана Тревоги // *Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск*, 1989. С. 246—275; *Дмитриева Е. Е., Топорков А. Л.* Авантюрная автобиография И. И. Тревогина // *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1990*. М.: Круг, 1996. С. 49—75. Научную ценность последней работы несколько снижает небрежно опубликованный французский текст, изобилующий опечатками, хотя, по уверению авторов, они исправили все «орфографические» (!) ошибки (не вполне только понятно, зачем надо было править столь интересный образчик французской прозы русского автора). Следственное дело Тревогина хранится в РГАДА (Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2631), отдельные документы — в АВПРИ (Ф. 93. Сношения с Францией. Оп. 6. Ед. хр. 400) и в Париже, в библиотеке Арсенала (Ф. Бастилии).

И. И. Тревогин
Автопортрет

воги» можно расценить как одну из первых русских автобиографических повестей. В России он попробовал отрешиться от легенды и превратить ее в роман («Несчастный принц восточный, или Жизнь Хольсава, сына царя Голкондского»), но только каллиграфически выписал посвящение Екатерине II (в нескольких вариантах) и сочинил первые три страницы. Как большинство авантюристов, обуреваемых новыми идеями, он оставил в основном наброски, планы и оглавления обширных сочинений.

Наибольший интерес представляют проекты основания царства на острове Борнео и всемирной Империи, или Области знаний, с центром в Харькове. Первое сочинение, где Тревогин именуется царем Иваном I, всполошило посольство и русское правительство, опасавшихся появления нового Пугачева. М. Д. Курмачева несколько прямолинейно, но небезосновательно показывает, что идеи мало-россиянина созвучны тем народным утопиям, что воплотились в манифестах Пугачева, тем более что и по жанру (обращение государя к подданным и рассказ о будущем устройстве) они сходны.

Второй проект развивает идею утопического государства ученых, братского научного сообщества, предложенную в «Атлантиде» Френсиса Бэкона («Орден Соломонова Храма, или Коллегия дней творения») ²⁸. Империя знаний (или Офир ²⁹) — своего рода демократическая олигархия, основанная на строгой иерархии: государи каждой отрасли знаний выбираются, дела решаются на собраниях общего совета. Империя состоит из ученой элиты и многочисленных служащих. Она призвана не только способствовать развитию языков и наук, искусств и ремесел, но и руководить ими: поощрять научные исследования и открытия, организовывать их проверку, контролировать издания, назначения и аттестацию ученых и преподавателей. Империя должна распространить свою власть на весь мир, на Европу, Азию, Африку, Америку, оставаясь под покровительством Екатерины II и в прямом подчинении у нее. Как обычно, российская утопия предстает в виде бюрократической машины.

Попытку воплотить в жизнь принципы Республики Словесности в это время предпринял будущий революционер, один из руководителей Жиронды Жак-Пьер Бриссо де Варвиль. Традиционная карьера литератора не удалась, и он попытался, опять-таки неудачно, организовать в 1779 г. в Англии Лицей, который он замыслил как своего рода европейский клуб философов. За долги он попал в британскую

²⁸ В 1774 г. в Авиньоне создается Академия истинных масонов, переехавшая в 1778 г. в Монпелье. Этот масонский капитул, интересовавшийся герменевтическими науками и получением универсальной панацеи, был связан со шведскими и русскими ложами. Там же в Монпелье возникает в 1776 г. Академия мудрых — *Ligou D. Dictionnaire de la franc-maçonnerie*. Paris: PUF, 1987.

²⁹ Офир — родина Хирама, строителя Соломонова храма; утопическая страна в масонских легендах, ср. «Путешествие в землю Офирскую» князя Щербатова.

тюрьму (там много авантюристов перебивало), потом в 1784 г. — в родную Бастилию, окончательно разорившись на издании своих произведений. Пришлось предложить свои услуги главе полиции Ленуару, стать осведомителем, поставлять информацию о памфлетах и их авторах³⁰.

Конечно, Тревогин ангелом не был: плутовал, крал, дурачил простаков. Но от заурядных мошенников его отличает, в первую очередь, несомненный литературный талант. Вымышленный мир обретает реальность на бумаге. Сидя в Бастилии, принц Нар-Толонда отправляет письмо князю Барятинскому, где приказывает несуществующему слуге выдать послу сундуки, полные добра: со золотом, драгоценными камнями, булатными саблями, халатами, — и вещи оживают в вязи восточного письма. Ибо текст начертан параллельно на французском и голкондском (послание, видимо, преследовало одну цель: доказать, что голкондский язык существует). Тревогин в тюрьме пользовался и другими придуманными им письменами, пять языков и алфавитов фигурируют в следственном деле: русский, французский, голкондский, коптский и авазский. Лингвистические фантазии юного малороссиянина помогают ему воплотить философские идеи. В его сочинениях сосуществуют несколько миров: реальный и литературный равно жестоки, там изгоняют из родных мест, вынуждают скитаться на чужбине, тогда как утопический свет позволяет обрести почет, уважение, власть, будь то царство на Борнео или Империя знаний в родном Харькове.

Тревогин был отнюдь не первым искателем приключений, создавшим свой язык. Некий гасконец, называвший себя Жорж Псальманаазаар и уверявший, что родился на острове Формоза (ныне Тайвань), решил попытать счастья в Англии и разыграл сцену обращения дикаря в англиканскую веру. Крестившись, он опубликовал в Лондоне «Историческое и географическое описание Формозы» (1704), которое включало и трактат о местном языке. Псальманаазаар настолько сроднился с ролью, что стал действительно походить на восточного человека и считать себя специалистом по Дальнему Востоку, даже если его не слишком принимали всерьез. Он жил аскетом, ел прилюдно сырое мясо, курил опиум. Деньги зарабатывал литературной поденщиной³¹.

Участь Тревогина более печальна: после тюремного заключения и допросов во Франции и в России, двух лет в смиренном доме он был в 1785 г. отправлен солдатом в Сибирь, в Тобольск, затем в Пермь, где умер в возрасте 29 лет.

³⁰ *Darnton R. Bohème littéraire et Révolution: Jacques Pierre Brissot de Warville espion de police // Darnton R. Bohème littéraire et Révolution. Le monde des livres au XVIIIe siècle. Paris: Seuil, 1983.*

³¹ *Bastide Ch. Un aventurier français en Angleterre au dix-huitième siècle // Revue des sciences politiques, 1930, LIII. P. 450—462.*

КАК ПРЕУСПЕТЬ В РОССИИ. КАЗАНОВА

Чтобы преуспеть в России, можно выбрать два пути, две манеры поведения: приблизиться к государыне и, «попав в случай», рискнуть совершить стремительное восхождение либо терпеливо служить. Иными словами, претендовать на роль фаворита или философа, человека действия или советника. Мы уже говорили о трудностях первого пути, казавшегося столь привлекательным в век императриц. Только государыня могла превратить пастушка в графа, как произвела своего фаворита и тайного мужа Разумовского Елизавета Петровна¹. Екатерина II подумывала вначале выйти замуж за Григория Орлова, отца ее сына Алексея Бобринского, Бестужев даже подготовил соответствующий указ, но Панин отговорил. Есть основания предполагать, что в 1774 г. императрица обвенчалась тайным браком с Григорием Потемкиным. Одного из своих любовников Екатерина II возвела в 1764 г. на престол, но — на польский; надежды Станислава-Августа сочетаться затем с ней браком, соединив две страны, были похоронены. Польшу присоединяли иным путем.

Рассчитывая на удачу, можно было либо верно служить царствующей особе, либо попытаться свергнуть ее, составить заговор. В отличие от Анны Иоанновны, Елизавета Петровна и Екатерина Алексеевна использовали иностранцев не для того, чтобы править, а для того, чтобы взойти на престол. В перевороте 1741 г. активную роль сыграли фавориты Елизаветы французский посол маркиз де ла Шетарди и врач Лесток. Екатерина полагалась в основном не на фран-

¹ Подобный сюжет, когда принцы и пастухи меняются местами, постоянно встречается в пасторальных и литературных сказках XVII в., например в «Голубе и голубке» г-жи д'Онуа.

цузов, а на итальянцев, и в менее важных делах. По роду занятий и образу жизни иноземец в чужой стране обретает характерные качества авантюриста: он вхож в любой дом, постоянно перемещается, готов взяться за любое дело — он идеально подходит на роль связного, он собирает и распространяет информацию. А то, что великая княгиня метит на престол, понимали многие. Незадолго до кончины Елизаветы Петровны шевалье д'Эон написал, что праздная и сластолюбивая жизнь императрицы прямо противоположна энергичной и твердой деятельности, необходимой для управления страной. Он уничижительно отзывался о Петре Федоровиче: лицом дурен и во всех отношениях неприятен, ум недалекий и ограниченный, упрям, вспыльчив, без меры и без толку болтлив, часами говорит о военных делах, преклоняется перед Фридрихом II и к тому же не без сумасшедшинки («un grain de folie»). Д'Эон даже предположил, что если императрица проживет достаточно долго, чтобы воспитать малолетнего Павла, то завещание будет не в пользу отца. Увы, о Павле Петровиче будут говорить все то же самое, слово в слово. Напротив, шевалье весьма высоко отзывался о талантах, красоте и образованности Екатерины Алексеевны, которые несколько омрачены ее сердечными увлечениями. «Я верю в ее смелость, и, по суждению моему, у нее достанет характера предпринять смелое дело, не страшась грядущих последствий»². Но великая княгиня столь явно хочет заниматься государственными делами, уверяет д'Эон, снискать любовь народа, что императрица прониклась к ней недоверием.

Брильянтика Бернарди, обосновавшегося в Петербурге с 1749 г., арестовали в 1759 г. вместе с канцлером А. П. Бестужевым, И. П. Елагиним, В. К. Ададуровым и сослали в Казань, где он вскоре умер (Казанова утверждает, что он «был отравлен по подозрению, о коем не должно распространяться», — ИМЖ, 556). Понятовскому тогда же приказали покинуть Россию. «Бернарди был итальянский торговец золотыми вещами, который был неглуп и которому его ремесло давало доступ во все дома [...] Так как он постоянно бывал везде, то все друг для друга давали ему какие-нибудь поручения; словечко в записке, поданное через Бернарди, достигало скорее и вернее, нежели через прислугу. Таким образом, арест Бернарди интриговал целый город, потому что он ото всех имел поручения, от меня также, как и от других» («Собственноручные записки императрицы Екатерины II»)³. Разумеется, в мемуарах Екатерина Алексеевна не стала вдаваться в подробности своего участия в заговоре, но тогда она настолько испугалась, что тотчас сожгла бумаги и сделала все возможное, чтобы установить связь с заключенным. По свидетельству Казановы, сын

² Mémoire sur la Russie en 1759, par le chev. d'Éon de Beaumont. — AAE. MD. Russie. Vol. 5. Fol. 148v°.

³ Записки императрицы Екатерины II. СПб.: Суворин, 1907. С. 430—431.

Бернарди по восшествии императрицы на престол исхлопотал пенсию, и только неудачная женитьба на комедиантке помешала ему сделать карьеру при дворе.

В 1764 г. в Германии, по дороге в Россию, венецианец встречает виолончелиста Даль Ольо и слышит рассказы об Одаре, проехавшем чуть раньше. Как утверждает Джакомо, императрица, щедро наградив, выпроводила из страны итальянцев, связавших нити заговора летом 1762 г. Вместе со своим братом, музыкантом и композитором Доменико (1700—1764), венецианец Джузеппе Даль Ольо (ум. между 1791 и 1796 гг.) тридцать лет, с 1735 г., состоял при Петербургской придворной капелле. В мемуарах Екатерина II вспоминает, как в бытность ее великой княгиней музыкант помог ей переправить письмо к матери, принцессе Ангальт-Цербстской, удаленной от русского двора⁴; об участии Даль Ольо в заговоре сведений нет.

Пьемонтец Джованни Микеле Одар (ок.1719-ок.1773) приехал в Россию в конце царствования Елизаветы Петровны и по протекции канцлера графа М. И. Воронцова, подобно Билиштейну, был определен в чине надворного советника в коммерц-коллегию. В 1761 г. он представил два мемуара: один о российской коммерции в целом (как полагается, автор излагает историю вопроса, хвалит природные богатства России, описывает состояние сельского хозяйства и мануфактур, всего, что потенциально может стать предметом импорта, и дает самые общие советы: развивать конкуренцию, избегать посредников, не ввозить предметы роскоши), а второй — о правилах конфискации товаров в случае банкротства⁵. Затем Одар оставил коллегию по незнанию русского языка; племянница и воспитанница М. И. Воронцова княгиня Е. Р. Дашкова рекомендовала итальянца Екатерине Алексеевне в качестве секретаря, но переписки было мало, и в мае 1762 г. Одар сделался управляющим одним из имений государыни. По свидетельству иностранных дипломатов, в частности Мерси д'Аржанто и Беранже, Одар был «секретарем», «опорой заговора», приведшего 14 июня 1762 г. на престол Екатерину II⁶. Незадолго до переворота он обратился к французскому послу барону де Бретею с

⁴ Там же. С. 268—269.

⁵ *Mémoire sur le commerce de Russie*, à M. le procureur général le 26 juin 1761. Копия, судя по филиграну, снятая после 1807 г., хранится в РГБ (Ф. 64 (Вяземь). Карг. 7. Ед. хр. 3); согласно Д. Ф. Кобеко, оригинал вместе с сопроводительным письмом к Дашковой хранился в Государственном архиве, текст был напечатан Бюшингом без указания имени автора в «*Magazin für die Historie und Geographie*», Halle, 1777, XI, 439—464. *Sentiment du conseiller de la cour Odar sur le Règlement qu'on prétend établir, relativement à la saisie (en cas de faillite) des effets envoyés en commission pour l'étranger, le 3 décembre 1761.* — Кобеко Д. Ф. Екатерина II и Даламбер // Исторический вестник, 1884. № 4. С. 107—126. № 5. С. 283—299.

⁶ Беранже к графу де Шуазелю, СПб, 13 июля 1762 г. — СБРИО. Т. 140. С. 2.

просьбой выделить на заговор 60 тысяч рублей, но тот заколебался, денег пожалел и упустил прекрасную возможность упрочить французское влияние при русском дворе. Более того, не придав особого значения словам пьемонтца, Бретей уехал из России накануне решительных событий, а Одар одолжил сто тысяч у английского купца Фельтена⁷. Екатерина II подыскивает пьемонтцу теплое местечко, назначает в свой кабинет в качестве библиотекаря. В этот момент он на коне, его расположения добиваются дипломаты, его хвалит граф Воронцов за то, что он не отвернулся от прежних покровителей. И тотчас Одар упускает шанс: в июле 1762 г. он отправляется в Италию за своей семьей, даже не получив обещанного награждения, а только тысячу рублей на дорогу.

Одар уезжает вместе с графом Д. М. Матюшкиным, но вскоре расстается с попутчиком⁸. По дороге итальянец отвозит Понятовскому письмо Екатерины II, не разрешающей своему бывшему любовнику возвращаться в Россию⁹. В начале сентября Одар пишет из Вены к д'Аламберу по поручению графа Панина (другое приглашение было направлено через Пикте Великана). На обратном пути из Италии (где он пробыл подозрительно мало) он надолго застревает в Вене, где в итоге остается жить его жена под предлогом слабого здоровья. В октябре-ноябре Одар ведет там переговоры о покупке для императрицы собрания эстампов графа Каналья, пересылает Панину копию своего послания к д'Аламберу и отказ философа. Лишь в январе 1763 г. пьемонтец отправляется обратно в Россию, прихватив с собой план воспитания герцога Савойского, который получили в Австрии для воспитания эрцгерцога Иосифа, а он тайком за две ночи скопировал. Одар уверяет Панина, что план солидный и разумный, далекий, как он выражается, от причуд системы Руссо, стремящегося уйти от проторенных путей¹⁰. Интересна тут скорее интонация: Одар пишет о недавно

⁷ Бильбасов В. А. История Екатерины II. СПб, 1890. Т. 2. С. 8.

⁸ По словам Казановы, Матюшкин настолько был счастлив в картах в России, что отправился обыгрывать иноземцев (ИМЖ, 557). Французские дипломаты умело использовали его щегольство, галломанию и страсть к деньгам, выведывая нужную информацию, тем более что женат он был на статс-даме и наперснице Екатерины II. Потому посол барон де Бретей рекомендует его графу де Шуазелю, министру иностранных дел, извещая, что Матюшкин поехал в Вену и Париж. Он «человек ограниченный и поведения скверного», но к Франции весьма расположен и может быть полезен как агент влияния (Москва, 17/28 октября и 6 ноября 1762 г.). — ААЕ. СР. Russie. Vol. 71. Fol. 138, 148; СБРИО. Т. 140. С. 106.

⁹ Несмотря на это, Понятовский еще раз попросил разрешения приехать в Петербург через А. А. Матюшкину, поссорившуюся в этот момент с Орловыми — барон де Бретей к графу де Шуазелю, Москва, 10 января 1763 г. — СБРИО. Т. 140. С. 144.

¹⁰ Одар к Н. И. Панину, Вена, 30 декабря 1763 (10 января 1764 г.) — АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. О 3. Л. 11—12.

вышедшем «Эмиле» как о произведении общеизвестном и Панину, воспитателю цесаревича, хорошо знакомом. Настолько хорошо, что в этом же году Екатерина II запретила его продажу в России.

Но в целом письма Одара к Панину и Дашковой из-за границы и донесения иностранных дипломатов показывают, насколько быстро падает его кредит. Человек действия надел маску философа, т. е. в трактовке Одара — человека обеспеченного и потому на все взирающего равнодушно. Перед его отъездом, 13 июля 1762 г., из Петербурга Беранже доносил в Версаль графу де Шуазелю: «Он вовсе не богат и, размышляя на вершине удачи о переменчивости фортуны и превратности людских дел, говорил мне позавчера, что желал бы обеспечить себе покой, поместив в венецианский или генуэзский банк столько, чтобы жить в приятствии как философ»¹¹. Риторика помогает представить измену как поведение, достойное истинного мудреца. Но, рассуждая о возможных невзгодах, Одар притягивает их; он сам изгоняет себя из страны.

В ответ на послание Дашковой, видимо, советовавшей ему вернуться, итальянец пишет, что понял истинные чувства петербургского двора по отношению к нему и добавляет: «Дайте мне окончить карьеру так, как Бог судил». Он убеждает княгиню, что для нее самой малейшие превратности будут тем чувствительнее, чем яснее она достигнет их коварство. «Вы напрасно тшитесь быть философом. Боюсь, как бы философия ваша не оказалась глупостью в данном случае» (Вена, 15 (26) октября 1762 г.)¹². В июле 1762 г. Одара принимали в Варшаве едва ли не как официального посланника, в январе 1763 г. он не смог выполнить поручения Дашковой и не встретился ни с графом фон Брюлем, ни с Понятовским. Через три года Казанова после дуэли с Браницким, когда едва не вся Европа говорила о нем¹³, уехал из Варшавы на несколько месяцев, чтоб о нем в время забыли, — и о нем забыли навсегда.

В феврале 1763 г. Одар возвращается в Россию. Указами от 8 декабря 1763 г. и 31 марта 1764 г. пьемонтец назначен членом комиссии для рассмотрения коммерции Российского государства и особого при ней собрания для рассмотрения проектов, касающихся до торговли; он представил соображения по торговому договору с Англией. Он получает 30 тысяч рублей от императрицы и просторный дом в Петербурге, который затем сдает супругам Дашковым. Но денег ему не хватает, и он предлагает свои услуги в качестве осведомителя французскому посланнику, а потом и саксонскому. Недовольный своим положением и утратой влияния при дворе, он запутывается в интри-

¹¹ СБРИО. Т. 140. С. 12; *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Т. 2. С. 549.

¹² АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 838. Л. 5—7.

¹³ Сообщение о поединке было напечатано во многих европейских газетах, в том числе в «Санктпетербургских ведомостях» № 25 от 28 марта (8 апреля) 1766.

гах, возможно, выдает в 1763 г. заговор Хитрово, переходит из лагеря Панина на сторону Орловых, доносит на своих бывших покровителей. В мемуарах Дашкова описывает его как «человека образованного, тонкого, хитрого и живого, слабого здоровьем и уже немолодого»¹⁴. Барон де Бретей утверждает, что заслуги его перед императрицей были велики, но что сам он — жадный и нахальный проходимец. 26 июня 1764 г. Одар покидает Петербург, получив деньги и бессрочный отпуск. Перед отъездом он посещает иностранных дипломатов. Итальянец рассказывает Беранже, что «императрица окружена предателями, что поведение ее безрассудно и что поездка, в которую она отправляется, — каприз, который может ей дорого обойтись»¹⁵. По свидетельству саксонского посланника, Одар проклинал княгиню Дашкову и графа Панина и поносил русскую нацию¹⁶. Похоже, что Одар что-то прослышал о заговоре Мировича, но не разобрался в двойной игре, которую вели и Панин, и Екатерина II.

Итальянец отправляется в Дрезден, а затем в Париж, где требует награды. В этот момент герцог де Прален обсуждает предложения послов потратить несколько сот тысяч ливров, чтобы попытаться низвергнуть Екатерину II, проводящую антифранцузскую политику. Герцог пишет в августе 1764 г. Беранже, переведенному из Петербурга в Лондон: «Я приму г-на Одара, когда он ко мне явится. Но то, каким образом он оставил Россию, и ничтожная польза, какую он извлек из важного положения, в котором находился, отнюдь не говорят в его пользу, и я не думаю, чтобы Его Величество был расположен дать ему титул, на который он может смотреть как на награду за услугу, тогда как этой услуги никогда не было оказано»¹⁷. — 1764 г. Одар поселился в Сардинии, купил графство де Сент-Ань, но погиб от удара молнии (Рюльер утверждает, что это произошло в Ницце)¹⁸. Вдова, как полагается, подала Екатерине II прошение о вспомоществовании и просьбу принять сына на русскую службу¹⁹.

Выбирая, служить ему или прислуживаться, искатель приключений постоянно держит в уме третий путь — стать господином. Тем более что заговорщик мог бы рассчитывать на поддержку французской дипломатии, мечтавшей либо посадить на престол своего став-

¹⁴ Дашкова Е. Р. Записки. М.: Наука, 1990. С. 44—45.

¹⁵ Беранже к герцогу де Пралену, СПб, 24 июня 1764 г. — СБРИО. Т. 140. С. 682.

¹⁶ Донесение саксонского посланника графа И. Г. фон Сакена, СПб, 26 июня 1764 г. — Бильбасов В. А. Указ. соч.. Т. 2. С. 635.

¹⁷ Герцог де Прален к Беранже, Фонтенбло, 17 октября 1764 г. — СБРИО. Т. 140. С. 424; Соловьев С. М. История России. М.: 1965. Кн. 15. Т. 26. С. 403.

¹⁸ Кобеко Д. Ф. Из истории французской колонии в Петербурге // ЖМНП, 1883. № 3, 1884. № 5; Rulhière. Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en l'année 1762. Paris, 1797.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 1720 (старая нумерация).

ленника, либо ослабить страну, способствуя установлению республики. Трагическая попытка Мировича освободить из крепости и возвести на трон Иоанна Антоновича произошла летом 1764 г. — тотчас после отъезда Одара и незадолго до прибытия Казанова. Венецианец в мемуарах пишет об этом заговоре с чувством скрытого сожаления об упущенной возможности вознестись на вершину. Но не будем забывать, что Мирович бывал у Панина и Дашковой, жил он в доме у Ломоносова; не исключено, что обвинения в том, что императрица косвенно спровоцировала заговор Мировича, не вовсе беспочвенны. После гибели законного наследника русского престола, убитого охранявшими его офицерами, Екатерине II оставалось опасаться только самозванцев.

Особое подозрение вызывали у государыни иностранцы, приехавшие в Россию незваными. Анализируя свою неудачу, Казанова задним числом дает рецепт успеха: надо получить приглашение в Россию через дипломатов — или, добавим, через корреспондента Екатерины II Фридриха Мельхиора Гримма (даже французский посол, граф де Сегюр, прибегал к его покровительству). Попав в сферу деятельности российской бюрократической машины, став ее частью, человек мог рассчитывать на хорошее место и солидное жалованье, на оплату дорожных расходов, даже если вовсе не справлялся с обязанностями, как подруга Казанова, актриса Жюли Вальвиль.

В «Истории моей жизни» Казанова этот рецепт приписал себе, в «Опровержении Истории венецианского государства» (1769) — банкиру Деметрио Папанелопуло, в «Диалоге с принцем» — Билиштейну. В мемуарах он умалчал о лотарингце (забыть не мог, ибо письма его хранил, не выбросил), как бы разделив его на несколько персонажей: Вальвиль получила ангажемент и подъемные, Кампиони досталась жена-англичанка, облыгранному в Риге русскому дворянину — служба в коммерц-коллегии, самому Казанове и слуге Альберту (Ламберу) — математические познания и планирование каналов («Вы инженер-гидравлик?» — спрашивает Фридрих II Казанову; вместе с Альбертом венецианец инспектирует рудники в Курляндии и составляет чертежи каналов и шлюзов для осушения низменностей и добычи ископаемых). Хорошо известно, что Казанова точен в мелочах, зачастую ненужных, тогда как плавное и логичное повествование обманчиво: венецианец сглаживает углы для удобства читателя. Для того, чтобы понять стратегию его поведения в России, причину неудач, надо уяснить писательскую задачу венецианца. Казанова не обманывает: он предлагает особый ракурс чтения с помощью достаточно хорошо скрытых литературных приемов. Анализировать необходимо не только сказанное, но и то, о чем он умалчал или, наоборот, написал с чужих слов.

Рассказ Казановы о годовом пребывании в России построен как повествовательное единство с кольцевой структурой и рифмовкой

Джакомо Казанова
Пастель Франческо Казановы

эпизодов. Техника внутренних предсказаний выстраивает события в логическую цепочку. Их структурируют четыре доминирующие темы мемуаров: власть, театр, любовь, деньги; история поражения рассказывается в различных регистрах.

Казанова празднует в Петербурге сорокалетие. Свой путь земной он прошел до середины еще два года назад в Лондоне, когда почувствовал приближение смерти. На окраине цивилизованного мира ему дается предпоследний шанс преуспеть при дворе просвещенного монарха. Дорога отсюда ведет только обратно, вниз.

Соблазнитель терпит неудачу в стране, где женщины взяли власть. Казанова подчеркивает, что они правят государством, церковью и наукой: «Единственное, чего России не хватает, — это чтобы какая-нибудь великая женщина командовала войском» (ИМЖ, 559). Но, совершая переворот, Екатерина Алексеевна и княгиня Дашкова оделись в военные мундиры и ободряли войска; императрица носила мужской наряд во время пехотных учений лета 1765 г., описанных Казановой. У государыни два способа управлять людьми: ласка и таска, обольщение и деспотизм. Как многие сочинители и путешественники XVIII в., венецианец пишет о деспотизме Русского государства, держащегося на принуждении и страхе, где «цари всегда и во всем почитают себя самодержцами и иного языка знать не желают» (ИМЖ, 572). Но он также показал, как Екатерина II по-женски умело управляет мужчинами; как «государыня, входя, остановилась на пороге, сбросила перчатки и протянула свои прекрасные руки часовым для поцелуя. Подобным благодушным обхождением завоевывала она преданность войск» (ИМЖ, 572), как в Риге целовалась с барышнями, подхлотившими облобызать ей руку. Другие мемуаристы солидарны с Казановой: Екатерине II приходилось заново белиться и румяниться после того, как она целовалась со всеми благородными девицами²⁰; нюхательный табак императрица нарочно брала левой рукой²¹.

Казанова сумел понравиться Фридриху II, представ испуганным и покорным, мгновенно подлаживающимся к прихотливой монаршей воле, иными словами, сыграв роль женщины. С императрицей у него шансов не было. Подвел возраст: Екатерина II предпочитала мужчин от 25 до 30 лет, сорокалетних отправляла на заслуженный отдых. Фридрих II, разыгрывавший короля-воина и философа, принимал в саду Сан-Суси всех, кто искал с ним встречи; он не желал рекомендаций, полагаясь на свое умение разбираться в людях. Возможно, Казанова пустился с императрицей в ученую беседу о рефор-

²⁰ *Séjour L. Ph. de. Souvenirs et anecdotes.* P. 152.

²¹ «Как царь-баба, часто даю целовать руку и нахожу непристойным всех душисть табаком» — Исторические рассказы и анекдоты, записанные П. О. Карановым. СПб, 1872. С. 55.

Фридрих Великий
Двор императрицы Екатерины II.
Ее сотрудники и приближенные.
СПб., 1899

ме календаря, памятуя о том, что разговор на сходную тему позволил Квинту Ицилию (Карлу Готлибу Гишарду) войти в доверие к Фридриху Великому, стать его советником и другом. Хотя еще больше желал он повторить свой парижский и берлинский успех — убедить монарха разрешить лотерею. Но встреча с Екатериной II в Летнем саду имеет иной смысл и иной исход. Это отказ от официального представления ко двору. На него венецианец рассчитывать не мог, ибо приехал под именем графа Казановы де Фарусси, прибавив титул к девичьей фамилии матери. Представить его, по этикету, мог либо посол (но венецианского посланника тогда в Петербурге не было), либо глава русской дипломатической службы. О приезде Казановы Н. И. Панин узнал сразу же, ибо по случайности в то же время пересек границу английский посланник Джордж Макартни и донесение о том пришло к нему на стол²². Но Панин предложил Казанове прогуливаться по саду, обещая обратить на него внимание государыни, видимо, полагая, что если дело выгорит, то можно подумать и об официальном представлении. Казанова в этой ситуации уподобляется барышням, приезжавшим в сады Версаля, дабы привлечь Людовика XV.

Но венецианец был уже не тот, что прежде: не из страсти брал он женщин, а ради ощущения власти. Его приключение с Шарпийон — не любовная баталия, а схватка самолюбий, война полов, как в «Опасных связях». В сорок лет он стал рассудительным, что на его языке значит: продаю и покупаю женщин. Не сердце говорит в России, а кошелек. Купив крестьянку, искренне полюбившую его, он перед отъездом переуступает ее богатому и старому архитектору Ринальди. Любовные письма, которыми Казанова обменивается с Жюли Вальвиль, напоминают юридический документ: «Я желал бы, сударыня, завязать с вами интригу. Вы пробудили во мне докучные желания, и я вызываю вас — дайте мне удовлетворение. Я прошу у вас ужина и желаю знать наперед, во что он мне станет» (ИМЖ, 590). Так в романах изъясняются в любви скупые стряпчие, комические персонажи второго плана. Платит венецианец комедиантке тем, что помогает правильно составить прошение и получить у императрицы дозволение уехать раньше срока и деньги. Когда Казанова сидит без гроша, то швыряется золотыми и тотчас получает взаймы, убедив всех в своем богатстве (эпизод с горничной г-жи Кайзерлинг в Митаве), но он въезжает в Россию с малыми деньгами, а покидает ее с пустыми карманами. Иронизируя над венецианцем Маруцци, своим соперником, мемуарист на самом деле говорит о своих затруднениях: «россиянки скупость почитают за великий грех и никому его не прощают» (ИМЖ, 580). Аббаты Жак Жюбе и Шапп д'Отрош, посетившие Россию до Казановы, распространялись о доступности россиянок; они

²² Казанова пересек границу Лифляндии 10 (21) декабря 1764 г. — АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Ед. хр. 3510. Л. 168, 172.

описывали бани, где мужчины и женщины парятся вместе, как место разврата и истязаний: стегают вениками, жарят, выгоняют нагим на мороз — чем не ад (Жюбе поминает Страшный суд). В отличие от благочестивых французов, повествующих нередко с чужих слов и выдающих желаемое за действительное, Казанова удивляется, что в государевых банях никто не обращает внимания ни на него, ни на юную Заиру; ничто не напоминает пресловутые бернские купальни. Венецианец находит, что женщины в Москве красивей, чем в Петербурге, ибо «обхождение их ласковое и весьма свободное» (так же он описывает и государыню: «умела понравиться обходительностью, ласкою и умом» — ИМЖ, 582). Но чего добивается соблазнитель? — «чтобы добиться милости поцеловать их в уста, достаточно сделать вид, что желаешь облобызать ручку» (ИМЖ, 574). Список его побед в России куда как скромнен: две парижанки, без особого успеха дебютировавшие на петербургской сцене, и купленная за сто рублей крепостная; итальянскую актрерку он упустил, французскую девку презрел, ибо она находила деньги в карманах друзей (увы, как и он сам). Венецианца самого соблазнил юный офицер Петр Лунин.

В России, «где палку настолько почитают, что она может творить чудеса» (ИМЖ, 570), надо бить мужчин и женщин, чтоб заставить себя любить. Но венецианцу не удастся справиться ни со слугой, ни с крепостной, напротив, они сами бьют и ранят его, внушают ему страх. Как же тогда совладать с императрицей, у которой, как пишет Казанова, «одна страсть — повелевать и удерживать власть»²³.

Деньги для Казановы — жидкое золото, эликсир жизни, без него действовать не приходится. В Россию венецианец приехал с рекомендацией не к императрице, а к банкиру. Фридрих II уверил его, что так даже лучше, и Казанове понадобился год, дабы понять, что король посмеялся над ним. Ежемесячный пенсион, что переводит венецианцу Брагадин во все концы света, весьма скромнен, и Казанова пытается увеличить его игрой, алхимией и прожектами. Но в картах он сталкивается с конкуренцией профессиональных шулеров, вдобавок русские не платят долгов. С лотереей тоже выходит промашка. Про царское искусство Казанова не распространяется, хотя рецепт златоделания он принцу Курляндскому сообщил. Вряд ли венецианец добился многого — судя по письмам Билиштейна, Казанова уехал, не попрощавшись с Мелиссино²⁴, хотя в мемуарах он описывает великолепный фейерверк, который артиллерийский полковник задал во время его прощального ужина²⁵. Роль советника особых дивидендов не принесла: не понадобился ни план реформы календаря, поданный Г. Орлову, ни проект разведения шелковичных червей.

²³ *Casanova G. Confutazione* — НМV, III, 376 (note).

²⁴ *L'Intermédiaire des casanovistes*, année XIII, 1996. P. 40.

²⁵ Казанова, видимо, по обыкновению объединил в рассказе два праздника.

В «Истории моей жизни» Казанова представляет свою неудачу как следствие общего правила: иностранец, свободный человек, не может преуспеть в России. Именно поэтому он растворяет Библиштейна в тексте «Истории моей жизни», чтобы его успех в 1765 г. не противоречил теории, не принижал мемуариста. Венецианец намеревался понравиться Екатерине II, стать ее фаворитом или секретарем: Казанова познакомился с Орловыми и с тремя кабинет-секретарями Екатерины II: И. П. Елагиным, А. В. Олсуфьевым, Г. В. Тепловым. Но дурные предзнаменования сопровождают приезд Казанова: заговорщико-иностранцев императрица отослала, авантюристы всех мастей (барон де Сент-Элен, Даррагон, Кампиони) бегут в Польшу, где короновали Понятовского. Мемуарист рифмует свою судьбу с историческими событиями: если в Париж он приехал в день покушения Дамьена и его арестовали вместе с другими подозрительными лицами, то в Риге он якобы видел Екатерину II в день гибели Иоанна Антоновича. В Петербурге он примыкает к оппозиции: к графам Паниным и Чернышевым, он посещает опальную княгиню Дашкову. Не имея возможности ни служить, ни соблазнять, Казанова прячет те пружины, на которые нажимал, дабы преуспеть. Он ничего не говорит о своих масонских связях, но встречался он со всеми видными «братьями». Не исключено, что венецианец явился в Россию с рекомендательными письмами не только от четы Даль Ольо и танцовщицы Сантины Дзануцци. Ему мог составить протекцию служивший у Фридриха II лорд-маршал Шотландии Джордж Кейт, чей брат, генерал Джеймс Кейт, в 1730-е годы был одним из первых руководителей русского масонства.

В 1764 г. в Бранденбурге и Берлине, непосредственно перед поездкой в Россию, Казанова читает утопии Кампанеллы и Томаса Мора, «Новую Атлантиду» Ф. Бэкона — сочинения, которые затем использует в «Икозамероне». Россия для него — мир наизнанку, со смещенным временем и хронологией, где сеют яровые, а не озимые, как в Италии, где управляют огнем (печами), а не водой, как в Венеции, где рассчитывают не на хорошую, а на дурную погоду. Опять мы возвращаемся к теме неведомого мира, ждущего своего завоевателя и реформатора.

В своих экономических проектах Казанова предпочитает вести колонизацию не за счет привлечения иностранцев, в частности немцев, а поднимать хозяйство пустынных провинций. Его демографическая политика направлена на создание и развитие государства нового типа, с особыми законами. В мемуаре «О колонизации Сиерры-Морены» (Мадрид, 27 мая 1768), представленном графу Педро Родригесу Кампоманесу, он ссылается на аналогичный проект, поданный в России, и утверждает, что благодаря ему через три года «невиданное процветание» пришло на земли Саратова²⁶.

²⁶ Sur la colonisation de la Sierra Morena — НМV, II, 1183—1186.

Свою программу, развивающую тезисы физиократов, Казанова излагает языком, напоминающим о его увлечении алхимией. Поскольку от безлюдного края прибытку никакого, то населить его важнее, чем завоевать. Эту «божественную операцию», это «чудо» способно совершить земледелие, которое «производит людей» (еще раз вспомним об уподоблении земли, женщины и философского камня). Венецианец утверждает, что умеет распознавать почву, ухаживать за ней, исправлять ее недостатки. Поощряя хозяйство и ремесла, надо запретить селиться в колонии тем, чьи пороки могут породить леность, любовь к роскоши, болезни, распутство; надо следить, чтобы никто не возвышался над другими, дабы не нарушалось равенство. Жители обязаны трудиться (праздность наказывается, нищенство запрещается), дозволяются увеселения, одобренные законодателем. Когда развитие хозяйства создаст новое население, счастливое и процветающее, то можно позволить колонистам заняться интеллектуальной деятельностью, ибо только занятые люди счастливы. Казанова осуждает холостяцкую жизнь и предлагает меры для увеличения числа браков и повышения рождаемости. Венецианец судит с позиции властителя и потому закрывает вход в свое государство тем, кто похож на него, и устанавливает равенство рабов; когда утопические идеи начнет реализовывать Французская революция, он будет резко против.

Маску философа и законодателя сменяет обличье комедианта. Текст прячется и преобразуется вместе с автором. Мемуары превращают пребывание в России в бесконечный карнавал, непрерывный спектакль. Итальянские музыканты вводят Казанову в дома петербургской аристократии, актрисы скрашивают его досуг. Как всегда, мир кулис дает приют венецианцу. Виолончелист Даль Ольо посылает на смену себе в Россию того, кто некогда играл на скрипке в театре Сан-Самуэле; при отъезде, уже на границе Казанова встречает капельмейстера и композитора Галуппи, который возглавит придворную капеллу в Петербурге. Не только в мемуарах, но и в «Дуэли» вспомнит Казанова об этом невероятном свидании в трактире, затерянном в ливонских лесах, — и донесения рижской канцелярии подтверждают, что он не погрешил против истины²⁷. Путешествие идет под аккомпанемент балов-маскарадов — один в Митаве, другой в Петербурге, ведь Казанова приезжает на святки, время ряженных и гаданий. Вся Россия в маске, от императрицы до статуй Летнего сада («На плачущей статуе было высечено имя Демокрита, на смеющейся — Гераклита, длиннобородый старик назывался Сапфо, а старуха с отвисшей грудью — Авиценна» — ИМЖ, 581). Праздник Богоявления и крещение младенцев в проруби описаны как варварское жертвоприношение (эпизод, заимствованный Казановой из книги Х. Ф. Швана «Русские анекдоты», 1764). Столичные дворцы напоминают нароч-

²⁷ АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Ед. хр. 3638. Л. 14.

но построенные руины, столь модные в ту эпоху. Упоминает Казанова и великолепный карусель, перенесенный на другой год, где русское дворянство должно было представлять древних витязей разных стран. Но в этой театральной стране Казанове нет места потому, что он принял имя матери-комедиантки, и слухи о его актерском прошлом и перемене имени разнесутся после его отъезда как в России, так и в Польше.

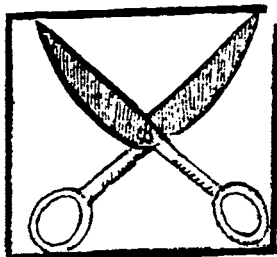
Не сумев переделать русский календарь, венецианец изменяет хронологию мемуаров. Кольцевая структура сохраняется для всех тем: одна встреча с императрицей открывает повествование, другая завершает; первая вымышлена, вторая переработана. Персонажи аккуратно сменяют один другого: Заира занимает место Ланглад и Альбера, ее вытесняет Вальвиль и уезжает вместе с рассказчиком. На самом деле все события между собой не связаны, Альбер покидает Россию вскоре по приезде²⁸, а Вальвиль пересекает границу через полгода после Казановы²⁹.

Путешественники XVIII в. зачастую представляют дикие народы, в частности русских, как кочевников, разбирающих и перевозящих свои дома (так утверждал Франческо Локателли в «Московских письмах», 1736). Но именно Казанова кочует по России в дормезе, где он спит, ест, занимается любовью, принимает визиты, осматривает военные маневры. В Польше он продаст карету — она нужна ему только в России, где он боится покинуть передвижной дом и остаться беззащитным в царстве женщин.

²⁸ «Санктпетербургские ведомости» печатают объявление о его отъезде 31 декабря 1764 г. (11 января 1765 г.) — 11 (22) января 1765 г. (№ 105 и № 1—3).

²⁹ «Санктпетербургские ведомости» печатают объявление о отъезде Казановы 19 (30) августа — 26 августа (6 сентября) 1765 г. (жил он в доме купца Тулье на Большой Морской). А. М. Голицын подписывает паспорт «графу Якову Казанове де Фарусси» 1 (12) сентября 1765 г. Границу венецианец пересекает 15 (26) сентября 1765 г. («в Варшаву венецианской граф Яков Косанова де Фарусси»). — АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Ед. хр. 3510. Л. 322. Жюли де Вальвиль проезжает Ригу, направляясь во Францию, 26 января (6 февраля) 1766 г. («во Францию находившаяся в службе при дворе Ея Императорского Величества французская комедиантка Жулия Валвиль»). — АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Ед. хр. 3511. Л. 11.

СЛУЖИТЬ И ПРИСЛУЖИВАТЬСЯ

Чтобы преуспеть в России, достичь одного из двух желанных мест, фаворита или советника, можно было избрать две тактики: поступить на службу или сохранять независимость, поселиться или приехать ненадолго. Оба пути имели свои достоинства и недостатки. Человек служивый мог затеряться в толпе претендентов. Знатный путешественник, властитель дум не мог остаться незамеченным, ему, как мы видели, грозила другая опасность — прослыть шарлатаном. При этом желательно было придерживаться избранного амплуа, не смешивать роли советника и человека действия: это в числе прочего помешало пробиться наверх Одару, Бернардену де Сен-Пьеру, Казанове, Пикте.

Служить можно было либо по военному ведомству, либо по статскому. Фаворитами Екатерины II чаще всего становились военные, и с этой точки зрения Бернарден де Сен-Пьер выбрал верный путь, сделавшись офицером российских инженерных войск. Но подобная возможность существовала только для дворян, да и шансы были весьма ненадежные. Война помогала преуспеть храбрцу (Зоричу, принцу Нассау-Зигенскому), а во время мира восхождение становилось долгим и нудным, если ты не гвардейский офицер и не можешь попытать счастья при дворе. То же самое было в Европе: Казанова надел в Италии военную форму, но успеха не снискал. Искатель приключений — человек смелый, но заботится он прежде всего о своей жизни. Учитель фехтования всегда мог рассчитывать на хорошее место в России, на покровительство вельмож или великих князей, в особенности такого маньяка военного дела, каким был Петр Федорович, будущий император Петр III. С его помощью преуспел в конце царствования Елизаветы Петровны знакомец Казановы неаполитанец Паоло Ранго д'Арагона (или Даррагон), именовавший себя маркизом.

Не вполне понятно, когда он попал в Россию: некий д'Арагон упоминается в 1753 г. в «Берлинской газете» (*Gazette de Berlin*, № 138), рассказывающей о московских делах¹. В сентябре 1757 г. его однофамилец дипломат «итальянский дворянин маркиз Рименес д'Арагона» получает паспорт для проезда из Петербурга в Стокгольм². Казанова рассказывает, что Даррагон прибыл в Петербург в 1759 г. вместе с бароном де Сент-Эленом из Копенгагена. Он блестяще владел картами и клинком (позже в Риге он легко победил в фехтовальном зале всех авантюристов, включая Казанову), стал майором в Голштинском полку и, испросив дозволение держать при дворе банк в фараон, в три или четыре года заработал сто тысяч рублей. Правда, отправившись в 1764 г. по проторенной дороге из России в Польшу, где дозволялись азартные игры, неаполитанец быстро спустил свое состояние, напав на шулеров почище него. В 1766 г. Казанова встречает его в Спа. Архивы этого курортного городка дважды упоминают его: 18 июля 1766 г. «великомощный сеньор Поль Ранго д'Арагона, полковник императрицы российской и камергер голштинский великого князя российского, объявляет, что родился 15 мая 1720 г.». Он в ту пору женился на богатой пожилой англичанке. Через год, 9 сентября 1767 г., местным стражникам пришлось применить силу, чтобы унять «маркиза д'Арагона» и нескольких французских офицеров, в нарушение княжеских указов упражнявшихся в стрельбе из пистолетов на Гульбище после семи часов (не исключено, что на самом деле речь шла о дуэли)³. Росту в нем было шесть футов, но, как ревниво замечает Казанова, не было в нем ни остроумия, ни вежества, а ноги изрыты венеринными ранами. Затем в 1769 г. пути двух авантюристов пересекаются в Марселе, через год Даррагон покупает имение в Модене, где он и умер в 1792 г.^{3а}

Но место учителя фехтования, как любого другого преподавателя, имело существенный недостаток: его считали за слугу, а не за равню. Сходная проблема стояла перед теми, кто предпочитал умственный труд, полагался на сообразительность, а не на ловкость рук (это, разумеется, не означало, что искатель приключений вовсе отказывался от плутовства). Как правило, авантюристы пробуют одни и те же профессии, переходя со ступеньки на ступеньку: актер, учитель, журналист, библиотекарь, секретарь, педагог, историк.

¹ *Berkov P. N. Fougeret de Monbron et A.P. Soumarokov // RES, 1960. Т. 37. P. 29—38.*

² АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Ед. хр. 3599.

³ *Body A. Les actes notariaux passés à Spa pars les étrangers (1565—1826) // Bulletin de l'institut archéologique liégeois. Т. XX, 1887. P. 129, 131.*

^{3а} *Vallone G. Paolo Rango d'Aragona // L'Intermédiaire des casanovistes. Т. XIV. 1997. P. 11—15.*

Службу приходилось начинать с низов, ибо не от хорошей жизни отправлялись в Россию рыцари удачи. Фужере де Монброн и барон де Чуди побывали в тюрьме за свои сочинения и по всему свету искали убежища. Тимолеон Альфонс Галльен де Сальморанк (ок. 1740 — после 1785), служивший копиистом у Вольтера, а затем секретарем у французского посланника в Женеве Пьера-Мишеля Эннена, попал в Бастилию за долги. На тридцать тысяч ливров наделал долгов в родной Женеве Франсуа-Пьер Пикте, по прозвищу Великан (1728—1798). Без гроша и без рекомендаций приплыл в Петербург Бернарден де Сен-Пьер. Даже имя приходится либо менять, как Чуди, пользовавшийся литературными псевдонимами шевалье де Люси и граф де Питланж, либо облагораживать, именовать себя графом, как Казанова, Калиостро, Заннович и т. д., либо шевалье, как Бернарден де Сен-Пьер.

Чуди в 1753 г. дебютировал в придворной труппе императрицы Елизаветы Петровны. Ремесло актера, человека без лица, меняющего ежедневно маски и судьбы, может быть символически интерпретировано как позорное начало жизни (карьеры) — рождение вне брака, пятнающее биографию. Профессия эта больше подходила женщинам, скоро обретавшим богатого покровителя. Но надо было быть настоящей комедианткой: девицы полусвета, впервые выходявшие на сцену в России, вроде парижанки Жюли Вальвиль или венецианки Виченцы Рокколини, проваливались с треском. Пикте, набравшийся опыта под руководством Вольтера, устроился лучше — готовил святочные развлечения, ставил при дворе французские спектакли.

Другой презираемой профессией было ремесло учителя французского языка. Как правило, промышляли им люди невежественные, о грамматике имевшие самое смутное представление, но скоро смекнувшие, что болтать на родном языке выгоднее, чем печь пироги, тачать сапоги и уж тем более пахать. Фигура нищего учителя-француза вошла в культурную мифологию России XVIII—XIX вв. Сальморанк поначалу ничего лучше себе не нашел, и в 1774—1777 гг. служил гувернером в аристократических домах Москвы и Петербурга, причем переменял немало хозяев. Правда, удачный выбор семьи мог обеспечить дальнейшую карьеру: Пикте был французским учителем у Григория Орлова, Жан-Луи Карра, как мы помним, на тех же правах попал к молдавскому господарю.

Дела авантюриста начинали идти на лад, когда он получал место придворного библиотекаря, как Джованни-Микеле Одар или Пикте, как позднее — Жозеф д'Огар. Баснописец Герман де Лафермьер (1737—1796) был библиотекарем Павла Петровича и в «Оде» (1773), посвященной великому князю, зарифмовал наставления будущему монарху. Лафермьер подражает не столько Лафонтену, сколько Фенелону и вместе с общими банальностями (будьте осторожней в выборе друзей, изучайте первым делом самого себя) советует Павлу

обуздывать свой переменчивый, вспылчивый нрав, который омрачает таланты, смелость и рассудительность, «делает государя неуравновешенным, слабым, сумеречным и диким, теряющим страну, чтоб сберечь безделушку»⁴. Впоследствии он сопровождал графа и графиню Северных в поездке по Европе, виделся в Венеции с Анжело Кверини, который предложил ему для императрицы собрание греческих рукописей⁵. Лафермьер пользовался расположением великой княгини Марии Федоровны, через то потерпел гонения от Павла Петровича и принужден был искать убежища у графа А. Р. Воронцова.

Не менее важен был пост секретаря, как тот, что получил Чуди, вошедший в доверие к И. И. Шувалову, фавориту Елизаветы Петровны. Он сам стал влиятельным лицом, ибо все просители должны были обращаться к патрону через него. Для его карьеры в России, как для многих других, большую роль сыграли масонские связи. Авантюристы в России чаще всего прибегают к протекции одних и тех же семей, близких к масонству: Воронцовых, Паниных, Нарышкиных, Мелиссино, Чернышевых, Зиновьевых, Белосельских-Белозерских, Строгановых, Долгоруких, И. П. Елагина, А. Б. Куракина и др.

Следующий этап карьеры депутата Республики Словесности — стать журналистом, автором и редактором литературного журнала, выходящего на французском языке. Чуди издавал «Литературный хамелеон» (*Caméléon littéraire*, 1755)⁶, Сальморанк — «Российский Меркурий» (*Mercur de Russie*, 1786). По причинам денежным, реже политическим (Чуди, например, принял участие в придворных интригах, поместив в своем журнале сатирический портрет графа Разумовского, соперника Шувалова) издания эти выходили в течение только одного года. Журнал помогал авантюристу блеснуть литературными дарованиями. Чуди помещал в «Литературном хамелеоне» свои философские, исторические и полемические сочинения (очерк об алхимии, посвящен, как следовало ожидать, разоблачению обманщиков); отдельно он опубликовал уже упоминавшегося «Философа на Парнасе, письма шевадьё де Л., посвященные графу Шувалову» (1754), перевел на французский похвальное слово Петру Великому, сочиненное Ломоносовым (но автор его работу отнюдь не одобрил)⁷. Сальморанк написал и напечатал историю русской литературы (правда, ограничившись рассказом об одном Феофане Прокоповиче), кри-

⁴ *La Fermière H. de. Fables et contes, dédiés à S. A. I. Mgr le grand duc de toutes les Russies.* Paris: Lacombe, 1775. P. 219.

⁵ Лафермьер к С. Р. Воронцову, Венеция, 16 января 1782 г. — АВ. Т. 29. С. 221.

⁶ *Попова М. Н.* Теодор Генрих Чуди и основанный им в 1755 г. журнал «Le Caméléon littéraire» // Изв. АН СССР, отд. гуманитарных наук, 1929. № 1. С. 17—47.

⁷ *Panegyrique de Pierre le Grand, par M. Lomonosow, traduit sur l'original russe par M. le Baron de T. Pétersbourg, 1755.*

тические статьи, стихи, поэмы, вступил в полемику с мемуарами барона Тотта о русско-турецкой войне. Он был опытным автором: его перу принадлежали «Требник политиков» (1769) и дидактическая поэма «Зрелище природы» (1770); в России он выпустил «Краткую риторiku» (1785). Прославлять культуру страны, в которую приехал, — весьма характерный прием, чтобы сыскать расположение власть имущих. Именно таковы были первоначальные планы шеваье д'Эона, приехавшего в Россию с дипломатической миссией. Так будет поступать иностранцы, сочиняющие истории России, подобно Вольтеру, который представил Петра I в качестве образцового монарха, или Сенаку де Мейяну⁸. По всей видимости, императрица пригласила автора сочинения «О принципах и причинах революции» (1790) для тайных дипломатических переговоров, но Сенак, как водится, опоздал. Екатерина II в нем быстро разочаровалась, ибо он, не зная русского языка, претендовал на должность придворного историографа — едва ли не самое завидное место для ученого иностранца. К тому же он симпатизировал революции в самый разгар ее. Плохое знание источников Сенак де Мейян хотел компенсировать изяществом слога и научных параллелей, написать историю России по образцу истории Рима. Но не помогла и откровенная хвала императрице — «Письмо г-же де***» (1792). В 1791 г., перед тем как перебраться в Германию, он попросил себе вместо пенсии должность русского посла в Константинополе, место губернатора или, на худой конец, звание хранителя императорской библиотеки. Екатерина II отвергла притязания Сенака де Мейяна с беспощадной иронией: «Позвольте повторить вам, что равенство, установившееся у вас на родине, несовместимо с каким-либо титулом или званием [...] Той деятельности, для которой вы, милостивый государь, себя предназначали, могло бы соответствовать единственно звание советника историографа, но позвольте вам заметить, что хорошо бы сперва увидеть плоды трудов ваших»⁹.

В 1794 г. Жан-Батист Альбергоги, библиотекарь короля Франции, также обращался к Екатерине II с просьбой оценить по достоинству его труды и пожаловать его званием историографа¹⁰. После раздела Польши граф Ян Потоцкий оставляет политическое поприще, дабы погрузиться в прошлое славян. Он использует исторические исследования для сближения с петербургским двором. «Нет и не будет у меня другого средства добиться признания в этой стране, кроме трудов по славянским древностям», — писал он¹¹.

⁸ Голицын Н. Писатель Сенак де Мейян и Екатерина II (1791 г.) // Литературное наследство. Т. 33—34, М., 1939. С. 49—72.

⁹ Екатерина II к Сенаку де Мейяну, август 1791 г. — СБРИО. Т. 42. С. 196—197.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 15.

¹¹ *Traire D. Treize lettres inédites de Jean Potocki* // SVEC, 317, 1994. P. 126.

Осенью 1796 г. Потоцкий преподнес Платону Зубову свои «Исторические и географические фрагменты о Скифии, Сарматии и славянах»¹² и заслужил одобрение императрицы. «Благодарю вас за удовольствие, которое доставило мне чтение ваших сочинений, — уверял его фаворит. — Я не преминул представить их пред светлые очи императрицы. Конечно, никто не мог быть лучшим судьей. Извещая вас, что они снискали полнейшее одобрение Ее Величества, я рад подтвердить...» и т. д.¹³ Но смерть Екатерины II расстроила планы Потоцкого.

Значительная часть обоих журналов, «Хамелеона» и «Меркурия», отводилась под педагогические трактаты. И не случайно: Чуди занимал должность секретаря Московского университета, куратором которого был Шувалов, а после возвращения из Франции он стал первым гофмейстером Пажеского корпуса (1759—1760). В своем «Мемуаре» он сформулировал передовые педагогические принципы: установление дружеских отношений между учителями и учениками, равенство между учащимися, отмена телесных наказаний. Сальморанк в 1781—1783 гг. служил директором гимназии для дворянских недорослей в Шклове, основанной генералом Зоричем, потом получил должность преподавателя истории и риторики в императорском шляхетском кадетском корпусе; именно в типографии корпуса и печатался его «Меркурий».

Должность наставника предлагалась ученым и философам: д'Аламберу, который отказался учить Павла Петровича (Дидро рекомендовал на это место Гримма), Жильберу Ромму, согласившемуся воспитывать Павла Строганова. В Париже Ромм дружил с графом И. А. Головкиным, воспитывавшим своих детей по Руссо. Дидро написал для России не только план организации Университета, но и предложения для Кадетского корпуса. Там работал его знакомый, врач Никола Габриель Клерк (1726—1798), который в 1770 г. пробовал издавать научный журнал «Компас Земли» (*La Boussole de la Terre*), но выпустил только один номер. Карьера его весьма примечательна. Впервые в Россию он прибыл в 1759 г. в качестве врача графа К. Г. Разумовского, гетмана Малороссии, шесть лет провел на Украине, затем сопровождал графа в путешествии по Европе. Во второй приезд (1769—1775) он был врачом при великом князе Павле, профессором в Кадетском корпусе, опубликовал «Философские размышления о воспитании» (1772). Даты не случайно совпадают со време-

¹² Отметим, что пересылавший книги граф А. К. Разумовский, посол в Вене, не преминул осведомиться у фаворита, есть ли на то его дозволение. — АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. Р 101.

¹³ СПб, 30 октября (10 ноября) 1796 г. — АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. Р 101. Л. 2—3; *Stroev A., Kadziela L., Triaire D.* Quatre lettres inédites de Jean Potocki // *La Culture française en Europe au XVIIIe siècle et les archives de l'Est* (à paraître).

нем русско-турецкой войны: Клерк шпионил по поручению посла Дюрана де Дистроффа, доставал военные карты и сведения экономического характера, позволявшие определить, может ли Россия продолжать войну. Подобные документы в 1774 г. доставил во Францию из Петербурга... глава энциклопедистов: «Г. Дидро взялся передать г. де Ноаю пакет, содержащий несколько меморандумов о состоянии российской торговли и карту Черного моря, интересную в особенности тем, что на ней обозначены [...] крепости, что должны быть построены в устье Дона, вовсе отсутствующие или плохо нарисованные на гравированных картах. Копией ее я обязан г. Денону, который прикладывает все свои умения и старания, чтобы быть полезным. Карта была заново изготовлена по приказу правительства, и мы раздобыли ее через офицеров, занимающихся обследованием всего этого моря»¹⁴. Карту скопировал писатель, рисовальщик и секретный агент Виван Денон, служивший тогда при посольстве в Петербурге. Вскоре его вышлют из столицы за то, что он силой освободит арестованную актрису, работавшую на французскую разведку.

По возвращении Клерк получил хорошую должность от военного министерства, в 1778 г. был произведен во дворянство и стал Леклерком. Он получил известность как автор «Древней и новой истории России» (1783—1794), где показывал пагубные последствия деспотизма и крепостничества, чем вызвал недовольство Екатерины II и резкую критику русских историков.

Авантюристы типа С. Занновича с удовольствием разыгрывали роль Ментора. В Петербурге Казанова изложил свои педагогические принципы, наблюдая за графом Н. И. Паниным, наставником великого князя: не забивать ребенку голову готовыми истинами, а помогать ученику самому находить ответы. Но подобная работа привлекала венецианца только в теории: как раз перед приездом в Россию он отказался от должности воспитателя в Кадетском корпусе для дворянских недорослей из Померании, предложенной ему в Берлине Фридрихом II. В должности не было ничего постыдного, но и ничего престижного для того, кто разыгрывал знатного барина. Гримм, сопровождавший в образовательных путешествиях по Европе принца Людвига Гессен-Дармштадского и графов Румянцевых, от звания наставника открещивался. Когда в 1777 г., после второго пребывания в России, Екатерина II предложила ему возглавить систему образования, Гримм отказался. Профессиональных педагогов было мало; лишь после Французской революции их число в России увеличится, аббат Шарль-Доминик Николь (1758—1835), преподаватель парижского коллежа Святой Варвары, откроет в Петербурге пансион, поль-

¹⁴ Дюран де Дистрофф министру иностранных дел, [СПБ], 4 марта 1774 г. — *Diderot D. Œuvres complètes. Paris: Club français du Livre. T. 10. P. 1142.*

зующийся большим авторитетом; вернувшись из эмиграции, он станет ректором Парижской Академии (1821).

В общем, приходится признать, что интеллектуальная деятельность искателей приключений приносила более чем скромные плоды. В 1760 г. Чуди вернулся во Францию, чтобы сделаться одним из масонских учителей. Следы Сальморанка теряются после 1786 г. Дела Пикте Великана шли отменно, но его партнер Леруа замыслил хитрую контрабандную операцию: ввозить беспошлинно товары под видом рекрутских пожитков. В долю вошли также купцы Демаре и Леменьян, зять Пикте¹⁵. Дело сорвалось, и Великан навсегда вышел из доверия государыни, даже заступничество Вольтера не помогло. Ведь императрица доверила ему гораздо более важную миссию, чем вербовка колонистов. Переписываясь с фернейским патриархом, Пикте косвенно сообщал ему, какой хотела бы предстать в европейском общественном мнении Екатерина II. Французские дипломаты подчеркивали, что, «обуреваемая жаждой славы, она в какой-то мере рассматривает французскую нацию как арбитра своей репутации, чье мнение о ее правлении может повлиять на всех остальных»¹⁶. Поскольку Вольтер и энциклопедисты определяли общественное мнение во Франции, посредник должен был обладать безупречной репутацией. Тот, кто помогал создавать образ императрицы, не мог быть жуликом.

Обосновавшись в казанских поселениях, Пикте Великан, подобно Билиштейну, подал мемуар об улучшении волжской навигации, затем о табаководстве, обращался с ходатайствами к графам Воронцову, Завадовскому, Орлову, но все без толку, и в 1776 г. он покинул Россию. По протекции Корберона и графа де Вержена Пикте получил во Франции место в интендантском ведомстве (1780); составил докладную записку о России, которую, видимо, использовал аббат Рейналь для «Истории обеих Индий». Затем он перебрался в Лондон, где энергично взялся за перо. Президенту коммерц-коллегии графу А. Р. Воронцову он постоянно писал об английских финансах, европейской политике, о развитии российской коммерции (1786—1788). В 1793 г. он выпустил в Лондоне антиреволюционную брошюру¹⁷, послав более полный вариант Воронцову; продолжал проситься на русскую службу из Британии и из Берна, где в 1793—1794 гг. шпионил в пользу англичан¹⁸.

¹⁵ Дело о французе Пикте, обвиняющемся в контрабандной торговле — РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 580; указ Екатерины II о прекращении дела по возмещению убытков, 1765 — СБРИО. Т. 42. С. 442; *Писаревский Г.* Указ. соч. С. 112.

¹⁶ Беранже к герцогу де Пралену, СПб, 9 апреля 1765 г. — СБРИО. Т. 140. С. 481.

¹⁷ *Lettre à un seigneur étranger sur la position actuelle de la France relativement aux autres États de l'Europe.* Londres: Hookam et Carpenter, 1793.

¹⁸ АВ. Т. 29. С. 13—174; *Candaux J. D.* Histoire de la famille Pictet. Genève, 1974. Т. 1. P. 225—231.

Другая стезя, на которую вступал знатный путешественник, философ и советник, стремительно вела в пропасть. Самый яркий вояж совершил в Россию в 1779 г. Калиостро. Он принял обличье мудреца, призванного исцелить недуги людей и государства, принести на Север розенкрейцерские таинства. Он уверял, что обладает философским камнем, устраивал в Курляндии спиритические сеансы, используя юных девушек в качестве сомнамбул, которые в трансе отвечали на вопросы, рассказывали о прошлом и будущем. В Петербурге он совершал чудодейственные исцеления, но некоторые смахивали на плутню (например, воскресил мертвого младенца — шла молва, что он попросту подменил ребенка). Но достоверных сведений о его пребывании в России мало (дневник Корберона опубликован не полностью, барон Гейкинг в мемуарах презрительно лаконичен), преобладают легенды. Некоторые из них (о том, что испанский посланник Нормандец напечатал в русских газетах заявление, что никакой граф Феникс в испанской службе полковником не состоял, что Калиостро был выслан) опроверг сто лет назад Е. П. Карнович, проверив подшивку «Санктпетербургских ведомостей»¹⁹. Как положено, три раза помещено объявление об отъезде: «г. граф Калиострос, гишпанской полковник, живет по дворцовой набережной в доме г. генерал порутчика Миллера»²⁰. То, что он выдавал себя за испанского военного (вспомним поддельное письмо Калиостро к Бомарше), подтверждается.

Грустным был конец другого мистика, польского графа Фаддея (Тадеуша) Грабянко (ум. 1807). В 1778 г. в Берлине он попал под влияние Антуана Пернети, библиотекаря Фридриха II, алхимика и мистика. Потом обосновался в Авиньоне, где в 1787 г. создал ложу «Божий народ», или «Новый Израиль». Грабянко провозгласил себя царем иерусалимским и пророком; адепты должны были почитать его как Бога и государя. Он предсказывал, что взойдет на польский трон, а Российская империя погибнет. Он низвергнет Турцию, завоеует Азию и часть Африки, образует государство со столицей в Иерусалиме, а все монархи мира придут к нему за советом, как к новому Соломону. В противовес Великому Копту Калиостро (т. е. главе христианского Египта), Грабянко дал свою мистическую трактовку планам европейской восточной политики; осуществимость их обсуждать не будем, заметим только в скобках, что Бонапарт, отправившийся завоевывать Египет, весьма и весьма посматривал в сторону Иерусалима. Во время Революции Грабянко пытался завоевать популярность в Авиньоне (раздавал деньги семьям бедняков и пострадавших

¹⁹ Карнович Е. П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. С. 132—133.

²⁰ СПбВ, № 79, 1 (12) октября 1779, № 80, 4 (15) октября 1779, № 81, 8 (19) октября 1779.

от наводнения), призывал к восстановлению былой автономии края. В 1798—1799 г. он основал масонский храм, установил орденскую иерархию, завел свой календарь. В его ложе были французы, итальянцы, англичане, шведы, немцы (в том числе герцог Фердинанд Вюртембергский с супругой), русские, и среди них капитан С. И. Плещеев, друг А. Б. Куракина и великого князя Павла Петровича, посвященный в масоны в Ливорно во время пребывания там эскадры А. Орлова. Как обычно, Грабянко разорился, наделал долгов, перебрался в Польшу, где ему покровительствовал Станислав Потоцкий, а с 1805 г. обосновался в Петербурге. Там его принимали вдова Плещеева Наталья Федоровна, М. И. Данауров, А. Ф. Лабзин, П. И. Озеров-Дерябин, гофмаршал двора великого князя Константина и основатель ложи «Новый Израиль» Р. А. Кошелев и др. Грабянко исцелял, пророчествовал о рождении Антихриста, предсказывал, что конец света наступит в 1835 г., но в 1807 г. был арестован по обвинению в шпионаже. В крепости он вскоре умер, может быть, отравился²¹.

Россия, славившаяся богатством недр, манила тех, кто хотел добывать золото: как рудных дел мастер, алхимик или плут. Инспекционный осмотр курляндских рудников, произведенный Казановой перед въездом в Россию, приобретает символический характер, воспринимается как спуск за золотом в подземный мир. В 1755 г., в первый свой приезд в Россию, шевалье Дуглас в качестве прикрытия использовал профессию рудознатца-любителя.

Фальшивомонетчик предстает как поддельный алхимик, как самозванец, шутовской соперник государя. Златоделание именуется «царской наукой», а печатание или чеканка денег — неотъемлемая привилегия монарха. Герои романа аббата Дюлорана «Кум Матье» (1777), философы, масоны и незадачливые игроки, промышленляют в России «почтенным ремеслом, право заниматься которым оставляют за собой государи». Литературных персонажей, французов, высылают в Сибирь, откуда они бегут. Были и подлинные французские фальшивомонетчики, вроде Шампаньоло, для поимки которого разрабатывалась секретная операция, были и отечественные. Нас, как всегда, больше интересует промежуточный случай: братья Степана, Премислав-Марко и Ганнибал Занновичи, поселились в Шклове у Зорича. Там сама собой образовалась колония авантюристов, но не республика, как мечтал Бернарден де Сен-Пьер, а двор, окружавший сюзерена. Видимо, в какой-то момент искатели приключений решили поправить денежные дела, ввозя фальшивые ассигнации. Но

²¹ Лонгинов М. Н. Один из мистиков XVIII века // РВ, 1860, т. 28. С. 579—603; Муромцев М. М. Рассказ очевидца о графе Грабянке // РВ, Современная летопись, 1869. Т. 30, № 11. С. 19—21; Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцева // РА, 1890. № 1. С. 66—68; Пыпин А. Н. Масонство в России: XVIII и первая четверть XIX в. М.: Век, 1997. С. 323—332.

жиды города Шклова фальшивые билеты распознали быстро, донесли Потемкину, а тот умело воспользовался возможностью унижить бывшего фаворита в глазах императрицы. В 1783 г. Занновичи были арестованы и отправлены на пять лет в Нейшлотскую крепость на границе со Швецией. Сальморанк тоже был замешан в аферу, но его освободили, наградив 500 рублями за донос на Занновичей; Зорич отделался вконец погубленной репутацией. Но тут произошло самое интересное: в 1788 г., когда срок заключения братьев подошел к концу, Россия объявила войну Швеции. Премислав Заннович, хорошо знавший фортификацию, организовал оборону крепости и сохранил для России важный стратегический пункт. В следственном деле хранится подробный план обороны, дневник осады и рапорт коменданта, отмечающего большую помощь арестантов Занновичей²². После этого подвига братья были освобождены (срок вышел) и отправлены зимой в Архангельск, дожидаться открытия навигации, чтобы покинуть страну.

*
* * *

В заключение рассмотрим два варианта поведения, которые мы ранее только упоминали: жить в России, состоя на службе у другого государства, или жить в Европе, служа России. Профессия очевидна: дипломат (посланник, секретарь посольства, консул) или секретный агент.

Должность посла Франции, страны, знаменитой искусством галантного обхождения, предоставляла прекрасные возможности претендовать на роль фаворита. В XVIII в. дипломатические отношения между Россией и Францией строились по принципу любви-ненависти. С одной стороны, постоянное противоборство (за исключением Семилетней войны, да и то в конце кампании русские войска по приказу Петра III повернулись против прежних союзников), с другой — стремление Франции поддерживать на высшем уровне личные отношения. В юности Елизавета Петровна была просватана за Людовика XV, и король полагал, что царица сохранила к нему нежные чувства; после восстановления дипломатических отношений и до кончины государыни они вели прямую секретную переписку. Подбирая посла в Петербург, французское правительство искало мужчин видных и обходительных. Дипломат находился на службе и сохранял независимость, никому в России не подчинялся. Он был принят при дворе официально и должен был повсюду следовать за ним, при этом мог вести с императрицей приватные беседы, сопровождать ее в по-

²² РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2636.

ездках и даже путешествовать в одной карете. Но это особое положение делало успех опаснее неудачи: вспомним о высылке маркиза де ла Шетарди. Лишь в 1756 г. Дуглас и д'Эон, присланные в Россию с секретной миссией, смогли исправить ошибки, допущенные официальной дипломатией. Были подписаны договоры между Францией, Австрией и Россией, переменялись все политические союзы, началась Семилетняя война. Шевалье д'Эон прибыл в страну, когда Чуди ее покинул; авантюристы, соперничая, постоянно сменяют друг друга, как будто передавая эстафетную палочку действия: Фужере де Монброн, Чуди, д'Эон, Одар, Бернарден де Сен-Пьер, Пикте, Казанова, Билиштейн, Карра, Сальморанк, де Рибас, Занновичи и др.

Русская карьера д'Эона — один из редких примеров удачного превращения секретного агента в полноправного дипломата. В письмах и донесениях он подробно описывает свое ученичество на этом поприще. Юный д'Эон намечает стратегию поведения и изучения страны, весьма характерную для иностранцев в России. 7 августа 1756 г. он пишет к Терсье, в Секрет Короля, что решил выучить русский язык, а в часы досуга создать очерк истории России, ее нравов и законов, живописать мудрость правительства, процветание искусств и наук, красот Петербурга и его дворцов, дабы доставить удовольствие императрице и ее министрам, опубликовав сочинение в «*Année littéraire*», журнале своего друга аббата Фрерона²³. Но спустя полгода, после заключения союза между двумя странами, ситуация меняется, лезть более не нужна. 1 (12) января 1757 г. д'Эон пишет из Петербурга Терсье: «Почетно для меня чувствовать себя гражданином и быть полезным Родине. Потому счел я необходимым переделать план занятий, составленный мною по приезде сюда, ибо плохо еще знал страну, где проживаю. Она настолько отлична от других, что семь греческих мудрецов сойдут здесь за дураков. Покидая Париж, я был всего лишь литератором, ныне понемногу начинаю становиться политиком, и счастлив я начать обучение при дворе, который и для других школой послужить может, как то полагают все пребывавшие здесь иноземные посланники.

Итак, я начну с изучения языка. Вместо того, чтоб узнавать в подробностях историю Империи, я исследую нравы и дух вельмож и народа, политику двора и министров, их тайные пружины. Я пытаюсь разведать интересы и заговоры разных партий, что здесь образовались и переменяются, следуя происходящим событиям и возможным революциям. Вместо того чтобы со всем тщанием проследить успехи искусств и наук в этой части Севера, я стремлюсь узнать лучше коммерцию страны, ее мануфактуры, рудники, финансы, ресурсы на случай крайней необходимости, ее сухопутные силы, про-

²³ ААЕ. СР. Russie. Suppl. Vol. 8. Fol. 322—325.

винции, что поставляют лучших солдат, морские силы, порты и т. д. [...] Вместо того, чтобы тешиться занятиями, кои могут лишь доставить мне удовольствие и просветить публику, не сведущую в этом разделе истории, я предамся единственно тем делам, что полезны для службы и нужны для карьеры, которую я начал и которая так мне нравится. Не пустой славы буду я искать, украшая иноземную газету какими-нибудь открытиями, а помещу их в свой портфель; не в печать их отдам, а обнародую в Версале, когда посчастливится предстать перед вами»²⁴.

Шевалье д'Эон выполнил обе программы, и первую и вторую. В Версаль он представил ряд мемуаров о России, рассказав о характерах вельмож и борьбе политических партий, о нравах россиян, о торговле и т. д.²⁵ Но когда в Лондоне дипломатическая карьера пошла на смарку, графоман в нем победил политика. Д'Эон, привыкший в должности секретаря посольства бережно хранить копии всех документов, использовал их для многотомных «Досугов» (1774), по обычаю века не брезгуя компиляцией и плагиатом. Во время пребывания в России он был на хорошем счету. Как он уверял, в 1758 г. ему предложили перейти на русскую службу, и министр иностранных дел кардинал де Бернис советовал ему согласиться, но д'Эон отказался. Потом он сильно преувеличивал свои заслуги и похождения. Екатерина II писала Гримму (13 апреля 1778): «Не было никогда чтицы у императрицы Елизаветы и господин или девица д'Эон была ей не более знакома, чем мне, почитавшей его за шалопая при маркизе де л'Опитале и бароне де Бретее»²⁶.

Граф Луи Филипп де Сегюр, последний посол в России, назначенный Людовиком XVI (1784—1789), вел свою игру с Екатериной II с подобающей дипломату тонкостью. Как образец взаимоотношений он выбрал нежную дружбу на манер романов Мадлены де Скюдери. Он говорил о своей любви к императрице в письмах к Гримму, зная, что его признания будут переданы августейшей корреспондентке. То же самое происходило и с его описаниями путешествий по России в свите государыни, которые он слал Гримму и своей жене²⁷. Адресуясь в Париж, можно быть уверенным, что тебя услышат в России. Легкий на перо, граф де Сегюр вместе с принцем де Линем создавал для Екатерины II атмосферу литературного салона, сочинял стихи и

²⁴ ААЕ. СР. Russie. Vol. 52. Fol. 5—8.

²⁵ ААЕ. MD. Russie. Vol. 5.

²⁶ СБРИО. Т. 23. С. 86.

²⁷ Л. Ф. де Сегюр к Гримму, 28 июля 1785 г., 11 декабря 1787 г., 28 февраля 1788 г. — СПбИИ. Ф. 203. Оп. 1. Ед. хр. 200, 203, 238. Подробнее см.: *Строев А. Ф. Многоголосый диалог: французские рукописи XVIII века в России // Рукопись сквозь века. Москва—Псков—Париж, 1994. С. 50—63.*

комедии, которые игрались в Эрмитажном театре. Старательно поддерживая платонические отношения, он объединил выгоды обеих ролей: советника и фаворита. При этом он реально способствовал сближению Франции и России, в противовес Англии подготовил и заключил в 1787 г. торговое соглашение между двумя странами. Правда, оно осталось на бумаге: когда началась Французская революция, посол вынужден был покинуть Петербург.

В отличие от д'Эона, другим секретным агентам при русском дворе приходилось несладко. За приезжими иностранцами так или иначе велось наблюдение, письма за границу перлюстрировались. Екатерина II самолично наблюдала за важными следствиями, составляла вопросы для дознания, выносила приговоры. Опасно было приезжать незваным: когда американский путешественник Джон Ледьяр, несмотря на отказ Екатерины II, приезжает из Парижа в Россию, чтобы добраться сухим путем от Петербурга до Камчатки и далее, через Берингов пролив, в Америку, то по приказу императрицы его в 1788 г. арестовывают на полпути, в Иркутске, и высылают под конвоем обратно, заподозрив, что он французский шпион. Агентов действительно было немало, наиболее активной их деятельность становилась в военное время.

В восстановлении дипломатических отношений между Россией и Францией большая заслуга принадлежит петербургскому купцу Мишелю, курсировавшему в 1755—1756 гг. между двумя странами больше по дипломатическим, чем по торговым делам. В 1757 г. он получил в награду пенсию от Секрета Короля в 1200 ливров. Некоторая путаница в сведениях о нем происходит из-за того, что по странному стечению обстоятельств англичанин Александр Питер Маккензи шевалье Дуглас с 1 июня 1755 г. работал на Секрет Короля под кличкой Мишель²⁸. В донесениях дипломатов постоянно упоминаются работающие на них в России информаторы, а также те, кого желательно подкупить или задобрить. В 1757 г. шевалье Дуглас предлагает оказать вспомоществование А. Олсуфьеву, секретарю Бестужева Волкову, всем секретарям графа Воронцова, секретарю коллегии иностранных дел Шокурову, «барону де Чуди, который большое влияние имеет на камергера Ивана Ивановича Шувалова», французскому комедианту де Моренбергу, «весьма осведомленному в российских делах», Мартену, гувернеру в Москве, в доме князя Долгорукого, «знаниями и делом помогшему во время ведения переговоров», а также родственнику и компаньону Мишеля, купцу Тулону²⁹ (позднее,

²⁸ ААЕ. Dossiers du personnel, Michel; Douglass (série 1. Vol. 24). По приезде из России Дуглас пишет из Страсбурга (21 декабря 1755) в Секрет Короля: «Воротившись в Париж, надо бы мне вернуться к прежнему моему инкогнито и имени Мишель; до тех пор, пока занавес не подымется и не зажжется свет на сцене, я буду пребывать в тени» — ААЕ. CP. Russie. Suppl. Vol. 8. Fol. 123r*.

²⁹ Douglass. État de personnes à qui il conviendrait de faire des libéralités. Saint-Petersbourg, 19 (30) août 1757. — ААЕ. MD. Russie. Vol. 5. Fol. 172—173.

как мы помним, д'Эон в Лондоне прибегнет к его помощи, предлагая Екатерине II свою библиотеку). И. И. Шувалову после заключения союза с Францией был предложен подарок от короля — сборник эстампов для его коллекции³⁰. 21 августа 1762 г. поверенный в делах Беранже пишет Шуазелю о подкупе Мишеля, камердинера и парикмахера Екатерины II³¹, о том же через полгода, в январе 1763 г., донесет посол барон де Бретей герцогу де Пралену: мол, Мишелю надо предоставить доходное место по откупам, приносящее тысячу пятисот ливров. В марте 1763 г. барон предложил дать денег Одару и Елагину (несколько тысяч рублей), в мае — карету и лошадей; Одар взял, Елагин отказался.

Во время русско-турецкой войны 1769—1774 г. Франция посылает военных советников в помощь Османской Порте и польским конфедератам. Мейсонье де Валькруассан, который из-за предательства Чуди был арестован в 1756 г., уже в чине полковника действует в Валахии. Дюмурье, будущий генерал революционной Франции, пытается превратить польских повстанцев в регулярное войско, но терпит сокрушительное поражение от Суворова. Барон Франсуа Тотт укрепляет Дарданеллы и улучшает турецкую артиллерию. Его брат граф Андре Тотт (1730 — после 1802), масон, приятель Казановы, в 1764 г. приезжает из Парижа в Петербург, сопровождая супругу русского посла во Франции графа С. В. Салтыкова, бывшего фаворита Екатерины Алексеевны. Французский дипломат Россиньоль так описывает Тотта: «Он человек обходительный и одаренный, умный, острый, но с тех пор, как попал в Россию, ищет одних удовольствий; он принят в лучших домах [...] Он молод, и у него нет иных средств, кроме тех, что приносит жизнь в обществе, а потому он залез в долги и уехать не может, не расплатившись. На жизнь он зарабатывает игрой, к которой русские питают непреодолимую страсть»³². Добавим, что скупым он не был: когда поначалу деньги были, ссудил пятьсот рублей Джакомо Казанове. По свидетельству самого Тотта, он вел в Париже праздную жизнь и решил попытать счастья в стране, о которой шло столько разговоров. Во Франции он получил рекомендательное письмо к Беранже, поверенному в делах, а красавица Матрена Павловна Салтыкова, урожденная Балк, состоявшая в родстве и в свойстве со многими вельможами, ввела его в свет. Он стал своим человеком в дипломатических кругах, познакомился с Алексеем Орловым, графом Разумовским, графами Паниными и Чернышевскими, часто обедал у них; вице-канцлер представил его императрице. Летом 1765 г. Тотт, одетый во французский кавалерийский мундир, на правах волонтера участвовал в военных маневрах в Красном селе. Он жил

³⁰ Notes sur les personnes des premiers rangs de la cour de Russie — ААЕ. MD. Russie. Т. 5. Fol. 158—169.

³¹ ААЕ. СР. Russie. Vol. 70. Fol. 182.

³² *Rossignol. Mémoire* [1768] — СБРИО. Т. 141. С. 565—570.

в палатке Алексея Орлова, Екатерина II удостоила его беседы³³. Казанова уточняет, что Тотт «покинул пределы Франции, чтобы избежать дела чести с офицерами, своими сотоварищами, сражавшимися под Минденом [...] Он проживал у нее [Салтыковой], был принят при дворе, всем пришелся по нраву. Был он весел, умен, хорош собой» (ИМЖ, 580). Обо всем, что с ним происходило, Андре Тотт общал в письмах к брату³⁴. Перед отъездом маркиза де Боссе на родину Тотт предложил свои услуги, хвалясь своей осведомленностью. В августе 1768 г. Версаль рекомендовал Россиньолю завербовать Тотта, но русские дипломаты быстро разоблачили агента. В декабре 1768 г., после объявления войны Турции, Андре Тотт получил приказ покинуть Россию: ведь его брат находился в противоположном лагере. Россиньолю ничего более не оставалось, как уплатить его долги и дать денег на дорогу. Французский дипломат увеличил активность и весной 1769 г. накупил секретных документов на 9900 рублей: описание русской артиллерии и флота, состояние государственной казны, большие карты Молдавии и театра военных действий. С помощью графа Тотлебена, генерала русской службы, ранее сосланного в Сибирь за шпионаж в пользу Пруссии и только что помилованного Екатериной II³⁵, Россиньолю нашел осведомителей в армии и в коллегии иностранных дел (некий Штрубер предлагает текст русско-датского договора). Сведения посылаются одновременно министру иностранных дел герцогу де Шуазелю и руководителю Секрета Короля графу де Брелью. Но Версаль, сперва обрадованный, выразил затем недовольство высокой ценой, которую запросили агенты, и в итоге отказался от их услуг.

В феврале 1768 г. герцог де Шуазель посылает в Венецию инструкцию де Сен-Марку, приглашенному в Россию для воспитания великого князя Павла. Министр предлагает соотечественнику внимательно наблюдать за императрицей и вельможами, понять их характеры и цели, сообщать о противоборстве партий Паниных и Орловых. Сен-Марк получает шифр для донесений, ему обещают вознаграждение.

³³ *Tott A. de. Circonstances de mon départ pour la Russie, du séjour que j'y ai fait et de mon retour en France. Mémoire joint à la lettre du 16 février 1769* — СБРИО. Т. 141. С. 532—537.

³⁴ Его письмо от 14 июня 1765 г., посвященное императрице и маневрам, было перехвачено и скопировано (АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 2246Б). На этих маневрах также присутствовал Казанова и подробно рассказывает о них в мемуарах. В письме Тотт упоминает, что находится в хороших отношениях с французскими дипломатами Беранже и маркизом де Боссе.

³⁵ Граф Готтлиб Курт Генрих Тотleben (1710 или 1715—1773), генерал-майор, уроженец Саксонии. В царствование Елизаветы Петровны был принят на русскую службу, участвовал в Семилетней войне. В царствование Екатерины II был предан суду, приговорен к лишению чинов и сослан. В 1769 г. за храбрость, оказанную в боях на Кавказе, Тотleben получил прощение императрицы.

раждение и убежище во Франции на случай провала, заверяя при этом, что его деятельность послужит «укреплению дружбы между королем и императрицей»³⁶. Письма он отправляет с дипломатической почтой, адресуя их своему родственнику-инженеру во Франции³⁷.

*

* * *

Успех приходит неожиданно, тогда, когда тактический просчет оборачивается стратегическим выигрышем. В первый приезд в Россию Grimm проводит по несколько часов в день в беседах с императрицей: он появляется, едва уходит Дидро. Покинув Петербург, он уже в пути начинает об этом жалеть («ты этого хотел, Жорж Данден», — твердит ему Екатерина II), разговоры превращаются в постоянную доверительную и деловую переписку — Grimm добросовестно выполняет все поручения. Во второй приезд в Петербург он отвергает министерский пост, а государыня не любит отказов. На государственной карьере в России можно поставить крест, но тем важнее оказывается его неофициальная парижская должность. В качестве автора «Литературной корреспонденции» он поставлял информацию о литературно-художественной жизни, в качестве частного корреспондента он предлагал произведения и людей искусства, причем через руки его проходили огромные суммы. Когда в конце века Париж из культурного центра стал центром политическим, Grimm начал посылать в Россию политические бюллетени, рекомендовать эмигрантов на русскую службу и даже имел косвенное отношение к попытке организовать побег королевской семьи из Парижа. Он сообщал избранному монарху волю и пользовался непререкаемым авторитетом; даже сын Екатерины II Алексей Бобринский был вынужден слушаться его. В середине 1790-х годов его совета спрашивали германские князья.

Одним из сотрудников Grimma был римлянин Гаспаро Сантини (ум. 1794), который также добился успеха, покинув Северную Пальмиру. В России Сантини был учителем танцев, женился на Екатерине Сакетти, подал императрице мемуар о создании в Москве театра для представления русских и французских комедий и трагедий, а также балетов, но, кажется, успеха не снискал³⁸. Летом 1768 г. он уехал из Петербурга вместе с женой, сопровождая в Италию капельмейстера Галуппи и будущего композитора Дмитрия Бортнянского³⁹. В Риме он завел торговый дом, сделался банкиром и, разумеется, не упустил случай подольститься к прибывшему с флотилией

³⁶ Mémoire pour M. de St-Marc. — СБРИО. Т. 141. С. 396—399.

³⁷ СБРИО. Т. 141. С. 417.

³⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 329. Л. 1—2.

³⁹ АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Ед. хр. 3502. Л. 119, 124.

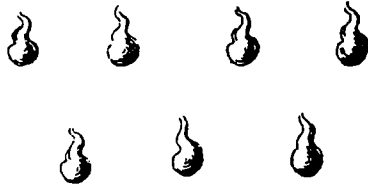
Алексею Орлову, который, по его словам, в 1771 г. назначил его русским консулом. Когда Grimm с помощью римского коллекционера Иоганна Рейффенштейна сосредоточил в своих руках покупку статуй и картин для Эрмитажа, Сантини с 1778 г. обеспечивал финансовую сторону операций. Вначале у них возникали небольшие трения с Grimмом, который предпочитал единовластно распоряжаться кредитами российского двора, но потом все уладилось. В 1781 г. Сантини официально назначили консулом, и он пребывал в этой должности до самой смерти⁴⁰. Исправно ведя денежные дела и сообщая политические новости, он среди прочего, нашел в ватиканских архивах документы по истории России, в том числе о Лжедмитрии, заказал копии и преподнес их в 1782 г. приехавшему в Италию графу Северному. Тут он составил конкуренцию знакомцу Казановы, торговцу живописью барону Бодиссони, пожившему в Венеции (с 1738 г.), Берлине (1765), Варшаве (1768), Петербурге (1770), который копировал и пересылал документы историку князю Щербатову⁴¹.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 78. Оп. 2. Ед. хр. 117. Л. 1—2. В АВПРИ находятся донесения и квитанции Сантини 1777 г., 1779—1794 гг.

⁴¹ АВПРИ. Ф. 78. Оп. 2. Ед. хр. 122—125.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. АВАНТЮРИСТ И ВРЕМЯ

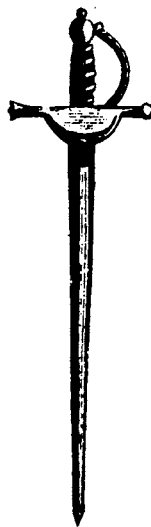

Авантюристы Республики словесности исчезают вместе со старой эпохой. Рубежом стала Французская революция. Проектеры поколения Казановы и Бернардена де Сен-Пьера не приняли ее, осудив кровавую диктатуру народа. Утопия осуществилась, и те, кто предлагал параллельные, тупиковые пути, стали бесповоротно не нужны. Те, кто, подобно Гримму, верил в поступательное развитие цивилизации, в приближение царства разума, увидел, как рухнула вся система ценностей: Париж, как некогда Рим, оказался захвачен варварами, Франция обратилась в древнюю Галлию. Те, кто размеренно поднимался по ступенькам социальной лестницы, и те, кто умело перепрыгивал через них, оказались внизу, когда рухнула прежняя иерархия. Вся прошлая жизнь, усилия и заслуги теряют смысл. Не нуждается в прежних рыцарях удачи общество, где каждый в той или иной степени принужден становиться авантюристом, где правит самый великий из них — Наполеон. Дворяне, вынужденные эмигрировать, отправиться в Англию, Германию и, далее, в Россию, оказались в той же ситуации, в которой прежде находились искатели приключений: ни денег, ни дома, ни родины, ни профессии. Настоящие маркизы вытеснили поддельных, блуждавших по Европе. В конце столетия Россия по-прежнему воспринимается как антипод Франции, но знаки переменялись на противоположные: теперь Север описывается как новая Италия, которая дала приют искусствам и наукам, бежавшим от наступления варварства.

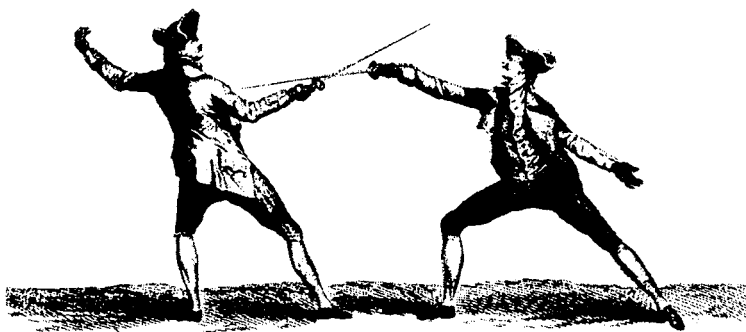
И все-таки это не значит, что авантюристы исчезают вовсе. Ликвидировав старую интеллектуальную элиту, заключившую союз с властью имущими, революция расчистила место для новой. Те, кто родился не в 1725 г., а четверть века спустя, успели побыть шпиона-

ми и литераторами, физиками и педагогами, посидеть в тюрьме и постранствовать, в начале Революции оказались в расцвете сил и стали ее вождями: Марат, Бриссо, Карра. Республика словесности стала просто республикой.

XIX в. утвердил иные, буржуазные пути преуспевания и, соответственно, новые способы нарушения социальных норм. Еще сильнее, чем в век Просвещения, культура требовала антитезы в поведении, манере одеваться и творить, в выборе идеалов: романтическое бунтарство, дендизм, утопический социализм, сатанизм «проклятых поэтов». Разумеется, не исчезли ни плуты, ни преступники, ни духовидцы — напротив, они стали излюбленными литературными героями. Но пропали те, кто в энциклопедический век объединял все эти ипостаси — авантюристы Просвещения.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Encyclopédie ou Dictionnaire raisonne des sciences,
des arts et des métiers.

Recueil de planches, sur les sciences,
les arts libéraux, et les arts mécaniques.

Paris, 1762-1771

COMPENDIO
DELLA VITA, E DELLE GESTA
D I
GIUSEPPE BALSAMO
DENOMINATO
I L
CONTE CAGLIOSTRO.

Che si è estratto dal Processo contro di lui
formato in Roma l'anno 1790.

E

Che può servire di scorta per conoscere
l'indole della Setta

D E'

LIBERI MURATORI.

IN ROMA MDCCXCI.

Nella Stamperia della Rev. Camera Apostolica.

ПУТЕШЕСТВИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЛИТЕРАТОРА ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ (1745)

Valet.

Письмо с описанием этой поездки хранится в Ватиканском архиве¹. Подпись и адрес отсутствуют. Обращено оно в Рим («Caput orbis»), к кардиналу («Ваше преосвященство»), занимающему важный пост: в соседнем письме, лежащем в деле, архиепископ арльский Жак Бон Жиго де Беллефон рекомендует буржского архиепископа Ларошфуко, назначенного французским послом в Рим (Париж, 31 августа 1745 г.). Поскольку дело находится в фонде государственного секретариата Ватикана, можно предположить, что письмо адресовано Сильвио Валенти Гонзага (1690—1756), кардиналу (1738) и государственному секретарю (1740—1756). Он был известен как ловкий политик и щедрый меценат, любитель живописи и библиофил, покровительствовавший писателям и художникам. Граф де Шуазель писал, что своей обходительностью и умением нравиться дамам кардинал Валенти Гонзага заслужил репутацию человека умного и одаренного, не слишком строгого в вопросах морали². Шутливая история домашних туфель, рассказанная в письме, могла прийти кардиналу по вкусу³.

¹ Archivio segreto vaticano, Inventario 2 della segreteria de Stato. France, № 648 (Lettre diverse, 1732—1797); *Stroev A. Voyage de Moscou à Pétersbourg, fait par un Français en 1745 // Mœurs des uns, coutumes des autres : les Français au regard de l'Europe*. Clermont-Ferrand, Université Blaise Pascal, 1995. P. 200—205.

² *Boutry M. Choiseul à Rome*. Paris, 1895.

³ Другие адресаты менее вероятны: Просперо Колонна, кардинал (1743), префект Пропаганды веры, официально отстаивавший в риме интересы Франции (1758); Анжело-Мария Кверини (1860—1755), епископ Брешии, кардинал (1727), хранитель библиотеки Ватикана (1730), см.: *Baudrillart A. De cardinalis Angelo-Maria Querini vita e operibus*. Paris, 1865.

Об авторе письма сведений немного, и потому постараемся сначала восстановить обстоятельства его поездки в Россию. Поскольку прибыл он летом 1744 г., в переломный политический момент, кратко обрисую отношения между Россией, Францией и Римом в начале 1740-х гг., а затем представим вельможу, его пригласившего. Это позволит лучше понять то, о чем говорит и о чем умалчивает автор письма, оценить, в чем его наблюдения оригинальны, а в чем традиционны.

В Европе с переменным успехом идет война за Австрийское наследство (1740—1748), где Франция, Пруссия, Бавария и Испания выступают против Англии и Австрии. Обе враждующие группировки стремятся привлечь Россию на свою сторону. Англия действует через А. П. Бестужева, Франция — через личного врача Елизаветы Петровны Лестока. В июле 1743 г. Лесток и Отто Брюммер, наставник великого князя, пытаются использовать арест Лопухина и высылку австрийского посланника маркиза Ботты для того, чтобы ослабить положение вице-канцлера Бестужева, доказать его причастность к заговору. Чтобы усилить свои позиции при русском дворе, Версаль вновь отправляет в Петербург маркиза де ла Шетарди, помогшего императрице взойти на престол в ноябре 1741 г. Усиленно обсуждается идея союза между Францией, Пруссией, Россией и Швецией. Выбор невесты для великого князя, наследника русского престола Петра Федоровича делается новой ставкой в политической игре: в противовес Бестужеву, Лесток и Брюммер добиваются приглашения Софии-Августы Ангальт-Цербстской; ее кандидатуру усиленно поддерживает Фридрих II. В феврале 1744 г. юная принцесса приезжает в Россию.

15 марта 1744 г. Франция объявляет войну Англии, 26 апреля — Австрии. 22 мая Бавария, Гессен и Пруссия заключают Франкфуртский союз для поддержки баварского императора Карла VII. 5 июня 1745 г. Франция подписывает оборонительный и наступательный договор с Пруссией, 6 июня она присоединяется к Франкфуртскому союзу⁴. В Италии против Австрии действуют испанские и неаполитанские войска, которые вступают в Рим; две враждующие армии разоряют папские владения.

Между Петербургом и Римом нет официальных дипломатических отношений, иезуиты изгнаны Петром I в 1719 г., но после восшествия на престол Елизаветы у папского престола появляется надежда усилить католическое присутствие в России, а то и продолжить с дочерью Петра переговоры об объединении церквей. В 1742 г. в Рим из Москвы возвращается капуцин Феликс де Болонья: он ходатайствует о том, чтобы императрица подтвердила давние указы Петра I, что позволило бы ордену увеличить число миссионеров, открыть школы. Со своей стороны, Елизавета Петровна через Лестока и мар-

⁴ *Liechtenhan F. D. La Russie entre en Europe. Elisabeth Ière et la Successuon d'Autriche (1740—1750). Paris: CNRS Editions, 1997.*

киза де ла Шетарди просит Рим оставить в России главу другого монашеского ордена, отца Карло де Лукка. Кардинальская курия посвящает специальное заседание сношениям с Россией. Из архивов достаются отчеты Маттео Карамана, побывавшего в России в 1735 г., где он писал, что Петр I намеревался заключить договор с папой против турок, и предлагал план союза между Россией и Римом. В 1743 г. папа римский просит польского короля Августа III выступить в качестве посредника в деле сближения с Россией, но монарх дает понять, что надежд на успех мало. Летом 1744 г. Рим пересылает императрице послание маронитского архиепископа Гавриила Евы, который увещевает ее пойти по стопам Петра I, который-де благосклонно относился к католикам⁵.

В 1742 г. Елизавета Петровна возвращает из ссылки княгиню И. П. Долгорукую, попавшую в опалу за обращение в католичество. Ее духовник, аббат Жак Жюбе де ла Кур, приезжал в Россию в 1728—1731 гг. по поручению Сорбонны для того, чтобы продолжить переговоры об объединении Западной и Восточной церквей, начатые при Петре I⁶. С Жюбе прямо или косвенно были связаны русские писатели и дипломаты, которых привлекала не столько богословская, сколько просветительская сторона католицизма: В. К. Третьяковский, А. Д. Кантемир, А. А. Вешняков, А. Б. Куракин, А. Г. Головкин, С. Д. Голицын, С. К. Нарышкин⁷. Несмотря на то, что миссия Жюбе окончилась неудачно, связи вовсе не прервались. С Жюбе продолжали переписываться русский посланник в Париже князь Антиох Кантемир (1738—1744), и княгиня Долгорукая, которая в феврале 1742 г. смогла отправить учиться к нему в Париж двух своих сыновей.

Автор письма приехал в Россию по приглашению приятеля Кантемира, Семена Кирилловича Нарышкина (1710—1775), который в тот момент был одной из ключевых фигур российской политики. Анна Иоановна сделала его камер-юнкером, но в конце ее царствования Нарышкин покидает Россию, возможно, вынужденно⁸. В конце

⁵ *Pierling P. La Russie et le Saint-Siège. Paris: Plon-Nourrit, 1907. Т. 4. P. 397—404.*

⁶ *Jubé J. La Religion, les mœurs et les usages des Moscovites, éd. M. Mervaud. SVES, 294, Oxford: Voltaire Foundation, 1992; Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Третьяковский и яansenиты // Символ, 23 (июнь 1990). С. 106—263. Симптоматично, что аббат прибыл, видоизменив имя (он назвался Лакуром), получив шифр для писем, весьма напоминающий тот, что будут использовать почти тридцать лет спустя шевадьё Дуглас и д'Эон, отправленные в Россию Секретом Короля (кн. Долгорукая — шуба, императрица Анна Иоановна — меха, католическая вера — оплот, миссионеры — книги, и т. д.).*

⁷ *Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Указ. соч. С. 143.*

⁸ Нарышкин писал графу М. И. Воронцову: «Прежние гонения добрых моих соотечественников принудили меня жить в неведении о моих приятелях...» (Лондон, 2 марта 1742 г.). — АВ. Т. 2. С. 567.

1739 — начале 1740 г., после жестокой казни князей Долгоруких, в России и в Европе распространяются слухи о якобы готовившемся заговоре Долгоруких, Голицыных и Гагариных, желавших низвергнуть правительство Бирона и возвести на престол цесаревну Елизавету. Новая государыня должна была выйти замуж за Нарышкина, с которым она якобы была обручена и который уже давно находился во Франции под вымышленным именем⁹. Точные даты первого приезда Нарышкина во Францию неизвестны; с октября 1740 г. он жил в Париже при посольстве под именем князя Тенкина. В апреле—сентябре 1741 г. Нарышкин путешествует по Италии, затем вновь возвращается в Париж. Этот период его пребывания во французской столице довольно хорошо известен благодаря донесениям полиции, заинтересовавшейся таинственным родственником царствующего дома¹⁰. Прогулки в Тюильри, Итальянская и Французская комедии, ужины с актрисами, посещения банкиров и адвокатов, посольские поручения не помешали ему свести знакомство с ученым иезуитом, математиком, физиком и философом Луи Бертраном Кастелем (1688—1757), автором «Трактата о всеобщем тяготении» (1724) и «Оптики цвета» (1740), изобретателем цветного клавирина, которому Дидро посвятит целую главу в «Нескромных сокровищах» (1748)¹¹. С отцом Кастелем дружил и полемизировал другой утопист, аббат Шарль Ирине Кастель де Сен-Пьер, автор «Проекта об установлении вечного мира в Европе» (1713)¹².

За границей Нарышкин узнает о своем продвижении по службе: в декабре 1741 г. императрица Елизавета Петровна назначает его чрезвычайным посланником в Лондон. В феврале 1742 г., перед отъездом Нарышкина в Англию, Кантемир официально представляет его французскому двору¹³. Дипломатическая деятельность особых лавров Нарышкину не принесла: английский двор сожалел об отъезде

⁹ «Байрейтские ведомости» (Baureuther Zeitungen), № 3, 7 января 1740 г. — *Соловьев С. М.* История России. М.: Мысль, 1993. Кн. 10. Т. 20. С. 641; письма аббата де ла Виля из Петербурга от 20 декабря 1739 и 19 февраля 1740 г., пересланные в Версаль — СРЮ. Т. 86. С. 134, 239.

¹⁰ *Lozinski G.* Le prince Cantemir et la police parisienne (1741) // *Le monde slave*, 1925, № 2 (février). P. 223—247. Полицейский агент утверждает, что объект слежки пять лет назад учился в Париже: «Ce Monsieur a fait des academies à Paris y il a cinq ans» (p. 229).

¹¹ См. гл. 2.6. Отчасти как отзвук подобных идей может восприниматься фраза из письма Нарышкина к М. И. Воронцову (Гамбург, 21.10/1.11.1743), что объяснять в России парижские моды — все равно, что слепым толковать о цветах (АВ. Т. 2. С. 571). Со своей стороны, отец Кастель интересовался географией России и напечатал в 1737 в *Journal de Trévoix* рассуждение о Камчатке, вызвавшее возмущения д'Анвилля: *Anville J. B. d'. Lettre au R. P. Castel... au sujet des pays de Kamtchatka et de Jeço.* [Paris], 1737.

¹² *Dictionnaire de biographie française.* Т. 7. Paris: Letouzey et Anh, 1956. P. 1347—1350.

¹³ АВ. Т. 1. С. 251.

де князя И. А. Щербатова и был рад, когда через полтора года его вернули обратно¹⁴.

Важнее было другое: дружба и покровительство Лестока, который прочил своего протеже на место Бестужева¹⁵. Летом 1743 г. С. К. Нарышкина вызывают из Лондона в Петербург¹⁶. Французский посол д'Аллион доносит в Версаль в связи с делом Лопухина, что Лесток и Брюммер намереваются поставить во главе русского правительства генерала Румянцева и дипломатов Нарышкина и Кантемира¹⁷. В Версале благосклонно отнеслись к этой новости, рассчитывая, что Нарышкин будет проводить скорее профранцузскую, чем проанглийскую политику. Когда план потерпел неудачу, пошли слухи, что императрица решила сделать Нарышкина президентом Академии Наук. Весть об этом попала даже в немецкую печать. Князь Антиох Кантемир писал из Парижа графу М. И. Воронцову: «Ведомость о Семене Кириловиче меня весьма возвеселила, и надеюсь, что под его осмотром науки у нас пойдут в лучший путь, чем до сих пор шли»¹⁸. 12 апреля 1744 г. Йоганн Даниил Шумахер, советник канцелярии Академии, написал Нарышкину льстивое послание, уверяя: «Академия разорена — это правда, но ей необходим такой человек, как вы, таких же превосходных качеств, знаменитый родом, любящий литературу, искусства и науки, который бы имел вес при дворе, чтобы восстановить Академию и возратить ей прежний блеск»¹⁹.

В конце января 1744 г. Лесток и Брюммер отправляют С. К. Нарышкина в Ригу — встретить на границе принцессу Иоанну Елизавету Ангальт-Цербстскую вместе с дочерью, будущей императрицей, и вручить ей конфиденциальное послание²⁰. Он познакомился с ни-

¹⁴ Кросс Э. У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996. С. 25—26.

¹⁵ 2 апреля 1743 г. д'Аллион доносит об этом из Петербурга. — СРИО. Т. 100. С. 536. В 1742—1743 гг. Нарышкин в письмах к М. И. Воронцову предлагает ему заключить дружеский союз, особо подчеркивая их отношения с Лестоком: «наш древний благодетель и приятель», «общий почтеннейший приятель, а мой особый патрон» (АВ. Т. 2. С. 567, 570)

¹⁶ Решение об отзыве было принято в марте 1743 г., указ КИД представлен императрице 20 июня 1743 г. (АВ. Т. 4. С. 244, 271). После отъезда из Англии Нарышкин задержался в Германии. В июле—сентябре 1743 он посылал императрице донесения из Франкфурта и Вормса.

¹⁷ Д'Аллион к Амело, СПб, 30 июля и 13 августа 1743 г. — СРИО. Т. 105. С. 50, 61.

¹⁸ Париж, 1 (12) января 1744 г. — АВ. Т. 1. С. 383; Русский биографический словарь. СПб, 1914. Т. Нааке-Накенский — Николай Николаевич. С. 97.

¹⁹ Пекарский П. История Императорской Академии Наук. СПб: АН, 1870. Т. 1. С. 43.

²⁰ Торжественная встреча состоялась 26 января (6 февраля) 1744 г. — Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. СПб: И. Н. Скороходов, 1890. Т. 2. С. 48—51; Иоанна Елизавета Ангальт-Цербстская описывает оказанный ей прием в письмах к своей тетке Марии Елизавете, аббатисе Кведленбургской. — СРИО. Т. 7. С. 10—17.

ми еще раньше, в Гамбурге, как пишет Екатерина II в мемуарах²¹. Нарышкин сопровождает принцесс в поездке до Петербурга, а затем до Москвы (9/20 февраля 1744 г.), куда переехал двор.

Итак, С. К. Нарышкин приглашает французского ученого на должность секретаря, и тот в начале лета 1744 г. выезжает из Голландии в Россию. Видимо, папская дипломатия воспользовалась возможностью получать регулярные донесения от человека, приближенного к одному из первых сановников России («вам понятно, что нарушаю я правила не оттого, что забыл, сколь многим вам обязан»)²². Не исключено, что были и другие негласные поручения, ибо автор письма настойчиво подчеркивает, что политикой не интересуется. Но преподнести царской семье присланные из Рима особо тонкие перчатки, как он намеревался, значило угодить обеим сторонам. Его маршрут и круг знакомств (Франция — Рим — Голландия) весьма напоминают путь аббата Жюбе, бежавшего из Парижа в Голландию, оплот янсенизма, а перед поездкой в Россию посетившего Рим. Заинтересовал наш ученый и французских дипломатов. Но именно в этот момент, когда французский и прусский двор ожидают благоприятных для себя перемен в России, Бестужев одерживает решающую победу над маркизом де ла Шетарди, представив Елизавете Петровне выдержки из его донесений. 6 (17) июня 1744 г., в тот момент, когда французский литератор проезжает Берлин, из России высылают маркиза де ла Шетарди. Дипломату уже не суждено было получить депешу от маркиза де Валори, перехваченную русской почтой, где, в частности, говорится: «Шевалиер Константин перед некоторым временем через сей город в Россию проехал, будучи выписан господином Нарышкиным, дабы секретарем при нем быть; он мне весьма разумным молодцом показался» («Перевод с письма маркиза Валория к Шетардию из Берлина от 27 июня 1744 г., которого оригинал на руках имеется»)²³.

28 июня (9 июля) 1744 г. София Августа проходит обряд православного крещения и нарекается Екатериной Алексеевной; на другой день ее обручают с Петром Федоровичем, и она получает титул великой княгини. В августе 1744 г. Елизавета Петровна принуждает кня-

²¹ «Mr Nariskin qui nous accompagnoit et que j'avois beaucoup connu à Hambourg». — Сочинения императрицы Екатерины II. СПб: АН, 1907. Т. 12. С. 36. По всей видимости, в октябре—ноябре 1743 г. — ср. письмо Нарышкина к М. И. Воронцову, Гамбург, 21 октября (1 ноября) 1743. — АВ. Т. 2. С. 570—571. София Августа часто жила в Гамбурге у своей бабушки, вдовы принца епископа Любекского. — *Бильбасов В. А.* Указ. соч. С. 9.

²² На первой странице в левом верхнем углу помечено «№ 2», но в деле нет ни первого, ни последующих писем. Доставку их оплачивал адресат: «доставка писем слишком дорога, чтобы получатель оплачивал их впустую».

²³ АВ. Т. 1. С. 627. Ги Луи Анри, маркиз де Валори (1692—1774), французский чрезвычайный посланник в Берлине (1739—1748, 1749—1750, 1756), генерал-лейтенант (1748).

гиню Долгорукую публично отречься от католицизма; папский престол вынужден надолго забыть о распространении своего влияния в России.

30 ноября 1744 г. Нарышкина назначают гофмаршалом ко двору великого князя с чином генерал-лейтенанта, 18 декабря награждают орденом Александра Невского. Семен Кириллович не нуждается более во французском ученом, который должен был помочь ему руководить наукой. В 1746 г. президентом Академии делают графа К. Г. Разумовского, младшего брата фаворита императрицы²⁴.

После бракосочетания Екатерины Алексеевны и Петра Федоровича, 21 августа (1 сентября) 1745 г., императрица приказывает покинуть Россию принцессе Ангальт-Цербстской, скомпрометированной связями с прусским двором; вслед за ней уезжает Брюммер, влияние Лестока ослабевает, а еще через три года он отправится в ссылку в Сибирь.

Константен оказался в России не у дел, и письмо явственно передает противоречивость его положения. Видно, что человек он образованный, уже не молодой («в мои годы остается только тяжело вздыхать»), из родовитой, но небогатой семьи. Хотя у него есть свой слуга, путешествует он вместе с обозом. Человек он светский, рассуждает о дворах, которые посетил, переписывается с кардиналом, но при этом именуется «земляным червем» (характерная черта авантюристов: унижение паче гордости). Константен бережет бумагу, пишет на полях, а полстраницы тратит на шутивное обоснование того, почему не может соблюдать правила эпистолярного этикета. У него изящный слог, отменная точность описаний и явная склонность к литературной игре. Эпизод с ночными туфлями напоминает о романах «Канале огненного цвета» Фужере де Монброн (1741) и «Софа» Кребийона-сына (1742), которые ввели в моду истории, рассказанные неодушевленными предметами, свидетелями галантных сцен («Нескромные сокровища» Дидро появляются позже, в 1748 г.). В качестве приложения к письму француз посылает в Рим «каббалистический хронограф на 1745». Разумеется, это шутка, но она, возможно, отражает склонность Константена не только к игре буквами и цифрами, но и к мистическим штудиям.

²⁴ В дальнейшем Нарышкин отходит на второй план, сохранив репутацию первого шеголя. Он живет богато, держит домашний театр и оркестр роговой музыки, выписывает лошадей и кареты из Лондона, французские книжные новинки из Парижа и Гааги, привлекает иностранцев. Когда в 1756 г. шевалье Дуглас придет налаживать отношения с Россией, он также обратится к Нарышкину. В 1757 г. его производят в генерал-аншефы, он становится обер-егермейстером. В 1765 г. Джакомо Казанова и Билиштейн сводят знакомство с ним и его женой Марией Павловной, урожденной Балк-Полевой. Нарышкин был видным масоном, единственным русским членом-учредителем ложи Аполлон (1771) — *Bakounine T. Répertoire bibliographique des francs-maçons russes*. Paris: Institut d'études slaves, 1967. P. 359.

Горький опыт маркиза де ла Шетарди не пропал даром: зная, что письмо будет перлюстрировано, автор не чазывает ни одного имени и старательно подчеркивает, что не интересуется делами государственными и политическими. Он хвалит императрицу и двор, явно обращаясь к русским почтовым служащим и высокому начальству. Возможно, отчасти поэтому путевые заметки Константена выгодно отличаются от других сочинений благожелательным отношением к русским.

Он пишет о людях изобретательных, ловких и сметливых в большинстве своем. Не «бесконечную грубость» и дикость рисует он²⁵, а недостаток воспитания, ископаемый, впрочем, гостеприимством. И тем не менее, реальное письмо весьма показательно с культурно-исторической точки зрения: на четырех страницах в нем в концентрированном виде предстают все устойчивые мотивы описания России как северной державы. Все женщины; начиная с императрицы, красивы и привлекательны; мужчины тверды, как железо. Климат суровый, но здоровый, в стране нет ни калек, ни больных. В полуденных краях светит солнце, в цивилизованном мире — лампы и свечи, а здесь снег и огонь освещают царство зимы и вечной ночи²⁶. Чужеземец больше страдает в России от жары и дыма, чем от холода. При этом рассказчик отказывается от крестьянской пищи, у него свой хлеб, вино и говядина, которую он велит поджарить, как бы подразумевая, что местные жители едят сырое мясо. Подобные мотивы возникают под пером многих путешественников: шевалье д'Эон уверял, что «нет никакой возможности уберечься от того, чтобы тебя не испекли живьем в русских домах, а при дворе поджаривают людей сильнее, чем где бы то ни было»²⁷. «Московия — страна не холода, как обычно воображают, а огня и дыма, — писал Франческо Локателли. — Нет почти ни одного дома, где жара была бы выносимой, что зимой, что летом»²⁸. Печь предстает как центр дома, опора крестьянского мира: «московские саламандры не только проводят свою жизнь в огне, но в нем едят, спят, отправляют все свои потребности»²⁹. Кон-

²⁵ До начала XVIII в. иностранные путешественники в большинстве своем описывают Россию как варварскую страну. См.: *Mervaud M., Roberti J. Cl. Une infinie brutalité. L'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles.* Paris: Institut d'études slaves, 1991.

²⁶ В первой главе «Истории Карла XII» (1732) Вольтер именно так описывает Швецию: это страна, где летнюю жару резко сменяет мороз, где зима длится девять месяцев, где луна и снег освещают долгую зимнюю ночь и потому «в Швеции ночью путешествуют как днем», где суровый климат укрепляет здоровье людей, если только они не разрушают его неумеренным потреблением спиртных напитков. — *Voltaire. Histoire de Charles XII.* Paris: Garnier-Flammarion, 1968. P. 33.

²⁷ *Lettres, mémoires et négociations particulières du chevalier d'Éon.* Londres, 1764. P. III (note).

²⁸ *Locatelli F. Lettres moscovites.* Königsberg, 1736. P. 287.

²⁹ *Locatelli F. Op. cit.* P. 70.

стантен поочередно делит жилье с кормящей матерью, с новобрачными и с покойником, с любовью и смертью (Эрос и Танатос).

Описание трапезы Константена в курной избе напоминает рассказ о любой «варварской» северной стране, увиденной французами, например, Англии, как в сатирическом романе Лезюира и Лувеля «Европейские дикари» (1760): «Выбравшись из жалкой своей повозки, они вошли в темную таверну, где воздух был столь же тяжелый, как кормившиеся там англичане; то здесь, то там слабые огоньки едва пробивались сквозь дым от трубок и угля; отряд курильщиков, сгрудившись возле печки, грустно цедил из кувшина желтоватое пойло; в другом углу на грязных столах человекоподобные существа пожирали огромные куски полусырой говядины, казалось, вовсе не подозревая о существовании хлеба»³⁰. Авторы рисуют Англию как страну смерти, где любовные истории кончаются самоубийством, законы не исполняются, а каждый житель или приезжий рискует оказаться в тюрьме по вздорному обвинению³¹.

В избе, как ее описывает Константен, нет ни перегородок, ни постелей, нет отдельного пространства для еды и для любви, ничто не разделяет членов семьи и не отделяет их от чужеземцев, которым они вынуждены оказывать гостеприимство. Напротив, для иностранцев повозка становится передвижным домом, колыбелью — кибитка для Константена, дормез для Казановы³².

Нам не удалось точно определить, кем был талантливый, но незадачливый секретарь Нарышкина. Во Франции несколько дворянских семей носило фамилию Константен: одна обосновалась в Арле³³, другая в Анжу, где они были великими прево³⁴. Наиболее вероятной кандидатурой представляется юрист и литератор Клод Франсуа Константен де Маньи (1693—1764). Он родился в Савойе, в семье, получившей дворянство в 1560 г. Герб: на лазоревом поле золотой олень, проходящий перед вырванным дубом, девиз: «В надежде на лучшее довольствуюсь настоящим»³⁵. Двоюродный дед, Бонифаций Константен, был

³⁰ *Lesuire R. M. et Louvel. Les Sauvages de l'Europe.* Berlin, 1760. P. 20.

³¹ См. выше об образе России как авторитарной страны, управляемой страхом — гл. 3. 7.

³² «Сунув в дормез перину и одеяла, улегся вместе с Вальвильшей, коя сочла сей способ путешествовать столь же приятным, сколь комичным, ибо мы положительно улеглись в постель. На другой день мы остановились в Копорье пообедать, имея в карете изрядный запас провизии и доброго вина» (ИМЖ, 595).

³³ *Dictionnaire de la Noblesse, éd. De La Chenaye-Desbois et Badier, 3e éd.* Paris: Schlesinger, 1863—1876. Т. 6. P. 146—147

³⁴ *Joubert A. Une famille de grands prévôts d'Anjou aux XVIIe et XVIIIe siècles. Les Constantin, seigneurs de Varennes et de la Lorie, d'après les archives inédites du château de la Lorie.* Angers: Germain et Grassin, 1890.

³⁵ *Foras E. A. de. Armorial et Nobiliaire de l'Ancien Duché de Savoie.* Grenoble: E. Allier. Т. 2, 1878. P. 153—156; *Jouglà de Morenus H. Grand Armorial de France.* Paris, 1835 [Réimpr. 1975]. Т. 3. P. 38.

видным иезуитом и богословом. В роду было немало священников, в том числе младший брат Клода Франсуа, кюре Шарль Жан Батист Константен³⁶; два других брата выбрали военную карьеру.

Клод Франсуа Константен де Маньи, прозванный Хромым бесом за переменчивый нрав и желчный ум, блестяще окончил университет в Лёвене, где в 1719 г. стал лицензиатом права³⁷. Благодаря покровительству принца Евгения Савойского, которому Константен посвятил свою диссертацию, король Виктор-Амедей II предложил ему кафедру права в университете в Турине. Но его больше привлекала литературная карьера, и он посылает в «Меркюр де Франс» рассуждения о поэзии. В 1726 г. Константен приезжает завоевывать Париж, где оступая на службу к маршалу д'Эстре, губернатору Бретани. Тот увозит его с собой в Ренн и делает своим секретарем и библиотекарем. В 1729 г. Константен публикует «Критические рассуждения о «Потерянном рае» Мильтона». Тихая жизнь в провинции тяготит его, и он бросает службу. Далее следы его теряются. В 1742 г. в Гааге у издателя ван Доля печатается газета «Эхо правды» (*L'Écho de la vérité*), служащая продолжением «Военной и ученой Паллады» (*Pallas guerrière et savante*). Экземпляры обеих газет не обнаружены³⁸, А. Чиоранеско считает их автором Константена де Маньи, но дает иное заглавие и иную дату³⁹. Далее наш савояр становится библиотекарем короля польского Августа III и живет при его дворе в Дрездене. В 1754 г., в шестьдесят лет, он женится и тотчас раскаивается в содеянном, о чем свидетельствуют его стихи и посвященная браку главка «раскаяние» из сборника моральных рассуждений «Оля, мешанка или смесь различных блюд» (1755)⁴⁰. На старости лет Константен возвращается на родину, безуспешно пытается создать в Лозанне учебное заведение для глухонемых, ибо его внебрачный сын поражен этим недугом. Несколько лет он странствует без цели и кончает свои дни в Страсбурге.

О том, что Константен де Маньи ездил в Россию, не упоминает ни один из его биографов, никак не заполняя пробел между 1726 г.

³⁶ *Rebord Ch. M., Gavard A.* Dictionnaire du clergé séculier et régulier du diocèse de Genève-Annecy dès 1575 à nos jours. Bourg. J. Dureuil, 1920. Т. 1. P. 291—292.

³⁷ *Grillet J. L.* Dictionnaire historique, littéraire et statistique des départemens du Mont-Blanc et du Léman, contenant l'Histoire ancienne et moderne de la Savoie. Chambéry: J. F. Puhod, 1807. Т. 3. P. 188—191; *Larousse P.* Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. [Paris, 1866—1869]. Genève; Paris: Slatkine, 1982. Т. 4. Part 2. P. 1020; Dictionnaire de biographie française. Paris: Letouzey et Ané, 1961. Т. 9. P. 518.

³⁸ Dictionnaire des journaux, éd. J. Sgard. Paris: Universitas et Oxford, Voltaire Foundation, 1991. Т. 1. P. 341.

³⁹ *Cioranescu A.* Bibliographie de la littérature française du XVIIIe siècle. Paris: Éd. du C.N.R.S., 1969. Т. 1, n° 21077 (Œuvres diverses de M. le chevalier C. de M., contenant Pallas guerrière et savante, et L'École de la vérité, ouvrages périodiques. La Haye, 1748).

⁴⁰ La Oille, mélange ou assemblage de divers mets pour tous les goûts par un vieux cuisinier gaulois, à Constantinople [Liège], l'an de l'ère chretienne 1755, de l'hegire 1233.

и 1754 г. Но мы видели выше немало примеров того, как французские и итальянские авантюристы, не снискав успеха в Петербурге, на обратном пути ищут счастья в Польше. А Константену, секретарю Нарышкина, незачем было задерживаться в северной столице.

№ 2 Санкт-Петербург, 21 января 1745 по ст. стилю
Ваше Преосвященство!

Расстояние слишком велико, а оказии слишком редки, не говоря о прочих обстоятельствах, чтобы я рабски соблюдал титулатуру и словесные обороты, выдерживал поля, предписанные эпистолярным этикетом. Я полагаю, что в том нуждаются те, кто мог бы оскорбить старшинство или посчитаться саном; но я столь ничтожный червь земной в сравнении с В. Пр-вом, что вам понятно, что нарушаю я правила не от того, что забыл, сколь многим вам обязан, и что уважение к вам глубоко запечатлено в моем сердце. Я знаю, что письма, наполненные любезностями, краткими быть не могут; но когда пишешь пустяки, изводишь бумагу без счета; доставка писем слишком дорога, чтобы получатель оплачивал их попусту. Я наконец воротился в Петербург⁴¹, все в беспорядке, сундуки еще на распакованы. По-прежнему я живу у вельможи, который меня вызвал, и по-прежнему нахожусь в неведении, на какую именно должность меня пригласили, тем паче, что он сам недавно был произведен в Гофмаршалы двора, каковое звание вовсе не сочетается со званием президента Академии, которым, казалось, он уже был облечен, когда я уезжал из Голландии.

Все дворы, которые я повидал, многим между собой разнятся; но всегда есть нечто сходное, благодаря чему Двор повсюду Двор. Этот, в частности, блестящий и великолепный, Императрица — само изящество и любезность, и тот, кто пожелает произнести ей хвалу, может не бояться прослыть льстецом⁴². Я не вдаюсь в дела государственные и политические, не мое это дело и не мое призвание; я вовсе не осведомлен о том, что происходит здесь да и в иных краях, крайне редко читая Газету.

Путешествие мое заняло две недели, поскольку я был вместе с экипажами и частью слуг Гофмаршала. А если ехать на почтовых, дорога

⁴¹ 15 декабря 1744 г. двор отправляется из Москвы в Петербург. На полдороге, 20 декабря, великий князь Петр Федорович заболевает оспой. Екатерина Алексеевна приезжает 24 декабря в столицу, а императрица проводит шесть недель в Хотилове с больным племянником. 26 января 1745 г. они прибывают в Царское Село, а в начале февраля — в Петербург — *Бильбасов В. А.* Указ. соч. С. 141.

⁴² Екатерина II, вспоминая о своей встрече с Елизаветой Петровной в 1744 г., писала, что всякий, кто видел ее впервые, непременно поражался ее красотой и величественным обликом (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 12. С. 36). Через двенадцать лет шевалье д'Эон подробно описывал в донесении роскошь русского двора, «который по праву может считаться одним из самых больших и блестящих в Европе» (13 (24) августа 1756. — BNF, n.a.fr., 23975. Fol. 66—68.

занимает два с половиной дня или даже меньше⁴³. У меня был всего один слуга, который немного понимал местный язык. Моя повозка — это сани, нечто вроде постели или большой колыбели, положенной на лыжу⁴⁴, т. е. без колес. Едут ночью как днем, от снега всегда исходит какой-то свет; отсюда до Москвы 734 версты или местных мили. Утверждают, что на одну французскую милю их приходится три; я бы сказал, что 4⁴⁵. Через каждую версту стоит большой и высокий столб с цифрой, отмечающей версты. Дорога хорошая, широкая, повсюду гладкая; хотя кое-где есть дурные участки, но снег почти все выровнял; если ехать отсюда, думаю, будет более 150 верст вовсе прямой дороги. От одного города до другого по обеим сторонам посажены молодые сосны, с небольшими промежутками, почти как у нас на шестивии в Вербное воскресенье. На дороге нет ни одного постоялого двора; мы располагаемся в домах у крестьян, которые обязаны нас принимать; дом целиком деревянный, из больших бревен, обтесанных только там, где они соединяются, стыки проконопачены мхом. Дом состоит из одной комнаты, где помещается все хозяйство. Только в одном не было малых детей, во всех остальных их по меньшей мере четверо или пятеро. Что за плодovitый народ! Дети все как на подбор красивые, но с возрастом отчасти дурнеют; вы решите, что я преувеличиваю, если я опишу их натуру: по мне, люди и лошади в этой стране сделаны из железа, так переносят они тяготы и усталость; сердце обрывается, как видишь, что они едят черный хлеб, хуже чем вестфальский помпернихель; но при этом он хорош и питателен, раз все им кормятся и чувствуют себя изрядно; здесь, особенно в деревне, очень мало больных, а увечных я других не видел, кроме тех, кого покалечило на войне. За их вычетом, нет ни хромых, ни кривых, ни горбатых; люди они по большей части сметливые и ловкие, и делают дурно только то, чего в глаза не видели; дом строят целиком из дерева, обходясь одним топором; они почти не знают других плотницких инструментов. Как правило, у них хороший природный ум, но многое нужно, чтобы его развить; старые женщины чудовишно уродливы, тогда как молодые, напротив, красивы, я бы сказал — красивы и привлекательны, почти у всех большие черные глаза, белая кожа⁴⁶, многие пудрят-

⁴³ От Москвы до Петербурга было 72 почтовых станции. Напрямую расстояние между городами составляет 651 км, но дорога проходила тогда через Новгород, и выходило 783 км. (734 версты). Елизавета Петровна проезжала это расстояние за 52 часа; в феврале 1744 г. принцессы Ангальт-Цербстские и сопровождавший их Нарышкин затратили на дорогу три дня и две ночи. Зимой ехали быстрее, чем летом: в мае 1765 г. Казанове понадобилось семь дней, чтобы, не меняя лошадей, приехать из Петербурга в Москву.

⁴⁴ «étendu sur une lige ou lize».

⁴⁵ Константен прав. В конце XVIII в. верста равнялась 1066,7 м; парижская миля = 3933 м, почтовая миля = 3898 м, географическая миля = 4444 м.

⁴⁶ Стереотипное описание красоты, ср. портрет тринадцатилетней крестьянки, купленной Казановой: «Бела как снег, а черные волосы еще пушиый блеск придавали белизне» (ИМЖ, 563).

ся; я видел летом на улицах женщин без чулок и туфель, но напудренных и накрученных; мушки в такой моде, как нигде: до 7—8—9 и 10. Даже мужчины их налепливают.

Но вернемся к моему путешествию: когда я входил в комнату, то если было холодно, подкладывали дров в печь, именно в печь, а не плиту, в ней пекут хлеб и готовят еду; если нет трубы, то дым расстилается по всей комнате; он выходит понемногу через какую-нибудь дыру, сделанную над дверью и тогда, чтобы передвигаться по комнате, нагибаются, сообразуясь с высотой дымового столба; на уровне моей головы он был гуще любой тучи и держался стойко; сидя, я едва касался его головой; стоять я не мог, а лежа я ничего не чувствовал и развлекался, любуясь клубами дыма⁴⁷. У меня был хороший хлеб, хорошее вино и хорошая говядина, которую я сам жарил, то есть следил за тем, как жарили. Когда дым выходит, дверь затворяют, печь оставляют открытой, и в комнате изрядно натоплено, но какая жара! какой пар! Когда входят в дом, то сперва смотрят в самый приметный угол, ищут глазами образ Бога, Пречистой девы или какого-нибудь святого. Ему бьют земной поклон, крестятся 4 или 5 раз, кланяясь при этом, потом приветствуют компанию, говорят и делают то, за чем пришли, а уходя, все повторяют заново, и так во всех домах и во всех комнатах. Насколько я видел, они очень набожны — я говорю о крестьянах, живущих вдоль дороги. Кроватей вовсе нет, расстилают на полу немного соломы или сена, и все спят вповалку, вместе со мной было 14 или 15 человек, молодая женщина, кормившая ребенка грудью, и молодая служанка; мой матрас клали на широкую лавку, идущую вдоль всей комнаты, и мое место было обычно под образами, как самое лучшее, со мной были свечи: крестьянам не знакомы ни они, ни лампы; они светят себе длинными деревянными щепками, очень сухими, которые хорошо горят, их втыкают в какую-нибудь щель в стене, и пока огонь бежит по деревяшке, уголь падает на пол посреди сена и соломы, я без устали восторгался добротой божественного провидения: уголь тотчас тухнет, остывает и чернеет, он не мог бы воспламенить ни порох, ни серу, ни даже трут; а иначе судите сами, какой опасности подвергались бы все эти деревянные дома.

Одну ночь я провел в комнате, где неподалеку от меня на соломе лежал мертвец; его вежливо оттащили подальше. Хорошая компания!

Но на другой день я был с лихвой вознагражден, ибо там было двое новобрачных, которых днем поженили; они принуждены были уступить мне почетную лавку и устроились, как могли, на полу перед ней. Вся комната была полна моими людьми, да еще хозяева

⁴⁷ Константен описывает, как топят избу по-черному. В городах, в зажиточных домах топили по-белому. Казанова в «Истории моей жизни» (ИМЖ, 552) восторгается умением русских класть печи, которые хорошо держат тепло, и подробно описывает их устройство.

дома; мой дурак-слуга оставил мои домашние туфли на полу, и они оказались в соломе под новобрачными. Когда мою свечу и лучину погасили, то я не мог разобрать, о чем говорили рядом со мной, ибо говорили мало, но я понял, что они мстят моим туфлям за то, что мне отдали лучшее место; правду сказать, я столько раз слышал, как пищат мои бедные туфли, что сбился со счета, мне было жалко их, и я уехал в три часа утра. Будь я в другом возрасте, то не преминул бы порасспросить мои бедные туфли, изрядно помятые; но в мои годы остается только тяжело вздыхать. В другой раз напишу о другом.

У меня не осталось бумаги, чтобы попросить В. Пр-во о милости, за которую я буду вам крайне признателен, если еще не поздно и если вы изыщете к тому способ, когда от Ливорно отправятся сюда корабли, ибо это, на мой взгляд, самое удобное средство сообщения; речь идет о дюжине тонких перчаток, помещающихся в орех; я слышал, что их делают в Риме, но, кажется, только для женщин; иначе я попросил бы пару для Е. И. Высочества великого князя; остальные я желал бы вручить Е. И. В., Е. И. Высочеству великой княгине и Е. Высочеству принцессе-матери.

Все еще в таком беспорядке, что у меня нет печатки, и я пользуюсь головкой от часов⁴⁸.

Мне только что показали каббалистический хронограф на 1745 год. Быть может, он еще не попал ad Caput orbis.

Надо считать гласные:

1 . 2 . 3 . 4 . 5 . 6
a e i o u

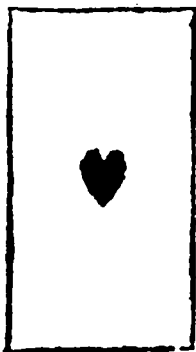
da	1	pro	4
pacem	12	nobis....	43
domine	432	nisi	33
in	33	tu	5
diebus	325	deus	25
nostris	43	noster ..	42
quia	531		
non	4		
est	2		
alius	135		
qui	53		
pugnet	52		

Сумма всех чисел дает 1745

⁴⁸ Постскрипtum написан на первой странице на полях.

Ponte.

БАРОН ДЕ ЧУДИ
(1756)

Письмо интересно в первую очередь как психологический документ — история предательства. Повторяя одни и те же фразы, Чуди пытается оправдать поступок, спровоцированный уязвленным самолюбием, и заглушить страх перед неминуемой расплатой. Избежать ее он, однако, не пытается: единственно разумным поступком после того, как он перехватил шифровку, было бы не ехать в Париж, а возвращаться обратно в Петербург. Во-вторых, письмо показывает, как действовали в России агенты Секрета Короля, с кем были связаны и как проваливались.

Чуди к И. И. Шувалову, [Либава, 4 (15) января 1756]¹.

Ваше Превосходительство,

Хоть и был я обласкан Вами, но положение чужеземца смущало меня, не позволяя надеяться заслужить доверие, и я благодарю случай, доставивший мне возможность дать несомненное доказательство моих чувств и уверить, что чужеземец, который по рождению и воспитанию своему почитает честь нерушимым законом, никоим образом не способен преступить его. Ваше Превосходительство, возможно, удивится этому вступлению, но оно приведет к развязке дела, которое я счел немаловажным и, потому, побоявшись доверить тайну почтовым случайностям, направил пакет г-ну вице-губернатору Воейкову в Ригу, чтобы быть уверенным, что он непременно попадет к Вашему Превосходительству. Вот факты.

¹ РГАЛИ. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. Ед. хр. 6051. Л. 18—20.

В *Puce* в трактире под вывеской «*Bade in die Pferd Straas*»² я повстречал молодого человека, назвавшегося французом, но которого по выговору я счел савояром, представившегося как *шевалье де ла Мейссоньер де Валькруассан*, который попытался войти в доверие ко мне; поскольку я в дороге всегда настороже и опасаясь авантюристов, то поначалу держался строго, вежливо и сдержанно, но потом человек этот заговорил о столь интересных для меня вещах, упомянув г-на *Дюрана*, французского посланника в *Варшаве*³, что я не мог не вступить с ним в беседу; он стал величать меня бароном, хотя я его о том не просил⁴, но он упорствовал, ссылаясь на г-на *Дюрана*; я не гонюсь за титулами, которые тешат предрассудки и возвеличивают лишь тех, кто не рожден, чтобы их носить. Наконец, слово за слово, он раскрылся настолько, что позволил мне заподозрить в нем *Шпиона*. Поняв это, я выказал ему больше доверия, чтобы добиться ответного расположения и преуспел: он рассказал мне, что прожил инкогнито три месяца в Петербурге, посещая только г-на *Матюшкина* и банкира *Рудольфа Майера*, выплатившего ему некоторую сумму, что поначалу ему покровительствовали граф Понятовский и английский посол⁵, но затем, что-то прослышав, они стали злейшими его врагами и заподозрили в чем-то, что он в оправдание свое письменно представил графу Понятовскому записки о своей жизни, но несмотря на это, английский посол нашел способ принудить его уехать. Ваше Превосходительство может узнать у этого вельможи, правдив ли рассказ. Я же, выслушав это, более в своих подозрениях укрепился и решил разузнать подробнее об этом человечке. Я выведал у него, что он отправляется в Петербург, где намерен поступить на службу, хотя в армии никогда не был, что рассчитывает начать солдатом, продолжить сержантом, а потом поручиком, что в течение трех лет жалования ему не надобно, что он без него обойдется: и в это я верю, ибо те, кто его послал, дали ему денег на расходы. Он прибавил, что перед Петербургом думает на несколько дней заехать в Нарву и Ревель. Затем он принялся рассуждать о политических хитросплетениях, в которые я входить не стал, но которые доказывают, что он свое дело знает; со своей стороны, он расставил мне множество ловушек, но ничего не добился, кроме суждений, которые могут повредить мне на родине, ибо выказывают привязанность мою к России, продиктован-

² «Купание на конской улице».

³ Франсуа Мари Дюран де Дистрофф, французский посланник в Польше (1754—1762), позднее посол в Петербурге.

⁴ Это значит, что барон де Чуди раскрыл соотечественнику свое настоящее имя, вместо того чтобы представиться как шевалье де Люсси или граф де Питланж.

⁵ Чарльз Уильямс, английский посол в России (1755—1757). Мемуары Станислава-Августа Понятовского подтверждают рассказ Чуди.

ную шепетильностью; я не могу обратить ее против отчизны, как не могу служить отчизне против империи, где видел только благодеяния. Наконец, в заключение он попросил меня взять два его письма, одно адресованное купцу в *Кенигсберг*, а второе в *Варшаву*, просив отправить второе по почте из Пруссии, я обещал, но едва отъехав десять миль от *Риги*, распечатал письмо в *Варшаву* и увидел, что оно шифрованное, что утвердило меня в моих мыслях. Важное оно или нет, значения не имеет, ибо любое шифрованное письмо подозрительно, и я исполняю мой долг и служу государству, отправляя его Вашему Превосходительству, который велит его расшифровать и поступит с ним так, как сочтет нужным. Если оно для г-на *Дюрана*, как я предполагаю, то послужит против меня, ибо человек этот не смог использовать меня в своих целях; я конченный человек во *Франции*, если узнают, что я отправил письмо в *Россию*. Но я успокаиваю себя, зная образ мыслей Вашего Превосходительства, который не принесет меня в жертву за мою честность и верность.

В общем, Ваше Превосходительство, за то, что я сделал, я не желаю иной награды, кроме возможности доказать вам, что несмотря на оговоры мерзавцев и подлецов, шевалье де Люси — человек порядочный, что ему можно доверять, хотя вот уже три года, как он добивается чести быть принятым на службу в *России* и получает отказы, возможно, потому, что он француз. Несмотря на это, его чувства делали его, быть может, более того достойным, чем множество бесполезных, но удачливых людей, которым поспешили даровать чин, о коем он вотще просил сотни раз. Хотя я и рассчитываю твердо, как имел честь обещать вам, вернуться, если смогу, не позднее августа, чтобы пользоваться благодеяниями Вашего Превосходительства, если вы еще будете склонны мне их оказывать. Вы изволили сказать мне перед отъездом, что мне надобно запастись рекомендациями. То, что я сделал сегодня, полагаю, меня довольно рекомендует, и к тому же тот, кто бросает место во *Франции*, чтобы отправиться служить на чужбину, глупо будет выглядеть на родине, прося рекомендации. Осмелюсь без ложной скромности добавить, Ваше Превосходительство, что во все времена семья моя скорее давала, а не брала рекомендательные письма. Они необходимы человеку неизвестному, но я таковым не являюсь, и если перемена имени на некоторое время подвергла меня нападкам черни и прислуги, ибо всегда людей чести поносят те, у кого ее нет, то я надеюсь, что впредь Ваше Превосходительство соизволит возвысить голос и положить конец речам, которые оскорбляют вельможу, пороча человека, который имеет честь служить ему.

Я забыл сказать Вашему Превосходительству, что *ла Мейссоньер* отправляется в *Нарву*, *Ревель* и *Петербург* с ливонским офицером, своим приятелем, имени которого я не знаю. Я также забыл описать этого якобы француза, который знает итальянский, немецкий, поль-

ский, английский; он ниже меня ростом, волосы черные, одет то в суконный малиновый камзол на пуговицах, то в зеленый бутылочный камзол с золотыми галунами на бургундский манер, белый атласный сюртук. Эти сведения помогут его узнать, когда он приедет, и исследовать его поведение. Я вновь умоляю Ваше Превосходительство не подвергать меня опасностям во Франции и никому не открывать, и ему в особенности, что я отослал его письмо. Для меня это чрезвычайно важно; я желал бы, чтобы Ваше Превосходительство удостоили меня собственноручного ответа, успокоив и сообщив о судьбе пакета, получен ли он; довольно будет, если Ваше Превосходительство упомянет, что посланные мною книги дошли благополучно, и отправит ответ к г-ну де Севиньи, который передаст мне его в Брауншвейге, где я намереваюсь задержаться на четыре дня, чтобы посмотреть ярмарочные представления, а если я уже уеду, то перешлет мне в Париж, куда я напрямиком направлюсь.

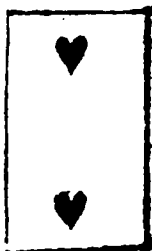
После обеда я продолжу свой путь до Кенигсберга в почтовой карете, ибо сани принужден был оставить в Риге за отсутствием снега, на земле ни снежинки, бесконечный дождь и ужасные курляндские дороги, я вижу, что зима вовсе кончилась, на деревьях набухают почки, и до крайности сожалею, что не выехал двумя неделями раньше, ибо избежав оттепели, я избежал бы многих неудобств и расходов, неделю я из сил выбивался, чтобы преодолеть 34 немецкие мили, около 238 верст, и добраться до *Либавы*, последнего города Курляндии, где нарочно остановился на полдня, чтобы отправить это письмо по почте, ибо не рискнул бы отправить его из Пруссии. Каким бы ни было мое поведение, в данном случае я считаю, что оно безупречно и заслужит одобрение Вашего Превосходительства, а вы расцените его как доказательство моей верности, усердия и преданности; надеюсь, что в дальнейшем представлю еще более основательные свидетельства моей признательности и глубокого уважения с которым имею честь пребывать, и проч.

де Чуди, урожденный граф де Питланж, прозванный де Люси
Либава, 15/4 января 1756 г.

По случаю нового года, соблаговолите принять, Ваше Превосходительство, искренние пожелания успехов во всех ваших начинаниях.

ГРАФ ДЕ СЕН-ЖЕРМЕН (1759—1760)¹

Deux.

1. Граф фон Ведель-Фрис² к графу фон Бернсторфу³, [24 декабря 1759]

Хотя я мало знаю г-на графа де Сен-Жермена, я не считал возможным отказать ему в праве изложить Вашему Превосходительству свои предложения.

Я не могу в точности сказать Вам, Милостивый государь, кто он в сущности такой. Его не знает никто или почти никто. Он провел здесь многие годы, оставаясь при этом неразгаданным. Его проекты показались мне столь обширными, чтобы не сказать парадоксальными, что я хотел избавиться от него, но настойчивые его просьбы принудили меня уступить.

Париж, 24 декабря 1759.

2. Меморандум графа де Сен-Жермена

Добрый, мудрый, миролюбивый и добродетельный Монарх, Отец и друг своего народа, способен без остатка заполнить мое сердце; долгие и беспристрастные размышления привели меня к тому,

¹ *Langeveld L. A. Der Graf von Saint-Germain. Berlin: Mittler—Haag, van Stockum, 1930. P. 290—292.*

² Граф Эрхард фон Ведель-Фрис, датский генерал-майор и камергер, посланник во Франции (1755-1763).

³ Граф Юхан Хартвиг Эрнст фон Бернсторф (1712—1772), камергер (1732), посланник в Саксонии (1732—1751), министр иностранных дел (1751—1770).

что философия велела мне избрать короля Дании главным предметом любви, почитания и преданности⁴.

По мужской линии я веду свой род от младшего сына короля, царствовавшего в восьмом веке. Осмелюсь сказать, что в принципах, помыслах, чувствах и поступках я ничем не погрешаю против великих предков; но благородство происхождения — ничто без скрупулезного следования правилам истинной добродетели, лишенной всякого тщеславия. Мои беды и беды тех, кто был свидетелем моего рождения, принуждают меня умолчать об Отчизне моей и подлинном Имени; я полагаю, что сделал достойным уважения избранное мною имя, чтобы повсюду, где я жил, добрые люди желали снова видеть меня и удерживали у себя.

Великие знания позволяют мне творить великие дела. Я совершенно свободен и совершенно независим; но добродетельный и любезный Король Датский своими истинно королевскими добродетелями покорил меня. Я страстно желаю полезно и чудесно служить ему. Среди прочих великих предприятий, которые я задумал для него, я обещаю отправить его королевский стяг на семипушечном адмиральском корабле в Восточную Индию за месяц или даже скорее, не усложняя конструкцию судна, которому не будут страшны ни Опасности, ни обыкновенные морские Невзгоды; шторм, штиль, течение, Буря, побережье, отмель — все будет ему нипочем, корабль отправится и вернется в указанную Точку из одного в другой Конец Света, не опасаясь, что бег его будет чем-нибудь прерван или остановлен; и самое чудесное, что на нем не будет мачт, кроме дозорной, ни парусов, ни матросов, ибо любой человек будет годен для этой чудесной и новой Навигации. Я обогатил это удивительное Изобретение пушкой, которая не дает отдачи и потому не нуждается в лафете на Колесах, которая стреляет в десять раз быстрее, чем любая другая, за тот же Промежуток Времени, которая не разогревается вовсе, которая прицельным выстрелом надвое расщепляет веревку или Волос, и обслуживать которую может один Человек с удивительной Быстротой; к тому же она стреляет дальше, занимает очень мало места и другими великими преимуществами обладает.

Для внутренней Навигации в большом Королевстве, как по рекам, так и по озерам, по течению или против него, даже самого сильного, — всюду пригодятся поразительные преимущества Морской Навигации, о которой говорилось выше: то, что требовало месяца плавания вверх по реке, изрядного числа лошадей, Людей и Трудов, потребует двух или трех человек, а путь займет четыре дня без Опасностей и Опозданий; наконец, осушать Болота, Пруды и Шахты бу-

⁴ Фридрих V (1722—1766), король Дании и Норвегии (1746). Он пользовался репутацией философа на троне: соблюдал внешнеполитический нейтралитет, проводил реформы в стране, приглашал иностранных ученых и писателей.

дет делом простым, верным, недорогим, и с таким удивительно малым Числом людей, что даже тот, кто сам увидит, поверит с трудом.

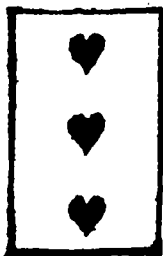
Я хочу, чтобы все, о чем говорится в этом Меморандуме, было верно и скоро сообщено от моего имени Е. В. Королю Датскому, к которому, в зависимости от ответа и некоторых условий, о которых речь пойдет только тогда, когда я выполню все, что обещаю, я отправлюсь предложить мои услуги столь же верные, сколь искренние, и весьма охотно буду состоять при нем, в чем до сих пор отказывал всем государям.

3. Граф фон Бернсторф к графу фон Ведель-Фрису,
19 января 1760 г.

Я затрудняюсь что-либо сказать вам по поводу того, о чем вы пишете мне от 24 числа. Быть может, он добрый человек, быть может, не лишен талантов и тайных знаний, и кажется, что нетрудно хотя бы выслушать его и для того выполнить условия, на которых он готов приехать сюда, но мы, Милостивый государь, не ценим любителей тайн и проектов; как нам представляется, честь Короля настоятельно требует, чтобы Публика не подумала, что Е. В. приближает к себе подобных людей, и потому, по зрелом размышлении, я должен просить Вас, избегая огласки, деликатным образом избавить нас от его приезда. Ваша врожденная вежливость не позволяет мне сомневаться в том, что вы найдете возможность убедить его оставить или отложить свои намерения, ничем его не обидев и не поставив в неловкое положение, и тем доставите нам истинное удовольствие.

Если же, несмотря на доводы и увещания ваши, он решит приехать на свой страх и риск, не препятствуйте ему. Единственная наша задача состоит в том, чтобы в мире не подумали, что его призвал Король. В остальном вы можете рассчитывать на полную тайну. Она будет нерушимо сохраняться.

Trois.

ЗОЛТЫКОФ АЛЬТЕНКЛИНГЕН (1760)¹

Roi.

1. «Перевод с письма к Ея Императорскому Величеству от Солтыкова Алтенклингена, из Амстердама от 1го генваря 1760 года.²

Ваше Императорское Величество за противно не примете, что швейцарской дворянин Российской природы повергает себя к пресветлейшему вашему престолу, желая В. И. В. щасливаго Государствования, со всяким от Бога Благословением, и исполнения всех доброжеланий, кои Вашего Величества вассалы и подданные к вам имеют. А как во всем свете известно, что В. И. В. всегда стараться изволите о пользе вашего народа, защищая фабрики, от которых государство процветает, то я осмелился донести В. И. В. о ниже следующем. Недавно в город Амстердам по требованию купцов приехал из Марселии искусной человек, которой умеет делать самое лучшее Гишпанское мыло, и в состоянии завезть варницу; а хотя было он и учинил уже пробу, однако по нещастию тот дом, с которым он обязался, пришел в убожество; и для того намерен сей мастер возвратиться в свое отечество, а между тем несколько раз приходил ко мне, и я осмелился говорить с ним о Вас, Всемилостивейшая Государыня Императрица! И как подвергается повелениям вашим, то и зависит от В. И. В. приказать послать к нему указ, а он готов завезть мыльную варницу в вашей Резиденции, в Москве или у города Архангельскаго, с получением при том обыкновенных Императорских привилегий, весьма авантажных для Вашего Величества, и ожидает патента, подписаннаго Пресветлейшею Вашею Рукою.

¹ АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. Z 36. Л. 1—7.

² Оригинал по-французски. В русском переводе, сделанном в КИД, опущен адрес: «Пресветлейшей и Могуущественной Государыне Елизавете, Императрице Всея Руси и Великого княжества Московского, в Петербурге».

При сем же всенижайше доношу вам, Державнейшая Императрица! что я советник и доктор, о чем приложенные при сем билеты засвидетельствуют, и могу лечить такая болезни, чего другие сделать не в состоянии³; тако же знаю я секрет, по которому В. И. В. можете ежегодно и навсегда получать по десяти миллионов Рублев; В. И. В. извольте быть уверены, что все вышереченное, о чем я имел честь вам донести, происходит от вернаго и покорнаго сердца; в протчем в ожидании вашего повеления, пребываю со всеглубочайшим почтением Солтыков Альтенклинген⁴.

Мое место жительства указано на билетах. Имя у меня вымышленное⁵.

[Пометы другими почерками на первой странице перевода:
«сие письмо приказал Его Сиятельство возвратить Его Высочайшаго любопытства не заслуживающее»
«Возвращено 4 марта 1760 года»]

2. «Перевод с приложения к письму к Ея Императорскому Величеству от Цолтыкофа Альтенклингена, из Амстердама от 1 генв. 1760⁶.

Каждому безнадежному больному чрез сие во известие знать дается, что из Гейбаха прибыл сюда княжеской Советник и медик Солгов⁷, который чрез свои студии, дальние вояжи и великую практику, в чем он еще преж недавним временем целой год в Ротердаме упражнялся, великой кредит получил, а особливо для того, что он многие медицинские целительные арканы имеет.

Он знает совершенно лечить от падучей и воденой болезни, от гипохондрии, колотья, рака, антонова огня, и прочие болезни; чего ради он в короткое его здесь пребывание обязуется каждому тем служить.

Естьли найдется любопытныя в медицине, которая пожелают некоторые от него арканы для собственной практики за деньги купить, то могут оные к нему явиться, и он их в том удовольствует, ибо у него нет ни жены ни детей, о коих бы ему попечение иметь должно было⁸.

Он стоит в доме трактирщика Филиппа Буллиона, в купеческом Герберге на Несе⁹, где с ним каждой видется может, до полудни от осми до одиннатцати часов, а пополуни от трех часов до шести часов.»

³ Последние годы жизни императрица постоянно болеет.

⁴ Zoltikof Altenklingen.

⁵ Постскрипtum отсутствует в русском переводе.

⁶ Приложены два экземпляра афишки, напечатанной по-голландски.

⁷ Sollhof.

⁸ Традиционным для авантюриста отсутствием семьи мотивирована необходимость передачи тайного знания ученикам.

⁹ Нес — улица в центре Амстердама. Золтыкоф остановился в «Купеческой гостинице» (Hôtel des Marchands).

МАРКИЗ Д'АРЖАНС
(1765)

Baſte.

Д'Аржанс посылает Екатерине II посвященную ей книгу «История человеческого разума, или Тайные и всеобщие мемуары республики словесности» (14 т., 1765—1768)¹. На титульном листе и на портрете, гравированном по рисунку его жены, перечисляются регалии автора: Жан Батист де Буае, маркиз д'Аржанс, камергер короля Прусского, Президент отделения изящной словесности Берлинской королевской Академии Наук, родился 24 июня 1704 г. В письме использованы фразы и фрагменты из Посвящения и Вступлении к книге.

Маркиз д'Аржанс к Екатерине II, [7 апреля 1765]²

Государыня,

Повсеместно прославленное покровительство, которым В. И. В. удостоивает словесность, подвигло меня представить Вам сочинение, где я попытался собрать все различные литературные жанры, в которых отличились самые известные Древние и новые авторы. В книге, которую я имею честь преподнести В. В., я хотел изложить историю человеческого разума и его успехов, последовательно исследуя их в произведениях писателей, сменявших друг друга на протяжении столетий с тех пор, как люди занимаются науками. Вы знаете, Государыня, большую часть этих авторов, вы читали их с той проницатель-

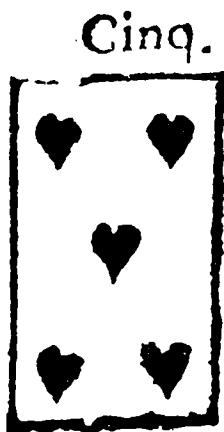
¹ Histoire de l'Esprit humain, ou Mémoires secrets et universels de la République des lettres, par M. Jean-Bapt. de Boyer, Marquis d'Argens, chambellan de S. Maj. le Roi de Prusse, Directeur de la Classe de Belles Lettres dans l'Académie Royale des Sciences de Berlin. Berlin: Haude et Spenser, 1765—1768. 14 vol.

² РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 1.

ностью, что равно открывает вам их достоинства и недостатки. Моя книга сможет заслужить одобрение В. В. лишь тем, что позволит увидеть одновременно и с одной точки зрения все то, что вкус к словесности уже верно показал Вам по отдельности. Счастлив, Ваше Величество, если этот труд сможет занять на несколько мгновений Государыню, все время которой посвящено счастьем ее народов и величию ее Империи.

Я имею честь с глубочайшим почтением пребывать, Государыня, В. В. нижайший и покорнейший слуга
маркиз д'Аржанс

Экс, 7 апреля 1765.

ГРАФ СИГИЗМУНД ФОН РЕДЕРН (1769—1771)¹

Французский дискурс, требующий строгого порядка слов, согласования времен, логической и риторической упорядоченности, не по душе ни Казанове, ни Чуди, ни Сен-Жермену, ни «Золтыкофу», ни фон Редерну, которые вносят в письмо стихию устной речи. Синтаксис последнего: бесконечные фразы, нервный ритм, повторы — весьма характерен для жизненного поведения прожектера, который твердо усвоил: когда едешь верхом на тигре, самое страшное — остановиться. Подобно авантюристам, граф фон Редерн ищет себе родину и государя, мечется по миру, строя планы торговли, приобретений и завоеваний на Севере, Юге и Востоке. При этом фон Редерн, описывая свое горячее стремление служить государю, общему благу и всей Европе, не забывает о собственной выгоде — так Казанова, добываясь в Голландии выгодного займа для французской казны, удачно продает ценные бумаги маркизы д'Юрфе.

Во время русско-турецкой войны фон Редерн, подобно Билиштейну, не желает сидеть в центре, он пытается найти себе применение в горячих точках, там, где легче импровизировать и реализовывать проекты. При этом он получает, по сути, то же самое поручение: поставлять сведения Панину. Аналогичным образом фон Редерн стремится одновременно войти в доверие к великому князю — ср. утверждение Массона, что Билиштейн якобы был учителем Павла Петровича. Как всех искателей приключений, его манит экспедиция флотилии Орлова: она дает шанс почувствовать себя если не крестоносцем, то конкистадором. На предложения фон Редерна императрица дает образцовый ответ, мягко намекнув, что считает их мечтаниями.

¹ АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14 Р. Ед. хр. 49.

1. С. фон Редерн к Н. И. Панину, [6 (17) октября 1769]

Ваша Светлость,

В то время, когда славные победы Е. И. В. обеспечивают скорое восстановление спокойствия в Польше, я почитаю своим долгом покорнейше напомнить об открытии украинской торговли с одно-временной уступкой банку значительных претензий, которые у меня есть в Польше, — о плане, предложенном в моем письме от 25 июля, копию которого я имею честь присовокупить.

Если мне не терпится получить по поводу милостивые при-казания Е. И. В., тому причиной единственно справедливое стрем-ление не терять ни мгновения для преобразований, которые могут оказаться полезными для службы Ее и для блага прекраснейших про-винций Ее империи; я незамедлительно отправлюсь в Варшаву, где почту себя счастливым исполнить приказания, которые Е. В. соиз-волит мне дать, чтобы послужить ей в стране, жителем и граждани-ном которой являюсь², и в этом качестве могу оказаться полезным; затем я поспешу воротиться в Петербург, чтобы полностью предаться осуществлению тех великих замыслов, которые Е. И. В. соизволит возложить на меня.

Я осмеливаюсь льститься надеждой, что заслужу своим рвением милости Вашего Превосходительства и вы соблаговолите принять уверения в почтительном уважения, с которым имею честь пребы-вать, Ваша Светлость, Вашего Превосходительства нижайший и по-корнейший слуга

Граф фон Редерн

Санкт-Петербург, 6/17 октября 1769 г.

2. С. фон Редерн к Н. И. Панину, [22 мая 1770]

Ваша Светлость,

С чувствительным удовольствием исполняю долг, возложенный на меня Вашим Превосходительством при моем отъезде, — давать Вам отчет о нынешнем положении в Польше; да поможет мне кар-тина, представленная самому просвещенному судье, заслужить его драгоценное одобрение и получить от него замечания и сведения, дабы направить в нужное русло пыл поляка и диссидента, наиболее преданного Е. И. В. и России.

² У графа фон Редерна были поместья в Саксонии, а король Польский являлся одновременно курфюрстом Саксонским. Станиславу-Августу Понятовскому фон Редерн представил проект о создании в Польше государственной торговой ком-пании для экспорта пшеницы — *Fabre J. Stanislas-Auguste Poniatowski et l'Europe des Lumières: Étude de cosmopolitisme*. 2e éd. Paris: Ophrys, 1984. P. 460.

Поскольку перед моим отъездом господин Николаи³ попросил у меня меморандум, в котором я предложил объединить усилия Императорской Академии наук и Берлинской для аутентичного издания Наказа Е. И. В., дабы передать его в Ученые записки; то я, уведомленный, что чтение может быть приятно Е. И. Высочеству Великому Князю, почел своим долгом отправить ему сие послание с просьбой представить его Вашему Превосходительству вместе с письмом к Великому Князю, в котором позволил себе покорнейше изъяснить чувство преданности, которое продлится всю мою жизнь.

Милостивые приказания Е. И. В. послужат неколебимым правилом для моего усердия здесь; да посчастливится мне полезными услугами заслужить дальнейшие милости Вашего Превосходительства, и вы соблагovolите принять чувства искренней преданности и почтительного уважения, и проч.

Граф фон Редерн

Варшава, 22 мая 1770 г.

3. С. фон Редерн к Н. И. Панину, [27.07.1771]

Ваша Светлость,

Считаю долгом своим представить Вашему Превосходительству копию письма к Е. И. В., которое я передал господину Местмахеру⁴; оно избавит меня от необходимости что-либо добавлять о нынешнем состоянии здешнего двора. Милости Вашего Превосходительства, о которых я увез из Петербурга неизгладимое воспоминание, поощряют мое рвение снисхождением и лестным одобрением.

Удовлетворив мое намерение служить Е. И. В. настолько, насколько это могло от меня зависеть, я возвращаюсь в Любек, дабы приобрести там землю во владение Е. И. Высочества Великого Князя, моего Августейшего Повелителя, в Берлине. Осмелюсь просить Ваше Превосходительство направить мне туда милостивые приказания Е. И. В. через князя Долгорукого⁵ и принять уверения в чувстве особого и почтительного уважения, и проч.

Граф фон Редерн

Копенгаген, 27 июля 1771 г.

³ Барон Андрей Львович или Генрих-Людвиг Николаи (1737—1820), писатель, уроженец Страсбурга, с 1769 г. в России в качестве преподавателя великого князя Павла Петровича, с 1773 г. секретарь великой княгини Натальи Алексеевны, затем Марии Федоровны, член кабинета Павла I, президент Академии Наук (1798—1803).

⁴ И. И. Местмахер (1733—1803), барон с 1777 г., русский поверенный в делах в Дании (1770—1772), посланник в Любеке (1774—1784), Курляндии (1784—1789) и Саксонии (1790—1799).

⁵ Князь В. С. Долгорукий, русский посол в Берлине (1762—1786).

4. С. фон Редерн к Екатерине II, [июль 1771]

Копия письма
к Государыне Императрице

Великодушный государь, благосклонно принявший мое покорнейшее намерение служить ему в момент разрыва с Турцией, соизволивший призвать меня в Петербург и навечно обеспечить мою преданность драгоценными знаками своего расположения, дает понять, что одобряет мое рвение по службе, той доброжелательностью, с которой один из величайших государей успокоил одного из самых преданных своих придворных, ответив на его предложения: Я вижу, что вы думаете обо мне даже в ваших мечтах, посмотрим, смогу ли я исполнить их, но как бы то ни было, моя признательность к вам всегда будет столь же реальной.

Победоносная война, которую В. В. ведет против турок, дело Вашей Империи против самой варварской и вредоносной державы, мнится мне, должно было стать общим делом всей Европы, если бы Державы могли постичь свои истинные интересы и интересы человечества.

Датский флот, занятый в Средиземном море бесплодной экспедицией против Алжира, показался мне достойным более славного применения против врагов Вашего Величества; мое рвение по службе и к общему благу не позволило мне колебаться, избрав в качестве предложения покупку земли для совместного владения Е. И. Высочества Великого Князя и Дании и еще одно дело, которое я должен был уладить между бывшей Прусской Индийской компанией и Данией, чтобы отправиться в Копенгаген; я рискнул открыть мои планы касательно лучшего и славнейшего использования этой Эскадры, представляя, что слава и подлинные интересы Короля и Дании кажутся мне тесно связанными с дружбой, которая объединяет их с В. В. и с великими мира сего, и попросить о поручении отправиться к Эскадре и присоединиться к графу Орлову, чтобы согласовать с ним план, для осуществления которого я осмелился испросить приказаний В. В. 25 января, адресовав мое письмо господину Теплому.

Я был благосклонно принят и мне предложили земли графа фон Ранцау⁶ на Инландере⁷, но хотя сперва показалось, что мои предложения об использовании Эскадры принимают с восторгом, мне сказали затем, что нынешнее положение не позволяет осуществить экспедицию, дав мне письменный ответ, который я повергаю к стопам В. В.

Я почитаю своим долгом доверить мое рвение высшей мудрости Государя, чей бессмертный гений взвешивает и оценивает события

⁶ Граф фон Ранцау, бывший покровитель графа фон Струэнсе (о нем см. далее), в 1771 г. был его противником. Год спустя фон Ранцау возглавил направленный против него заговор.

⁷ Во внутренних землях.

эпохи, достопамятной для судеб Европы и большей части человечества. Он слишком великодушен, чтобы не принять милостиво мои тщетные попытки преодолеть препятствия неисповедимой судьбы, мешающей мне сослужить ему службу, где значительность цели могла придать важность моим намерениям, и полностью верить себя в Его милостивое распоряжение.

Да будет мне позволено, низжайше напомнив о моем ходатайстве от 25 января о направлении к графу Орлову, заметить, не судя наперед о слабых моих дарованиях: иногда случается, что кто-то видит ускользающее от другого, наделенного гораздо лучшим зрением.

Я осмелюсь с некоторой уверенностью утверждать, что самые решительные события могли бы явиться следствием планов, которые я согласовал бы совместно с графом Орловым, чтобы представить их на милостивое усмотрение В. В., если их исполнение, в чем я полагаю себя не вправе сомневаться, действительно возможно.

Я пребываю с почтительными чувствами покорнейшей и нерушимейшей преданности, и проч.

б. И. Ф. фон Струэнсе к С. фон Редерну, [1771]

Копия ответа графа фон Струэнсе⁸
на мое письмо к Королю⁹.

После того, как я прочитал Королю ваше письмо и приложенный к нему проект, Его Величество повелел мне сообщить вам от его имени, что Он рад усмотреть из первого, что вы намерены обосноваться в его владениях, и что Он с удовлетворением распознал первые знаки вашей заботы о его интересах во втором, воспользоваться которым он не преминет, если позволят обстоятельства.

Я имею честь пребывать с наилучшими чувствами, и проч.

⁸ Иоганн Фридрих Струэнсе (1737—1772), немецкий врач, золотоискатель и путешественник, редактор «Альтонской газеты», стал чтецом и ближайшим советником датского короля. В 1770 г. он добился роспуска государственного совета и отставки Бернсторфа, в 1771 г. сделался графом и кабинет-министром. Был сторонником союза со Швецией и Францией и старался вывести Данию из-под русского влияния. В 1772 г. был свергнут, арестован и казнен.

⁹ Кристиан VII (1749—1808), король Дании (1766).

Ponte.

ИОСИФ АБАИСИ
(1771)

Письма Абаиси интересны, во-первых, как очередной вариант биографии восточного принца, лишенного захватчиками престола (ср. историю Тревогина, алхимические легенды и т. д.). При большом количестве родни он одинок — нет ни отца, ни жены, ни детей. Во-вторых, письма подчеркивают восприятие русско-турецкой войны в качестве православного крестового похода, где каждый местный правитель оказывается естественным союзником России (ср. послание Феликса Антуана Кастриотто и деятельность Степана Малого). Потому, видимо, самозванца не сослали в Сибирь, а вежливо выпроводили из России, дав денег. Письма написаны на не очень правильном французском, видимо, под диктовку; подписаны другой рукой, явно не привыкшей к перу, при этом написание имени и страны постоянно меняется.

1. Иосиф Абаиси к Екатерине II, [1 октября 1771]¹

Пресветлейшая и Державнейшая императрица,

В. И. В. дозволит, чтобы Иосиф Абаисс, принц Палестинский², простерся перед престолом и обратил к Вам почтительнейшие мольбы со всей возможной набожностью и смирением. Вот уже несколько лет, как враг христианской веры вторгся в мои владения, изгнал меня, лишил всех доходов и принудил с тех пор скитаться в печали по всей Европе, оставив мать, сестру, братьев и все местное дворянство со всем моим достоянием в тиранской власти неумолимого врага имени Христа. Взъярившись на веру христианскую с началом этой войны и желая вовсе уничтожить истинное и святое поклонение Богу, он избрал предлогом для насилия мою религию и задержку с уплатой дани,

¹ АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14 А. Ед. хр. 1. Л. 1—3

² Joseph Abaisse, prince de Palestine.

слишком высокой и непосильной, ибо непомерной и не сопоставимой с достатком страны. В подобном положении, горестном для сердца и для состояния моего, не оставалось мне ничего иного, как воззвать к великодушной щедрости христианских государей и князей, чтобы уплатить выкуп, требуемый за освобождение родных моих и дворян и составляющий изрядную сумму. Все дворы, которые я посетил, осыпали меня своими милостями, снабдили рекомендациями, паспортами и средствами на дорогу. Но поскольку только лишь В. И. В. защищает религию, которую Османская Порта хотела бы уничтожить, и с помощью Бога Всемогущего, которого мы чтим, своими вечно победоносными армиями унижает ее горделивое воинство, я осмеливаюсь припасть к подножию трона и к стопам вашей священной особы в почтительной уверенности, что вы не оставите своими милостями принца, пострадавшего за дело, которое вы защищаете с такой славой и бескорыстием. Весь христианский Восток славит себя надеждой оказаться однажды под господством и жить по добрым законам Его Величества Императрицы всея Руси и освободиться от постыдного ига, которое его угнетает. В ожидании счастливого свершения столь лестной надежды я умоляю В. И. В., прославленное повсеместно своим милосердием, дать мне возможность вернуться к себе и выкупить родных и дворян моей страны из жестокого плена Османской Порты. Никто не может оставаться с большей преданностью, почтительнейшим поклонением и неколебимой верностью, чем я, Е. И. В., Пресветлейшей, Державнейшей и Всемиловивейшей Государыне всея Руси, покорнейший и преданнейший

Иосиф Абаиси, принц Палестинский³.

Санкт-Петербург, 1 октября 1771

2. Иосиф Абаиси к [Н. И. Панину?, 1 октября 1771]

Ваше Превосходительство,

Опасение, что я не смогу изыскать благоприятную возможность, чтобы живописать Вашему Превосходительству мое горестное состояние, а пуше того нужду, в которой я нахожусь, понуждает меня умолять вас как можно скорее представить на рассмотрение Е. И. В. прошение, которое я имею честь вам вручить. Только бедственное положение может служить оправданием моей назойливости, но оно никогда не сотрет из моего сердца чувства признательности, с которым я имею честь пребывать, и проч.

Абаиси, принц Палестины⁴.

³ Joseph Abaisi, prince de Palestine.

⁴ Abaisi, prince de Palestina (!).

СТЕПАН ЗАННОВИЧ (1773—1775)

Roi.

1.1. Вольтер к Степану Занновичу, [28 октября 1773]¹

Милостивый Государь, восьмидесятилетний старец, едва избежавший смерти, воскрес, чтобы поблагодарить господина графа Занновича. У него нет сил писать, но и в том плачевном состоянии, в котором он находится, его сердце и ум признательны за милости и чудесные стихи, которыми господин граф его почтил, и которые он недавно получил.

Слабость не позволяет ему долго распространяться о тех чувствах, которые вызвало у него письмо, пришедшее из Турина; он может лишь изъяснить свою благодарность, уважение и почтение к автору. Он умрет его почтительнейшим и покорнейшим слугой

Вольтер.

Замок Ферней, 28 октября 1773

Печатаемая в *Gazzetta universale* (19 февраля 1774) свое «посмертное» послание к фернейскому патриарху, Заннович использует элементы вольтеровского мифа, сконцентрированные в его письме, где даже стертые формулы вежливости становятся предметом литературной игры: философ, подобно мессии, умирает и возрождается, он смотрит на себя со стороны, уже из другого мира (третье лицо в письме Вольтера: «Он умрет его почтительнейшим и покорнейшим слугой»). При этом Заннович предлагает патриарху пример образцовой и спокойной философской смерти, тогда как памфлетисты заранее изображали, как Вольтера-антихриста, подобно Дон-Жуану, дьявол уне-

¹ Best D18602.

сет в преисподнюю². Вольтер действительно умирал мучительно, от чрезмерной дозы опиума. Его врач Троншен рассказывал: «Эта смерть мирной не была. Г-н де Вольтер впал в чудовищный транс, крича в ярости: «Я оставлен Богом и людьми». Он кусал пальцы и, сунув руку в ночной горшок, схватил и съел то, что там находилось. Хотел бы я, чтобы все, кто прельстился его книгами, были свидетелями этой смерти. Выдержать подобное зрелище было невозможно» (*Gazette de Cologne*, 7 июля 1778 г.)³. Но и сам Заннович, которого с юности преследовала мания смерти, умер не легко — в тюрьме он перерезал себе вены осколком стекла.

1.2. Степан Заннович к Вольтеру, [3 февраля 1774]⁴

Милостивый Государь, Вы просите меня продолжать мои Далматинские письма. Но Боже мой, в какой критический момент вы увещеваете мой разум! Я болен, и чувствительное сердце мое пребывает в такой меланхолии, что с недавних пор беспрестанно сохнет.

Исповедник, врач и аптекарь стали моими Аристотелем, Гоме-ром, Сократом и Галилеем. Эти достопочтенные, но ненавистные персоны окружили мою постель и сражаются вместе: кто спасает тело, а кто душу — обессиленную и в растерянности, что покидает мои уста.

Беды, вызванные письмом от 28 ноября*, быстрыми шагами приводят меня ко гробу. Я молод, но в подобном состоянии, когда мне суждено умереть, я старше всех людей на земле. В столь печальном положении меня утешает одно: вечность меня не страшит. Я вижу, как приближаюсь к Господу, с очами, полными желанья, и столь сильно-го, что все говорит мне о милосердии, постоянстве, прощении, бла-гости и надежде; вера помогает мне все превозмочь и почитать за счастье оставить эту жалкую плоть, что купно с моими чувствами ведет упорную и опасную войну с людскими добродетелями; если милосер-дный Бог снизойдет до моих молитв и обета терпения, с которым я свершил полное треволнений двадцатилетнее паломничество чрез заблуждения человечества, впавшего в грех и соблазн, я буду вечно наслаждаться благами, которых все прочие не могут себе даровать.

² *Baecque A. de. La gloire et l'effroi. Sept morts sous la Terreur. Paris: Grasset, 1997. P. 55.*

³ Цит. по: *Baecque A. de. Op. cit. P. 56.*

⁴ Оригинал по-итальянски. Опубл.: *Venturi F. Rousseau e Voltaire nelle avventure cosmopolite del conte Stefano Zannovitch, dalmatino // Studi in onore di P. Alatri. Vol. 1. L'Europa nel XVIII secolo. Napoli, 1991. P. 108—109.*

* Речь идет о письме, озаглавленном «Философ 21 года к философу 79 лет», которое навлекло на него преследования (примечание, помещенное в газете).

Теперь я знаю, что лучше иметь ум благой, а не острый. Я кажусь себе значительней, чем я есть, исцеленным от всех хворей, когда думаю о величии и милосердии Господа... Но, Боже правый... слабость членов не дает мне излить мои сердечные чувства.

Если я умру, в чем нет сомнений, я умру христианином и католиком⁵. Такая кончина — спасение от зияющей вечности: потому что после смерти моей надеюсь быть вам полезным, ибо обещаю помнить о вас. Прощайте.

Колорно, 3 февраля 1774

Граф Заннович

Перепечатывая письмо в переводе на немецкий, газета *Gothaische gelehrte Zeitungen* (№ 20, 30 марта 1774) снабдила его следующим примечанием: «Граф Заннович был далматинцем и пламенным гением, окруженным толпой почитателей. Он дружил и переписывался с виднейшими учеными Европы. Он придерживался заблуждений свободомыслия, но расстался с ними, как о том свидетельствует письмо, написанное накануне смерти. Мы не беремся судить о том, получил ли действительно г-н де Вольтер это письмо и принадлежит ли оно на самом деле перу графа»⁶.

2.1. Степан Заннович к Екатерине II, [16 сентября 1775]⁷

Его Императорскому Величеству
Екатерине Великой

16 7^бря 1775, Дрезден и потом Варшава

Если рок не позволит мне воспользоваться благоприятным случаем и увидеть Вашу Августейшую Особу, у которой на челе начертаны знаки истинной добродетели, соблаговолите, В. И. В., причислить меня к своим далеким почитателям и поклонникам.

Я Философ из Черногории. Ах, как странно другу Людей находиться в окружении Варваров!.. Правду сказать, это чудо, равное тому, что на Российском престоле мы зрим Даму, превосходящую всех ученостью и вознесенную над всеми мужчинами Империи более обширной, чем некогда Римская. Я не богат, более того, нынче я дошел до

⁵ Избранная Занновичем формула говорит, что он знает и другую веру — православную.

⁶ *Gothaische gelehrte Zeitungen*, 20 ten Stück den 30 ten Merz 1774. P. 157—158. Я благодарю Анри Гросса, который помог мне в переводе с немецкого.

⁷ АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14 Z. Ед. хр. 1. Л. 1—2об. Оригинал по-итальянски. В деле также хранится французский перевод (л. 4—5) — свидетельство того, что императрица или ее секретари захотели прочесть письмо. Напомним, что во времена Елизаветы Петровны переводили на русский.

крайней нищеты, за хвалы не взыскаю и не получая награды от хвалимого. Воистину, не часто случается возносить хвалы, ибо многочисленные пороки нынешнего века принуждают меня указывать на *Антихриста*.

Нынче я осмелился писать к В. И. В., послать вам мой портрет, изготовленный в Париже, и публично посвятить вам Стихи, в честь полезнейшего и добродетельного по природе своей Честолюбия вашего и великой заслуги быть Покровительницей Добродетели.

Если бы существовало много Екатерины II, я повременил бы и сперва снискал известность, воспев ее деяния в Поэме ученой и длинной, наподобие Тассо; Божьей милостью и усердными трудами я добился того, что коронован Поэтом и поелику дело обстоит иначе, соблаговолите принять в качестве любезного подношения мой Дар, хоть он и *Малый*. За сим, смею Вас уверить, что Честолюбие мое будет удовлетворено не иначе, как званием вашего Поэта и Историка.

«Настанет день, когда мое перо пророка
Опишет въяве то, что нынче недалеко.»

«Как сладко думать, говорить себе:
Везде сейчас хвалы возносятся тебе.
При *Имени* моем Народы не стеноют,
А в горестях своих меня не обвиняют.
Их темная вражда не хмурит мне лица,
Навстречу мне все устремляются сердца.
Так радуется Вы.»⁸

Вот Портрет и Хвала, по праву причитающиеся В. И. В. Мне остается только восхищаться Вами и горячо надеяться увидеть вблизи Великую императрицу, которая издали, как Солнце, несет благоденствия Миру словесности, политики и войны.

Я был в *Черногории*. Сей народ уже находится под вашим высочайшим Покровительством, но я увидал, что он беден и разорен прошедшей войной. Правду сказать, что за их отношение к *Степану Малому* не заслуживают они, как в прежние годы, благоденствий, изливаемых великой Россией. Но что же? Дух невежества и смуты стал причиной разорения народа, который более других досаждал России в этой войне. Посему

«Не рассуждай понапрасну о них, но немедля спасайся,
Ибо хотя древняя слава о них не поет,
Страшный они и скупой, жаждающий крови народ:
Жестоких обычаев их ты остерегайся.»

Историю мою с черногорцами В. И. В. может в подробностях узнать от великого своего министра *Потемкина*. Я должен был прибыть вместе с *Полномочным Архимандритом* Черногории, дабы припасть к

⁸ Второй стихотворный отрывок написан по-французски.

ногам его величества, вместо того чтобы философствовать с мужчинами и складывать в Дрездене стихи для *Вдовствующей Курфюрстины Саксонской*, а нынче в Варшаве для *Понятовского*. О, жестокий жребий для столь возвышенной *Души*, как моя! Я утешаюсь тем, что если римский диктатор *Марий* умер в нищете, я все-таки живу среди разобщенных польских конфедератов, в надежде возродиться однажды под бессмертной сенью Екатерины II. Но слишком я *Малый*, чтобы говорить обо мне, и не смею надеяться на помощь и покровительство. И Архимандрит, и бедные Черногорцы, и я надеемся только на благодеяния В. И. В. Пусть же Архимандриту Петру Петровичу будет дарована милость испить в уголке из великого фонтана Императорских благодеяний, а если мне еще суждено отправиться в путь, первую же поездку я совершу в Петербург, чтобы самому объявить о том, что имею честь навеки пребывать перед лицом всего света

В. И. В. покорнейшим и преданнейшим слугой
Граф Стефан Заннович.

Первое письмо Заннович построил излишне сложно, стараясь разыграть все свои козыри: молодой привлекательный мужчина (прилагается портрет), философ, который может стать историком славного царствования (увы, его постигла та же участь, что и остальных незадачливых историков). Заннович представляется как граф, а не принц, он коронован только как Поэт (но все же коронован), при этом намекая, что он на самом деле погибший Степан Малый. Второе письмо написано предельно просто (почему оно, в отличие от первого, не было переведено с итальянского), и цель его яснее ясно — просьба выслать денег.

2.2. Степан Заннович к Екатерине II, [8 декабря 1775]⁹

Его Императорскому Величеству

Дрезден, 16 Х^бря 1775

Знаете ли Вы, для чего второй раз пишу я Екатерине II, Императрице всея Руси и Покровительнице всех добродетелей? Для того, что нет у меня денег совершить путешествие в Санкт-Петербург. Господь призывает меня в Россию, ибо общий язык и вера делают меня согражданином отважных Русских, Победителей Турок. Наш общий ангел-хранитель побуждает меня беспрестанно писать В. И. В. и стараться поведать о себе. Знаю, что от того скоро стану я богат и счастлив. У Екатерины II премного добродетелей. Прекраснейшая из них состоит в том, чтобы отличать достоинства и награждать их, не взи-

⁹ АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1 4 Z. Ед. хр. 1. Л. 3—3об. Оригинал по-итальянски.

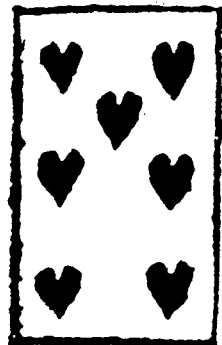
рая на глупцов и на этикет. Кто знает эту великую истину лучше, чем В. И. В.? Потому я все надежды возлагаю на вас. Фридрих III (так!), Король Пруссии, пишет и отвечает мне. Он лев слишком старый, и потому я не получил от него ничего, кроме слов. К тому же Русские в Германии говорят мне, что Екатерина II пишет наравне с Фридрихом III и более его покровительствует литературе и литераторам. Душа великая, для Трона рожденная, без помощи Твоей я пропал!.. Архимандрит Черногории прибегает к моему заступничеству перед В. И. В. Для себя желаю только одного: чтобы Екатерина II жила бессмертною, как Природа, на благо людей мудрых и добродетельных. Надеюсь, что мое первое Письмо и Стихи, обращенные к В. И. В., находятся ныне в Ваших августейших руках, так же как; может быть, и мой *Портрет*. Не забудьте, что любезное Письмо ваше будет для меня ценнее и дороже, чем *Переводной Вексель*.

Желаю В. И. В. здоровья и бодрости и прошу верить, что я без всякой корысти пребываю

В. И. В. преданным почитателем

Граф Заннович-Баббиндон.

Manille.

АНАХАРСИС КЛОЦ И ШЕВАЛЬЕ Д'ЭОН (1792)

Dame.

В мае 1792 г., в возрасте 64 лет, кавалерша д'Эон отправила из Лондона в подарок Анахарсису Клоцу свой гравированный портрет в виде воительницы Афины-Паллады. Народный трибун ответил даме убийственно серьезным посланием, поставив на службу Революции эоновы мифы. Он напечатал его в «Парижской хронике» (*Chronique de Paris*) 8 июня 1792 г. (№ 161).

Анахарсис Клоц к кавалерше д'Эон, [12 мая 1792]¹

Париж, 12 мая четвертого года.

Рука граций вручила мне портрет галльской Минервы. Вместо благодарности я позволю себе заметить Героине нашего времени, что пришло время увековечить ей свою славу, вооружившись с головы до пят, как Фалестра и Жанна д'Арк, чтобы помочь нам избавить мир от адского племени тиранов. Нашей эпической поэме не достает песни о кавалерше д'Эон. Ты спишь, Эон, ты спишь, а деспоты бдят, ты предпочитаешь убранства победоносным доспехам Ахилла. Устыдись и иди, отчизна зовет тебя. Фаланга амазонок полетит по твоим стопам против угнетателей рода человеческого. Приди же, и победа будет за нами.

Анахарсис Клоц.

Кавалерша 2 июня сообщила, что отправляет своего племянника, «молодого, сильного и смелого, которого любовь к правам чело-

¹ Arsenal, Mss. № 9026. Fol. 33.

века заставила покинуть английскую службу». 14 июля 1792 г. Клоц, не удовлетворенный ответом, поторопил даму, уверяя, что Военный комитет Национального собрания ждет ее². Д'Эон воспользовался случаем напомнить о себе и обратился к революционному правительству с просьбой призвать ее/его под знамена в армию генерала Дюмурье, сохранив за ней/ним прежнее воинское звание.

24 ноября 1792 г. д'Эон отправляет письма Карно³ и Анархасису Клоцу⁴. Во втором он напоминает о своем давнем ходатайстве и продолжает игру: «Не получая никаких новостей от доблестного Анархасиса Клоца, я потеряла всякую надежду, и храбрость наполовину покинула меня; я горевала от того, что не смогла оказаться в Шампани, я плакала и рыдала над своей судьбой и над прекрасным оружием, которое я здесь заказала для себя и для отмщения моей поруганной отчизны. По счастью, я не купила лошадей и не пошла мундир, ибо если бы я неосторожно покинула одежды, приличные моему полу, не получив патента, женщины подняли бы на смех меня, опрометчивое и безуспешное желание вернуться на войну в моем возрасте». В 1793 г. д'Эон возобновил домогательства, но так и не получил разрешения вернуться во Францию.

Valet.

² *Mortier R. Anacharsis Cloots ou l'utopie foudroyée. Paris: Stock, 1995. P. 284.*

³ *Arsenal, Mss. № 9026. Fol. 17 (Отпуск).*

⁴ *Arsenal, Mss. № 9026. Fol. 18—21. (Отпуск).*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаси И. 8, 251, 377—378
 Абрахам К. 14, 25—26
 Август III 349, 356
 Аверинцев С. С. 248
 Авиценна 323
 Адауров В. К. 311
 Аламбер Ж. д' — см. д'Аламбер Ж.
 Александр I 236, 262—263, 294
 Александр Македонский 243
 Алексеев М. П. 14, 81
 Алексей Петрович 242, 258—239
 Али Р. 264
 Аллион д' — см. Даллион
 Алопеус М. М. 212
 Альбер м-ль д' 124
 Альберготи Ж. Б. 329
 Альберт Ф. К. 316
 Амело де Шайю Ж. Ж. 351
 Анвиль Ж. Б. д' 350
 Ангальт-Цербстская И. Е. 173, 312, 351—
 353, 358, 360
 Андремон П. 24, 50
 Андрес А. 182
 Андрез И. В. 28
 Анна Иоанновна 155, 212, 238, 242, 258,
 262, 310, 349
 Анна Леопольдовна 242
 Ансом Л. 141, 152
 Арбелло Г. 267
 Аренберг, герцог д' 297
 Аржанс Ж. Б. ле Буае д' 12, 26, 30, 82, 107,
 114, 122—123, 129, 140, 219, 246,
 370—371
 Аржанс (Кошуа) Б. д' 370
 Аржанталь Ш. А. д' 88
 Аристотель 380
 Арк Жанна д' 385
 Аффри Л. А. А. д' 51
 Аш Ф. Ф. 155
 Аш Ф. Ю. 155

 Бажова А. П. 277
 Байрейтская С. В., принцесса Прус-
 ская 72
 Байрон Дж. 157, 159
 Бакунина Т. 93, 353
 Бальзак О. де 27
 Барбаро Б. 178
 Баржак 127—128
 Барсуков А. 14, 244
 Барт Н. Т. 106, 124
 Бартлетт Р. 207, 212, 270
 Барятинский И. С. 155, 261, 286, 289,
 305—306

 Бастид Ж. Ф. де 119—120
 Бастид Ш. 309
 Бауер Ф. В. 287
 Бахтин М. М. 6, 248
 Башелье Ф. 127
 Башомон Л. П. де 77, 88
 Безбородко А. А. 291—292, 294, 305
 Бейлис М. 38
 Бейль П. 45, 113
 Бек А. де 6, 34, 380
 Беккариа Ч. 290—291
 Белен Ж. А. де 183, 188
 Беллефон Ж. Бон Жиго де 347
 Белосельский-Белозерский А. М. 78, 328
 Бель-Иль Ш. Л. А. де 51
 Бенедикт XIV 52
 Бенишу П. 93
 Бенуа Ф. А. 124, 129
 Беранже Л. 312, 314—315, 332, 339—340
 Берелович В. Я. 58, 252
 Берже 84
 Берков П. Н. 14, 82, 326
 Берковский Н. Я. 39
 Берман Б. И. 248
 Бернарден де Сен-Пьер Ж. А. 8, 23, 28,
 31, 51, 80, 208, 222, 225, 237, 246,
 253—263, 265—269, 288, 325, 327, 334,
 343
 Бернади 8, 311—312
 Бернис Ф. Ж. де 47, 51, 54, 163, 174, 252,
 337
 Бернсторф Ю. Х. Э. 365, 367, 376
 Бертрам Г. 169
 Бестужев А. П. 310—311, 338, 348, 351—
 352
 Бетбез Ж. П. 195
 Бецкой И. И. 44, 214, 226—227, 271—273
 Бибигов В. И. 275
 Билиштейн Н. Ф. де 264
 Билиштейн П. 274, 289, 291
 Билиштейн Андреу Ш. Л. де 8, 25, 53, 108,
 114, 192, 222, 237, 253, 264—278,
 281—292, 312, 316, 321—322, 332, 336,
 353, 372
 Бильбасов В. А. 14, 218, 222, 234, 281,
 313—315, 351—352, 357
 Бина Э. ван 304—305
 Бирон Э. И. 143, 135, 242, 350
 Блен де Сенмор А. М. И. 39
 Бобринский А. Г. 310, 341
 Богатырев П. Г. 33
 Боди А. 326
 Бодиссоны, барон 342
 Бодо 214

- Бодриар А. 347
 Бой Ж. де 89, 98
 Боккаччо Дж. 70
 Болонья Ф. де 348
 Бомарше П. О. 12, 31, 46, 54, 114, 129, 141, 143, 145, 148, 303—304, 333
 Бонапарт — см. Наполеон Бонапарт
 Бонапарт Ж. 263
 Бонваль К. А. де 116
 Бонне Ш. 114
 Борис Годунов 246
 Бортнянский Д. 341
 Борхес Х. Л. 33, 104, 186, 201—202
 Боске Д. де 253—254, 260
 Босс Ж. де 211
 Боссе М. Н. де 41, 227, 340
 Ботта-Адорно А. 348
 Брагадин М. Дж. 25, 177—178, 193, 321
 Браницкий Ф. К. 24, 139, 271, 314
 Брантом П. де 114
 Брауншвейгская, принцесса (г-жа д'Обан или Мальдак) 8, 258
 Бре А. 120, 181
 Бретей Л. А. де 228, 256, 312—313, 337, 339
 Бри М. 212
 Бризасье 12, 250
 Брикнер А. 275
 Бриссо де Варвиль Ж. П. 97, 308—309, 344
 Брольо В. Ф. де 77, 110
 Брум Дж. Г. 82
 Брюль Г. фон 314
 Брюммер О. Ф. 348, 351, 353
 Брюнелли Б. 305
 Брюнель П. 158, 169
 Брюс П. А. 297
 Брюс Я. А. 297
 Буало Н. 114
 Бугенвиль Л. А. де 297
 Будберг А. Я. 212
 Бужан Г. И. 46
 Булонь Ж. Н. де 139
 Буржуа де Буин П. Е. 256
 Бутри М. 347
 Бутурлин П. А. 27, 100
 Бушар Ф. 48
 Бьелке (Билке) г-жа 243
 Бэкон Ф. 28, 266, 308, 322
 Бюллер К. Я. 212
 Бютор М. 203
 Бюшинг А. Ф. 312
- Валлоне Дж. 326
 Валори Г. Л. А. де 352
 Вальвиль Ж. де 161, 316, 320, 324, 327, 355
 Вальднер, барон де 292
 Валькруассан — см. Ла Мейссонье де Валькруассан
 Вашлавик Г. 12, 20, 77, 89, 192, 196, 204, 268, 294
 Вильдштейн Ж. К. Э. 108
 Ведель-Фрис Э. фон 365, 367
 Вельбрюк Ф. К. фон 298
- Венсан Ж. Д. 23
 Вентури Ф. 74, 82, 90, 220, 280
 Вержен Ш. де 286, 289, 292, 332
 Вержи П. А. де 74
 Верней де (самозванец) 252
 Вешняков А. А. 349
 Видан Г. 74
 Видок Ф. 129
 Виельгорский М. 301
 Виельгорский М. Ю. 112
 Виктор-Амедей II 356
 Виланд К. М. 181
 Вилларе Кл. 119, 124
 Виллебрандт И. П. 221
 Вилледье М. де 107
 Виллермоз Ж. Б. 177
 Виллет Р. Ф. де 93—94
 Виллье де 221
 Вильбуа А. де 253—254, 260—261
 Виндквист К. и Э. 251
 Виrolь Р. 238
 Владимир Старицкий 246
 Вобан С. де 112
 Воейков Ф. М. 52, 361
 Вокансон Ж. де 168
 Волков 338
 Володимеров И. 288
 Волошинов В. 6
 Вольней К. Ф. де 292
 Вольтер 6—7, 12, 23, 28, 32, 44, 50, 54, 60, 63—64, 72—74, 77—84, 88—91, 93—94, 98, 103—104, 113—115, 129, 179—181, 183—185, 188—189, 196, 198, 212, 215—216, 218, 232—234, 237, 276, 281, 327, 329, 332, 354, 379—381
 Воронцов А. Р. 79, 269, 285, 328, 332
 Воронцов М. И. 40, 80, 100, 110, 207, 269—270, 312—313, 332, 349—352
 Воронцов С. Р. 328
 Вуозенон Кл. 159, 181
 Вюртенбергский Ф. 334
- Габермас Ю. 94
 Гавар А. 356
 Гагарины, семья 350
 Гайо де Питанваль Ф. 223
 Галилей Г. 380
 Галлер А. 28, 77, 220
 Галуппи Б. 323, 341
 Гарсиа Маркес Г. 169
 Гартлиб 28
 Гаспаров Б. М. 7
 Гассенди П. 107
 Гейкинг К. Г. фон 333
 Гелиогабал 195, 201
 Геллен Б. фон дер 51
 Гельвеший К. А. 114
 Гено А. 185
 Генрих Прусский 47, 297
 Гераклит 323
 Генрих IV 267
 Гёрц Г. 73
 Герши К. Л. Ф. Ренье де 51, 74
 Гессе Г. 172

- Гессенский К. 177
 Гессен-Дармиштадтский Людвиг X 331
 Гёте И. В. 139, 141, 146, 169, 177, 183
 Гиар де Сервинье Ж. Б. 120
 Гийон 114
 Гика Г. 286, 290
 Гиттон Э. 180—181
 Гишард К. Г. (Ицилий Квинт) 320
 Глейхен К. Г. фон 19, 140, 142, 170
 Гмелин И. Г. 220
 Гобер Ж. Б. 211
 Гогель 210
 Гоголь Н. В. 155, 212
 Годар д'Окур К. 105, 106, 119
 Годе Ф. Ш. 8106—107
 Голджи Дж. 214, 227
 Голицын А. М., вице-канцлер 198
 Голицын А. М., фельдмаршал 300, 324
 Голицын Д. А. 198, 219, 272, 276
 Голицын Н. 329
 Голицын С. Д. 349
 Головкин А. Г. 349
 Головкин И. А. 330
 Головкин Ф. Г. 40
 Гольбах П. А. 32, 47
 Гольдони К. 12, 30, 83, 134, 141—142, 147, 150, 152, 190, 264
 Гомер 113, 192, 380
 Гонзага С. В. 347
 Гораций 114—115
 Готье Ю. 39
 Грабянко Ф. 8, 19, 93, 142, 333—334
 Грандрут Р. 118, 126
 Грасиан Бальтасар 114
 Граффины Ф. 114
 Грекур Ж. Б. 114
 Грессе Ж. Б. Л. 56, 140, 145
 Грибанов М. 288
 Грибоедов А. С. 152, 156
 Грийе Ж. Л. 356
 Гримм Ф. М. 8, 33, 38, 39, 41, 45, 47, 54—56, 58, 61, 93, 134, 147, 170, 198, 200, 203, 212, 218—219, 226, 232, 246, 250, 252, 257—258, 261, 268, 281, 288, 292, 298, 305, 316, 330—331, 337, 341—343
 Гринцер П. А. 125
 Гросс А. 381
 Грот Я. К. 223, 272, 294
 Грусси О. 189
 Гудар А. 8, 27—28, 30—31, 46, 50—51, 53, 73, 78, 99, 114, 126—130, 192, 237—238, 298
 Гудар С. 27, 100, 298
 Гуковский Г. А. 225
 Гулемо Ж. М. 68
 Густав III 301
 Гюбер Ж. 64

 Дабези А. 170
 Дабига В. 262
 Д'Аламбер Ж. Ле Рон 47, 54, 62, 64, 74, 91, 97, 197, 215, 219—220, 256, 259, 273, 312—313, 330
 Даллион д'Юссон Л. 351
 Даль Ольо Д. 312
 Даль Ольо Дж. 8, 298, 312, 322—323
 Дамас Р. 214
 Дамьен Р. Ф. 162, 322
 Данауров М. И. 334
 Данилевский Г. П. 300
 Данкли Дж. 189—190
 Да Понте Л. 12, 83, 157—158, 164, 178—179
 Дарнтон Р. 12, 32, 34, 38, 45, 47, 64, 309
 Даррагон (д'Арагон) П. 8, 19, 141, 322, 325—326
 Дарю де Гранпре Ф. И. 119
 Дашков М. И. 314
 Дашкова Е. Р. 41, 216, 244, 312, 314—316, 318, 322
 Дебульмье Ж. А. Ж. 123
 Декарт Р. 107
 Деккер М. де 110
 Делон М. 162
 Демидов Н. 263
 Демидова (Строганова) 263
 Демаре 332
 Демокрит 323
 Деморис Р. 126
 Денон В. 8, 120, 331
 Депарсье А. 200
 Державин Г. Р. 190
 Джуvara Н. 290
 Джуvara Т. Г. 291—292
 Дзануши С. 322
 Дидро Д. 6, 18, 32, 28, 47, 54—56, 58, 62—64, 68, 81, 91, 97, 105—106, 112, 120, 147, 197, 200—201, 214—215, 218—222, 226—227, 232—234, 272, 330—331, 341, 353
 Дмитриев А. И. 302
 Дмитриева Е. Е. 306
 Долгорукая И. П. 349, 353
 Долгорукий В. С. 255, 260—261, 269, 374
 Долгорукий Ю. В. 277
 Домашнев С. Г. 261
 Донвез Ж. 73, 196
 Донской М. 190
 Дора К. Ж. 123
 Достоевский Ф. М. 70
 Драгонетти Д. 220
 Друар Л. 210
 Дружинина Е. И. 275
 Дубровский П. П. 306
 Дуглас Маккензи А. П. 40, 53, 110, 334, 336, 338, 349, 353
 Дю Барри Ж. 46
 Дюбуа Г., кардинал 73
 Дюбуа Ж. 211
 Дюбуа К. Ж. 196
 Дюваль Ж. 263
 Дюваль Л. 80, 254, 256, 260—261, 288
 Дюкло Ш. 56, 104, 114, 119—120, 123
 Дюлак Ж. 55, 81, 214
 Дюлоран А. Ж. 12, 114, 130, 334
 Дюма А. 146, 207
 Дюмулье К. 159
 Дюмурье Ш. Ф. дю Перье 339
 Дю Оссе г-жа 19

- Дюран де Дистрофф Ж. М. 54, 331, 362—363
 Дюрантон А. 39
 Дюфренуа М. Л. 6
 Дюше М. 227

 Ева Г. 349
 Евгений Савойский 278, 356
 Евдокия Федоровна 238, 259
 Екатерина I 238, 242
 Екатерина II 8, 24, 30, 39—41, 44—45, 47, 54—55, 58, 63, 68, 73, 80, 84, 93—94, 99—100, 112, 141—147, 152, 155—156, 160, 171, 173, 190, 198, 200, 203, 207—208, 212, 214—216, 218—228, 232—234, 236, 238, 242—243, 246, 249, 251—261, 269—270, 272—277, 281—285, 288, 291, 296—298, 300, 305, 308, 310—316, 318, 320—322, 324—325, 329—332, 337, 339—341, 348, 351—353, 357—358, 360, 370—371, 373—375, 377—378, 381—384
 Екатерина Медичи 195
 Елагин И. П. 147, 221, 311, 322, 328, 339
 Елизавета Алексеевна 262
 Елизавета Петровна 8, 24, 40, 50, 52, 79, 97, 99, 110, 115, 207, 227, 242, 298, 300, 310—312, 325, 327—328, 335—337, 340, 348—354, 357—358, 360, 368—369, 381
 Ермак Тимофеевич. 246
 Ерофеич 249

 Жерар Ф. Л. 123
 Жоли А. 177
 Жоржеску В. 282
 Жоффрен М. Т. 47, 61
 Жубер А. 355
 Жугла де Меренус А. 355
 Жуи В. 122
 Жуслен Ф. 110
 Жюбе Ж. 320—321, 349, 352

 Завадовский П. В. 332
 Залуский Ю. А. 108
 Зальм принц фон 264
 Зальм-Зальм принц фон 297
 Заннович Г. 8, 22, 80, 99, 244, 334—336
 Заннович П. М. 8, 22, 31, 60, 80, 89, 99, 244, 334—336
 Заннович С. 8, 19, 20, 22, 24, 26, 31, 47—48, 60, 74, 89—91, 99—100, 105, 107—108, 139, 168, 237, 244, 246, 255, 300—304, 306, 327, 331, 334, 379—384
 Захер-Мазох Л. 218
 Зекендорф К. С. фон 297
 Зиммель Г. 14, 117
 Зиновьев С. С. 328
 Злобин К. К. 272
 Золтыкоф Альтенклинген 24, 99, 265, 368—369, 372
 Зонненфельс И. фон 294
 Зонтаг 210
 Зорин А. Л. 152, 216, 276

 Зорин Л. Г. 300
 Зорич С. 8, 80, 243, 251, 325, 330, 334—335
 Зубов В. А. 225, 243
 Зубов П. А. 331

 Иван Грозный 242, 246
 Иванов В. В. 248
 Иванов К. 5, 8, 24, 141, 173, 251, 321
 Изан-бей 8, 251
 Ингерфлом К. С. 14, 244
 Иоанн Антонович 40—41, 144, 244, 316, 322
 Иованович И. М. 305
 Иосиф II 44—45, 277, 282—283, 291, 297, 313
 Ираклий II 294—295

 Кабузан В. М. 212
 Кавалькабо Дж. 305
 Каджела Л. 330
 Казанова Дж. 5, 8, 12, 14, 19—28, 30—31, 50—53, 60, 62, 70—73, 77—79, 83—84, 89—90, 93—94, 97, 99, 103, 104, 106—108, 117, 120, 122, 127, 130, 134, 138—146, 150, 157—165, 168—174, 176—180, 182—186, 188, 190, 192—193, 195—198, 200—204, 207—208, 236, 242, 244, 246, 251, 253, 255, 265, 268, 270—271, 287, 294, 296, 298, 305, 310—318, 320—327, 331, 334, 336, 3399340, 342—343, 353, 355, 358—359, 372
 Казанова-Фарусси Дз. 150, 212, 320
 Казот Ж. 170, 179—184, 188
 Кайо А. Ш. 140—141, 147
 Кайюа Р. 189
 Калиостро А. (Бальзамо Дж.) 8, 12, 19, 23—27, 30—31, 34, 47—48, 53, 74, 91, 93, 116, 130, 134, 138—142, 144—146, 169, 179—180, 197, 244, 249—250, 270, 301, 303—306, 327, 333
 Калиостро С. 145—146, 180
 Калори А. 162, 164
 Кальзабиджи Дж. А. и Р., братья 143, 196—197
 Кампанелла Т. 322
 Кампиони В. 8, 316, 322
 Кампоманес П. Р. 322
 Кан Д. 185
 Каналь, граф 313
 Кандо Ж. Д. 79, 332
 Канно де Борегар 210, 212
 Кантакузен М. 282
 Кантемир А. Д. 48, 349—351
 Кантемир Д. 287
 Карабанов П. О. 318
 Караман М. 349
 Карл Великий 170
 Карл VII, баварский император 348
 Карл XII, король Швеции 73, 354
 Карл Лотарингский 264
 Карлос II, король Испании 25
 Карно Л. 386
 Карнович Е. П. 14, 249, 333

- Карра Ж. Л. 286, 291—292, 327, 336, 344
 Карраччиоли Л. А. 5, 57, 62—63
 Карриа Ж. 38
 Кафель Л. Б. 201, 305
 Кастера Ж. 110
 Кастриотто Ф. А. 276, 377
 Каткарт Ч. 275
 Кауниц В. А. 283
 Каюзак Л. 125, 181
 Кведленбургская М. Е. 351
 Квентен 198
 Кверини А. 54, 305, 328
 Кверини А. М. 347
 Кейт Джордж 322
 Кейт Джеймс Ф. 322
 Кельвинг У. 38
 Келюс А. К. Ф. де 47, 61, 120
 Кенигсмарк А. де 258
 Кёпеци Б. 278
 Кинберн 147
 Кингстонская Е. 27
 Кино Ж. Ф. 47
 Кит Дж. 84
 Клапрот Г. Ю. фон 294
 Клемент (Клеман) Я. М. 278
 Клерк (Леклерк) Н. Г. 330—331
 Клодель П. 185
 Клоц Ж. Б. де (Анахарсис) 105, 107, 140,
 300—301, 303, 385—386
 Клушин А. И. 134, 141, 144, 152
 Ключевский В. О. 281
 Княжнин Я. Б. 141, 145, 152, 190
 Кобеко Д. Ф. 14, 80, 253, 312, 315
 Кобенцль И. Л. И. фон 232, 234—235
 Козлов С. Л. 124
 Колонна П. 347
 Коменский Я. А. 28
 Компиньи де Борд А. 173
 Конде Л. де, Великий 214
 Конде Л. Ж. де 214
 Кондильяк Э. Б. де 267
 Кондорсе Ж. А. де 97
 Константен Б. 355—356
 Константен де Маньи К. Ф. 352—360
 Константен де Маньи Ш. Ж. Б. 356
 Константин Павлович 236, 291
 Констанпель Х. 265
 Контад Г. де 115
 Конти Л. Ф. де 77
 Корберон М. Д. де 270, 332—333
 Кордые 211
 Кост де Сабревиль (Кабюссон) Ж.
 Б. 210—211
 Кошелев Р. А. 334
 Крамер Ж. и Ф., братья 83
 Кребийон Кл. П. Ж. 45, 56, 63, 104—106,
 119—120, 125, 159, 181, 353
 Крестева Ю. 158
 Кристиан VII, король Дании 375—376
 Кросс Э. 351
 Крылов И. А. 63
 Крюднер А. И. 212
 Крюднер Ю. 261—263
 Куле А. 46
 Кулет де Отрив К. Б. 211
 Кур де Жеблен А. 203
 Куракин А. Б. (1697—1749) 349
 Куракин А. Б. (1752—1818) 270, 274, 328,
 334
 Курмачева М. Д. 14, 306, 308
 Куртиль де Сандра Г. 18
 Кьяри П. 150
 Ла Бар де Бомарше А. 45—46
 Лабзин А. Ф. 334
 Ла Бомель Л. де 79
 Лабрюйер Ж. де 189
 Ла Виль аббат де 350
 Лагарп Ж. Ф. де 39, 238
 Лагарп Ф. С. де 236, 263
 Лакло Ш. де 63
 Ла Кондамин Ш. М. де 196
 Ламбер Ж. Г. 238
 Ламбер К. Ф. 123
 Ламберг М. фон 5
 Ла Мейссонье (Мейссоньер) де Валькру-
 ассан 52, 111, 339, 362—364
 Ла Мессельер Л. А. де 252
 Ла Морльер Ш. де 56, 63, 104—106, 108,
 119, 125
 Ламот Ж. де Валуа де 146, 301
 Ламуре Ж. 290—291
 Лангевельд Л. А. 51, 99, 365
 Ланской А. Д. 259
 Лансон Г. 64
 Ла Поглиньер (Пуплиньер) А. Ле Риш
 де 61
 Ларошфуко Л. К. де 174
 Ларошфуко Ф. Ж. де, архиепископ 347
 Ларусс П. 356
 Латур м-ль де 254
 Латур д'Овернь Н. Ф. Ж. де 162, 174, 180,
 184, 188
 Лауати Ж. 185, 202
 Лафатер И. К. 28
 Лафермьер Г. 8, 80, 285, 327—328
 Ла Ферте-Эмбо М. Т. де 47, 61
 Лафон, бригадир 207
 Лафонтен Ж. де 7, 113—114, 327
 Лафорж Ж. 12
 Ла Шегарди Ж. Ж. де 40, 50, 114, 242, 310,
 336, 348—349, 352, 354
 Лебон Г. 14, 133
 Левассер Т. 62—63
 Леду де Сент-Круа 211
 Ледьяр Дж. 338
 Лезюир Р. М. 18, 27, 30, 56—57, 68, 78,
 105, 123, 126—128, 130, 335
 Лей Ф. 262
 Лембек 211
 Леменьян 332
 Ле Монь 114
 Ленге С. Н. А. 292
 Ленгле-Дюфренуа Н. 114
 Лемуар Ж. Ш. П. 309
 Ле Пеллетье-Дефорж 196
 Лепети Б. 267
 Леруа де-Глажи 210, 212, 332

- Лесаж А. Р. 48, 114, 126
 Ле Сен 45
 Лесков Н. С. 212
 Лесток Ж. Г. 8, 50, 242, 310, 348, 351, 353
 Лефланг М. 20
 Ле Форестье Р. 270
 Лефорт П. 198
 Лефорт Ф. 198, 216
 Ли Р. А. 78
 Лигу Д. 308
 Линь Ш. Ж. де 77—78, 90, 97, 163—164, 214, 246, 296—297, 337
 Лиотар Ж. Э. 244
 Лихачев Д. С. 248
 Лицын 8, 155, 251
 Лиштенан Ф. Д. 348
 Лобковиц И. М. К. фон 282
 Лозинский Г. 350
 Локателли Ф. 324, 354
 Локк Дж. 107, 114
 Ломоносов М. В. 272, 316, 328
 Лонгинов М. Н. 334
 Л'Опиталь П. Ф. Галуссьо де 110, 252, 337
 Лопухин 348, 351
 Лотарингская М. К. 297
 Лотман Ю. М. 63, 189, 203, 220—221, 236, 248
 Лоу Дж. 53, 60, 192, 195—196, 264
 Луве де Кувре Ж. Б. 21, 118, 129
 Лувель 355
 Лутинин Л. 288
 Луис П. 177
 Лукач Д. 117
 Лукка К де 349
 Луллий Р. 202
 Луна М. Ф. 26
 Лунин П. М. 163, 321
 Льюис М. Г. 169
 Люблинская А. Д. 208
 Людовик XIV 92, 250
 Людовик XV 50, 92, 111, 139, 145, 160, 164, 223, 242, 265, 320, 335
 Людовик XVI 34, 88, 92—93, 143—144, 146, 291, 337
 Людольф К. фон 235
 Люше Ж. П. Л. де ла Рош дю Мен де 139—142, 146
 Майер Р. 362
 Майков В. И. 192
 Маймонид 112
 Макартни Дж. 320
 Макиавелли Н. 110, 114
 Мальзерб де Ламуаньон К. Г. де 265
 Мальтус Т. Р. 235
 Манья Ж. Б. 119
 Марат Ж. П. 344
 Мариво П. 27, 45—47, 106, 119, 126, 128, 147
 Марий 383
 Марион М. 113
 Мария—Ангуанетта 34, 93, 146
 Мария-Терезия, императрица 282—283
 Мария-Терезия, королева 250
 Мария Федоровна 39, 210, 262, 328, 374
 Маркова О. П. 295
 Маркувиль П. А. де 141, 152
 Мармонтель Ж. Ф. 114, 220
 Марс Ф. Л. 99
 Марсо Ф. 158, 161
 Мартен 338
 Мартинес Паскуали 93
 Маруши Л. 304, 320
 Массо Д. 61
 Массон Ш. Ф. 242, 270, 291, 372
 Матюшкин Д. М. 313, 362
 Матюшкина А. А. 313
 Маффеи Ф. 84
 Медини Т. 89, 141
 Мейер Я. 265
 Мейссонье — см. Ла Мейссонье де Валькруассан
 Мейстер Г. 39
 Мелетинский Е. М. 125
 Мелиссино И. И. 270
 Мелиссино П. И. 53, 79, 173, 270, 284, 321, 328
 Мелоль Г. 120, 129
 Меншиков А. Д. 238, 242, 262
 Менье де Прекур де Сен-Лоран 211
 Мерво К. 64
 Мерво М. 354
 Мериме П. 157, 168, 305
 Мерси д'Аржанто Ф. 312
 Мерсье Л. С. 32
 Мерсье (Ле Мерсье) де ла Ривьер П. 214, 218—219, 221—223, 232—235
 Месмер Ф. А. 93, 250
 Местмакер И. И. 212, 374
 Миллер 110
 Миллер К. 214
 Мильнер М. 182
 Мильтон Дж. 356
 Миних Б. Х. фон 253, 261
 Мирабо Рикетти В. де (отец) 110, 214
 Мирабо Рикетти О. Г. де (сын) 97
 Мирович В. Я. 40, 315—316
 Михаила И. 282—283
 Мишель, камердинер 339
 Мишель, купец 111, 338
 Мишо Л. Г. 290
 Мобер де Гуве Ж. А. 12, 30, 126—128
 Мовийон Е. де 27, 119, 122
 Мози Р. 189—190
 Моисеев О. 254
 Молева Н. М. 155, 300
 Мольер Ж. Б. 144, 159
 Монкриф Ф. А. 124
 Моннье А. 216
 Монтемурли Дж. 305
 Монтень М. де 113
 Монтескье Ш. Л. де 5, 51, 111—112, 114, 138, 195, 215, 220, 266, 282, 301
 Монтессон Ш. Ж. де 134, 141, 152
 Мопассан Г. де 27
 Мор Т. 304, 322
 Морелле А. 64, 97
 Морен С. 23
 Моренберг де 338

- Мори Ф. 51, 253, 256
 Мортье Р. 301, 386
 Моцарт В. А. 157—158, 164, 168
 Мошинский А. 84, 140, 144—145
 Муи Ш. де 12, 27, 30, 46, 50, 79, 106, 114,
 118—119, 126—130, 185—186
 Мур Э. 200
 Муромцев М. М. 334
 Мусин-Пушкин А. С. 112
 Мыльников А. С. 14, 244, 276
- Наполеон Бонапарт 92, 156, 214, 237, 335,
 343
 Нарышкин С. К. 112, 270, 349—353, 355,
 357—358
 Нарышкина М. П. 353
 Нассау-Зиген К. Г. 8, 214, 297, 325
 Наталья Алексеевна 374
 Нейхоф Т. фон 236
 Неккер Ж. 47, 256—257, 260, 281
 Неккер С. 47, 61
 Неорберг де 198
 Нерваль Ж. 186
 Нерсиа А. де 122
 Нессельроде, семья 212
 Николай Г. Л. 268, 284, 374
 Николь Ш. Д. 262, 331—332
 Ноай Э. М. Л. 331
 Новиков Н. И. 97, 107, 216, 225
 Нугаре П. Ж. 119, 124
 Нодье Ш. 179, 183
 Ньютон И. 266
- Оберкирх Г. Л. 19
 Огар Ж. Д. Ж. д' 225, 233, 327
 Огинский М. 91, 300—301, 303
 Одар, вдова 315
 Одар Дж. М. 8, 53, 108, 253, 312—316, 325,
 327, 336, 339
 Одоевский В. Ф. 193
 Озеров-Дерябин П. И. 334
 Озуф М. 44, 97
 Олсуфьев А. В. 111—112, 322, 338
 Омбер О. 110
 О'Морфи Л. 160
 Онуа М. д' 123, 310
 Оранская-Нассау Ф. 297
 Ордин К. Ф. 294
 Орлеанский Ф. 174
 Орлов А. Г. 24, 27, 100, 224, 243, 254, 270,
 276, 283, 298, 300, 304—305, 313, 315,
 322, 339—341, 372, 376
 Орлов В. Г. 224
 Орлов Г. Г. 24, 208, 220, 243, 254, 270, 276,
 282—283, 305, 310, 313, 315, 321—322,
 327, 332, 340
 Орри де Фюльви Ж. А. Л. 44
 Остерман И. А. 212, 261, 289
- Панин Н. И. 155, 218, 221—225, 270, 274—
 275, 281—283, 285—286, 289, 310,
 313—316, 320, 322, 328, 331, 339—340,
 372—374, 378
 Панин П. И. 24, 270, 274, 322, 339—340
 Панченко А. М. 248, 297
 Папанелопуло Д. 53, 316
 Парацельс 183
 Пари-Дюверне Ж. де 72, 143
 Пари-Дюверне, братья 196
 Паскаль Б. 114
 Пассано Дж. 141, 177—178, 184
 Пастухов М. 288
 Патю К. П. 62, 70
 Пейссонель Ш. де 287—288
 Пекарский П. 351
 Пеллетье А. 264
 Пелдь, братья 250
 Пенсо П. 89
 Перети В. Н. 212
 Пернети А. Ж. 333
 Перро Ж. 50
 Перро Ш. 174
 Петр I 44, 73, 94, 110, 112, 198, 214, 216,
 218, 220, 238, 242, 246, 272—273,
 328—329, 348—349
 Петр II 238, 259
 Петр III 20, 44, 79, 100, 144, 244, 249, 276,
 300, 311, 325, 335, 348, 352—353, 357,
 360
 Петрович П. 383—384
 Пешт 195
 Пикте Ф. П. 8, 19, 79, 80, 108, 210, 212,
 253, 313, 325, 327, 332, 336
 Пирлинг П. 349
 Пирон А. 56, 63
 Писаревский Г. 80, 207, 211—212, 332
 Платон 112
 Плещеев С. И. 334
 Плещеева Н. Ф. 334
 Полетика М. И. 262
 Поляк А. А. и Н. А. 104
 Помо Р. 196
 Помпадур Ж. А. П. де 19, 50, 99, 160, 242
 Поньрко Н. В. 248
 Попова М. Н. 14, 328
 Порсе Ш. 93
 Потемкин Г. А. 27, 80, 243, 291—292, 294—
 297, 310, 335, 382
 Потоцкий Ст. 334
 Потоцкий Я. 170, 180, 294—295, 329—330
 Прален де Шуазель С. Г. де 227, 315, 332,
 339
 Прево А. Ф. 114
 Прешак Ж. де 114
 Прескопович Ф. 328
 Пропп В. Я. 125, 180, 203
 Псальманаазаар Ж. 236, 309
 Пугачев Е. 212, 244, 246, 300, 308
 Пуле Ж. 170
 Пушкин А. С. 33, 115, 157, 168, 243
 Пыпин А. Н. 334
 Пюизье Л. Ф. де 210

- Радзивилл К. С. 300—301
 Разумовская М. В. 119
 Разумовский А. Г. 52, 310, 328, 353
 Разумовский А. К. 330
 Разумовский К. Г. 330, 353
 Райвес Чайлд Дж. 12
 Райнегтс Я. 294—295
 Ракоци Ференц II 278
 Рамбо 39
 Рамсей А. М. 118
 Ранк О. 158—159, 165
 Ранцау фон 375
 Рапен Д. С. де 210—211
 Рахманинов И. Г. 302
 Ре Ж. де 159
 Ребор Ш. М. 356
 Ревель Ж. 6
 Редерн С. фон 222—224, 233, 372—376
 Рейналь Г. Т. Ф. 32, 64, 91, 227, 298, 332
 Рейффенштейн И. 341
 Ренодо Т. 39
 Реньяр Ж. Ф. де 190—191
 Рео Л. 273
 Респет (Рашет) Ш. Ж. 211
 Ретиф де ла Бретонн Н. 27, 46, 119, 124
 Рец П. де Гонди де 17, 114
 Ржеутский В. 214
 Рибас И. де 8, 214, 300, 336
 Ринальди А. 320
 Рипли Дж. 184
 Ришелье А. Е. де 214
 Ришелье А. Ж. кардинал де 114
 Роб-Грийе А. 203
 Роберти Ж. К. 354
 Робертс 197
 Ровинский Д. А. 273
 Роган де, семья 72
 Роган Л. де 93, 146
 Роде фон 251
 Роджерсон С. 141
 Рокколини В. 327
 Рольваген Ф. 211
 Роман-Купье А. 160
 Ромм Ж. 53, 330
 Роо Ж. 107
 Росетти А. 283
 Росетти И. 283, 285, 290—291
 Росетти М. 290
 Росетти М. Ж. 283
 Росетти Р. 290
 Россиньоль д'Анневиль Ж. Б. 339—340
 Ростан Э. 17
 Рот С. 12, 18, 165
 Ротари П. 24
 Рочфорд Нассау Цюилештейн У. Г. 275
 Румянцев М. П. 281, 297—298, 331
 Румянцев Н. П. 170, 200, 250, 281, 297—298, 331
 Румянцев П. А. 274, 278, 284—286, 301
 Румянцев С. П. 200, 246, 281, 297—298, 302, 331
 Руссе Ж. 158
 Руссо Ж. Ж. 7, 38, 45, 47, 54—55, 57, 61—64, 68, 70, 72—74, 77—78, 83, 90, 94, 105—107, 110, 112—114, 118, 134, 162, 168, 216, 218, 220, 232, 234, 237, 256, 261, 267, 313, 330
 Рюльер К. К. 315
 Савалет де Маньянвиль Ш. 211
 Савойский, герцог 313
 Сад Д. А. Ф. де 5, 123—124, 159
 Сайе Ш. де 211
 Сакен И. Г. фон 315
 Сакс Г. М. де 258
 Салтыков П. С. 155, 190
 Салтыков С. В. 44, 339
 Салтыкова Д. П. 297
 Салтыкова М. П. 339—340
 Сальморанк Т. А. Галльен де 8, 80—81, 244, 327—330, 332, 335—336
 Самаран Ш. 12
 Сантини Г. 341—342
 Сантини (Сакетти) Е. 341
 Сапфо 323
 Саррот Н. 33
 Светлов Л. В. 14, 306
 Свитен Г. ван 283
 Свифт Дж. 130, 202
 Стар Ж. 192, 356
 Севинье М. де 113
 Севиньи де 364
 Сегюр Л. Ф. де 8, 97, 221, 232—235, 252, 296—298, 316, 318, 337—338
 Седен М. Ж. 56, 60—61
 Сенека А. В. 141
 Сенак де Мейян Г. 233, 329
 Сендивогий М. 24
 Сен-Жермен де 8, 19—20, 23—25, 31, 51, 53, 93, 99, 138—139, 141—142, 169—170, 176—178, 244, 265, 365—367, 372
 Сен-Жермен К. Л. де, генерал 253
 Сен-Марк де 340—341
 Сен-Мартен Л. К. де 20, 93
 Сен-Пьер Ш. И. Капель де 114, 237, 267, 276, 350
 Сен-Флорантен 210
 Сент-Бёв Ш. О. 256, 260—261, 288
 Сент-Круа де 119
 Сент-Элен де 322, 326
 Серан А. Л. де 203
 Сервантес М. де 113
 Сетон А. 24
 Сиволап И. П. 81
 Симеон Бекбулатович 246
 Скандерберг 89, 276
 Скудери М. де 123, 337
 Смагина Г. И. 272
 Снетлаге Л. 203—204
 Собеский — см. Ян III Собеский
 Соболевские Е. Б. и Н. И. 105
 Соколова А. И. 214
 Сократ 74, 380
 Соловьев С. М. 20, 242—243, 275, 277, 315, 350
 Сольмс В. Ф. фон 275, 281—282
 Сомов В. А. 112
 Сорель А. 264, 283

- Софокл 169
 Спрентпортен Г. М. 8, 20, 294
 Сталин И. В. 242
 Станислав-Август Понятовский 24, 30, 39,
 41, 255, 271, 296, 301, 310—311, 313—
 314, 322, 362, 373, 383
 Станислав Лещинский 50, 127, 265, 271
 Старобинский Ж. 68
 Старцев А. 306
 Стендаль 27, 157, 159
 Степан Малый 8, 20, 100, 237, 276—277,
 303, 377, 382—383
 Стерн Л. 33
 Строганов А. С. 112, 328
 Строганов П. А. 53, 330
 Строев А. Ф. 20, 55081, 97, 118, 185, 192,
 204, 216, 257, 268, 330, 337, 347
 Струбе (Штрубе) де Пирмонт (Пирмон)
 Ф. Г. 113, 215
 Струве, семья 212
 Струэнсе И. Ф. 375—376
 Суле 84
 Суйе Д. 125
 Сумароков А. П. 82, 225—226, 326
 Сурио М. 253, 256, 258—259, 261
 Сюар Ж. Б. А. 97, 128
 Сюлли М. де 267, 276
- Таан-Биттар Д. 256
 Тансен Кл. А. 123—124
 Тараканова Е. 8, 24, 155, 237, 298, 300,
 305—306
 Гард Ж. Г. де 14, 133
 Тассо Т. 382
 Тассони А. 83
 Татен-Гурье Ж. Ж. 6, 23, 34, 74, 304
 Тевено де Моранд Ш. 31, 46, 61
 Теис М. А. де 141, 147
 Теодор I — см. Нейхоф
 Теплов Г. Н. 255, 271, 288, 322
 Террассон Ж. 118, 130, 186
 Терсье Ж. П. 110, 336
 Тизенгаузен И. А. 212
 Тиретта Э. 60, 138, 144, 162—163
 Тирсо де Молина 159
 Тиссо С. А. А. Д. 61—62
 Толстой Д. А. 226
 Тома А. Л. 130
 Тома Ш. 6, 25, 34, 171, 178
 Топорков А. Л. 14, 306
 Тотleben Г. К. Г. 340
 Тотт А. де 8, 265, 288—289, 339—340
 Тотт Ф. де 8, 339—340
 Тревогин И. 8, 22, 24, 28, 108, 224, 236,
 244, 252, 306—309, 377
 Трелиаковский В. К. 349
 Триер Д. 329—330
 Троншен Т. 74, 380
 Трюден Д. Ш. 267
 Трюден де Монтиньи Ж. Ш. Ф. 267
 Тукалевский В. Н. 141
 Тулон 81, 111, 338
 Турилова С. Л. 266
 Турне М. 259
- Тьеро Н. К. 83
 Тынянов Ю. Н. 40
- Убри Я. Я. 285
 Удар Ж. 196
 Уилкис Дж. 81
 Уильямс Ч. 362
 Уинн (Орсини-Розенберг) Дж. 305
 Уляницкий В. А. 275, 277
 Успенский Б. А. 7, 14, 236, 242, 244, 246,
 248, 349
 Уэллер Р. 64
 Уэри де ла Мот Ф. Ш. 106
- Фабр Ж. 180, 255, 301, 373
 Фальконе Э. 54, 218, 221—222, 232, 272—
 273
 Фарж А. 6, 33—34
 Фашиус И. 208
 Федоров, боярин 246
 Фельтен 313
 Фенелон Ф. де 113, 118, 124, 327
 Феррье Ф. и Ж. 211
 Филлидор Д. А. 115
 Фирсов Н. Н. 255, 271, 288
 Фишер 177
 Фламан Е. Ш. 183
 Флери А. Э. де 127
 Фонвизин Д. И. 24, 38, 41, 57—58, 62, 216,
 286
 Форас Е. А. де 355
 Фосс Ю. 89
 Фотиадес К. 47
 Фрамери Н. Э. 123
 Франк А. 77
 Франциск I 170
 Фрейд З. 14, 33, 133, 144
 Фрерон Э. 83, 219, 336
 Фридрих II 20, 44, 50—51, 53, 72—73, 94,
 97, 114, 145, 197, 204, 210, 223, 242,
 259, 268, 277, 281—283, 296, 301, 311,
 318, 321—322, 331, 333, 348
 Фридрих V, король Дании 98, 365—367
 Фридрих-Вильгельм II 91, 107, 300—303
 Фромм Э. 14, 134, 142
 Фруадкур Ж. де 298
 Фужере де Монброн Л. Ш. 8, 24, 30, 50,
 54, 79, 81—84, 103, 106, 114, 116,
 119—120, 181, 246, 326—327, 336, 353
 Фуко М. 6
 Функ-Брентано Ф. 12, 48, 50, 79, 208, 210
 Фюретьер А. 113
- Хайд М. 196
 Ханджерли К. 290
 Харрефельд Е. ван 265
 Хвостов Д. И. 138, 141—142, 144—145
 Хейзинга Й. 189
 Херасков И. М. 28
 Херасков М. М. 110
 Хигинс А. 259, 274
 Хитрово 315
 Хлодовский Р. И. 147
 Хованский А. В. 155

- Хольберг Л. 130, 141, 147
Хорбен, барон 303
Хостатов 288
Хогинский Н. К. 275
Храповицкий А. В. 44
Худалова А. 106
- Цвейг С. 12, 157
Циммерман И. Г. 44
Цицерон М. Т. 81
- Чаадаев П. Я. 155
Чернышев Э. Г. 270, 322, 328, 339
Чернышев И. Г. 270, 322, 328, 339
Чиоранеско А. 356
Чистов К. В. 14, 38, 242, 244, 246, 249
Чосер Дж. 179—181, 188
Чуди Т. А. де 8, 20, 24—26, 28, 52—53, 79,
82, 111, 185, 327—328, 330, 332, 336,
338—339, 361—364, 372
- Шаль Р. 114
Шампаньоло 334
Шануан 211
Шапп д'Отрош Ж. 320
Шартрская (Орлеанская) Л. Г. 160, 177—
178
Шартье Р. 32
Шаховская Н. 179
Шван Х. Ф. 323
Шеврие Ф. А. 12, 30—31, 50, 56, 104—105,
123—124, 181
Шерер Э. 38
Шеттеуи В. Р. 141
Шиллер Ф. 169
Шишкин А. Б. 349
Шкловский В. Б. 117, 202
Шмит Ж. А. 265
Шокуров 338
Шомели Ж. 77
Штакельберг, семья 212
Штейн, барон 211
Штелин Я. Я. 272
Штрубе — см. Струбе де Пирмонт
Шуази Ф. Т. де 12, 21, 26, 238, 251
- Шуазель Э. Ф. де 44, 51, 71, 289, 312—314,
339, 340, 347
Шувалов А. П. 112
Шувалов И. И. 28, 52—53, 82, 111, 155,
328, 330, 338—339, 361
Шумахер И. Д. 351
- Шепкина-Куперник Т. Л. 18
Щербатов И. А. 351
Щербатов М. М. 112, 216, 235, 308, 342
- Эйлер Л. 50, 219—220, 270
Эко У. 203
Элиаде М. 183
Элиас Н. 14, 56
Эмар М. 14
Эме-Мартен Л. 254, 256
Эмин Н. Ф. 141, 144, 152
Эмин Ф. А. 306
Энгельгардт Л. Н. 251
Энжель Ф. 262
Эннен П. М. 255—256, 327
Эон Ш. д' 8, 12, 20, 25—26, 31, 40, 46—48,
51, 53—54, 60, 73—74, 77—78, 81, 84,
88—89, 108, 110—115, 129, 139, 165,
207, 222, 227—228, 238, 253, 268, 288,
311, 329, 336—339, 349, 354, 357,
385—386
- Эпикур 110
Элине Д. Ж д' 61
Эпине Л. д' 41, 61, 79, 281
Эстре Л. С. д', маршал 356
Эстре П. д' 208, 211
Эфрос А. 262
- Юнг К. Г. 119, 174, 184
Юрфе А. д' 174
Юрфе Ж. д' 26, 77, 139, 142, 144, 146, 163,
165, 172—174, 176—178, 180, 182, 184,
186, 188, 246, 372
Юрфе Л. Ш. д' 174
- Якобсон Р. О. 33
Ян III Собеский 250
Янкевич В. 14, 116—117
Янкович де Мириево Ф. И. 227

Manille.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архивы и библиотеки

- ААН — Архив Академии наук (СПб)
АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
АВПРИ, АД — Административные дела
АВПРИ, ВКД — Внутренние коллежские дела
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ — Российская национальная библиотека (СПб)
СПБОИИ — Санктпетербургское отделение Института Истории Тарту — Библиотека Тартуского университета
ЦХИДК — Центр хранения историко-документальных коллекций
(б. Особый Архив)

- ААЕ — Архив Министерства Иностранных дел Франции (Париж)
ААЕ. СР — Дипломатическая переписка
ААЕ. МД — Мемуары и документы
АН — Национальный архив Франции (Париж).
Amsterdam — Университетская библиотека Амстердама
A Amsterdam — Государственный архив Нидерландов (Амстердам)
Arsenal — Библиотека Арсенала при BNF (Париж)
BL — Британская библиотека (Лондон)
BNF — Национальная библиотека Франции
BPU — Публичная и университетская библиотека Женевы
Le Havre — Муниципальная библиотека Гавра

Периодические издания и книги

- АВ — Архив князя Воронцова, Москва
АК — Архив Куракиных
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ИМЖ — Казанова. История моей жизни. М.: Московский рабочий,
1990
НЛО — Новое литературное обозрение
РА — Русский архив
РВ — Русский вестник

PO — Русское обозрение

PC — Русская старина

СБРИО — Сборник русского исторического общества

СПбВ — Санктпетербургские ведомости

Best. D — Voltaire. Œuvres complètes, Correspondence and related documents, éd. Th. Besterman, définitive. T. 85—135, Genève—Oxford, 1968—1977

BV — Bibliothèque de Voltaire. Catalogue des livres. Moscou; Leningrad: Académie des sciences, 1961.

CL — Correspondance littéraire, éd. M. Tournoux, Paris, 1877—1882 [Nendeln, Kraus Reprint, 1968], 16 vol.

DHS — Le Dix-huitième siècle

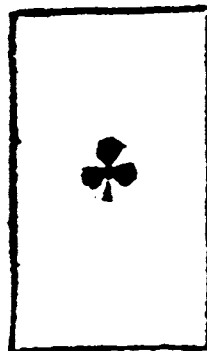
HMV — *Casanova G.* Histoire de ma vie. Paris: R. Laffont, 1993. 3 t.

RES — Revue des études slaves

RHLF — Revue d'histoire littéraire de la France

SVEC — Studies on Voltaire and the Eighteenth century, Oxford, The Voltaire Foundation

Baſte.

В оформлении использованы иллюстрации из книг:

Iconologie. Wien, 1798,

Perau Q.L.C. Les secrets de l'ordre des francsmaçons. Amsterdam, 1745,
Le jeu de l'homme, comme on le joue presentement a la cour et à Paris. Paris,
1713,

Encyclopédie ou Dictionnaire raisonne des sciences, des arts et des métiers.

Recueil de planches, sur les sciences, les arts libéraux, et les arts mécaniques.
Paris, 1762-1771 и других.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

Глава 1

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Лики авантюриста	17
Информационное пространство	32
Щеголи и философы, купцы и короли	56
Вольтер, Руссо и авантюристы	72
Тайна и общественное мнение	92

Глава 2

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Книги в романах и судьбе авантюристов	103
Повествовательные жанры	116
Авантюрист на европейской сцене	132
Литературные мифы (Дон Жуан, Элиц, Фауст, Вечный жид)	157
Литература и алхимия	172
Образцовое государство лотереи	189

Глава 3

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Иностранцы в России	207
Утописты при дворе Екатерины II	215
Как переделать мир. Авантюристы, фавориты и самозванцы	236
Республика авантюристов. Бернарден де Сен-Пьер	253
Политическая навигация. Барон Библиштейн	264
Пространство утопии. Восточный принц	296
Как преуспеть в России. Казанова	310
Служить и прислуживаться	325

Заключение. Авантюрист и время	343
--------------------------------------	-----

Приложения

Путешествие французского литератора из Москвы в Петербург (1745)	347
Барон де Чуди (1756)	361
Граф де Сен-Жермен (1759—1760)	365
Золтыкоф Альтенклинген (1760)	368
Маркиз д'Аржанс (1765)	370
Граф Сигизмунд фон Редерн (1769—1771)	372
Иосиф Абаиси (1771)	377
Степан Заннович (1773—1775)	379
Анахарсис Клоц и певалье д'Эон (1792)	385

Указатель имен	387
Список сокращений	397

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

«ТЕ, КТО ПОПРАВЛЯЕТ ФОРТУНУ»

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

ISBN 5-86793-036-X

9 785867 930363